Дверь в полдень

Вадим Геннадьевич Проскурин

SHOUT
SHARE
IT

- Вадим Геннадьевич Проскурин
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИДОЛ НА СТЫКЕ ВРЕМЕН
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОЛДЕНЬ. ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
  - КОНЕЦ

Вадим Геннадьевич Проскурин
Дверь в полдень

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИДОЛ НА СТЫКЕ ВРЕМЕН

Глава первая

1.

Грибники бывают трех видов. К первому из них относятся деревенские жители, для которых сбор грибов — не развлечение, а промысел. Они отправляются в лес как на работу, их уже в шесть утра можно видеть спешащими к лесу. Грибники первого вида прекрасно знают все грибные места километров на десять вокруг своего дома, до полудня они методично обходят свою охотничью территорию, а когда корзинки, туески и ведерки наполняются настолько, что их становится тяжело нести, грибники направляются к ближайшему шоссе. Там дневная добыча грибника переходит в руки перекупщиков кавказской национальности, которые до вечера стоят на обочине, впаривая грибы проезжающим мимо автомобилистам.

Грибники первого вида обычно одеты в застиранные куртки-энцефалитки, резиновые сапоги и рабочие штаны неопределенного цвета и фасона. Мужики надевают на голову драную и изломанную кепку, бабы — измятый и застиранный платок. По лесу они ходят либо поодиночке, либо компаниями в два-три человека. В лесу ведут себя тихо и уверенно, ходят очень быстро, разговаривают мало, потому что разговоры только отвлекают от дела.

Ко второму виду грибников относятся дачники, рассматривающие сбор грибов как форму проведения досуга, такую же увлекательную, как полив и прополка грядок, вечный ремонт и апгрейд дачных строений, а также неумеренное пьянство по вечерам. Дачники выходят в лес шумными толпами, одеты они во что бог пошлет, начиная от полевой формы без погон и заканчивая джинсами из дорогих бутиков. Дачники часто пренебрегают нормами предосторожности и отправляются в лес с непокрытой головой и в футболке с короткими рукавами (здравствуй, клещевой энцефалит), а бывает, и в тапочках или кроссовках (лучший способ получить в ногу инъекцию гадючьего яда). В лесу дачники ведут себя шумно, бестолково и чаще всего безрезультатно, очень редко они собирают за день больше грибов, чем съедают за один раз. Тем не менее, дачники очень гордятся своими успехами. Поводом для восторга может стать даже единственный подберезовик, найденный за весь день.

Третий вид грибников появился лет пять назад и пока еще встречается очень редко. Грибник третьего вида узнает о грибных

местах в интернетовских форумах и выдвигается на место на собственном автомобиле. Чтобы не заблудиться, грибник третьего вида берет с собой джипиэску, а чтобы не орать «ау» — мобильный телефон. Грибники третьего вида обычно выбираются в лес небольшими компаниями, но бывают среди них и любители бродить по лесу в одиночестве.

Максим Соколов был одним из таких любителей. У него вошло в привычку каждое лето раза два-три выбираться за грибами. За грибами — так он называл это, но на самом деле Максим грибов практически не собирал. Он брал с собой на всякий случай маленькую корзинку и складной нож и если ему вдруг попадался на глаза крепкий толстоногий боровичок, выглядывающий из невысокой травы, Максим его срезал и отправлял в корзинку. А если Максиму не попадалось ничего, он не расстраивался. Он просто гулял.

Максим работал в министерстве образования, в отделе, занимающемся единым государственным экзаменом. Работа Максиму нравилась — с тех пор, как к ЕГЭ проявил интерес лично Путин, денег на ЕГЭ стали выделять из бюджета раза в два больше, а количество народа, эти деньги потребляющего, не изменилось ничуть. Большие начальники строили себе роскошные дачи, а маленькие начальники, вроде Максима, в подчинении которого было всего шесть сотрудников, роскошных дач себе не строили, но жили не бедно.

Максиму было двадцать семь лет, он был холост, с родителями не жил, а снимал однокомнатную квартиру рядом с метро «Ясенево». В его квартире стоял дорогой телевизор с большим плоским экраном, новый компьютер, дорогой музыкальный центр, умеющий проигрывать DVD, а также полный комплект бытовой техники от холодильника и до посудомоечной машины, причем техника была не самая дешевая. Мобильный телефон Максима стоил триста евро, а ездил Максим на «пятерке» БМВ.

Об этой машине стоит рассказать подробнее. Большинство людей, видевших, как Максим из нее вылезает, смотрели на него очень уважительно, но немногие знатоки, напротив, посмеивались. Дело в том, что «пятерка» эта была настолько старая, что под капотом у нее стоял не инжектор и даже не моновпрыск, а самый настоящий карбюратор. Тем не менее, выглядела машина солидно и невзирая на триста пятьдесят тысяч на спидометре и капремонт двигателя в позапрошлом году, двести с гаком лошадиных сил были по-прежнему при ней. Ремонтом Максим практически не занимался, только два раза в год загонял машину на сервис, там ему меняли масло в

двигателе, а до кучи и все остальное, требующее замены. Обычно замены требовало немногое — немецкое качество все-таки. Максим ни за что не променял бы свою машину на годовалую «десятку», стоящую на рынке примерно столько же.

Сейчас бээмвуха Максима стояла на обочине так называемой первой бетонки — кольцевой дороги, окружающей Москву километрах в тридцати от МКАД с внешней стороны. Сам Максим неспешно брел по лесу, наслаждаясь природой. Он шел куда глаза глядят, не затрудняя себя запоминанием маршрута, потому что в кармане его пятнистой военной куртки лежала джипиэска, в память которой Максим час назад загнал координаты своей машины. В корзинке Максима лежала маленькая кучка лисичек, на которых он случайно набрел четверть часа назад. Максим полагал, что больше грибов он сегодня не найдет, но это его не беспокоило. Он просто гулял.

Столб появился перед Максимом внезапно. Дело в том, что Максим случайно забрел в молодой осинник, а когда ты прешься сквозь молодой осинник, все появляется внезапно, потому что видимость в таком лесу не превышает десяти метров. Продираться среди тонких стволов, растущих в полуметре друг от друга, удовольствие ниже среднего, но возвращаться и искать обходную дорогу Максиму не хотелось. В конце концов, какая разница, куда идти?

Приглядевшись, Максим понял, что толстый деревянный столб — вовсе не столб, а статуя, точнее, идол, грубо сработанный истукан, изображающий то ли языческого бога древних славян, то ли плод буйной фантазии какого-то придурка, решившего изваять этакое диво в глубине лесной чащи. Может, здесь сектанты собираются или толкинисты какие-нибудь сумасшедшие?

Нет, непохоже. Вокруг не видно никаких следов того, что здесь недавно бывали люди. В траве не валяется ни окурков, ни пустых бутылок, ни использованных презервативов, ни даже оберток от «сникерсов» и жвачки. Нигде в поле зрения нет ни одного кострища. А кроме того, столб выглядит очень старым. Деревянная колода давно почернела и растрескалась, непохоже, что этого идола изваяли позже, чем лет двадцать тому назад. А двадцать лет назад в этом лесу не могло быть ни язычников, ни ролевиков.

Максим подошел к столбу вплотную и раздвинул ногой траву у его подножия. Он хотел посмотреть, как этот идол здесь оказался — вкопали его в землю или обтесали засохшее дерево, которое росло здесь до того. Но то, что увидел Максим, не подтверждало ни одну из версий.

Максим увидел электронные часы. Сантиметрах в тридцати от подножия столба из земли торчала каменная плита, в которую были вмонтированы электронные часы очень необычной конструкции. Красные светящиеся цифры гласили: 7D48170D372B. На глазах Максима последняя цифра сменилась на C, затем на D, E, F, а потом часы стали показывать 7D48170D3730.

То, что это именно цифры, а не буквы, не вызывало сомнений — Максим хоть и не был профессиональным компьютерщиком, но про шестнадцатеричную систему счисления знал. То, что это были именно часы, тоже сомнений не вызывало — последняя цифра менялась точно раз в секунду. Вот только какой чудак догадался изготовить часы, отсчитывающие в шестнадцатеричной системе счисления секунды неизвестно с какого момента? С сотворения мира, что ли? Максим попытался прикинуть в уме, когда эти часы показывали ноль, но быстро запутался и оставил попытки.

Максим присел на корточки и провел пальцем по плите. То, что с первого взгляда показалось ему камнем, на самом деле камнем не было. Это было что-то вроде пластмассы, твердое и немного скользкое на ощупь. И еще плита была явно теплее, чем окружающие предметы. Ненамного, всего лишь градуса на три, но теплее.

Максим поскреб пальцем панель со светящимися цифрами. На ощупь материал напоминал прозрачную пластмассу, из которой делают экранчики калькуляторов. Когда Максим убрал руку, он заметил, что часы показывают теперь 8D48170E0426. То, что изменились последние цифры, понятно — он минут десять провел, пялясь на загадочный предмет. Но почему изменилась первая цифра?

Ерунда какая-то, подумал Максим, досадливо передернул плечами, встал и пошел дальше. На всякий случай он сохранил координаты странного места в памяти джипиэски, можно будет потом наведаться сюда с друзьями, пусть поприкалываются.

Осинник скоро кончился, Максим вышел на открытое место и обнаружил, что погода начала портиться. Небо, которое раньше было абсолютно чистым, заволокло облаками, где-то вдалеке уже гремел гром. Странно, прогноз погоды обещал солнце и жару до конца следующей недели. Впрочем, нет ничего удивительного, что прогнозы метеорологов не сбываются.

Максим решил, что пора возвращаться к машине. Повинуясь неясному импульсу, он пошел другой дорогой, обходя загадочный осинник стороной. Так дорога получится чуть дольше, но зато по редколесью можно идти гораздо быстрее, чем по чащобам.

Максим рассчитывал пройти обратный путь минут на пятнадцать быстрее, чем он добирался сюда.

2.

Ремблеров мало кто любит, но Гвидон Алиханов их не просто не любил, а ненавидел лютой ненавистью. Это было неудивительно — когда ты девятый год сталкиваешься с ними почти каждый день, трудно заставить себя относиться к ним спокойно и безразлично, как все нормальные люди.

Раньше Гвидон работал в дорожной полиции, но в один прекрасный день управление подмосковной дорожной сетью было полностью передано москомпу и дорожная полиция стала не нужна. В первые месяцы после введения новых правил полицейские отлавливали любителей незаконно переключать свои машины на ручное управление, но прошел год и самые отмороженные гонщики поняли, что как бы ты ни гнал в ручном режиме, на автоматике все равно доедешь быстрее. Ни один нормальный водитель не рискнет пойти на обгон перед закрытым поворотом, а москомп запросто может отдать приказ на подобный маневр. И в самом деле, почему бы не провести обгон в закрытом повороте, если точно известно, что за поворотом встречная полоса свободна? Но чтобы точно знать, что встречная полоса свободна, надо быть не человеком, а суперкомпьютером.

Какое-то время Гвидон тосковал по временам, когда в машинах был руль, а для того, чтобы получить водительские права, требовалось сдавать экзамены. Теперь все стало по-другому, личный автомобиль превратился в извращенную форму такси и не более того. Садишься в кабину, выбираешь на навигационной панели точку назначения, выставляешь уровень срочности поездки, нажимаешь кнопку «старт» и расслабляешься. Машина сама доставит тебя куда надо, а если срочность установлена на максимальный уровень, то на всех перекрестках для тебя будет гореть зеленый свет, а тихоходные грузовики будут съезжать на обочину, уступая тебе дорогу. Только деньги за такое удовольствие берут колоссальные, что, в общем-то, разумно — иначе вся молодежь только так бы и ездила.

Гвидон и сам был еще далеко не стар, ему недавно исполнился шестьдесят один год, но он все чаще ловил себя на том, что стал предвзято относиться к тридцатилетним балбесам. Ничего не поделаешь, молодость проходит, всему, как говорится, свое время. Большая часть жизни еще впереди, но такой остроты ощущений, какая была в молодости, никогда уже не будет.

Когда Гвидон получил уведомление об увольнении из дорожной полиции, он очень расстроился и даже испугался. В том, чтобы жить на пособие, нет ничего позорного, общемировой уровень безработицы составляет около пятидесяти процентов, а по России — примерно семьдесят пять. Быть безработным не позорно, но неприятно, потому что к хорошему быстро привыкаешь. Чтобы оплатить собственный коттедж, не хватит никакого пособия, а переселяться в многоквартирный дом Гвидону не хотелось. И еще ему очень не хотелось прощаться с мечтой оставить потомство.

В принципе, они с Розой уже давно могли завести ребенка. Налог на усыновление очень невелик, оплатить его может даже безработный, если ему помогут друзья или родственники. Но Гвидон хотел, чтобы его сын был его сыном не только по документам, но и по крови, а это гораздо дороже. Дело в том, что у Гвидона были две слабонегативные генетические аномалии, а у Розы всего одна, но очень серьезная. Чтобы их ребенок родился и вырос здоровым, требовалась генетическая операция стоимостью в шестнадцать тысяч мани. Гвидон получал в полиции пятьсот мани в месяц, Роза, работавшая бухгалтером в маленькой фирме — еще триста. Если бы они жили в пятикомнатной халупе на десятом этаже бетонной коробки и питались одной синтетикой, а на работу ездили на чартерных маршрутках, тогда они смогли бы скопить требуемую сумму меньше чем за три года. Но если так экономить, зачем заводить ребенка? Поэтому Гвидон платил триста мани в месяц за пользование землей, на которой стоял их коттедж, и еще сотню мани сжирали два личных автомобиля. Если прибавить расходы на еду и прочие предметы первой необходимости, получалось, что доходы превосходили расходы совсем ненамного. А потом Роза покупала какую-нибудь безделушку и баланс семейного бюджета сходился окончательно.

Когда роту ДПС, в которой служил Гвидон, окончательно расформировали, бюджет их семьи сократился почти вдвое — с восьмисот мани в месяц до четырехсот пятидесяти. Коттедж стал им не по средствам, а накопленные сбережения позволяли протянуть год-другой, но не более.

А потом Гвидону несказанно повезло. Получить работу всего лишь через два месяца после регистрации на бирже труда нельзя назвать ничем иным, кроме как феноменальным везением. Работа, правда, была хреновая, но платили за нее аж восемьсот мани в месяц. Для Гвидона это было настоящее чудо — он всегда считал, что пять сотен для него абсолютный предел.

Гвидона взяли на работу в службу спасения. В желтых новостях очень любят показывать, как бравые спасатели тушат

лесные пожары, отстреливают бобров, спасают заблудившихся в лесу маленьких девочек, снимают котят с деревьев и совершают другие подобные подвиги. Гвидон не был наивен, он полагал, что изнутри будни службы спасения выглядят гораздо прозаичнее, чем снаружи. И он был почти прав.

Почти — потому что увидеть столько грязи не рассчитывал даже он. Статистика происшествий по отдельным регионам не является секретом, с ней может ознакомиться каждый, но нормальные люди стараются не обращать внимания на темные стороны жизни. Но когда ты работаешь в службе спасения, тебе приходится постоянно жить на темной стороне.

Самым тяжелым временем для Гвидона стала первая зима. Он и раньше знал, что зимой многие ремблеры замерзают насмерть, но одно дело знать и совсем другое дело — транспортировать в больницу очередное обмороженное тело, грязное, вонючее и накачанное наркотиками по самое не могу. Или стрелять в лоб обормоту, которому вдруг померещилось, что восемнадцатилетняя глупенькая девчонка на самом деле — страшное чудовище из компьютерной игры, которое надо растерзать на клочки до того, как оно растерзает тебя. Девочку отвезли в больницу, потом Гвидону сказали, что ее удалось спасти, но курс косметического лечения растянется лет на пять.

В середине двадцать третьего века редко кому приходилось убивать людей. Гвидону тогда пришлось это сделать, психиатр потом говорил, что Гвидон пережил потрясение относительно легко, но самому Гвидону так не казалось. Когда на экране домашнего кинотеатра один человек убивает другого, это происходит совсем не так, как тогда, когда убиваешь ты сам. В реальности все гораздо страшнее.

Нельзя сказать, что работа Гвидона состояла исключительно из крови и грязи. Большую часть времени он мирно сидел в дежурке и занимался своими делами, ожидая, когда поступит вызов. Большинство вызовов были пустяковыми. Разогнать пьяную драку, довезти до дому наркомана, наширявшегося до полной отключки, позвонить в мотель и сообщить участникам начинающейся оргии, что среди них затесался несовершеннолетний мальчик… Все эти проблемы решаются легко и быстро, но когда ты занимаешься ими изо дня в день, со временем начинает казаться, что вся жизнь состоит из грязи. Очень трудно привыкнуть к этому.

Со временем Гвидон понял, почему за эту работу платят целых восемьсот мани в месяц. А еще он понял, что полюбил свою новую работу. Но ремблеров он возненавидел.

Все люди разные. Есть более умные и менее умные, более

приспособленные к жизни и менее приспособленные. Есть люди, способные трудиться на благо общества, и есть люди, которым суждено стать балластом. В этом нет ничего несправедливого или жестокого, так устроена жизнь и ничего с этим не поделаешь, на два с половиной миллиарда трудоспособных землян приходится немногим более миллиарда рабочих мест. Все остальные получают пособие — пять мани в день плюс индивидуальные бонусы плюс бесплатное жилье на территории бывших мегаполисов. Бесплатное жилье — это не больше пяти комнат на человека, жить, в принципе, можно, но очень неприятно и унизительно ютиться в маленькой ячейке гигантского муравейника. Уважающий себя человек должен обитать в собственном доме на своей земле.

Если молодой человек изо всех сил старался выбиться в люди, но не смог из-за скудоумия, слабоволия или по какой-то другой причине, в этом нет ничего постыдного. Без проигравших не бывает победителей. Чтобы человечество не выродилось, в обществе должно быть какое-то соревнование, а в любом соревновании обязательно есть те, кто проигрывает. Но когда человек отказывается от состязания добровольно, это ненормально.

Большинство ремблеров составляют откровенные аутсайдеры, балансирующие на грани умственной полноценности, для них бродяжничество — чуть ли не единственный способ приятно провести время. Но иногда среди ремблеров попадаются потрясающе талантливые люди и вот этих людей Гвидон ненавидел больше всего. Он не понимал, как умный и вроде бы порядочный человек может не только добровольно опуститься на дно общества, но находить в этом счастье и, что самое гадкое, тянуть за собой других. Талантливые писатели, певцы и художники изо всех сил убеждают молодежь, что в мире нет ничего важнее свободы, что бродя по дорогам с мешочком героина в кармане, можно заработать не только бесплатную путевку в психушку, но и великое счастье и даже духовное просветление.

Гвидон не был ханжой, он не утверждал, что в наркотиках есть что-то особенно плохое или опасное. Стандартный набор биодобавок, включаемых в синтетическую пищу, делает невозможным физическое привыкание к большинству распространенных наркотиков. А если у человека есть деньги на экзотическую наркоту, то тем более у него есть деньги на экзотические лекарства. В молодости Гвидон пробовал кокаин, около года он употреблял его ежедневно, а потом пришло время делать выбор между наркотиком и нормальной жизнью и Гвидон

выбрал жизнь. Ломка прошла быстро и безболезненно, а через пару недель прошла и психологическая тяга. Но сколько людей, делая аналогичный выбор, выбирают наркотик…

Работа Гвидона по большей части заключалась в том, чтобы спасать молодых придурков с затуманенными мозгами от разнообразных напастей, которым они упорно подвергали свои никчемные жизни. Один посмотрел на себя в зеркало, увидел во лбу третий глаз и попытался высверлить его электродрелью. Другой под кайфом заблудился зимой в лесу площадью в полгектара и едва не замерз. Третий внезапно понял, что умеет летать, и шагнул вниз с балкона шестнадцатого этажа. Четвертый перестал есть, потому что решил тратить все свое пособие на сетевые игры. И всех этих идиотов надо спасать!

Сегодняшний вызов был обычным. На шоссе Подольск — Апрелевка замечен ремблер под кайфом, с грибами в корзине и без коммуникатора. Непосредственной опасности для жизни пока нет, но если человек без коммуникатора уйдет в лес и сожрет там свои грибочки, обратно он может и не вернуться. Для общества потеря невелика, но порядок есть порядок, служба спасения реагирует не только на актуальные угрозы безопасности граждан, но и на потенциальные. Именно поэтому она называется службой спасения, а не службой ритуальных услуг.

3.

Максим почувствовал неладное, когда вышел к дороге. То, что его машина не стояла на обочине, его не смутило — обходя большой овраг, он сильно забрал к востоку и теперь ему предстояло пройти около километра вдоль шоссе. Машина должна стоять вон за тем пригорком, отсюда ее не видно.

Смутило Максима другое. Он не сразу сообразил, что именно показалось ему ненормальным, а когда сообразил, то не поверил своим глазам.

Максим никогда не видел такого асфальта, какой был уложен на этом участке дороги. Идеально ровный, без малейших неровностей или трещинок, он был слишком хорош даже для американских автобанов. Этой зимой Максим провел неделю в Нью-Йорке в командировке по обмену опытом с одним второразрядным американским университетом. В Нью-Йорке дороги были очень хороши, но такого идеального асфальта Максим не видел даже там.

Максим вышел на проезжую часть, присел на корточки и ткнул пальцем в дорожное полотно. Ему вспомнилась дурацкая

реклама «это не нескафе». Это был не асфальт.

Дорога была покрыта тонким слоем твердого, но упругого материала, ощутимо пружинящего под пальцами. Это было больше похоже на резину, чем на асфальт. Шиза какая-то…

Сзади послышалось негромкое отдаленное гудение. Максим обернулся и снова не поверил своим глазам. К нему быстро приближался большой прямоугольный контейнер, вроде грузового железнодорожного вагона, только на автомобильных колесах. Контейнер ехал довольно быстро, километров сто в час, и ехал он совершенно самостоятельно, никакого тягача перед ним не было, а в передней части контейнера не было ничего похожего на кабину с водителем.

Максим замер в нерешительности. Только когда контейнер приблизился метров на двести и гневно забибикал, Максим поспешно отскочил на обочину.

Контейнер резко вильнул, на мгновение выехал на встречную полосу, объехал Максима по широкой дуге и скрылся вдали. Максим смотрел ему вслед, разинув рот.

Шума работающего двигателя слышно не было. Из недр контейнера доносится тихий гул, но так могли гудеть подшипники колес в тяжелой машине, едущей по инерции.

Контейнер скрылся за пригорком. Максим достал сигарету и закурил, его руки чуть-чуть дрожали.

Сделав пару затяжек, Максим полез в карман и достал джипиэску. Из цифр, изображенных на экранчике, следовало, что первая сохраненная точка, то есть, место, в котором Максим оставил машину, находится именно там, где он и полагал — за тем самым пригорком, за которым скрылся самоходный контейнер. Максим пошел по обочине в этом направлении.

По дороге он вытащил из кармана мобильник и прочитал на его экранчике «поиск сети». Это было странно — уже пару лет абсолютно вся московская область входит в зону покрытия МТС. Может, у них авария какая случилась?

Когда Максим поднялся на пригорок и не увидел своей бээмвухи, он почти не удивился. Он уже понял, что дорога, по обочине которой он шел, покрыта необычным резиновым асфальтом на всем своем протяжении. А когда он ехал по ней утром, асфальт был самым обыкновенным, более того, сильно раздолбанным. Вывод напрашивался очевидный, но произнести эти слова очень страшно, даже обращаясь к самому себе.

Можно вернуться к лесному идолу, присесть на корточки перед электронными часами, провести рукой по панели с цифрами, сделать так, чтобы первая цифра снова стала семеркой, и вернуться в привычный мир. Точнее, в привычное время.

Интересно, какой здесь век? Судя по тому, что тот беспилотный грузовик ехал на обычных пневматических колесах, а не летел по воздуху и не телепортировался, вряд ли Максим попал в очень отдаленное будущее. Лет пятьдесят-сто вперед, не больше.

Максим немного подумал и решил не возвращаться к лесному идолу. Такое приключение не стоит заканчивать преждевременно. В конце концов, путешествие в будущее гораздо интереснее, чем прогулка в лесу.

Однако лесная дорога будущего мало чем отличается от лесной дороги настоящего, ничего интересного, кроме беспилотных автомобилей, здесь не увидишь. Чтобы познакомиться с будущим поближе, надо попасть в более обжитые места. Максим прикинул, где должен находиться ближайший населенный пункт, и понял, что пешком до него не добраться. В принципе, можно подождать, когда мимо проедет машина с водителем и попробовать поиграть в автостопщика… Но за десять минут, что Максим топал по шоссе, никто, кроме беспилотного контейнера, мимо него не проехал.

Максим посмотрел на часы и засек время. Если за час не удастся никого остановить, он пойдет обратно к идолу, а в следующую субботу повторит поездку на природу, только на этот раз возьмет с собой велосипед. Тащить велосипед через лесную чащу на своем горбу — удовольствие ниже среднего, но если специально купить складную модель, эта задача становится выполнимой. Или, может, купить мопед… нет, его через лес точно не протащишь.

Максим уселся на обочину и стал ждать. Минут через пять мимо него проехал еще один беспилотный грузовик, только поменьше. На его борту было большими буквами написано WORLD ONLINE. Грузовик не обратил на Максима ни малейшего внимания. А еще минут через пять Максим увидел легковую машину.

Машина была довольно большая, размером с «Волгу», но очень низкая и обтекаемая, с очертаниями как у гоночных «Феррари». Она была вся расписана разноцветными цветочками и бабочками, в центральной части автомобиля вверх выступал обтекаемой каплей пассажирский салон, но окон в нем не было. И еще на переднем бампере не было номера. Бампера, кстати, тоже не было. Хотя при такой раскраске сразу и не разберешь, есть там бампер или нет — в беспорядке разбросанные цветы и бабочки скрывали очертания машины, как камуфляж.

Максим встал и помахал рукой, голосуя. Машина остановилась.

4.

Сара Опанасенко очень любила приключения, друзья даже считали ее немного безбашенной. Но когда тебе всего тридцать шесть, ты зарабатываешь семьсот мани в месяц и живешь одна, ты вполне можешь позволить себе немного приключений.

Сара была менеджером по продажам в компании, торгующей кондиционерами. Она работала по графику сутки через трое и сейчас у нее был первый выходной. Вчерашний вечер и первую половину ночи Сара провела в ночном клубе, а вторую половину ночи — в постели приятного молодого человека, с которым познакомилась в первой половине ночи. На танцполе молодой человек проявил себя куда лучше, чем в постели, и поэтому наутро Сара стерла его данные из памяти своего коммуникатора и вообще пребывала в немного растрепанных чувствах. Сейчас она ехала домой и до того, как ремблер на обочине помахал ей рукой, собиралась, приехав домой, лечь поспать, а проснувшись, позвонить кому-нибудь из старых знакомых и все-таки получить то, чего не смог ей дать тот бестолковый молодой человек… как его звали-то… Альберт, кажется… да, Альберт.

Ей следовало догадаться, что все пойдет не так, еще в тот момент, когда он сел в машину и сказал, что живет в Москве. Нет, Сара не считала, что бедный человек не может быть хорошим, но она понимала, что среди безработных хороших людей гораздо меньше, чем в более высоких кругах общества. Пожалуй, пора завязывать со случайными знакомствами в ночных клубах, пора подумать и о постоянной паре. Тридцать шесть, конечно, еще не возраст, но тем не менее…

Все эти мысли выветрились из хорошенькой головки Сары, когда она увидела стоящего на обочине ремблера. Одет он был в дешевый туристический костюм, стилизованный под военную форму трехсотлетней давности, а в руках у него была корзинка с грибами. Сара подумала, что давненько уже не пробовала грибов. От них, правда, пробивает на глюки, но под такое настроение хороший глюк — как раз то, что надо.

Сара решительно нажала кнопку внеплановой остановки. Сара даже не попыталась предварительно просканировать коммуникатор незнакомца, она никогда так не делала, она считала, что чем больше сюрпризов, тем лучше. В наше просвещенное время маньяков можно почти не бояться.

За те секунды, что незнакомец шел к остановившейся машине, Сара успела проверить, работает ли веб-камера, так что нельзя сказать, что Сара вела себя совсем уж безбашенно.

Незнакомец подошел к пассажирской двери и рассеянно

провел рукой по ее поверхности. Можно подумать, что у него есть ключ! Может, этот странный молодой человек уже скушал свои грибочки? Но выглядит он симпатично, хотя и староват уже, меньше сорока на вид не дашь. Ну и ладно.

Сара нажала кнопку и пассажирская дверь подпрыгнула вверх, подобно крылу взлетающей бабочки. Незнакомец испуганно отпрянул. Сара расхохоталась.

— Садись! — крикнула она. — Подвезу.

Незнакомец осторожно сел в машину. Выглядел он каким-то пришибленным. Сара заглянула в корзинку, увидела там два десятка лисичек и расхохоталась. Это же как надо закосеть, чтобы перепутать псилоцибе с лисичками!

Незнакомец вежливо улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте.

Сара все хохотала и никак не могла остановиться. Стоило ей бросить взгляд в корзинку ее пассажира, как она снова принималась ржать. Только через минуту она чуть-чуть успокоилась.

Она закрыла пассажирскую дверь и возобновила выполнение прерванной программы. Машина плавно тронулась, съехала с обочины и поехала по шоссе, плавно набирая скорость.

— Сара, — представилась Сара и протянула руку для рукопожатия.

Ремблер на секунду замешкался, а потом вдруг перевернул руку Сары ладонью вниз и поцеловал в тыльную сторону кисти.

— Максим, — представился ремблер.

Сара хихикнула.

— Забавный ты парень, Максим, — сказала она. — Куда направляешься?

Максим пожал плечами и задумчиво произнес:

— Да все равно куда. Поближе к людям.

Сара снова хихикнула. И тут ей пришла в голову одна мысль.

— А что, эти грибочки, — она указала в корзинку, — тоже по мозгам шибают?

Максим посмотрел на Сару как на идиотку.

— С чего вы взяли? — спросил он. — Это лисички, они съедобны, но никаких наркотиков в них нет. Они с картошкой очень вкусные.

— С синтетической картошкой пойдут?

— Не знаю, — растерялся Максим. — Никогда не пробовал.

— Не ври мне, — Сара строго покачала пальцем перед лицом ремблера. — Ни за что не поверю, что ты ешь только натуральные продукты. Те, кто ест натуральные продукты, на обочинах не голосуют. Ты, кстати, где живешь?

— В Москве.

— Могла бы и не спрашивать, — констатировала Сара. — Сюда как добрался? Пешком?

— На машине.

— А где она?

Максим пожал плечами и вдруг улыбнулся.

— Не нахожу я ее что-то, — сообщил он.

— А что за машина у тебя была?

— БМВ пятой серии.

Сара никогда не слышала про такую марку автомобилей.

— Какого года? — спросила Сара.

— Девяностого, — спокойно ответил ремблер.

Сара присвистнула.

— Эта рухлядь все еще ездит? — спросила она.

— Утром ездила, — сказал Максим, смущенно улыбнулся и вдруг спросил: — А какой сейчас год?

— Шестидесятый, — удивленно ответила Сара.

И Максим тут же уточнил:

— Две тысячи шестидесятый?

Ремблер выглядел смущенным и растерянным, по его лицу никак нельзя было сказать, что он издевается. Но он точно издевался!

— Две тысячи двести шестидесятый, — уточнила Сара.

Она пригляделась к ремблеру повнимательнее и все поняла. Полный комплект полевой формы двадцатого века, включая высокие ботинки с чудовищно неудобными шнурками, корзинка, вручную сплетенная из каких-то растений… правда, электронные часы на руке выглядят вполне современно, но это еще ни о чем не говорит. Ролевики часто допускают в своем облике анахронизмы, либо не замечают их, либо просто не придают значения.

— Покажи свой коммуникатор, — потребовала Сара.

— Что? — переспросил Максим. — А, коммуникатор… Вот, пожалуйста, только он почему-то не работает.

Максим вытащил из кармана коммуникатор и протянул Саре. Модель была совершенно незнакомая и на вид очень странная. С одной стороны, на клавишах были и латинские, и русские буквы, а значит, коммуникатор был российского производства, но с другой стороны, там, где пишут название производителя, было написано «Motorola» латинскими буквами. Странно, эта фирма давным-давно обанкротилась, про это было в… Сара попыталась вспомнить название фильма, но не смогла.

На экране было написано «Поиск сети». Сара достала свой коммуникатор, он показывал, что сеть доступна.

— Сломался, — констатировала Сара. — Сеть в порядке,

просто он у тебя сломался. По дороге заедем в Наро-Фоминск, купишь себе новый.

— Гм… — сказал Максим и замялся.

— Денег нет? — догадалась Сара. — Ничего, я тебе займу. Проценты отдашь пивом, если захочешь.

— Может, не стоит…

— Стоит. Заблудишься в лесу и что будешь делать тогда?

— У меня джипиэска есть, — сообщил Максим.

— Естественно. Но твой коммуникатор и так уже неисправен, если он сломается окончательно, джипиэска тоже перестанет работать.

— Почему? — удивленно спросил Максим и вытащил из кармана довольно большое электронное устройство.

Сара не сразу поняла, что это джипиэска. Этой конструкции было самое место в антикварной лавке или краеведческом музее. Примитивная модель, даже встроенной карты нет, но какая здоровенная!

— Тоже девяностого года? — ехидно поинтересовалась Сара.

— Две тысячи третьего.

— И все еще работает? — удивилась Сара. — Неужели с тех пор стандарты ни разу не изменились?

— Как видишь, — сказал Максим и пожал плечами.

Сара немного помолчала, а потом спросила:

— Давно в системе?

— В какой системе? — не понял Максим.

— Ну, в вашей, в ролевой.

Максим вдруг засмеялся. Смех его был нервным.

— А что, — спросил он, — у вас много ролевиков?

— У вас — это у кого?

— Вообще. В мире.

— Хватает. А что?

— Так, ничего. — Максим немного помолчал, собираясь с силами, а потом, решившись, произнес: — Сейчас я скажу кое-что странное. Ты, наверное, подумаешь, что я сумасшедший.

Сара почувствовала разочарование. Это было слишком банально.

— Сейчас ты скажешь, что путешествуешь во времени и явился сюда из две тысячи третьего года, — сказала она.

— Из две тысячи четвертого, — уточнил Максим. — Из двадцать третьего августа две тысячи четвертого года.

— Все правильно, сегодня двадцать третье августа, — согласилась Сара. Она взглянула на наручные часы ремблера и добавила: — Только сегодня четверг, а не понедельник.

— С утра у меня был понедельник, — сказал Максим и

вздохнул. — Ты мне не веришь?

Сара отрицательно помотала головой.

Максим вдруг обиделся.

— Смотри, — сказал он и ткнул Саре под нос свою джипиэску. — Вот точка номер два. Хочешь, развернемся и я покажу тебе машину времени?

Он выглядел так, как будто сам верил в то, что говорил. Точно сумасшедший.

— Далеко ехать? — спросила Сара.

— Это километрах в четырех от того места, где ты меня подобрала. Только это в стороне от дороги.

Если бы у Сары была с собой обувь, она наверняка приняла бы это предложение, приключение могло бы получиться забавным. Но Сара ехала из офиса прямо домой, она не собиралась никуда заезжать и потому была босиком.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала Сара. — Я довезу тебя до Наро-Фоминска, оплачу тебе новый коммуникатор и после этого мы распрощаемся.

— Считаешь меня сумасшедшим? — печально осведомился Максим. — А можно я задам совсем идиотский вопрос?

— Задавай.

— Как мне потом доехать обратно?

Сара вздохнула и сказала:

— Хорошо, одолжу тебе денег на такси. Прямо сейчас.

Она надавила на приборной панели автомобиля кнопку связи с москомпом.

— Слушаю, — сказал москомп.

— Я хочу оплатить этому человеку новый коммуникатор и поездку на такси, — заявила Сара.

— Максим, назовите, пожалуйста, дату и место рождения, — попросил москомп.

Максим вытаращил глаза и спросил:

— Откуда он знает, как меня зовут?

Сара почувствовала нарастающее раздражение. Этот парень над ней однозначно издевается, и чем дальше, тем беспардоннее.

— В машине стоит веб-камера и микрофон, — сообщила она.

— Москомп — это компьютер? — спросил Максим. — Суперкомпьютер, который управляет Москвой?

— Ну хоть что-то ты знаешь.

— И он слушает все разговоры всех людей?

— Конечно. Ты так говоришь, как будто раньше этого не знал.

Лицо Максима вытянулось и стало еще более опечаленным.

— Хорошее, блин, будущее, — пробормотал он.

И тут Сара решила, что этот ремблер ее достал.

— Короче! — сказала она. — Назови ему дату и место рождения, я одолжу тебе денег, а потом остановлюсь, ты выйдешь и больше мы с тобой не встретимся. Ты меня утомил.

Максим пожал плечами и сказал:

— Одиннадцатое февраля тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, город Москва.

— Вы умерли четвертого сентября две тысячи десятого года, — сообщил москомп. — Очевидно, ошибка.

— Когда умер? — вскричал Максим. — Отчего?!

— Четвертого сентября две тысячи десятого года, — повторил москомп. — Причина смерти — автокатастрофа. Вы захоронены на Хованском кладбище, участок N149, могила N13. Зафиксировано противоречие. С одной стороны, данные о вашей смерти подтверждаются несколькими независимыми источниками, а с другой стороны, вы сидите в машине, разговариваете, а ваша внешность соответствует изображению, хранящемуся в архиве.

Сара почувствовала, что сходит с ума.

— Соответствует? — переспросила она. — Ты утверждаешь, что этот тип действительно жил и умер двести с лишним лет назад?

— Совершенно верно, — подтвердил москомп. — Ваш маршрутный компьютер перепрограммирован, навстречу вам едет автомобиль службы спасения, через две минуты вы встретитесь. Максим, вы должны будете пересесть в эту машину.

— А если откажусь? — спросил Максим.

— Не советую, — строго сказал москомп. — Да и зачем вам отказываться? У вас в руке устройство джипиэс, я прошу вас поднести его к веб-камере, чтобы я мог прочесть информацию на экране.

— А если я откажусь? — снова спросил Максим.

— Это невозможно.

— Что невозможно? Отказаться? Намекаешь, что меня заставят?

— Если будет нужно, то заставят, — заявил москомп. — Хотя мне будет неприятно принимать такое решение.

Сара внезапно схватила Максима за руку, повернула антикварную джипиэску к себе и бросила быстрый взгляд на ее экран. Максим резко отдернул руку, но Сара успела прочитать цифры. Она тут же произнесла их вслух.

— Дура, — сказал Максим.

— Спасибо, — сказал москомп. — На ваш счет, Сара, перечислена премия в размере ста мани за помощь обществу в чрезвычайных обстоятельствах. До точки рандеву осталась одна

минута.

Максим скорчил зверскую физиономию, открыл рот, но тут же закрыл его, ничего не сказав. А потом вдруг спросил:

— Эту тачку можно перевести на ручное управление?

Сару покоробило, как пренебрежительно он отозвался о ее «Тойоте» Е-класса.

— Можно, — сказала она. — Хочешь сбежать обратно в свое прошлое?

Максим пожал плечами.

— Точно не знаю, — сказал он. — С одной стороны, у вас интересно, но с другой стороны, всем командует компьютер…

Сара поняла, о чем он подумал, и расхохоталась.

— Антиутопий обчитался, — констатировала она. — Я в школе писала сочинение про литературные образы компьютеров в индустриальную эпоху. В ваше время страшно боялись, что искусственный интеллект может захватить власть над миром, но…

Сара не успела договорить, потому что машина затормозила и съехала на обочину. На обочине напротив тормозил полицейский «Форд» в бело-зеленую полоску. Сара дождалась, пока ее машина остановится окончательно и потянулась пальцем к кнопке открытия пассажирской двери, но дверь уже начала открываться сама. Москомп сам открыл дверь, деликатно намекнув Максиму, что дело срочное.

Максим пробормотал нечто неразборчивое, вылез из машины и пошел через дорогу. Он даже не попрощался.

5.

Когда москомп прислал уточняющее распоряжение, Гвидону оставалось ехать до места вызова минут десять. Москомп сообщил, что ремблеру, потерявшему коммуникатор, уже оказывается помощь, он находится в машине, едущей встречным курсом. При встрече обе машины остановятся, ремблера следует пересадить к Гвидону и отвезти… гм… в Барвиху.

Интересно, что нужно от этого ремблера администрации московского региона? Может, он чей-то непутевый сынок? Или кто-то из менеджеров срочно потребовался на рабочем месте и его велено немедленно вытаскивать из мира ролевой игры в реальный мир? Впрочем, гадать нет смысла. Кем бы ни был этот Максим Соколов, он сам все расскажет. А если не расскажет — невелика потеря.

Встречная машина оказалась большой и относительно новой

«Тойотой», безвкусно размалеванной аляповатыми цветочками и бабочками. Гвидон ясно представил себе хозяйку этой машины — молодая девчонка, работает в сфере обслуживания, зарабатывает прилично, мордашка симпатичная, фигурка тоже, по интеллекту — круглая дура, а по душевным качествам — милая и добрая, хотя и излишне романтичная. Когда Гвидон работал в полиции, было у него такое развлечение — угадывать по внешнему виду машины черты характера ее владельца. Ошибался Гвидон крайне редко.

Пассажирская дверь «Тойоты» открылась точно в момент остановки машины, в первое же мгновение после того, как отключилась блокировка. Но ремблер не сразу вылез наружу, секунды две он тормозил.

Выглядел Соколов каким-то пришибленным, должно быть, грибочков уже попробовал. И точно, в корзинке у него остались одни только лисички, все остальное уже сожрал.

Ремблер уселся на пассажирское сиденье полицейского «Форда» и выжидательно посмотрел на Гвидона. Гвидон мысленно скрипнул зубами. Эти твари, когда трезвые, очень трепетно относятся к соблюдению должностными лицами всех положенных формальностей. Если ошибешься в какой-нибудь мелочи, потом замучаешься объяснения писать.

— Гвидон Алиханов, московская служба спасения, четвертый батальон, — представился Гвидон.

— Максим Соколов, министерство образования, отдел единого государственного экзамена, — представился в ответ ремблер.

Гвидону показалось, что в глазах Максима мелькнула ехидная искорка.

Между тем пассажирская дверь захлопнулась, машина тронулась с места, развернулась и поехала на северо-запад. Гвидон краем глаза отметил, что цветочная «Тойота» осталась на месте. В тот момент Гвидон не придал этому значения, потому что ему показалось, что он не расслышал, что именно сказал ремблер. У него были заметные проблемы с дикцией, говорил он как бы с акцентом.

— Какое министерство? — переспросил Гвидон. — Образования? Образования чего?

— Образования вообще, — сказал Максим. — Ну, там, школы, институты, университеты…

Лицо Гвидона приняло непроницаемое выражение. Ему уже не один раз приходилось разговаривать с ролевиками, доигравшимися до настоящего психоза.

— Надо полагать, вы пришелец из прошлого? — спросил

Гвидон.

Максим аж вздрогнул, он явно не ожидал от спасателя такой проницательности. Гвидону стало приятно.

— Совершенно верно, — сказал Максим. — Из две тысячи четвертого года.

Гвидон глубокомысленно кивнул и ничего не сказал. Сейчас пришелец начнет задавать философские вопросы…

— Можно задать странный вопрос? — спросил Максим.

Гвидон еще раз кивнул, сохраняя на лице непроницаемое выражение.

— Москомп — это искусственный интеллект? — спросил Максим.

Еще один кивок.

— А вы не считаете, что искусственный интеллект таит в себе угрозу для человечества? Ну, все эти фантазии насчет бунта роботов…

— Не считаю, — отрезал Гвидон. — А насчет фантазий слазьте в сеть и сразу все поймете, в сети полно статей по этому поводу.

— А вы сами не хотите меня просветить?

— Не хочу, — отрезал Гвидон.

— Почему?

— Потому что моя задача — доставить тебя из пункта А в пункт Б, а все остальное — не моя задача.

Вообще-то спасателям не полагается грубить спасаемым, но когда спасаемый проявляет явные признаки психоза, спасателю многое прощается.

— А что это за пункт Б? — спросил Максим. — Куда мы едем?

— В Барвиху, — нехотя ответил Гвидон. — К твоему папе.

— Разве мой папа еще не умер?

«Точно псих», подумал Гвидон и сказал:

— Тебе виднее.

Максим протянул палец к приборной панели и спросил:

— Чтобы связаться с москомпом, надо нажать вот эту кнопку?

И, не дожидаясь ответа, нажал ее.

— Слушаю, — сказал москомп.

— Мой отец умер? — спросил Максим.

— Да, — ответил москомп.

На лице ремблера появилась торжествующая улыбка.

— Вот видишь! — провозгласил он. — Мы едем вовсе не к моему отцу. Ты мне солгал. Врать нехорошо.

Гвидон глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Меня не волнует, — заявил он, — кто ты такой, кто такой твой отец и какого хрена москомп считает, что ты нужен в

Барвихе и почему тебя нужно туда везти на служебной машине службы спасения. Меня волнует только то, что у меня есть задание, которое я должен выполнить.

— Ревностный служака, — констатировал Максим. — Я думал, за два с половиной века такой тип людей вымрет.

Гвидон промолчал.

— Почему ты так ко мне относишься? — спросил Максим. — Я ничего дурного тебе не сделал, а ты ведешь себя так, как будто ненавидишь меня уже много лет.

И тут Гвидона прорвало.

— А чего ты ожидал, ремблер? — рявкнул Гвидон. — Что я буду перед тобой соловьем разливаться? Хочешь знать правду? Да, я ненавижу таких, как ты, и если ты не совсем дурак, то не будешь спрашивать, за что.

Закончив тираду, Гвидон подумал, что это был перебор, теперь вызов на ковер к начальству ему обеспечен.

Максим не стал показывать себя дураком и спрашивать, за что Гвидон его ненавидит. Он спросил совсем другое.

— А что такое ремблер? — спросил Максим с невинным выражением на лице.

— Иди на хрен, — ответил Гвидон. — Если не знаешь очевидных вещей, возьми сетевой терминал и узнай.

Даже после этих слов Максим от него не отстал. Он потребовал объяснить ему во всех подробностях, как пользоваться сетевым терминалом.

6.

Светлое будущее человечества с каждой минутой казалось Максиму все менее светлым. Прежде всего, из разговоров с местными обитателями явственно следовало, что в будущем полно наркоманов и его, Максима, принимают за одного из них.

Последнее неудивительно. Человек бродит один по лесу, у него нет автомобиля, сотовый телефон не работает, одет человек в не слишком чистый камуфляж, разговаривает странно, элементарные вещи понимает со второго раза. Все понятно — товарищ под кайфом. Набрал товарищ грибочков, галлюциногенные съел, а лисички оставил на закусь.

Садясь в машину к Саре, Максим ожидал, что она очень быстро поймет, что он либо пришелец из прошлого, либо сумасшедший. Но Сара поняла совсем другое — она решила, что перед ней любитель ролевых игр на местности. Надо полагать, подобные развлечения весьма распространены в будущем.

Да и прогресс оказался не таким заметным, как ожидал Максим. В 2260 году люди все еще ездят на автомобилях, пусть даже и с автоматическим управлением. Деньги все еще в ходу и непохоже, что их роль в жизни общества сильно уменьшилась. Появился, правда, искусственный интеллект, но Максим ожидал, что разница между двадцатым и двадцать третьим веком будет куда более заметной.

Этот самый искусственный интеллект огорчил Максима больше всего. Максим много читал научную фантастику, он прочитал, наверное, с десяток книг о будущем, в котором всем заправляет компьютер, и все эти книги были антиутопиями. Ну а то, что компьютер разговаривает вежливо и доброжелательно, ни о чем еще не говорит. При всей своей внешней доброжелательности действует москомп уверенно и жестко. Моментально опознал Максима как пришельца из прошлого, сразу вызвал ментов и сейчас его везут на допрос.

А еще Максима огорчили люди, населяющие мир будущего. Он понимал, что два человека — слишком мало, чтобы делать глобальные обобщения, но все равно неприятно, что первые двое знакомых оказались придурками. Стругацкие были не правы, правы были пессимисты — как бы ни менялось общество, человек остается таким же. Глупенькая шлюховатая девчонка и образцово-показательный полицейский из американского фильма — встретить в двадцать третьем веке именно таких персонажей Максим никак не рассчитывал.

Закончив ругаться с Гвидоном, Максим углубился в изучение местного интернета. Информационные технологии за два с половиной века заметно шагнули вперед. Монитора не было, картинка, которая должна была на нем отображаться, висела прямо в воздухе перед лицом Максима. На коленях Максима лежала виртуальная клавиатура, пальцы ее не чувствовали, но глаза видели очень хорошо. Клавиатура была необычная, буквы размещались в непривычном порядке, а специальные клавиши были совсем другими. Мыши не было, вместо нее по голографическому экрану бегала светящаяся точка, которая всегда указывала туда, куда смотрел Максим. В углу клавиатуры размещались пять специальных клавиш, игравших ту же роль, что кнопки и колесико мыши.

Дорога до Барвихи заняла чуть больше часа. Машина ехала очень быстро, но все-таки ехала, а не летела и не телепортировалась. Максим не ожидал, что в таком далеком будущем транспорт изменится так незначительно.

На то, чтобы разобраться с управлением сетевым терминалом, у Максима ушло минуты две. А потом Максим начал

усваивать информацию о мире будущего. Для начала Максим решил почитать новости.

Новости в интернете будущего выглядели непривычно, сходство с бумажными газетами было утрачено окончательно, новостные сайты двадцать третьего века по дизайну больше напоминали форумы, чем новости. Насколько понял Максим, разместить новость может каждый, но новость, размещенная Васей Пупкиным, вряд ли кого-то заинтересует, а новость, размещенную известным журналистом, прочитают миллионы.

Главной новостью была позавчерашняя катастрофа суборбитального лайнера Нью-Йорк — Киев. Лайнер взлетел из космопорта Гарлем с двумястами пассажирами на борту, успешно поднялся в стратосферу, включил плазменные двигатели и немедленно взорвался с силой около десяти килотонн в тротиловом эквиваленте. Поскольку взрыв произошел в верхних слоях атмосферы, ударной волны не было, да и вспышка была не слишком яркой, но от двухсоттонной машины не осталось ничего, кроме небольшого облачка перегретой плазмы, которое быстро рассеялось.

Некоторые журналисты утверждали, что это мог быть теракт, а в качестве доказательства приводили тот факт, что среди пассажиров погибшего лайнера был один индеец из амазонских джунглей. Какая связь может быть между индейцем и терактом, Максим не уловил.

Также новости сообщали, что туристический рынок переживает очередной спад, что в ближайшее воскресенье в Монголии состоится референдум по вопросу о вступлении в ООН-2, а в Македонии неизвестными лицами была предпринята безуспешная попытка взлома правительственной компьютерной сети. В Румынии произошла большая автокатастрофа. Какие-то компании активно покупают друг друга и выпускают разнообразные облигации. В разделе «новости высоких технологий» заголовки сплошь состояли из абсолютно непонятных терминов. В спортивном разделе обсуждались события на чемпионате мира по стратегическим компьютерным играм — кто-то показал невероятные чудеса, кто-то другой то ли самоуверен, то ли глуп, а кого-то третьего уличили в использовании эвристического программного обеспечения. На узбекско-киргизской границе вводятся усиленные меры безопасности. Союз компаний «Бета» подает в суд на группу журналистов за клевету. В московском региональном парламенте обсуждается вопрос о ликвидации гоночной трассы для ретро-автомобилей, москомп высказался в поддержку этого решения и привел развернутую аргументацию на пятидесяти страницах,

которую никто не понял. Окончательное экологическое оздоровление Туркмении откладывается еще на пятнадцать лет. Парламент Таджикистана в очередной раз официально поддержал международный терроризм. В Узбекистане продолжается расследование экономических махинаций корпорации ЯЛПУ, один из подозреваемых застрелен при подозрительных обстоятельствах. Актер Ока Хусейн отказался сниматься в гомосексуальной эротической сцене. Фильм «Туасесос», снятый в 2227 году, по-прежнему остается лучшим фантастическим фильмом всех времен и народов. В Каракасе состоялась самая массовая публичная оргия за последний год. В африканской стране Нигер парламент отклонил проект закона о традиционных религиозных культах. За прошедшую неделю в мире задержано четыре маньяка, в том числе один сексуальный, ни один маньяк ни одного преступления совершить не успел. В Китае задержана группа лиц, подозреваемых в нарушении авторских прав некоего художника, имя которого не разглашается.

После ознакомления с этими новостями главным ощущением Максима было разочарование. Он ждал от будущего совсем другого. Пусть не такой идиллии, как в «Полдне» Стругацких, но должен же быть хоть какой-то шаг по направлению к всеобщему счастью!

Потом Максим немного подумал и решил, что какой-то шаг все-таки сделан. Политических новостей было немного и касались они только двух регионов — Балкан и Средней Азии. Получается, что на всей остальной Земле все в порядке и писать не о чем — более чем достойное достижение. Неприятно, что терроризм продолжает существовать, но, видать, проблема оказалась куда серьезнее, чем казалось в начале двадцать первого века. Зато четыре задержанных маньяка за неделю во всем мире, причем ни один из них не успел совершить свое преступление — это не просто круто, это очень круто.

Нет, все это очень здорово, но чтобы разобраться в том, как устроен мир будущего, надо ознакомиться с его историей. Максим попытался это сделать, но быстро обнаружил, что найти нужную информацию в интернете двадцать третьего века нисколько не легче, чем в интернете двадцать первого века. На запрос «история мира» интернет выдавал исключительно правила разнообразных ролевых игр.

Когда поездка подошла к концу, Максим не знал о будущем почти ничего.

7.

Леонид Псоев был сильно расстроен, даже, можно сказать, раздосадован. Москомп чудил уже четвертый день. В ночь с пятницы на субботу он затеял интеллектуальный диспут со своим тамбовским коллегой и в течение девяти часов на поддержание этого диалога тратилось более половины вычислительных ресурсов обоих компьютеров. Когда Миша Маврин, дежуривший в тот день, продрал глаза и увидел безобразие, он поинтересовался у москомпа, что происходит, и москомп ответил, что ничего существенного не происходит. В тот же миг диалог между компьютерами прервался, загрузка вычислительных мощностей упала до обычного уровня и все было бы хорошо, если бы москомп не обиделся.

То, что он обиделся, стало очевидным к воскресному утру, когда москомп выдал заключение о бесперспективности дальнейшего существования трассы ретро-гонок. Решение москомпа ликвидировать трассу вполне соответствовало здравому смыслу, но в качестве аргументации был выдан набор гигантских математических формул и многомерных графиков, в которых никто не мог разобраться. Ульяна Михалкова, дежурившая в воскресенье, потребовала обосновать решение более понятно и удобочитаемо формате, москомп думал до вечера и выдал пятисотстраничный неструктурированный текст без единого математического обозначения и даже без единой цифры. Некоторые фрагменты текста были в стихах.

И вот теперь эта история с пришельцем из прошлого. Леонид прекрасно понимал, что произошло. Некий неизвестный товарищ случайно обнаружил свое портретное сходство с неким Максимом Соколовым, жившим два с половиной века назад, и решил устроить из этого забавное развлечение. Добыл где-то древнее электронное оборудование, вырядился под бродягу, заехал подальше в лес и вышел на дорогу, изображая пришельца из прошлого. Эти малолетние придурки готовы пойти на все, лишь бы попасть в желтые новости. Самое противное, что этот псевдо-Соколов не выглядит малолетним, по лицу ему можно дать лет сорок-пятьдесят, а в таком возрасте давно уже пора остепениться. Скорее всего, он просто загримировался, чтобы быть еще более похожим на Соколова.

Москомп рекомендовал доставить Соколова в Барвиху для обстоятельного разговора, а в точке местонахождения машины времени выставить оцепление. Леонид принял первое предложение и категорически отверг второе. Он очень хорошо представлял, что будет ждать полицейских в месте, отмеченном на Соколовской джипиэске как точка номер два. В лучшем случае — скрытая камера, а в худшем — компания гогочущих обормотов,

радующихся, как ловко они одурачили администрацию региона. Леонид не собирался доставлять им такое удовольствие. Сначала он собирался поговорить с тем, кто выдает себя за покойного Соколова, идентифицировать его настоящую личность, а уже потом, если вдруг окажется, что он и в самом деле путешественник во времени… нет, это решительно невозможно! Глупо даже думать об этом.

В дверь комнаты робко постучали.

— Войдите! — крикнул Леонид.

Дверь открылась и в комнату вошли два человека — один постарше, другой помоложе.

— Гвидон Алиханов, служба спасения, — представился тот, кто постарше. — Задержанный доставлен.

— Спасибо, Гвидон, — сказал Леонид. — Вы свободны.

Гвидон вежливо кивнул головой и удалился. Леонид остался наедине с ремблером.

— Присаживайтесь, — сказал Леонид и указал на стул для гостей. — Рассказывайте.

— Что рассказывать? — спросил ремблер.

Голос его слегка дрогнул. Чует, кошка, чье мясо съела. Ничего, сейчас он быстро расколется.

— Все рассказывайте, — сказал Леонид. — С самого начала.

— Я поехал в лес за грибами, — начал ремблер. — В лесу наткнулся на странное сооружение, похожее на электронные часы, только они отсчитывали время в шестнадцатеричной системе…

Леонид решил, что услышал достаточно.

— Поди-ка ты лучше умойся, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал вежливо.

Ремблер захлопал глазами и переспросил:

— Чего?

— Умойся сходи! — рявкнул Леонид и показал на дверь, ведущую в санузел.

Секунды две ремблер смотрел ему в глаза, как будто раздумывая, что делать — дать в морду или сходить умыться. По здравом размышлении он выбрал второе решение.

Когда дверь совмещенного санузла захлопнулась за ремблером, Леонид включил голографический монитор и вывел на него картинку с камеры, расположенной под потолком санузла. Над столом Леонида появилась маленькая копия ремблера, которая задумчиво смотрела на маленькую копию раковины и тихо ругалась. Хорошо играет, подумал Леонид, очень натурально. Настоящий пришелец из прошлого обязательно должен испытать замешательство при виде современной ванной

комнаты. Сейчас он вернется обратно…

Ремблер грязно выругался и вернулся обратно в комнату. Он подошел к столу, оперся на него руками, наклонился к Леониду, так, что их глаза оказались на одном уровне, и гневно спросил:

— Вам что, ничего обо мне не рассказывали? Я не знаю, как работает ваша долбанная сантехника!

— Не горячитесь, — сказал Леонид. — Сохраняйте спокойствие. Пойдем вместе.

Они вошли в санузел вместе и Леонид объяснил ремблеру, как пользоваться краном. Ремблер умылся, обсушил лицо струей теплого воздуха и спросил:

— Так лучше?

Его лицо ничуть не изменилось, грим не смылся. Но это ни о чем еще не говорит, он мог использовать несмываемый грим…

— Не лучше, — сказал Леонид. — Пошли обратно.

Леонид снова сел в кресло, а ремблер — на стул для посетителей.

— Давай начнем с самого начала, — сказал Леонид. — Как тебя зовут по-настоящему?

— Максим, — ответил ремблер. Он немного поколебался и добавил: — Я вижу, вы мне не верите. Честно говоря, мне наплевать, верите вы мне или нет, я просто хотел посмотреть на мир будущего, но, сдается мне, я увидел уже достаточно. Теперь я хочу вернуться обратно в свое время.

— Не понравился мир будущего? — ехидно поинтересовался Леонид.

— Сами-то как думаете? — ответил ремблер вопросом на вопрос. — Из трех человек, что я встретил, все трое — непроходимые тупицы. Не самое симпатичное будущее.

— Хорошо, — сказал Леонид. — Возвращайся. Иди и возвращайся.

— Но как? Вы меня увезли за сто с лишним километров от точки перехода. Чтобы вернуться в прошлое, мне надо вначале вернуться к точке перехода и только тогда…

— Вот и возвращайся, — перебил его Леонид. — Как хочешь, так и возвращайся. Не хочется сто километров пешком топать?

— Не хочется, — согласился ремблер.

— Тогда рассказывай. Как тебя зовут по-настоящему, кто еще участвовал в этой шутке…

— Это не шутка, — вставил ремблер.

Леонид рассвирепел.

— Вон! — заорал он. — Вон отсюда! И не возвращайся, пока не поумнеешь!

Ремблер пожал плечами и вышел из комнаты.

Леонид открыл консоль и нажал несколько клавиш. Над столом появилась маленькая копия ремблера, стоящая в коридоре и растерянно озирающаяся. Посмотрим, что он теперь будет делать, насколько хватит его решимости продолжать этот спектакль.

У Леонида так и не возникло мысли, что сегодняшние события могут не быть спектаклем.

8.

Полосатый полицейский «форд» развернулся и помчался на запад. Сара проводила его взглядом, открыла информационную консоль и занялась делом.

В первую очередь она выяснила, где находится ближайшее место, в котором можно купить туристический комбинезон и ботинки. Она рассчитывала, что придется ехать в Москву, но, к ее большому удивлению, магазин, торгующий подобной продукцией, обнаружился в Апрелевке. Сара решила, что это божий знак.

Сара нажала кнопку возобновления поездки, машина выехала на дорогу и поехала на запад с крейсерской скоростью сто двадцать километров в час. Сара связалась с дежурной продавщицей того магазина и сделал заказ. Продавщица заверила ее, что товар можно забрать немедленно, Сара, в свою очередь, заверила продавщицу, что приедет как только, так сразу.

Сара немного поколебалась и переключила машину на спортивный режим. Скорость начала быстро возрастать. Многие считали Сару дурой, но она была не настолько глупа, чтобы не понимать, что через час-другой вокруг машины времени будет выставлено оцепление и если она хочет увидеть машину времени своими глазами, ей нужно поторопиться. Четыре мани — не слишком высокая цена за то, чтобы вовремя прибыть на место.

Через десять минут «Тойота» Сары стояла на стоянке перед магазином. Сара забрала комбинезон и ботинки и поехала обратно. По дороге она переоделась, при этом обнаружилось, что она забыла купить носки, но Сара решила, что сойдет и так. Она решила не возвращаться, ей очень хотелось посмотреть на настоящую машину времени, пока это еще возможно.

Дорога до места, обозначенного на джипиэске Максима как вторая сохраненная точка, заняла больше часа. Сара быстро поняла, что за носками стоило вернуться — тяжелые ботинки из толстой искусственной кожи немилосердно натирали ноги. Мало того, что педикюр придется обновлять, так еще и мозоли

вдобавок надо будет залечивать. Но не возвращаться же из-за такой мелочи!

Когда Сара прибыла на место, она заметно прихрамывала. Ноги болели при каждом шаге. А когда Сара увидела, где именно находится машина времени, она всхлипнула и нецензурно выругалась.

В том месте, координаты которого были отображены на джипиэске Максима, росла очень густая чаща молодых деревьев с тонкими стволами. В такой чаще можно гулять целый час и так и не найти эту чертову машину времени. Можно пройти в шаге от нее и ничего не увидеть.

Сара была уже готова возвращаться обратно, как вдруг увидела, что в одном месте высокая трава заметно примята. Если Максим прошел здесь…

Сара не стала додумывать эту мысль до конца, она привыкла не думать, а действовать. Она подошла к месту с примятой травой и обнаружила, что вглубь леса уходит едва заметная тропинка. Сара пошла по тропинке, протоптанной то ли Максимом, то ли черт знает кем, и уже через две минуты стояла перед идолом.

Сара скользнула беглым взглядом по идолу, а потом ее внимание привлекла плита с цифрами и буквами, растущая из земли у подножия идола. Цифры и буквы последовательно менялись и Сара решила, что это электронные часы неизвестной конструкции. Кто его знает, какие у них в будущем бывают цифры… Хотя нет, Максим говорил, что пришел из прошлого…

Сара досадливо передернула плечами и оборвала мысль. Она не любила долго думать об одном и том же.

Сара огляделась по сторонам. След, который привел ее сюда, обрывался. На всякий случай Сара немного пошарила по кустам, но не обнаружила больше ничего, похожего на машину времени. Значит, эта самая плита с нелепыми цифрами и есть машина времени. Сара пожалела, что не взяла с собой фотоаппарат. Никто не поверит ей, что она своими глазами видела такое диво. Жаль.

Сара провела рукой по панели с цифрами и ощутила под пальцами обычное органическое стекло. Разочарованно вздохнула, выпрямилась и заковыляла обратно к машине.

9.

Выйдя из кабинета большого босса, Гвидон с трудом удержался, чтобы не плюнуть на пол. Правильно говорят, что чем больше у человека власти, то тем поганее он становится. Вот ведь

гад, даже не представился, кивнул, как пустому месту и говорит «вы свободны». Мог бы уделить и побольше внимания, особенно если учесть, что перевозка всяких придурков с места на место в функции службы спасения не входит и никогда не входила. Вытащить идиота из леса, пока не заблудился — это одно, а тащить его за сто с лишним километров только для того, чтобы большая шишка могла с ним поговорить — это уже совсем другое. Может, жалобу на него написать…

Гвидон вышел на улицу и взгляд его уперся в летнее кафе. Гвидон связался с офисом, убедился, что в ближнем Подмосковье не произошло никаких чрезвычайных происшествий, выходящих за рамки обычной статистики, и сказал, что хочет пообедать. Лена Галибина, дежурившая в офисе, пожелала ему приятного аппетита и пообещала не беспокоить его в ближайший час.

Гвидон заказал салат из капусты с огурцами, борщ со сметаной, котлеты с картофельным пюре и двойную порцию сока. Вся пища была синтетической, это немного удивило Гвидона, он полагал, что администрация региона может позволить себе более изысканные кушанья. Но потом, немного поразмыслив, Гвидон решил, что в этом кафе питается младший обслуживающий персонал, а боссы ходят обедать в какое-то другое заведение.

Гвидон уселся за столик и стал ждать заказ. Молоденькая и очень симпатичная чернокожая официантка принесла еду минуты через три, Гвидон только-только успел докурить сигарету. Гвидон быстро расправился с салатом и перешел к борщу, как вдруг в его поле зрения нарисовался тот самый ремблер.

Ремблер уселся напротив Гвидона и начал говорить, быстро и напористо:

— Послушайте, Гвидон, вы ведь из службы спасения, правильно?

Гвидон молча кивнул, не отвлекаясь от пережевывания куска мяса.

— Тогда вы должны мне помочь, — продолжал ремблер. — Я сыт по горло вашим чертовым будущим, мне все надоело, я хочу вернуться обратно. Довезите меня до того места, где меня подобрала Сара, мы расстанемся и я больше не буду вам докучать. Я знаю, вы не верите, что я пришелец из прошлого, москомп меня признал, но вам наплевать…

— Что? — переспросил Гвидон. — Москомп тебя признал?

— Да, москомп подтвердил, что я тот самый Максим Соколов, который родился в 1977 году и умер в 2010. Он еще очень удивился, обнаружено, говорит, противоречие, но все косвенные данные соответствуют. В архивах сохранились мои фотографии из того времени, москомп их проверил и согласился, что я — это я.

Гвидон опустил ложку в тарелку, достал из кармана коммуникатор и связался с москомпом.

— Слушаю, — сказал москомп.

— Передо мной сидит человек, который утверждает, что он пришелец из прошлого, — сообщил Гвидон.

— Его слова очень легко проверить.

— Как?

— В архивах сохранились отпечатки пальцев Максима Соколова. У вас есть с собой сканер?

— Есть, — медленно произнес Гвидон. — В машине.

— Я рекомендую вам доесть, а потом взять у Максима отпечатки пальцев. Если они совпадут, сомнений не останется.

— Хорошо, — сказал Гвидон, — спасибо.

И нажал кнопку завершения разговора.

Некоторое время Гвидон оценивающе изучал Максима, а потом, неожиданно для самого себя, кратко, но емко выругался. Максим удивленно приподнял брови.

— Идиоты, — констатировал Гвидон. — Знаешь, Максим, иногда мне становится стыдно за мир, в котором я живу. Подавляющее большинство населяющих его людей — абсолютные и беспросветные идиоты.

— Москомп подтвердил мои слова? — поинтересовался Максим.

— Не совсем. Сейчас я доем… Подожди, ты ведь наверняка голоден!

Максим смущенно пожал плечами.

Гвидон подозвал официантку и заказал еще один обед для Максима. Смазливая негритянка покосилась на Максима с вялым интересом. Небось думает, кто такой — родственник или гей-партнер, подумал Гвидон с неудовольствием.

— Минуты через три принесут, — сказал Гвидон Максиму. — Мы поедим, а потом пойдем ко мне в машину и я сосканирую твои отпечатки пальцев.

— Точно! — воскликнул Максим. — В феврале я летал в Америку, а там после того теракта с самолетами стали брать отпечатки пальцев у всех иностранцев. Если в архивах сохранились даже мои фотографии, то эти отпечатки — тем более. У американцев такого бардака, как у нас, не бывает.

— Бардак везде бардак, — философски заметил Гвидон. — Как тебе наш мир?

Максим пожал плечами и осторожно сказал:

— Честно говоря, я ожидал большего прогресса.

Гвидон хмыкнул.

— Ты из какого времени? — спросил он. — Начало двадцать

первого века, по-моему? А ты в курсе, что открыто потенциальное бессмертие?

Максим перестал жевать и вытаращил глаза.

— Какое бессмертие? — переспросил он.

— Потенциальное. Люди больше не стареют. Если не принимать наркотики и вести здоровый образ жизни, развитие организма останавливается на сорока — сорока пяти годах биологического возраста, вредные привычки добавляют к биологическому возрасту еще лет пять. Вот мне ты сколько дашь?

— Тридцать семь, — предположил Максим.

— Шестьдесят один. В цивилизованных районах средняя продолжительность жизни составляет сто десять лет.

— А потом? Организм все-таки стареет, только медленно?

— Нет, — покачал головой Гвидон. — Самая частая причина смерти — несчастный случай, на втором месте самоубийство. От других причин умирают очень редко, процентов пять всех смертей, не больше.

— Круто, — сказал Максим. — У вас, наверное, страшные проблемы с демографией. Если люди живут до ста с лишним лет и все время размножаются…

Гвидон грустно скривился.

— У нас другие проблемы, — сказал он. — Население Земли сокращается. В твое время сколько людей жило на Земле?

— Миллиардов шесть, по-моему.

— А сейчас два с половиной. Люди не хотят размножаться. Вот мы с Розой женаты семь лет, а ребенка никак не заведем. В ваше время генетический кризис уже был?

Максим пожал плечами:

— Что-то такое говорили…

— Все происходило постепенно, — сказал Гвидон. — Вначале прекратился естественный отбор, детская смертность упала почти до нуля, те, кто раньше уходил в отбраковку, стали жить и размножаться. Генетические отклонения накапливались, больных детей становилось с каждым годом все больше и настал момент, когда здоровые дети стали редкостью.

— Это как раз у нас, — сказал Максим. — Только никто не думает, что это генетический кризис, все грешат на экологию.

— Экология тоже внесла свою лепту, — согласился Гвидон. — И еще локальный бум потребления наркотиков. Но корень проблемы был в генетике. Сейчас ученые говорят, что генофонд человечества очищен на тридцать пять процентов, но большинство людей могут зачать здорового ребенка только с помощью генетической операции. Можно, конечно, провести усыновление, ну, то есть, подсадить донорскую яйцеклетку от

здоровой пары, но это не то.

— Так оно всегда и бывает, — сказал Максим. — Одни проблемы уходят, другие приходят. А что такое цивилизованные районы? Разве у вас еще остались дикие места?

— Остались. В диких местах не действуют общечеловеческие законы, не принимаются мани, не работает система контроля преступности и никто не гарантирует соблюдение прав человека. В диких местах разрешен терроризм, хакерство, всякие другие извращения… но только в отношении цивилизованного мира, разумеется. Сейчас диких мест уже мало. Центральная Азия, Центральная Африка, Амазонские джунгли и все. А когда я был ребенком, весь Ближний Восток был диким.

— Я думал, в ваше время мир уже будет един, — заметил Максим.

— Ты немного не рассчитал, — улыбнулся Гвидон. — Но ждать осталось недолго, я думаю, что доживу до этого времени.

Обед к этому времени был уже доеден и разговор продолжался на пути к машине. За время короткого путешествия Максим узнал, что вокруг Земли вращается крупный астероид, приспособленный под орбитальную станцию. Отбуксировать астероид на околоземную орбиту оказалось дешевле, чем доставлять стройматериалы с Земли.

10.

Отпечатки пальцев Максима в точности совпали с имеющимися в мировой базе данных.

— Что мне теперь делать? — спросил Гвидон. — Снова доложить этому… гм…

— Придурку, — закончил фразу москомп. — Не вижу смысла. Он очень расстроится и из-за этого не сможет принять правильное решение. Я уже доложил другому человеку, он сейчас думает.

— А ты сам что думаешь по этому поводу? — спросил Максим.

— Пока ничего определенного, — ответил москомп. — Чтобы принять решение, я должен узнать, что представляет собой машина времени.

Максим кратко описал электронные часы у подножия идола. Москомп внимательно его выслушал и спросил:

— Максим, вы собираетесь остаться у нас навсегда?

Максим почувствовал, как внутри у него что-то екнуло.

— А что, решение надо принимать прямо сейчас? — спросил он.

— Боюсь, что да, — ответил москомп. — Я полагаю, в ближайшие часы зона перехода будет изолирована. Надо провести ряд экспериментов и нельзя исключать, что машина времени будет повреждена. Если вы хотите вернуться обратно, сейчас самое время.

Это было неожиданно. Хотя, если вдуматься, ничего неожиданного не было. С чего Максим взял, что в будущем будут ему рады? И с чего он взял, что ему позволят шастать из одного времени в другое, пока не надоест? Если бы Максим рассказал о машине времени в своем родном мире, было бы то же самое. Вначале все считают его глупым шутником, а потом те, кто принимает решения, понимают, что это не шутка, и тогда машину времени окружают колючей проволокой и начинают изучать. Почему Максим решил, что в будущем все будет иначе? Надо Стругацких меньше читать.

— Я могу взять с собой что-нибудь на память? — спросил Максим. — Энциклопедию какую-нибудь…

— Можете, — сказал москомп. — Но копирование информации на устаревший носитель займет несколько дней. Если вы хотите унести в прошлое информацию о будущем, я рекомендую взять с собой переносной компьютер. Но тут есть маленькая проблема.

Максим сразу понял, что это за проблема.

— У меня нет ваших денег, — сказал он.

— Точно, — согласился москомп. — А я не имею права делать людям подарки.

— Ты можешь выписывать премии, — подал голос Гвидон.

— Максим считается официально умершим.

— Можешь выписать премию мне.

— Только до тысячи мани включительно.

— Ноутбук старой модели столько и стоит.

— На него надо еще залить энциклопедию… — москомп сделал короткую паузу. — Ладно, уговорили. Гвидон, на ваш счет переведена одна тысяча мани за особые заслуги перед человечеством. Ближайший подходящий ноутбук нужного класса продается в Москве, в Теплом Стане. Если вы позвоните продавцу прямо сейчас, попросите его залить в память энциклопедию, и он успеет это сделать за то время, пока вы к нему едете, то вы успеете. На все про все у вас полтора часа. Если я не получу явного запрета, я предупрежу вас, если обстановка изменится. Приступать?

— Приступай, — сказал Гвидон.

— Соединяю с продавцом…

— Подожди! — крикнул Максим. — Один вопрос. Почему ты

мне помогаешь?

Москомп хихикнул, совсем как человек.

— Потому что мне интересно, — сказал он.

Глава вторая

1.

Все путешествие (вначале в Теплый Стан, а потом к идолу) заняло один час двадцать три минуты. По истечении этого времени Максим и Гвидон стояли перед деревянным истуканом, в левой руке у Максима была корзинка с лисичками, а правую оттягивала сумка с ноутбуком.

Ноутбук был маленький, но очень тяжелый, весил он килограммов семь, если не больше. Он совсем не походил на ноутбуки начала двадцать первого века, это была небольшая металлическая коробка, которая во включенном состоянии формировала в пространстве трехмерный голографический экран и голографическую клавиатуру. Москомп заверил Максима, что напряжение в сети за прошедшие века ничуть не изменилось и ноутбук будет работать от обычной электрической розетки. Также внутри ноутбука находился автономный источник питания, позволяющий компьютеру непрерывно работать пять суток без подзарядки.

— Там сверхпроводящий аккумулятор, — сказал Гвидон. — В твоем времени их не было. Ни в коем случае не пытайся его разобрать, рванет так, что мало не покажется. Корпус аккумулятора очень прочный, вскрыть его непросто, но если очень захотеть, то можно. Но тогда аккумулятор рванет. И еще он может рвануть, если его положить в костер или сбросить с большой высоты.

— Не буду сбрасывать, — пообещал Максим. — И в костер класть тоже не буду.

Некоторое время они молча стояли, созерцая красные буквы и цифры, неутомимо отсчитывающие секунды на пути из прошлого в будущее.

— Я пойду, — сказал Максим. — Тебе лучше отойти подальше, если не хочешь попасть со мной в прошлое.

Гвидон немного поколебался, а затем вытащил коммуникатор, нажал две кнопки, дождался ответа и произнес в трубку:

— Я на месте. Все в точности так, как говорил Максим. Мне возвращаться? Спасибо.

Гвидон набрал на коммуникаторе еще один номер, на этот раз девятизначный, и на этот раз сказал следующее:

— Роза, я уеду на некоторое время, может быть, даже на

несколько дней. Да, по делам. Мой коммуникатор отвечать не будет, но ты не беспокойся. Потом расскажу. Счастливо.

Гвидон убрал коммуникатор и озвучил то, что Максим и так уже понял:

— Москомп разрешил тебя проводить.

— Тогда поехали, — сказал Максим и ткнул пальцем в красную восьмерку на табло.

Восьмерка стала девяткой.

— Твою мать, — констатировал Максим.

После второй попытки девятка превратилась в букву А и только с третьего раза Максим уловил движение, в результате которого цифра не увеличивалась, а уменьшалась. Когда первая цифра, наконец, стала семеркой, Максим почувствовал, что его прошиб холодный пот. Хорошее приключение могло получиться, если бы оказалось, что машина времени умеет перемещать только в будущее, а обратной дороги нет.

— Вот и все, — сказал Максим. — Если я правильно понимаю, мы снова в 2004 году. В смысле, я снова. Пойдем?

— Пойдем, — согласился Гвидон.

И они пошли.

2.

Гвидон шел по лесной тропинке, уткнувшись взглядом в пятнистую спину Максима, мерно раскачивавшуюся в такт шагам. Гвидон чувствовал себя странно. Как-то странно он себя вел — вначале подарил тысячу мани человеку, с которым только что познакомился, а потом увязался в крайне сомнительное предприятие. Повидать давнее прошлое человечества, конечно, очень интересно и познавательно, но чем больше Гвидон об этом размышлял, тем меньше ему нравилось приключение, в которое он ввязался.

— Слушай, Максим, — сказал Гвидон, — наши деньги у вас ведь не действуют?

— А я-то откуда знаю? — ответил Максим вопросом на вопрос. — Наверное, не действуют. Но ты не волнуйся, я тебе дам, сколько надо. Я человек не особенно богатый, но и не бедный.

— У вас вроде бы документы надо с собой везде носить…

— Ерунда, — отмахнулся Максим. — Теоретически, гаи могут на посту документы проверить, но при мне у пассажира еще ни разу не проверяли. Прорвемся.

— Мое разрешение на оружие у вас недействительно, — добавил Гвидон.

Максим вздрогнул и остановился.

— Какое оружие? — спросил он, обернувшись.

— Стандартный бластер. Может стрелять обычными и разрывными пулями. Разрывные пули взрываются примерно как ваши гранаты.

Максим промычал что-то нечленораздельное и потопал дальше.

Минуты через две Максим остановился и проверил коммуникатор. Оказалось, что он работает. Гвидон тоже проверил свой коммуникатор, он не работал. Впервые в жизни Гвидон ощутил странное чувство не то чтобы одиночества, но какой-то потерянности, оторванности от дома. Гвидон впервые оказался в таком месте, из которого нельзя даже позвать на помощь. Наверное, то же самое чувствовали агенты ООН-2, выполнявшие секретные задания в диких местах. Хотя нет, их коммуникаторы работали через спутниковую связь…

Машина у Максима была черная и довольно большая, даже немного больше, чем служебный «Форд» Гвидона. Сзади торчал номерной знак, совсем как в старых фильмах, Гвидон вспомнил, что спереди должен быть второй номерной знак.

Максим извлек из кармана связку ключей и нажал кнопку на брелке. Машина дважды пискнула и помигала габаритными огнями.

— Садись, — сказал Максим. — У меня центральный замок на передних дверях.

Гвидон не сразу сообразил, как открывается пассажирская дверь, некоторое время он бестолково дергал за ручку, но в конце концов забрался в машину, захлопнул дверь, окинул взглядом приборную панель и охнул.

— Как ты со всем этим управляешься? — задал он риторический вопрос.

Максим пожал плечами.

— Это не так уж и сложно, — сказал он. — Вначале надо учиться месяца два, а потом, когда привык, все делаешь на автомате, даже не замечаешь, куда руль повернул и какой рычаг дернул.

— Вот эта штука, — Гвидон ткнул пальцем, — это рычаг переключения передач?

— Он самый. А это ручной тормоз.

— Не тяжело все время следить, какая передача включена?

— Ерунда, — отмахнулся Максим. — К этому быстро привыкаешь.

Максим немного поколдовал с рычагами, один из них издал громкий треск и машина слегка дернулась. Далее Максим

вставил ключ в замок справа от руля, повернул его, приборная панель осветилась лампочками, стрелки на приборах зашевелились, машина на секунду взревела, а затем ровно заурчала. Почти все лампочки погасли.

— Бортового компьютера тут нет? — спросил Гвидон.

— Нет. Это старая модель, ей уже четырнадцать лет.

Мимо проехал большой грузовик. Ехал он медленно, но издавал жуткий рев, а из-под днища вырывались клубы выхлопных газов.

— У вас плохо пахнет около дорог, — заметил Гвидон. — Двигатели внутреннего сгорания портят воздух.

— Ты еще в центре Москвы не был, — ухмыльнулся Максим. — А я однажды был там, когда торфяники горели…

— Торфяники? В центре Москвы?!

— Нет, торфяники к востоку от Москвы, они каждое лето горят, а если лето жаркое, они горят сильно и всю Москву накрывает дымом. В центре Москвы и так дышать нечем, а когда еще дым… просто ужасно!

Произнося эти слова, Максим щелкнул рычажком на руле (на панели начала мигать зеленая лампочка), вывернул руль до отказа и сделал сложное движение рычагом переключения передач. Машина тронулась с места, поехала и развернулась, зацепив одним колесом встречную обочину.

Древняя машина разогналась очень быстро, не хуже современного автомобиля. Гвидону даже захотелось посидеть за рулем, но он отогнал от себя эту мысль. Несколько занятий уйдет только на то, чтобы освоить переключение передач, а до тех пор нечего и думать выехать на реальную дорогу.

Дорога была узкой, а асфальт неровным, машину сильно трясло. Вскоре они догнали грузовик и целых шесть минут (Гвидон засек время по часам) Максим не мог его обогнать. Встречный поток был очень плотным, Максим раз двадцать высовывал нос своей машины из-за дымящей задницы грузовика, но каждый либо навстречу шла другая машина, либо впереди был поворот.

— Централизованное управление трафиком — великая вещь, — заметил Гвидон.

— Это точно, — согласился Максим. — Чтобы у нас ездить, тебе долго учиться придется.

— Не уверен, — сказал Гвидон. — Я, вообще-то, умею ездить на ручном управлении, только в наших машинах передачи переключать не надо.

— Автомат? — спросил Максим.

— Какой автомат?

— Ну, коробка автоматическая. Коробка передач, я имею ввиду.

— Нет, в наших машинах передач нет, они с электромоторами, там передачи не нужны.

— У нас тоже есть электромобили, — сообщил Максим. — Только они маломощные и заправляться должны каждые пятьдесят километров.

— Естественно, — сказал Гвидон, — без сверхпроводящего аккумулятора электромобиль — вещь бестолковая и ненужная. Электромобили распространились только в начале двадцать третьего века. У моих родителей, когда я родился, обе машины были бензиновыми.

— Я где-то читал, — сказал Максим, — что запасы нефти должны были истощиться гораздо раньше.

— Они и истощились. Бензин стали делать синтетическим путем, вывели бактерию, которая жрет дерьмо и выделяет бензин. Ну, не обязательно дерьмо, а мусор, отходы всякие… Есть еще другая бактерия, которая спирт делает.

Максим хихикнул.

— Надо было мне ее с собой захватить, — сказал он. — Я бы миллионером стал.

— А это правда, что в вашем времени много бандитов? — спросил вдруг Гвидон.

— Этого добра у нас хватает, — согласился Максим и почему-то поскучнел.

Они немного помолчали, а потом Гвидон спросил:

— Что ты будешь делать с ноутбуком? Продашь какой-нибудь компании?

— Пока не знаю, — ответил Максим. — Не думал еще над этим. У меня сейчас только одно желание — купить ящик пива, выпить половину, потом почитать энциклопедию из твоего времени, а потом выпить вторую половину. Надо полагать, впечатлений хватит.

Машина замедлила движение. Гвидон посмотрел вперед и увидел перекресток с круговым движением. Раньше такие перекрестки он видел только в фильмах.

Они повернули налево и выехали на более оживленную трассу. Автомобили шли сплошным потоком, некоторые водители сильно нервничали и пытались обгонять впереди идущих, прыгая из ряда в ряд. Как правило, у них ничего не получалось.

— Странное у вас движение на дороге, — заметил Гвидон. — Вон та зеленая машина — куда она лезет?

— Нет страшнее машины, чем зубила с тонированными стеклами, — пояснил Максим. — На таких тачках самая

отмороженная молодежь катается. Я тоже на такой раньше ездил, — он вдруг улыбнулся.

До Москвы они добрались минут за двадцать и еще минут десять ехали по городу. За это время Гвидон убедился, что в исторических фильмах автомобильные пробки показаны без всякого преувеличения. Он поделился этой мыслью с Максимом, но Максим только рассмеялся:

— Разве ж это пробки? Вот на шоссе Энтузиастов с утра — это пробка. Или на выезде из Бутово. А то, что ты видишь — это ерунда.

Москва поразила Гвидона. Он неоднократно бывал в Москве и в отличие от большинства своих современников не испытывал неприязни к развалинам некогда огромного города. Он даже находил в руинах нечто романтическое. Но одно дело созерцать руины, и совсем другое дело — видеть своими глазами широченные улицы, забитые автомобилями, и гигантские дома, сплошь заселенные людьми. Гвидон вспомнил, что в это время в Москве жило то ли десять, то ли пятнадцать миллионов человек. Потом мегаполисы ушли в прошлое и хорошо, что они ушли в прошлое, но, с другой стороны, посмотреть своими глазами на настоящий мегаполис — впечатление потрясающее, никакая анимация не может адекватно передать это зрелище. А ведь это только окраина мегаполиса…

Поездка подошла к концу. Максим загнал машину в маленький металлический загон, который называл гаражом, и они пошли за пивом. Впервые в жизни Гвидон увидел наличные деньги, причем не только бумажные, но и металлические, так называемую мелочь. Максим купил двадцать стеклянных бутылок с пивом и четыре картонные трубы с жареной картошкой.

— Все натуральное, — прокомментировал Максим, пока они тащили это хозяйство до подъезда, в котором жил Максим.

Подъезд был грязным и облупленным, в нем дурно пахло, а стены были исписаны бестолковыми надписями типа «здесь был Вася», точь-в-точь как в исторических фильмах.

Дверь квартиры Максима была заперта на обычный механическим замок, ключом для него был кусочек металла не особенно сложной формы. Внутри квартиры Гвидон обнаружил мебель из натурального дерева, телевизор с электроннолучевой трубкой, настоящие стекла в окнах, компьютер семейства «Пентиум», целую кучу других предметов седой древности и ни одного робота. Странно было наблюдать такой интерьер в нормальном человеческом жилище. Если только можно назвать нормальным жилище, в котором единственная комната является одновременно спальней, гостиной и кабинетом.

Вначале Максим затащил Гвидона на кухню и они выпили за успешное сотрудничество между двумя цивилизациями. Натуральное пиво на вкус оказалось ничуть не лучше синтетического, даже, пожалуй, чуть похуже.

Кухонные посиделки долго не продлились. После того, как первая пара бутылок была выпита, Максим засел за ноутбук, привезенный из будущего, а Гвидон устроился в кресле и стал смотреть телевизор.

3.

Двадцать первый век стал веком электроники и генетики. К 2050 году компьютеризация человеческого общества достигла предела, возможного на том уровне развития фундаментальных наук. Оперативная память обычного настольного компьютера выросла до четырех тысяч терабайт. Сотовая связь охватила все цивилизованные районы планеты, а на смену станкам с программным управлением пришли заводы с программным управлением.

Роботы постепенно входили в человеческий быт, завоевывая все новые позиции. К 2010 году в каждой семье среднего достатка появился автономный робот-пылесос, самостоятельно следящий за чистотой квартиры. Десятью годами позже производители стиральных машин стали прилагать к своей продукции робота, который собирал по всей квартире грязное белье, сортировал его на белое и цветное, а когда набиралась критическая масса — загружал в машину. Затем робот доставал из машины выстиранное белье, развешивал его в указанном хозяевами месте, дожидался, когда белье высохнет, снимал его с веревок и раскладывал по шкафам в соответствии с заданной программой. Роботы следующего поколения умели гладить белье обычным человеческим утюгом (хотя сами роботы человекоподобными не были), которые, впрочем, к 2040 году полностью вышли из обихода — глажка окончательно перешла в руки роботов.

В 2027 году корпорация Hitachi продемонстрировала журналистам опытный образец робота, интеллект которого позволял сходить в магазин за покупками. Пресса тут же окрестила роботов этого класса домашними рабами, что вполне соответствовало действительности. Тремя годами спустя слово «раб» стало появляться на фабричных упаковках.

Первые модели домашних рабов были ненадежны, требовали долгого обучения и часто попадали в непредвиденные ситуации, в которых не знали, как себя вести, и впадали в ступор. Но время

шло, техника совершенствовалась и к середине столетия количества перешло в качество.

К 2050 году типичная семья среднего класса делила жилище с десятью-двадцатью роботами. Центральный компьютер оплачивал семейные счета, роботы-уборщики следили за чистотой, домашние рабы не только ходили за покупками, но и обменивались с соседскими роботами информацией об уровне цен и качестве продуктов в разных магазинах. Для жуликоватых мексиканцев (в США) и кавказцев (в России) наступили черные дни. Стоило всучить роботу всего лишь одну гнилую картофелину и через час торговлю можно было закрывать. Гадские роботы моментально все узнавали через интернет и не только сами не покупали у проштрафившегося продавца, но и отгоняли от прилавка людей. Среди обывателей стало модно отправлять незанятых роботов наводить порядок на рынке — расхваливать хороших торговцев и ругать плохих. Бывало, дело доходило до погромов.

В интернете появились специальные форумы для роботов. В 2048 году интернет сотрясла вирусная эпидемия, жертвами которой стали более ста тысяч бытовых роботов по всему миру. Они бросали работу и устраивали гладиаторские бои друг с другом, используя всевозможные подручные предметы. Авторы вируса — трое китайских студентов были приговорены к смертной казни.

В 2011 году в Нью-Йорке было завершено развертывание сети AntiCrime, включавшей в себя около миллиона телекамер, информация с которых стекалась на несколько тысяч компьютеров, оснащенных системами распознавания образов. Если картинка классифицировалась как содержащая признаки преступления, информация передавалась в ближайший полицейский участок. Система показала себя настолько эффективной, что городские власти схватились за голову. Чтобы не сажать в тюрьму каждого второго, пришлось срочно менять правила дорожного движения и легализовать проституцию и легкие наркотики. Одно время в муниципалитете даже обсуждали вопрос о легализации взяток, но это было признано перебором.

К середине двадцать первого века все мегаполисы Европы и Северной Америки контролировались антикраймом. Уличная преступность упала практически до нуля, на улицах стало меньше алкоголиков и бомжей. Когда среднее время выявление нелегального иммигранта сократилось до десяти дней, нелегальная миграция сошла на нет и развитым странам пришлось смягчать соответствующие законы. Это была настоящая беда — о правовом государстве приятно мечтать, но жить в

стране, в которой выполняются абсолютно все законы, совсем не так просто, как кажется.

ЦРУ, Моссад и вновь воссозданный КГБ заключили негласное трехстороннее соглашение о взаимном признании агентов друг друга. Антикрайм сделал агентурную разведку практически невозможной, а это не устраивало никого — лучше потерять свои секреты, чем не получать чужих. Доходило до анекдотов — один наркоторговец, задержанный с поличным, заявил, что он еврейский шпион, и его отпустили.

Правозащитники кричали, что антикрайм нарушает права человека, но их мало кто слушал. Средний обыватель справедливо полагал, что лучше пусть его права будут нарушены, но если его дочь сможет гулять по ночному парку, не опасаясь быть ограбленной или изнасилованной, это того стоит.

Терроризм постепенно набирал обороты. Апофеозом стало 4 июля 2006 года, когда террорист-смертник взорвал ядерный заряд в центре Лос-Анджелеса. Ответом стал ядерный удар по базам террористов в Афганистане, Судане и почему-то Таиланде. Россия под шумок аннексировала Грузию.

Больше ядерных ударов террористы не наносили, но химические атаки повторялись регулярно. Как полагали авторы энциклопедии, это здорово ускорило развитие антикрайма, а также разделение мира на цивилизованный и дикий.

ООН самоликвидировалась только в 2129 году, но уже к 2015 году она превратилась в чисто декоративный орган. Настоящим мировым правительством стала так называемая большая восьмерка, которую все чаще называли ООН-2.

Железный занавес вновь поднялся над миром, только теперь он отделял не коммунистов от капиталистов, а золотой миллиард человечества от остальных пяти с лишним миллиардов людей — нищих, обездоленных и озлобленных. Поддерживали железный занавес не столько ядерные ракеты, сколько скрытые телекамеры и сканеры отпечатков пальцев. К 2025 году волна терроризма пошла на спад, а к 2050 железный занавес усовершенствовался настолько, что просочиться сквозь него стало практически невозможно даже для террориста-одиночки. Права человека по обе стороны занавеса сильно пострадали, но это никого не волновало. Какие, к черту, права человека могут быть после четвертого июля?

В середине столетия прогресс электроники подошел к логическому концу. Все упиралось в проблему искусственного интеллекта, которую так и не удалось решить. Зато к этому времени начали приносить реальные результаты генетические эксперименты.

Прежде всего, раз и навсегда была решена проблема переработки мусора. Человек попробовал себя в роли Творца и сотворил целое семейство новых бактерий, перерабатывающих человеческий мусор в бензин, спирт, героин и прочие ценные субстанции. Синтетические нефтепродукты прочно утвердились на рынке. На Ближнем Востоке начался такой депресняк, что ядерной войны удалось избежать только чудом.

Следующим шагом стала синтетическая пища. Ученые института Кусто раскопали на дне Тихого океана примитивный колониальный организм, ставший настоящей находкой для генетиков. Неаппетитные комки органической протоплазмы, похожие на маленькие кучки навоза, в результате простых генетических манипуляций превращались хоть в помидор, хоть в куриное яйцо, хоть в кусок мяса. Конечно, это была имитация, но имитация настолько точная, что покупателям было все равно, что покупать — реальный продукт или имитацию. Вся экономика планеты перевернулась.

Сельское хозяйство приказало долго жить. Синтетические пищевые продукты были в десятки раз дешевле при вполне удовлетворительном качестве. Десятки миллионов фермеров остались без работы. Чтобы избежать массовых беспорядков, государствам, входящим в ООН-2, пришлось кардинально пересмотреть всю систему пенсий и пособий.

Опыты по клонированию человека завершились провалом — клоны получались слабыми и болезненными. Оказалось, что природа не зря предоставила млекопитающим такой сложный и извращенный способ размножения.

Но попытки клонировать человека принесли потрясающий побочный результат. Вряд ли кто-то из ученых, возившихся со стволовыми клетками, рассчитывал получить эликсир бессмертия, но получили они именно его.

Эликсир бессмертия представлял собой сыворотку, которая для каждого конкретного человека приготовлялась индивидуально. При регулярном применении она давала невероятные результаты. Морщины на коже разглаживались, атеросклеротические бляшки рассасывались, старческая дальнозоркость превращалась в юношескую близорукость и даже угасшая половая функция восстанавливалась, правда, только у мужчин. Сыворотка бессмертия ускоряла заживление ран и переломов, рассасывала шрамы не хуже Кашпировского, а во рту пациентов вырастали новые зубы взамен выпавших. К сожалению, новые зубы были молочными и каждые несколько лет менялись, но это были уже мелочи.

У опытов по клонированию был и другой побочный эффект.

Обнаружилось, что за полтора столетия без естественного отбора генотип человечества чудовищно засорился разнообразными мутациями. Если бы не новейшие достижения генетики, человеческая раса была бы обречена на вырождение. Но новые технологии позволяли не только оценивать будущее физическое состояние свежезачатого младенца, но и искусственно формировать генотип будущего человека, чтобы ему не пришлось потом жаловаться на здоровье.

Перед парами, решившимися завести ребенка, вставала проблема: какого ребенка лучше родить — своего или здорового? Большинство пар плевали на отдаленные перспективы человечества и выбирали первый вариант, тем более что медицина в конце двадцать первого века достигла больших высот. И тогда был принят закон о дикорожденных детях.

К этому времени Максим уже устал читать и потому не стал вникать в подробности этого закона. Он понял главное — ситуация вернулась под контроль и качество человеческого генофонда стало помаленьку восстанавливаться.

Дальнейшую историю Максим просматривал бегло, отмечая только основные вехи. Эффективное лекарство от наркомании. Управляемый термоядерный синтез. Космические корабли, не требующие колоссальных капиталовложений и способные совершать межпланетные полеты за считанные дни. Бум космического туризма, шахты на Луне и на астероидах. Компактные сверхпроводящие аккумуляторы, сравнимые по энергоемкости с ядерным реактором. Орбитальная станция в недрах астероида Эрос, отбуксированного на околоземную орбиту. Автоматические корабли, направленные к ближайшим звездам. И в самом конце, каких-то десять-пятнадцать лет тому назад, наконец-то появился долгожданный искусственный интеллект.

Максим допил очередную бутылку и выключил ноутбук. Из комнаты доносилось монотонное бормотание телевизора — Гвидон как прилип к ящику для идиота, так до сих пор и не отлип. Однако время уже позднее, пора доставать раскладушку.

4.

Сара заблудилась. Невозможно заблудиться в лесу, имея в кармане коммуникатор со встроенной джипиэской, но Сара это сумела.

Она шла обратно той же дорогой, но тропинка в траве вскоре потерялась, а потом Саре стало казаться, что все вокруг какое-то

не такое. Стало заметно холоднее, Сара порадовалась, что догадалась надеть комбинезон.

Она стояла среди молодых березок и тупо глядела в экран коммуникатора. Коммуникатор утверждал, что машина Сары находится не далее чем в ста метрах от своей хозяйки, но это было не так, в поле зрения Сары не было не только машины, но и дороги. И не было никаких сил идти и искать эту чертову дорогу, потому что стертые ноги болели все сильнее. Сара злобно выругалась и набрала на коммуникаторе код службы спасения.

— Слушаю, — отозвался невыразительный мужской голос. — Что случилось?

— Я заблудилась, — сказала Сара. — У меня сломалась джипиэска, она говорит, что я стою посреди дороги, а рядом стоит моя машина, но никакой дороги нет.

— Какая машина? — удивился голос. — Одну минутку… Все правильно, никакой дороги нет, да и не должно быть. Ты как туда попала?

Фамильярное обращение оператора покоробило Сару, но она не подала вида. Она начала рассказывать:

— Я ехала на своей машине и решила погулять в лесу. А потом вернулась обратно и поняла, что моя джипиэска сломалась и я не знаю, где нахожусь.

— Ничего у тебя не сломалось, — раздраженно произнес оператор. — Нет там никакой дороги и машины тоже никакой нет. Что за машина, кстати?

— «Тойота» E30T16 пятидесятого года.

— Какого года? Это что, автомобиль, что ли?

— Да, — растерянно ответила Сара, — автомобиль.

Оператор хмыкнул и произнес с презрительной интонацией:

— Все понятно, девочка. Вирт-психоз. Оставайся на месте, я пришлю к тебе человека.

— Я тебе не девочка, козел! — завопила Сара и заплакала.

Оператор снова хмыкнул и отключился.

5.

Телевидение двадцать первого века показалось Гвидону непривычным. Оно не было интерактивным, участие зрителя в программе ограничивалось возможностью выбрать канал, которых было всего четырнадцать. Поначалу Гвидона немного раздражало низкокачественное двумерное изображение на мерцающем электроннолучевом экране, но к этому он быстро привык.

Ознакомление с телевидением прошлого Гвидон начал с

первого канала и сразу попал на программу новостей. Главной новостью была олимпиада, это удивило Гвидона, он полагал, что в двадцать первом веке олимпийских игр уже не было. Наверное, одна из последних олимпиад.

Странное дело — серьезные люди с серьезными лицами обсуждали, кто как прыгнул и кто какую штангу поднял. Можно подумать, от этого судьбы человечества зависят. А когда показали женщин-штангисток, Гвидон поперхнулся пивом и залил рубашку. Он, конечно, слышал, что в древние времена спортсмены уродовали свой организм, но не до такой же степени!

Половина новостей была посвящена олимпиаде, а остальные были какие-то мелкие и неинтересные. Министр сельского хозяйства России выступил перед депутатами и выразил неудовольствие распределением бюджетных средств. Какого-то банкира арестовали за какие-то махинации. Американские войска в Ираке разбомбили какую-то мечеть, а в США в это время судят нескольких солдат, которые мучили иракских военнопленных. Террористы угрожают взорвать один из американских аэропортов, а какой, не говорят. Сколько-то лет исполнилось со дня восстания каких-то рабов. Аквалангисты нашли в Северном Ледовитом океане останки какого-то затонувшего парохода. В Москве вот-вот начнется очень сильный дождь.

Гвидон выглянул в окно и увидел ясное небо. В древности точность метеорологических прогнозов оставляла желать лучшего.

На втором канале шел фильм. Полицейские во главе с эмоционально неуравновешенной пожилой женщиной пытались арестовать сумасшедшего доктора, проводившего аморальные эксперименты над людьми, но никак не могли собрать доказательства. Тяжело приходилось полицейским до появления антикрайма.

На третьем канале другая пожилая женщина сильно страдала по поводу того, что городская жизнь сильно отличается от сельской. На четвертом канале молодая, но уже замученная жизнью женщина решала какие-то неясные проблемы и никак не могла их решить.

Далее Гвидон увидел, как олимпийские спортсмены бегают и прыгают, как какие-то люди старательно пугаются плохо нарисованных монстров, как за детьми гоняется урод с обожженным лицом и ножами вместо пальцев на правой руке, как старик в черной хламиде и с гигантским крестом на груди проповедует смирение, как толпа придурков строит дом из подручных материалов и никак не может построить, как воскрешенные мертвецы гоняются за визжащими подростками,

как молодые юноши и девушки с глупыми лицами поют дурными голосами под примитивную электронную музыку. В конце концов Гвидон нашел на одном канале исторический фильм про путешествие Колумба, но этот фильм все время прерывался рекламой. Почти вся реклама была психотропной, законы о рекламе в 2004 году еще не успели принять.

Гвидон сидел перед телевизором и щелкал пультом, тщетно пытаясь найти хотя бы на одном из четырнадцати каналов хоть что-то достойное просмотра. Он увидел куски еще двух полицейских сериалов и одного армейского, репортаж о том, как плохо живется людям на Крайнем Севере (непонятно, почему они не уезжают в места, более пригодные для проживания) и четыре выпуска новостей, один из которых был полностью посвящен новостям преступного мира. Также Гвидон увидел троих придурков, отвечающих в прямом эфире на телефонные звонки других придурков, два художественных фильма — одну занудную историю, в которой ничего не происходило, и один кровавый триллер, музыкальную программу, посвященную древним вальсам, занудного пожилого мужчину, философствующего непонятно о чем, мускулистых женщин, качающихся на турнике и прыгающих через бревна, азартную игру в прямом эфире, эротический сериал с голыми женщинами, бегающими туда-сюда по пляжу (интимные места почему-то были прикрыты маленькими тряпочками), и еще гигантское количество рекламы. Если верить историческим книгам, в двадцать первом веке люди смотрели телевизор часами. Что там смотреть? Гвидон никак не мог понять это.

Сидя перед телевизором, Гвидон регулярно прикладывался к пиву и через некоторое время понял, что начал пьянеть. Раньше Гвидон никогда не пьянел от пива — для этого существуют наркотики. Впрочем, в это время лекарства от наркомании еще не изобрели и все наркотики, кроме алкоголя и табака, были запрещены. Бедные люди!

Около полуночи в коридоре засуетился Максим, он вытаскивал с антресолей раскладную кровать. Гвидон немного подумал и решил, что пора спать, на сегодня хватит.

6.

Весь следующий день Максим показывал Гвидону достопримечательности Москвы. Они прокатились на метро, погуляли по центру, поели в «Макдональдсе», посмотрели в кинотеатре «Ночной дозор», а потом Максим заметил, что Гвидон

загрустил.

— Этого следовало ожидать, — сказал Гвидон в ответ на вопрос Максима. — Прошлое кажется романтичным только издали, а вблизи…

Гвидон замялся, он явно боялся обидеть Максима, высказав все, что думает о времени, в котором находился.

— Отстой? — предположил Максим.

— Вроде того, — сказал Гвидон, пожав плечами. — Но все равно, спасибо тебе за прекрасное приключение. Такого приключения еще ни у кого не было, все мои друзья от зависти полопаются. Отвезешь меня обратно?

Они вернулись домой к Максиму, погрузились в БМВ и поехали к точке перехода. Когда машина остановилась на обочине, Гвидон начал было прощаться и очень удивился, когда понял, что Максим тоже собирается идти к идолу.

— Я думал, что ты прежде всего захочешь продать этот ноутбук, — сказал Гвидон. — Там содержится много информации о новых технологиях. Ты можешь заработать колоссальные деньги.

— Могу, — согласился Максим, — и скорее всего, заработаю. Только перед этим я хочу еще раз побывать в будущем.

— Зря, — сказал Гвидон. — Я полагаю, в нашем времени этот район уже оцеплен.

— Какие проблемы? — улыбнулся Максим. — Явимся на сутки раньше и все дела. Но я имел ввиду не твое будущее. Я хочу посмотреть, во что превратится Земля, когда первая цифра станет девяткой. Пойдешь со мной?

Гвидон отрицательно помотал головой.

— Нет, — сказал он, — не пойду. Я и так провел у вас слишком много времени.

— Время — не проблема. Мы всегда можем отодвинуть часы на сутки или на неделю назад, ты можешь вернуться в свое время раньше, чем ушел оттуда. Хочешь поговорить сам с собой?

Гвидон нахмурился.

— Парадоксов не боишься? — спросил он. — Или в ваше время еще не было фантастики про машину времени?

— Была, — улыбнулся Максим. — В огромном количестве и по большей части дрянная. Я знаю, что такое парадоксы времени. А ты их разве боишься? Если ты их боишься, тебе не стоило отправляться в прошлое.

— Наверное, не стоило, — согласился Гвидон. — Но я так хотел… И москомп не возражал. Нет, мне пора возвращаться. Там жена, работа…

— Хорошо тебе, — сказал Максим, — у тебя есть жена и

интересная работа. А я, пожалуй, прогуляюсь по времени еще разок.

Они подошли к идолу, Максим нагнулся над электронными часами и двумя быстрыми движениями превратил первую цифру из семерки в девятку. После этого он пожал руку Гвидону и ушел, не оборачиваясь.

7.

Сообщение, высветившееся на коммуникаторе Леонида, было предельно лаконичным. Оно гласило: вы уволены.

Леонид не поверил своим глазам. Он всегда был хорошим администратором, он не сделал ничего такого, за что его стоило бы увольнять. Леонид выругался и нажал кнопу связи с москомпом.

— Слушаю, — сказал москомп.

— Что за глупые шутки! — закричал в трубку Леонид. — Я только что получил сообщение, что уволен.

— Это не шутки, — печально произнес москомп. — Вы действительно уволены, я только что получил распоряжение непосредственно от Юрия Шароновича.

Юрий Шаронович Толмачев был главным администратором московского региона и непосредственным начальником Леонида.

— За что? — взвыл Леонид. — Я все делал правильно! Неужели… этот Соколов, он что, действительно путешественник во времени?

— Действительно, — подтвердил москомп. — Из-за вашего разгильдяйства мы чуть было не лишились ценнейшей информации. Если бы господин Алиханов не перехватил Соколова на выходе из здания, тот мог вернуться обратно в прошлое и мы бы так и не узнали о существовании межвременного портала.

Леонид готов был рвать на себе волосы от досады. Он совсем забыл про этого сумасшедшего ремблера, потому что через час после того, как Соколов покинул кабинет Леонида, москомп сообщил, что киргизские хакеры пытаются подсадить вирус в сеть городского управления начальных школ, Леонид начал разбираться с этим делом, а ремблер совсем вылетел из его головы.

— Это была просто случайность! — воскликнул Леонид.

Он уже понимал, что поздно что-либо исправлять, что он ведет себя глупо, но ничего не мог с собой поделать, да и наплевать ему было, честно говоря.

— Это была случайность! — продолжал Леонид. — Я был уверен, что этот Соколов надо мной издевается. Я хотел сбить его с толку и посмотреть, что он будет делать, я же не виноват, что эти чертовы киргизы…

Москомп не стал выслушивать Леонида до конца. Это было удивительно, ведь обычно москомп разговаривает вежливо и подобострастно даже с самыми бестолковыми наркоманами.

— В результате, — перебил Леонида москомп, — Соколов чуть было не ускользнул из нашего поля зрения. Если бы не Алиханов, информация, которую он принес, была бы потеряна. Ваши действия, Леонид, классифицированы как преступная небрежность, чреватая тяжкими последствиями. Однако, учитывая смягчающие обстоятельства, я рекомендовал не заводить уголовное дело, а просто уволить вас. Юрий Шаронович согласился с моей рекомендацией.

Леониду показалось, что он ослышался.

— Уголовное дело?! — заорал он. — Из-за какого-то паршивого ремблера — уголовное дело?!

Москомп тяжело вздохнул. Если говорить точнее, модем москомпа имитировал человеческий вздох, выражающий сожаление.

— Ваше последнее высказывание неопровержимо свидетельствует о вашей профнепригодности, — сообщил москомп. — Дальнейший разговор я считаю бессмысленным. Прощайте.

С этими словами москомп отключился.

Леонид почувствовал себя оплеванным. Он никогда не слышал, чтобы компьютер отказывался с кем-то разговаривать. Надо быть совсем никчемным человеком, чтобы даже компьютер посчитал разговор с тобой пустой тратой времени.

В глубине души Леонид давно подозревал собственную никчемность. Но он гнал от себя эти мысли, он всеми силами старался доказать свою значимость всем окружающим, а через них и самому себе. Но все оказалось бессмысленно, одна-единственная дурацкая ошибка поставила крест на его карьере, а тем самым и на всей его самооценке.

Леонид подумал, не совершить ли самоубийство в лучших японских традициях. Минут пять он смаковал эту идею, а затем выдвинул верхний ящик стола и вытащил оттуда снаряженный шприц, в который еще на заводе вогнали тройную дозу героина. Уже месяца четыре для Леонида это была обычная разовая доза.

Леонид прижал инъекционный диск к внутренней поверхности запястья и на мгновение замер, ожидая, когда в комнате запахнет фиалками. Леонид всегда чувствовал этот запах

в момент инъекции.

Запах пришел, а вместе с запахом пришло понимание. Леонид осознал, какие глупости только что лезли ему в голову, и ужаснулся. Он ведь чуть было не покончил с собой! Вот ведь глупость! Ничто в мире не стоит того, чтобы обрывать собственную жизнь, не зря философы говорили и говорят, что человек — мера всех вещей и наивысшая ценность в мире. Что бы ни происходило, жизнь должна продолжаться. Теперь, когда Леонид перестал входить в состав элиты общества и пополнил собой армию безработных, жизнь станет не такой интересной, но какое это имеет значение? Ценность жизни не в том, какое место ты в ней занимаешь, а в тебе самом. А в скуке нет ничего страшного, скуку отлично помогают развеять наркотики. Сейчас на дворе не те дикие времена, из которых пришел этот ремблер, сейчас есть замечательные лекарства, которые легко снимают любую зависимость. Любую наркоту можно бросить в любой момент, стоит только захотеть. А это так легко — захотеть!

Леонид прожил еще шесть лет. За все это время он так и не понял, что иногда бывает очень трудно что-то захотеть, настолько трудно, что даже приближающаяся смерть перестает пугать. Биодобавки, входящие в пищу, блокируют физическое привыкание к героину, но печени от этого не становится легче. В один прекрасный день Леонид обратился к врачу, тот сделал экспресс-анализ, печально покачал головой и сказал, что нужна срочная операция. Стоимость операции составляла чуть больше ста тысяч мани.

— Для меня это приговор, — сказал Леонид.

— Я знаю, — согласился врач.

Леонид вколол себе передоз прямо у него на глазах. Врач не отреагировал. Он давно уже привык к подобным сценам.

8.

Сара сидела на траве, прислонившись спиной к дереву, сняв ботинки и вытянув перед собой босые ноги, покрытые кровоточащими мозолями. Сара играла в го с собственным коммуникатором, уровень сложности был вторым из тридцати двух возможных — Сара не любила загружать мозги больше, чем необходимо.

Человек возник перед Сарой внезапно. Он не скрывался, она уже давно могла заметить его, но она была слишком увлечена игрой.

Человек критически оглядел Сару, его взгляд уперся в

окровавленные ступни и он неодобрительно крякнул. Сара вздрогнула, подняла голову и встретилась глазами с презрительным взглядом своего спасителя. Этот взгляд ей не понравился.

— Почему так долго? — спросила Сара. — Я устала ждать.

— Вижу я, как ты устала, — саркастически произнес незнакомец. — Ты бы лучше догадалась выйти на открытое место, тогда не пришлось бы так долго ждать. Пошли.

Незнакомец повернулся к ней спиной и зашагал прочь. Сара вскочила и побежала за ним, но наступила на острую ветку и ее ступню пронзила острая боль. Сара вскрикнула.

Она посмотрела беспомощным взглядом вслед незнакомцу и вдруг почувствовала, что накопившееся раздражение готово прорваться наружу безобразной истерикой.

— Подожди! — закричала она. — Я должна надеть ботинки!

Человек остановился, обернулся и снова скорчил презрительную гримасу.

— Мазохистка, — констатировал он.

Сара быстро надела ботинки и пошла к спасателю, но он не стал ее ждать. Убедившись, что она следует за ним, он пошел дальше, так же быстро, как и раньше. Сара не могла идти с той же скоростью, каждый шаг причинял ей боль.

— Подожди! — снова закричала она. — Я не могу идти так быстро! И вообще, где моя машина?

Ответ незнакомца был лаконичным, нецензурным и в какой-то степени стихотворным, потому что рифмовался со словом «где». Сара взбесилась.

— Что ты несешь?! — заорала она. — Как ты смеешь так разговаривать? Ты вообще кто такой?!

Человек пожал плечами и ускорил шаг. Сара тоже ускорила шаг, пытаясь его догнать, но уже через минуту спина незнакомца скрылась среди деревьев. Сара попыталась перейти на бег, но зацепилась ногой за корягу и упала, больно ударившись. Она заплакала.

Плакала она минут десять, а может, и все пятнадцать. Потом она вытащила коммуникатор и снова набрала номер службы спасения, но на другом конце упорно не желали брать трубку. С десятой примерно попытки Сара поняла, что дело не в качестве связи, а в том, что оператор не хочет с ней разговаривать. Она снова заплакала.

В отчаянии Сара вызвала москомп.

— Слушаю, — ответил тот.

— Я заблудилась в лесу, — сказала Сара. — Я вызвала службу спасения, по вызову пришел человек, но он разговаривал очень

грубо, а когда я сделала ему замечание, он ушел и бросил меня одну.

Сара сделала паузу, дожидаясь ответа москомпа, но ответа не последовало.

— Что мне делать? — спросила она.

— Что хочешь, то и делай, — посоветовал москомп.

— Но мне надо найти машину! Моя джипиэска сломалась, она показывает, что машина где-то рядом, но ее здесь нет! Здесь даже дороги нет! Спасатели сказали, что ее и не должно быть. Я ничего не понимаю.

— Что за машина?

— «Тойота» E30T16 пятидесятого года.

— Автомобиль, что ли? — поинтересовался москомп.

В его голосе Саре почудилась ехидная интонация.

— Да, автомобиль, — ответила Сара. — А что в этом такого? Когда я сказала оператору про автомобиль, он сказал, что я сумасшедшая.

— Скорее всего, так и есть, — сообщил москомп. — Как тебя зовут?

— Сара Опанасенко.

— Последняя Сара Опанасенко, зарегистрированная на Земле, покинула планету в 2449 году, в настоящий момент она находится в колонии Гошен. Если, конечно, она еще жива.

— Что? — переспросила Сара. — В каком году? В 2449? А сейчас какой год?

— Две тысячи пятьсот шестнадцатый, — ответил москомп.

Сара длинно и с чувством выругалась.

— Все понятно, — сказала она. — Эта чертова машина времени все-таки сработала. Я прибыла сюда из 2260 года.

Москомп что-то неразборчиво промычал, совсем как человек, который, получив ошеломляющее известие, пытается понять, не разыгрывают ли его. Сара подумала, что сейчас и он тоже бросит трубку и быстро заговорила:

— Машина времени находится в точке с координатами… — она продиктовала координаты. — Если не веришь, пришли туда человека и пусть он сам убедится.

— Обязательно пришлю, — пообещал москомп. — Только не человека.

После этого связь оборвалась. Сара снова заплакала.

9.

Гвидон выждал десять минут, давая Максиму время убраться

из зоны действия машины времени. Затем Гвидон наклонился над часами и сделал первую цифру восьмеркой.

— Денис! — услышал он незнакомый голос. — Гвидон вернулся! Иди скорее сюда!

Гвидон обернулся и увидел, что от идола уходит в сторону утоптанная тропа, на которой метрах в десяти от Гвидона стоит высокий, тощий и жилистый мужчина лет пятидесяти в таком же пятнистом камуфляже, как у Максима. У Гвидона промелькнула безумная мысль — не началось ли вторжение из прошлого? Гвидон вытащил коммуникатор и связался с москомпом, игнорируя моргающий индикатор неотвеченных вызовов.

— Поздравляю с возвращением, — сказал москомп. — Это действительно был двадцать первый век?

— Без сомнений, — ответил Гвидон. — А что за люди здесь рядом со мной?

— Денис, Галя и Роман — ученые-физики. Данила, которого ты видишь — полицейский.

— Охрана?

— Так, на всякий случай, мало ли кто захочет побродить по времени. Ты, кстати, Сару Опанасенко в прошлом не встречал?

— Кого?

— Сару Опанасенко. Красивая блондинка тридцати шести лет, одета в туристический костюм и высокие ботинки без носков. Ботинки она купила, а про носки забыла.

— Нет, — сказал Гвидон, — девушку без носков я не видел. А что, есть подозрение, что какая-то девушка ушла в прошлое? Откуда она вообще узнала про машину времени?

— Она подобрала Максима на дороге, — объяснил москомп. — Перед тем, как сесть к тебе, он вышел из ее машины. По дороге он успел рассказать ей, что явился из прошлого. Потом, когда Максим пересел к тебе, она поехала в Апрелевку, купила в магазине костюм и ботинки, и поехала обратно. Остановила машину на дороге, пешком дошла до идола и переместилась в другое время.

— Может, она в лесу заблудилась?

— Нет, она шла кратчайшим путем, ориентируясь по джипиэске. Робот-разведчик видел, как она подошла к идолу, он последовал за ней, но ее здесь уже не было.

— Почему ты ее не остановил? — спросил Гвидон.

И сразу же понял, почему.

— Я имею право вмешиваться только в те в действия людей, которые перечислены в уголовном кодексе, — печально произнес москомп. — За Сарой я мог только наблюдать.

Гвидон услышал, как под чьей-то ногой треснула сухая ветка.

Он обернулся и увидел, что на поляне появились еще трое, надо полагать, это и были Денис, Галя и Роман.

— Привет! — обратился к Гвидону полноватый мужчина лет пятидесяти с густыми усами пшеничного цвета. — Гвидон — это ты?

— Я, — подтвердил Гвидон.

— А я Денис, — отрекомендовался мужчина. — А это Галя и Рома.

Галя была невысокой и очень худой молодой девушкой с невыразительными чертами маленького личика. Рома выглядел лет на сорок пять, он был высок и худощав, а на лице у него играла улыбка, почему-то показавшаяся Гвидону глумливой.

— Как там, в прошлом? — спросил Рома.

Гвидон пожал плечами и ничего не ответил. А что тут ответишь?

— Домой поедешь? — спросил Денис. — Или будешь смотреть, что мы тут делать будем?

Гвидон колебался лишь мгновение.

— Поеду, — сказал он. — Я уже и так достаточно насмотрелся, теперь неделю переваривать буду.

Рома засмеялся и хлопнул Гвидона по плечу.

— Счастливо, ребята. Успехов вам, — сказал Гвидон и пошел прочь.

10.

В двадцать шестом веке первой бетонки вокруг Москвы уже не было. Джипиэска сообщила Максиму, что он находится как раз там, где пятью веками раньше стояла его машина, но дороги не было и в помине. Если приглядеться, можно было понять, где она проходила — вдоль этого направления деревья были более молодыми. Хотелось бы знать, что такого изобрели ученые, что дороги стали больше не нужны. Антигравитация?

Максим присел на поваленное дерево и стал думать, что делать. Вариантов было два. Можно вернуться в родное время, пробежаться по туристическим магазинам, закупить рюкзак, палатку, запас консервов и прочие необходимые вещи, и отправиться в самый необычный турпоход за всю историю человечества. Либо попробовать вызвать местную службу спасения по мобильному телефону, который не работает. Даже если предположить, что местная сотовая связь способна воспринять сигнал SOS, выданный в формате GSM, все равно вариант получается нехороший. Может, это и глупо, но Максим

считал, что не следует просить о помощи, без которой можно обойтись. Но, с другой стороны, как-то глупо возвращаться из будущего, даже не попытавшись пообщаться с его обитателями.

Максим немного поколебался и все-таки нажал кнопку SOS, но никакого результата не последовало. Максим не спеша выкурил сигарету, встал и отправился в обратный путь. По дороге он послал SOS еще раз, но опять безрезультатно.

Глава третья

1.

Вечером Максим позвонил Коляну Немцову. Максим не считал Коляна близким другом, близких друзей у Максима вообще не было, но из многочисленных приятелей именно Колян наилучшим образом подходил для намеченной миссии.

Десять с небольшим лет назад Максим и Колян вместе учились в школе, последние два года перед выпуском они просидели за одной партой. Их класс был математическим, набирали в него по результатам олимпиады, которую проводил мехмат МГУ, и как-то так получилось, что вместо отпетых ботаников в этот класс набрали отпетых хулиганов. Они не были тупыми, у преподавателей математики претензий к классу не было, но у всех остальных учителей претензии были. Нет, будущие математики не ругались матом через слово, не пили в подъездах водку из горла и не отнимали мелочь у малышей. Но пиво они, бывало, закупали ящиками, а перед уроком истории любили забить косячок. Учительница истории по прозвищу бабка Рита была очень забавной старушенцией, а если созерцать ее после косячка, можно было вообще ухохотаться.

Однажды Максим с Коляном принесли в школу полудохлую крысу, которую нашли в картонной коробке на помойке неподалеку. От воплей уборщицы крыса ожила и вскоре ее гоняла целая толпа педагогов во главе с директором школы. В другой раз Максим, Колян, Петька Первухин и еще трое таких же отморозков решили попрактиковаться в навесной стрельбе снежками из-за укрытия. Их школа располагалась рядом с метро и недостатка в целях не было. Петька, назначенный корректировщиком, стоял на открытом пространстве и спокойно курил, а стрелки расположились за ларьками вне поля зрения потенциальной жертвы. Каждый сделал по два пристрелочных выстрела, Петька внес в прицел необходимые поправки, а затем последовал залп. Точность была потрясающей, ларек с тухлыми апельсинами, мерзлым виноградом и длинноносым хачом буквально смело.

Потом школьные годы подошли к концу. Максим с первого раза поступил на мехмат, а Колян не набрал проходной балл и, что еще хуже, не сумел вовремя перекинуть документы в другой институт. Колян долго и нервно косил от армии, в конце концов поступил в МИЭМ и даже закончил его, но к тому времени ему было уже наплевать на высшее образование. Нежданно-негаданно

Колян оказался хозяином большой платной автостоянки где-то в Южном Бутово.

Случилось это просто и даже банально. На какой-то пьянке Колян познакомился с пригожей девицей, они друг другу понравились, им было хорошо вместе, начало даже возникать большое светлое чувство и вдруг девица забеременела, а Колян, считавший себя порядочным человеком, немедленно попросил у нее руки и сердца. О том, что его будущий тесть является генерал-майором милиции, Колян узнал непосредственно перед свадьбой, а то, что тесть подрабатывает в штабе преступной группировки, Колян узнал несколько позже.

Новые знакомые Коляна, как менты, так и бандиты, в своей массе оказались приличными и вменяемыми людьми, ничуть не хуже других. На автостоянку, полученную в наследство, Колян поначалу не обращал большого внимания, а потом вдруг увлекся бизнесом и организовал при стоянке автосервис, который успешно процветал. Трудности развития малого бизнеса в России Коляна не пугали, с таким тестем ему все было по барабану. Жену Колян очень любил, настолько, что изменял ей не чаще раза в год, а в дочке вообще души не чаял. Колян был счастлив.

— Здорово, Макс! — поприветствовал Максима Колян. — Как дела?

— Зашибись. А у тебя как? В ближайшие дни сильно занят?

Колян мгновенно посерьезнел.

— Нет, — сказал он. — А что, проблемы появились? Сейчас решим.

— Никаких проблем. Просто хочу предложить опупенное приключение.

— Какое приключение?

— Опупенное.

— Это я понял. В чем суть?

— Ты в походы давно ходил?

— В какие походы?

— Туристические. С рюкзаком, палаткой и всем прочим.

Колян издал нечленораздельный звук.

— Ты серьезно? — спросил он.

— Абсолютно серьезно. Ты, вроде, в школе этим делом баловался. У тебя рюкзак сохранился?

— Вроде сохранился, — неуверенно произнес Колян. — А на фига?

— Я же говорю, приключение опупенное, ты такого и вообразить не можешь. Приходи ко мне, покажу одну вещь, закачаешься.

— Прямо сейчас? — недовольно спросил Колян.

— Прямо сейчас. А то кому-нибудь другому позвоню.

— А что за вещь-то?

— Все равно не поверишь, пока не увидишь.

— Ну скажи!

— Не поверишь. Да ладно, что тебе, трудно сто метров пройти?

— Не сто, а триста, — уточнил Колян. — Сейчас все брошу и пойду. Ломает меня.

Максим вздохнул и сказал:

— Ладно, сейчас MMS пошлю.

— Сейчас, — сказал Колян. — Только SIM-карту поменяю.

— Сейчас отправлю, — сказал Максим. — Как поймаешь, перезвони.

Колян был далеко не бедным, но все равно использовал дешевый тариф, не поддерживающий MMS. Для тех редких случаев, когда телефон был нужен ему не для того, чтобы звонить, а для чего-то другого, Колян имел вторую SIM-карту. Максим не видел никакого смысла в такой копеечной экономии.

Максим всегда подозревал, что фотокамера, встроенная в сотовый телефон, годится исключительно для понтов. Сегодня он убедился в этом окончательно. Как ни пытался Максим сфотографировать иллюзорную голографическую картинку, выдаваемую ноутбуком из будущего, ничего у него не получалось — на экране мобильника упорно отображалось нечто, похожее на испорченную фотографию и больше ни на что. Пришлось сделать снимок нормальным цифровым фотоаппаратом, просидеть полчаса в фотошопе и только после этого получилось нечто такое, что можно уменьшить до нужных размеров и отправить по MMS.

2.

Когда Сара увидела матово-серый металлический апельсин, осторожно лавирующий в воздухе между деревьями, она подумала, что ее глючит. Но как она ни моргала, апельсин не исчезал, а наоборот, приближался к ней, медленно снижаясь. Когда он снизился метров до трех, Саре показалось, что движется он как-то неуверенно, как будто чего-то боится. Но не ее же он боится!

— Следуй за мной, Сара, — негромко произнес апельсин. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — подтвердила Сара. — А если ты будешь говорить громче, буду слышать лучше.

— Не могу, — сказал апельсин, — это предельная громкость.

Иди за мной, я проведу тебя к машине.

— А ты кто такой? — поинтересовалась Сара.

— Москомп, — ответил апельсин. — Пошли.

Он медленно поплыл в ту же сторону, куда часом раньше удалился грубый мужчина, который так ей и не представился. Сара с усилием поднялась и заковыляла следом.

— Почему ты не падаешь? — спросила Сара.

— Антигравитация.

— А почему ты так странно летаешь?

Москомп ответил не сразу.

— Если тебя действительно это интересует, — сказал он, — ты можешь почитать про антигравитацию в сети, там полно всяких книжек и статей. Если коротко — я не могу приближаться к массивным предметам, потому что потеряю энергию и упаду. В лесу очень трудно летать.

— Удивительно, — сказала Сара, — как далеко продвинулись технологии. В мое время москомп занимал несколько зданий.

Апельсин хихикнул.

— Теперь я стал еще больше, — сообщил он. — То, что ты видишь — автономный модуль, в нем нет мозгов, он управляется дистанционно по радио.

— Круто, — сказала Сара. — А куда мы идем?

— К машине. Здесь она сесть не могла, тут слишком много деревьев. Потом поедем к тебе домой.

— Мой дом еще сохранился? — удивилась Сара.

— Нет, я подобрал тебе другой коттедж неподалеку, он уже двенадцатый год пустует.

Дорога к машине заняла минут десять. Сара уже догадалась, что машина, о которой говорил апельсин, вовсе не является автомобилем, но она никак не ожидала, что ее будет ждать самая настоящая летающая тарелка.

Тарелка была небольшая, метра четыре в диаметре и полтора в высоту. Она стояла на четырех тонких ножках, по-видимому, раздвижных, а сверху у нее был прозрачный откидной колпак, как в древних самолетах.

— Залезай, — сказал апельсин, — сейчас полетим. Не забудь пристегнуться ремнями.

— Зачем? У вас бывают столкновения в воздухе?

— Столкновений не бывает никогда. Но во время полета сильно трясет, будет очень некомфортно, если не пристегнешься.

Сара залезла в кабину, уселась в одно из двух имеющихся кресел и защелкнула ремни. Колпак кабины тихо зашуршал и захлопнулся.

— Долго лететь? — спросила Сара.

— Четыре минуты, — отозвался голос из недр приборной панели. — Готова?

— Готова.

Внизу что-то зажужжало, тарелка стала медленно и неравномерно подниматься, а потом сердце Сары провалилось вниз, а к горлу подступила невесомость. Машина покачнулась и стала набирать высоту. Заложило уши. Ощущения были примерно такие же, как в самолете, только шума почти не было слышно, зато трясло намного сильнее. Москомп был прав, если бы Сара не пристегнулась, ей было бы очень некомфортно.

Сара стала лихорадочно озираться по сторонам, ей хотелось посмотреть сверху, как выглядит будущее, но в окнах было видно только небо.

Машина набирала скорость и высоту, с каждой секундой ее трясло все сильнее, время от времени, когда она заваливалась на бок, в окнах мелькала земля и каждый раз она была все ниже и ниже. Невесомость начала действовать на нервы, Саре стало казаться, что летающая тарелка не взмывает ввысь, а наоборот, падает на небо, которое почему-то оказалось не вверху, а внизу.

Через минуту, показавшуюся Саре часом, тряска прекратилась, а сила тяжести вернулась, хотя и не полностью. Посмотрев в боковое окно, Сара увидела, что летающая тарелка выпустила длинные и узкие крылья, тонкие и прозрачные, как у стрекозы. Передняя часть машины задралась вверх, впереди Сара видела только небо, а сзади до самого горизонта расстилалось зеленое море леса. Насколько хватало зрения, нигде не было видно ни возделанных полей, ни дорог, ни городов, вообще никаких признаков цивилизации.

— Где все люди? — спросила Сара. — В Подмосковье больше никто не живет?

— Кое-кто живет, но отдельные дома тебе не разглядеть, мы поднялись слишком высоко.

— А как же города? Их больше нет?

— Давно уже нет.

Сара решила больше ничего не спрашивать. Скоро тарелка привезет ее в дом, там будет сетевой терминал и она все узнает. Только будет ли там сетевой терминал?

Сара заметила, что земля стала ближе.

— Мы снижаемся? — спросила она. — Почти прилетели?

— Осталось чуть больше минуты, — ответил москомп. — Машина медленно снижается все время, начиная с момента завершения взлета. Я направил тебя по экономной траектории. Приготовься, сейчас снова будет трясти.

Тарелка задрала нос еще выше, ее движение стало

затормаживаться, Сару потащило вперед, а сила тяжести опять стала уменьшаться. Сара ухватилась за подлокотники кресла и приготовилась к неприятным ощущениям.

3.

— Ну ты даешь, — сказал Колян. — Где нарыл такое чудо?

— В будущем, — ответил Максим. — В 2260 году. Поехал вчера в лес за грибами и случайно нашел в лесу машину времени. Координаты машины в моей джипиэске.

— Рояль в кустах, — хихикнул Колян. — Ты меня за этим в поход звал? А в какое время намылился?

— В 2516 год.

Колян вытаращил глаза.

— Почему именно в этот? — спросил он. — И откуда такая точность? Почему не в 2500?

— Там такая фигня типа электронных часов, — пояснил Максим. — Они отсчитывают время в шестнадцатеричной системе, сейчас первая цифра — семерка, я сделал восьмерку и попал в двадцать третий век, провел там полдня, вернулся с ноутбуком…

— И как там? — перебил его Колян.

Максим пожал плечами.

— У меня на винчестер вся мировая история залита, — сказал он. — Если интересуешься подробностями, почитай. А если вкратце — такой же бардак, как у нас.

— Коммунизм не построили?

— У них там, по-моему, что-то вроде европейского социализма. Но я в их политике не разбирался, я больше на людей смотрел.

— И как люди?

— Такие же, как у нас. Идиотов полно.

— Как всегда, — хихикнул Колян, — идиотов везде хватает. А почему вернуться решил? Не понравилось в будущем?

— Я и сам еще не решил, понравилось мне там или нет, — сказал Максим. — Просто местные ученые собрались машину времени разобрать и посмотреть, как она устроена. Я решил смотаться от греха подальше.

— Не повезло ученым, — констатировал Колян.

— Почему?

— Ну, машина времени, она же вместе с тобой уехала.

— Ты не понимаешь, — сказал Максим. — Машина времени — это не совсем машина, это как бы портал. Это такая плита, низ

у нее врыт в землю, а сверху на ней электронные часы. Если коснуться цифры пальцем, она меняется. Часы всегда показывают точное время, а если ты переводишь время, ты оказываешься в том времени, которое на них выставил, но сами часы остаются на месте. По-моему, они существуют во всех временах. Рядом с ними даже идол стоит какой-то древний, наверное, древние славяне выстроили.

— Тогда ты зря испугался, что ученые все сломают, — сказал Колян. — Если эта штука существует во всех временах, ее нельзя сломать.

— Кто его знает… Может, во всех временах сломать нельзя, а в одном конкретном времени можно. Я решил не проверять.

— Разумно, — согласился Колян. — И что там, в будущем? Светлое будущее или как в «Матрице»?

— Что-то среднее. Искусственный интеллект у них есть, но такого безобразия, как в «Матрице», пока еще нет. Может, потому, что искусственный интеллект только-только изобрели. Да что ты ко мне привязался? Лучше открой энциклопедию на ноутбуке и почитай.

— На каком ноутбуке?

— Сейчас покажу.

Максим включил ноутбук, открыл энциклопедию и объяснил Коляну, как пользоваться этим устройством. Колян углубился в чтение, а Максим сходил на кухню за пивом и подставил одну бутылку под руку Коляну. Колян благодарно кивнул.

Минуты через две Колян вдруг спросил:

— Тут что, вся всемирная история записана?

— Да, а что?

— Так ведь тогда можно посмотреть не только то, что будет через сто лет, а еще и то, что будет завтра. Ну-ка, посмотрим… Приколись, тут целый архив газет начиная с восемнадцатого века. Слушай, а какой винчестер у этого компа? Объем какой, я имею ввиду.

— Не знаю, — сказал Максим. — Сколько-то тысяч терабайт, по-моему.

Колян присвистнул.

— Обалдеть, — сказал он. — Ну, посмотрим, что день грядущий нам готовит… Твою мать!

— Что такое?

Максим подался вперед и впился в призрачный экран напряженным взглядом. Колян перелистнул страницу, переходя из завтрашнего номера в послезавтрашний, и выругался еще раз. Воистину твою мать и даже хуже. Прямо сейчас, всего лишь несколько минут назад взорвалась автобусная остановка на

Каширском шоссе, завтра рванут две бомбы в самолетах, потом будет взрыв около метро и как апофеоз всего перечисленного — захват школы в Северной Осетии на первое сентября.

Максим включил телевизор, по НТВ как раз шли новости. Действительно, на Каширском шоссе на автобусной остановке недавно прогремел взрыв, но жертв не было. Эксперты устанавливают причину взрыва, версия теракта пока не подтверждается, но Максим знал, что скоро она подтвердится. Все в точности совпадало с тем, что предсказывал ноутбук.

Колян бегло пролистывал подшивку газет из будущего. Время от времени он ругался, реже — хихикал.

— Так ты со мной? — спросил Максим.

— В каком смысле?

— Я собираюсь взять рюкзак, палатку, продукты на неделю и сходить в двадцать шестой век. Я тебе затем и позвонил, чтобы ты составил мне компанию. Но перед тем, как уйти в будущее, я хочу послать емэйл на fsb.ru.

Колян поморщился.

— Думаешь, будет польза? Думаешь, они его прочитают? Да им, небось, столько спама приходит…

— Если не прочитают, значит, не судьба, — сказал Максим. — Но я думаю, что они его прочитают. Вначале они письмо проигнорируют, но когда исполнится предсказание про самолеты, они вспомнят второе — про школу.

— И начнут нас искать, — вставил Колян. — Думаешь, они подумают, что у нас машина времени? Хрен тебе! Они подумают, что мы и есть террористы.

— Это будет уже несущественно, — пожал плечами Максим. — Ничто не мешает, возвращаясь в прошлое, вернуться на несколько дней раньше и… Слушай! До меня только сейчас дошло — мы можем выйти завтра утром, провести в будущем несколько дней и вернуться обратно в то же самой время.

— Тогда незачем писать письмо, — заметил Колян. — Все равно один день роли не играет.

— Играет, — возразил Максим. — Письмо должно придти к ним до того, как упадут самолеты, иначе они проигнорируют информацию про школу, а это плохо.

— Ни хрена подобного! Мы можем вообще вернуться во вчера…

— А машина останется в завтра, — саркастически заметил Максим.

— Ты же говорил, она есть во всех временах.

— Да не машина времени, а просто машина. Автомобиль.

— Ну и что? Доедем до Москвы автостопом. Или, еще лучше,

я кое-кому позвоню…

— Кому же?

— Да хоть самому себе, — сказал Колян после короткого раздумья. — Хотя нет, себе не получится, вряд ли я смогу позвонить со своего мобильника на свой же номер. Можно твой телефон отключить, а я позвоню тебе, который другой ты… Ну, ты понял.

— Убедил, — сказал Максим и неожиданно добавил: — Противный.

И глупо засмеялся.

Они выпили еще по чуть-чуть, а потом Колян позвонил себе домой и сказал, что приедет завтра вечером.

4.

Чем больше времени Денис проводил в лесной чаще, тем меньше он понимал, что происходит. Машина времени упорно сопротивлялась всем попыткам уяснить хотя бы основные принципы ее работы. Плита из неизвестного науке материала не испускала никаких излучений, не генерировала магнитного поля и вообще никак не проявляла себя, не считая того, что исправно перемещала во времени любого желающего.

Через полчаса экспериментов стало ясно, что зона перемещения представляет собой круг диаметром двадцать метров, в центре которого располагается машина. Это был не совсем круг, точные измерения показали, что граница зоны перемещения имеет более сложную форму, но отклонения ее границ от идеальной окружности столь незначительны, что вывод напрашивался однозначный. Радиус действия машины времени установлен ровно в двадцать метров, а мелкие отклонения вносятся какими-то местными факторами, непонятно какими. Может быть, на темпоральное поле влияют деревья, может, грунтовые воды, а может, структура почвы, короче, без косяка не разберешься.

Если подходить к вопросу с позиций современной науки, построить машину времени невозможно, потому что путешественник во времени, перемещаясь в прошлое, нарушает причинно-следственный закон. Путешественник может встретить в прошлом самого себя и, например, убить себя прошлого. Что при этом произойдет с его более поздней версией? Сможет ли она продолжить существование или немедленно исчезнет или такая ситуация вообще не может произойти?

То, как основной темпоральный парадокс разрешается в

данном случае, выяснилось очень быстро. Когда Денис переместился на минуту назад, в полуметре от себя он увидел другого себя. Денисы посмотрели друг на друга и одновременно начали говорить.

— Ты откуда взялся? — спросил Денис прошлый.

— Меня раньше тут не было, — сказал Денис настоящий, имея ввиду, что минуту назад он не разговаривал с самим собой, пришедшим из будущего.

Потом Денис настоящий понял, что сказал, и рассмеялся над своими словами. Денис прошлый тоже рассмеялся, а потом они обсудили ситуацию и поняли, что ничего не понимают.

Известно два основных подхода, позволяющих обойти временные парадоксы. Согласно первому из них, парадоксов быть не может, потому что история мира жестко задана от начала до конца вместе со всеми перемещениями во времени. Мир с темпоральными парадоксами просто не может существовать. Но если эта теория верна, то за минуту до перемещения в прошлое Денис должен был встретить себя будущего, а затем он должен был переместиться в прошлое и в точности повторить все действия себя будущего, которые только что видел.

Ничего подобного не произошло, история мира нарушилась. Денис прошлый вовсе не собирался наклоняться к панели электронных часов и перемещать себя в прошлое, чтобы…

В этот момент до Дениса дошло, что устранить парадокс невозможно физически. Сейчас оба Дениса находятся в зоне действия машины времени и если Денис прошлый переместится в прошлое на минуту назад, то он захватит с собой Дениса настоящего, к ним добавится Денис еще более прошлый…

Денис почувствовал, что сходит с ума. Раньше, когда он читал фантастику, перемещение во времени казалось совсем простой вещью, но теперь он понимал, что все совсем не так просто. Взять, например, такой вот дурацкий вопрос. В данный момент во вселенной присутствуют два экземпляра Дениса. Как сделать так, чтобы в реальности остался только один, но второй экземпляр при этом не пострадал?

Денис начал объяснять проблему себе прошлому и точно в тот же момент Денис прошлый начал объяснять ту же проблему себе будущему, причем точно в таких же словах. Это было как эхо собственных мыслей в мозгу шизофреника.

Очень странное чувство испытываешь, когда видишь собственную копию, которая думает те же мысли и говорит те же слова. Если вдуматься, в этом нет ничего странного — одинаковые мозги в одинаковой ситуации принимают одинаковые решения. Но если в ситуацию не вдумываться, а

просто наблюдать, то с непривычки можно свихнуться. И непонятно, можно ли к этому привыкнуть…

Проблему двух Денисов вскоре удалось решить. Один Денис отошел метров на пятнадцать в сторону и немного подождал, а другой в это время переместился на минуту вперед. После этого в каждом из миров, разделенных минутой времени, остался ровно один Денис, причем эти миры различаются только в мелочах, так что можно спокойно считать их одинаковыми, а если иметь в двух одинаковых мирах два одинаковых себя, но все-таки разных… Нет, это настоящее сумасшествие.

Интересные, однако, открываются возможности. Если надо быстро сделать что-то срочное, а сил не хватает, можно собрать в одном времени нескольких себя, распараллелить работу и быстро все сделать. Но, с другой стороны, о какой срочности может идти речь, когда у тебя есть машина времени? Не успеваешь вовремя закончить дело — перемещаешься в другое время, спокойно доделываешь все, что не успел, и возвращаешься обратно. Или, еще лучше, говоришь начальнику, что все сделаешь потом, а отчет забросишь в то время, когда он был нужен. Но нет, так нехорошо, потому что так получается, что в текущей реальности все должны ждать, когда реальность изменится, а тогда вся реальность получается какой-то бессмысленной.

Итак, теория неизменного прошлого неверна. Значит, верно обратное — прошлое можно изменить, и любое действие, совершаемое в прошлом, меняет настоящее. Ох, не следовало отпускать Соколова обратно в его время, он теперь такого там нагородит!

Денис поделился этой мыслью с москомпом и москомп сказал, что эту гипотезу надо проверить. Денис переместился в прошлое на час назад, положил у подножия идола свой коммуникатор и вернулся обратно в исходное время. Коммуникатора на земле не было. Денис снова ушел на час назад. Коммуникатор был.

После серии экспериментов выяснилось следующее. Действительно, путешественник во времени может менять прошлое, но изменения в реальности распространяются на будущее не мгновенно, а со скоростью течения времени. Чтобы увидеть реальность, сформированную перемещением на час назад, нужно еще раз переместиться на час в прошлое, а если никуда не перемещаться, никаких изменений не почувствуешь, потому что измененная реальность никогда не догонит исходную.

Денис решил, что на сегодня с него достаточно. Надо дать мозгам немного передохнуть, иначе можно свихнуться окончательно.

5.

Коттедж, в который москомп привез Сару, был небольшим, всего лишь три этажа, но очень ухоженным, чистым и аккуратным. Казалось, хозяева покинули его только вчера… и почему-то забрали с собой всех роботов.

— Где все роботы? — спросила Сара.

— Они стараются не показываться на глаза, — ответил летающий апельсин, снова выбравшийся из недр летающей тарелки. — Люди предпочитают не видеть, как за ними ухаживают, им приятнее думать, что все вокруг происходит само собой.

Сара поднялась на крыльцо, входная дверь автоматически распахнулась при ее приближении. Сара недовольно поморщилась — она не любила избытка высоких технологий в быту. Если бы ей предстояло поселиться здесь навсегда, она бы поставила сюда обычную деревянную дверь, простую, может быть, даже неоструганную. Хотя нет, неоструганную — это перебор, тогда придется переделывать весь дизайн… По-хорошему, его и надо переделывать.

— Я надолго здесь поселюсь? — спросила Сара.

— Как пожелаешь, — ответил апельсин. — Если надоест, вызови меня и я пришлю тарелку, она отвезет тебя к машине времени. А если понравится, можешь провести здесь хоть всю жизнь.

— А деньги у вас еще в ходу?

— Теоретически в ходу. Практически — еда бесплатная, коммунальные услуги — тоже.

— А стройматериалы?

— Хочешь все перестроить? — догадался апельсин. — Лучше сначала посмотри список других свободных коттеджей. Скорее всего, ты найдешь то, что тебе понравится, и перестраивать ничего не придется.

— В доме есть сетевой терминал? — спросила Сара.

— Конечно. В каждой спальне по терминалу. Если будут проблемы в освоении, звони, я помогу. Вопросы какие-нибудь есть?

Сара пожала плечами.

— Вопросов полно, — сказала она, — но сначала я лучше посижу в сети, посмотрю, что тут у вас как устроено. Если что-то будет непонятно, я позвоню.

— В спальне на столике у кровати лежит коммуникатор, — сказал апельсин. — Ты можешь пользоваться и своим, но лучше возьми тот — мне тогда не придется адаптировать местные соты к

устаревшим стандартам.

— Хорошо, — сказала Сара. — Пойду, познакомлюсь с вашим миром.

Апельсин круто взмыл вверх, сделал красивую горку и точно влетел в поспешно раскрывшийся маленький лючок на борту летающей тарелки. Одновременно колпак кабины стал закрываться, а четыре тонкие ножки, на которых стояла тарелка — удлиняться. Они действительно были раздвижными.

Когда тарелка поднялась метра на два над землей, Сара вдруг почувствовала головокружение, очень слабое, на самой грани различимости. Ножки летающей тарелки оторвались от земли и втянулись внутрь, тарелка взмыла вверх и в считанные секунды скрылась из поля зрения. Единственным шумом, который она издавала, был свист рассекаемого воздуха.

Сара немного постояла на крыльце, а потом повернулась и вошла в дом.

6.

Дорога к межвременному порталу прошла без приключений. Пробок на дороге не было, гаишники не останавливали и вообще, все было замечательно. Максим с Коляном выгрузились из бээмвухи, навьючили на себя рюкзаки, Максим запер машину и они пошли в лес.

Здоровенный рюкзак совсем не оттягивал плечи, тащить его было легко, только поначалу было непривычно наклоняться вперед при ходьбе, чтобы скомпенсировать изменение центра тяжести. Но к этому Максим быстро привык.

К идолу они вышли примерно через час.

— Вот оно, это место, — сказал Максим.

Колян сбросил рюкзак и потянулся.

— Старый я стал, — сообщил он. — Давно так не ходил, завтра спина болеть будет.

— Да ну! — удивился Максим. — Мы прошли-то всего ничего.

— Пока — да, а до вечера еще километров двадцать надо пройти. Ничего, пройдем.

Максим склонился над таблом электронных часов и ковырнул пальцем первую цифру. Из семерки она стала восьмеркой.

— Ого! — услышал Максим незнакомый голос. — Да это же Максим Соколов собственной персоной! Далеко намылился?

Максим обернулся на голос и увидел рядом с собой высокого

и худощавого молодого человека, улыбавшегося во все тридцать два зуба. Чуть в сторонке стояла на коленях перед каким-то электронным устройством молодая девушка субтильного телосложения и с непримечательным лицом, она смотрела на Максима и Коляна с любопытством и легким испугом. Краем глаза Максим увидел, что Колян быстро сунул руку под камуфляжную куртку, в которую нарядился. Черт возьми, он же оружие с собой взял!

— Что, в двадцать шестом веке дорог больше нет? — спросил молодой человек. Он перевел взгляд на Коляна и насмешливо добавил: — Да не хватайся ты за пушку, расслабься, никто тебя убивать не будет.

Колян застыл на месте и неуверенно вытащил руку из-под куртки. Пистолета в ней не было.

— Рома, — представился молодой человек и протянул руку Максиму.

Рука у Ромы была небольшой, но очень жилистой. Рукопожатие было крепким, Максиму даже стало чуть-чуть больно, но он напряг кисть руки и боль прошла.

— Николай, — представился Колян, обмениваясь с Ромой рукопожатием.

— Галя, — представилась девушка, уже успевшая подняться, отряхнуться и подойти поближе.

Произнеся свое имя, она чмокнула в щечку вначале Максима, потом Коляна. В поцелуй она не вкладывала никаких эмоций, очевидно, в будущем это обычное приветствие при встрече разнополых людей.

— Дальше в будущее собрались? — спросил Рома.

Максим сдержанно кивнул. Колян вытащил из кармана сигарету.

— Ух ты! — воскликнул Рома. — Можно попробовать? Хочешь, своими угощу?

С этими словами он вытащил из кармана пачку сигарет. Пачка была равномерно белого цвета, без всяких рисунков, как белый альбом «Битлз», единственная надпись, выполненная крупным и жирным черным шрифтом, гласила Т46.

Рома взял «Кэмел» из пачки Коляна, а Колян с Максимом угостились загадочными Т46. Вкус сигарет будущего был странным, он напомнил Максиму болгарские БТ, которые он несколько раз курил в ранней юности. Вроде сигареты как сигареты, но чего-то им не хватало. И еще привкус какой-то странный…

— Они, что, с коноплей? — удивленно спросил Колян.

— Совсем чуть-чуть, — ответил Рома. — Пять процентов. Не

бойся, от одной сигареты не забалдеешь.

— У них наркотики разрешены, — подал голос Максим. — У них изобрели нормальное лекарство от наркомании.

— Не совсем лекарство, — уточнил Рома. — Все нужные вещества добавляются прямо в пищу. Если не будешь нюхать что-то совсем уж экзотическое, никаких лекарств не нужно, ломка переносится легко, примерно как простуда в ваше время. Психологическая тяга, правда, не снимается, но от этого никуда не денешься, это не лечится.

Колян задумчиво обозрел дымящуюся сигарету и сказал:

— Хотел бы я у вас пожить.

— Это не ко мне вопрос, — сказал Рома, — это к администрации. Но вы же, вроде, в более отдаленное будущее собрались? В двадцать шестой век или дальше?

— В двадцать шестой, — подтвердил Максим. — Я там побывал уже, но дороги там нет, а мобильная связь не действует.

— Ваша мобильная связь и у нас не действует, — заметил Рома. — Если хочешь, пойдем, проверим мой коммуникатор в будущем.

Максим не успел открыть рот, как Колян вдруг сказал:

— Давай, — и нагнулся над машиной времени и превратил первую цифру из восьмерки в девятку.

7.

Галя услышала, как за спиной что-то зашуршало, она обернулась и увидела гигантского жука длиной сантиметров в пятьдесят. Жук был матово-серым и казался металлическим, из переднего конца туловища у него росла длинная тонкая шея, на которой покачивалась в такт движению маленькая голова с огромным фасеточным глазом, бесстрастно смотрящим сразу во все стороны. Галя завизжала.

От ее визга мужчины аж подпрыгнули на месте, а Николай снова полез под куртку, где прятал какое-то древнее ручное оружие, вероятнее всего, пулевой пистолет. Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы Рома не крикнул:

— Да это же робот!

Галя присмотрелась к жуку повнимательнее и поняла, что Рома прав, это действительно робот. Конструкция немного непривычная, вместо телекамеры фасеточный глаз, как у настоящего насекомого, а так робот как робот.

— Это робот из будущего? — спросила Галя.

Мужчины странно глянули на нее, а затем Рома расхохотался

и обнял Галю за плечи, как обнимают ребенка, желая успокоить.

— Он самый, Галочка, — сообщил Рома. — Ты, наверное, не заметила, но наш гость переместил нас на двести пятьдесят шесть лет вперед.

Галя недовольно поморщилась. Рома доставал ее с самого начала стажировки, вначале Галя обижалась и даже плакала, но потом Денис сказал ей, что Рома так достает всех, Галя немного успокоилась и начала привыкать, но сейчас ее нервы не выдержали. Она работала как проклятая уже четвертый час без перерыва, а в таких условиях нервы не выдержат ни у кого.

Галя стряхнула с себя руки Ромы, резко развернулась и с силой толкнула его в грудь обеими руками. Рома пошатнулся, но восстановил равновесие.

— Милая, что с тобой? — Рома выпучил глаза в притворном изумлении, а на губах у него блуждала издевательская улыбка. — Надо быть спокойнее. Я, конечно, понимаю…

— Заткнись! — завопила Галя и добавила, уже тише: — Как же ты меня достал.

И тут робот подал голос:

— От имени москомпа, чьим автономным модулем я являюсь, приветствую вас в 2516 году. Я не несу никакой угрозы, ручное оружие можно перевести в безопасный режим.

— Откуда ты взялся? — спросил Максим. — Я имею ввиду, почему ты оказался именно здесь?

— В мои обязанности входит наблюдение за машиной времени, — ответил робот. — Я должен отслеживать прибытие путешественников из прошлого и будущего, и обеспечивать им надлежащий эскорт.

— Конвой, что ли? — уточнил Николай.

— Можно сказать, и конвой, — согласился робот, — а можно сказать, и охрану. Смысл от этого не меняется.

— Разве тут есть что-то опасное? — спросил Рома.

Глумливая интонация исчезла из его голоса.

«А ведь он трус», подумала Галя. «Как услышал про опасность, сразу стал вести себя как нормальный человек».

— У одного из вас имеется при себе ручное оружие, — заявил робот. — До тех пор, пока он не прошел психотест, он представляет потенциальную опасность.

— Какой еще психотест? — заинтересовался Николай.

— Владение личным оружием разрешается только лицам, прошедшим психотест второго уровня, включающий в себя оценку эмоциональной уравновешенности и устойчивости моральных принципов испытуемого. Лицам, не прошедшим психотест, владение оружием тебе запрещено.

— И что мне теперь делать? — спросил Николай. — Пистолет надо выбросить?

— Не обязательно, — сказал робот. — Просто не снимай его с предохранителя, иначе мне придется тебя обезоружить.

— Мы хотели бы поближе познакомиться с вашим обществом, — сказал Максим. — Это возможно?

— Без проблем. Я могу вызвать летающую тарелку хоть сейчас, только вам придется выйти на открытое пространство, в таком густом лесу даже компактным роботам трудно летать.

— У вас есть антигравитация? — заинтересовался Рома.

— У нас много чего есть. Так вызывать машину или нет?

Николай, Максим и Рома озадаченно переглянулись. Ни один из них не посмотрел на Галю и это ее задело.

— Конечно, вызывай, — сказал Максим и пробормотал себе под нос: — И зачем я только этот рюкзак на себе пер…

— Меня с собой возьмете? — спросил Рома.

Максим и Николай снова переглянулись, после чего Максим сказал:

— А почему бы и нет? Возьмем.

— Возьмем, — согласился Николай. — Только постарайся не выпендриваться, когда не нужно.

Галя приготовилась к тому, что Рома сейчас обрушит на собеседника целый поток ироничных двусмысленностей, но Рома отреагировал адекватно.

— Постараюсь, — сказал он и улыбнулся, вежливо и доброжелательно, совсем не так, как обычно.

С этими людьми он вел себя как нормальный человек, только к Гале он относился как к бестолковому существу, недостойному даже внешнего уважения. Гале стало обидно.

— Рома, — вкрадчиво сказала она, — что-то я не помню, чтобы Денис разрешал тебе уходить в будущее.

Рома склонил голову на бок, многозначительно посмотрел на Галю и произнес:

— Не вредничай, Галочка.

И тут же обратился к роботу:

— Тарелку уже вызвал?

— Вызвал, — подтвердил робот. — Пойдемте, я вас провожу.

Робот бодро зашагал всеми шестью конечностями непонятно куда, мужчины из прошлого последовали за ним.

— Счастливо оставаться, Галя, — сказал Рома и увязался следом.

Галя осталась одна на вытоптанной поляне. Никто даже не спросил, не желает ли она тоже прогуляться по будущему. Ее просто не взяли. Обидно было до слез.

8.

Денис женился очень рано, в тридцать шесть лет. Редко кому удается встретить истинную любовь в столь молодом возрасте и еще реже удается вовремя понять, что это не мимолетное увлечение, а то, что в древние времена называлось любовью до гроба. Денис входил в число немногих счастливчиков, кому это удалось.

Лена была на четыре года моложе Дениса. Она была профессиональным игроком, ее специализацией были интеллектуальные ролевые игры на темы фэнтези. В месяц она зарабатывала около шести тысяч мани, что в три с лишним раза превосходило заработок Дениса. Но Денис не чувствовал себя уязвленным, деньги — не самое главное в жизни, у настоящего человека должны быть и другие способы самоутверждения. Вот он, например, доктор физики, а у Лены даже высшего образования нет. Но образование на самом деле — такая же ерунда, как и деньги, человека делают человеком не деньги и не образование, а личность. Иисус Христос был нищ и, вероятно, неграмотен, но это не дает оснований считать его отстоем.

Когда Денис вошел в дом, Лена сидела в гостиной и смотрела по телевизору программу экономических новостей. Пару лет назад Лена всерьез увлеклась банковским делом и с тех пор у нее появилось странное хобби — постоянно перебрасывать свои счета из одного инвестиционного проекта в другой в поисках идеального размещения капиталов. В конце весны ее состояние перевалило за миллион мани, не в последнюю очередь за счет удачных инвестиций.

— Как дела? — спросила Лена, оторвавшись от экрана. — Что-то случилось? Ты же говорил, что сегодня будешь поздно.

— Кое-что случилось, — сказал Денис. — Только это информация не для распространения.

— Хорошо, не буду распространять, — пообещала Лена. — Рассказывай.

— В районе Апрелевки в лесу нашли машину времени.

— Настоящую?

— Настоящую.

— И из какого времени она пришла?

— Непонятно. Похоже, она существует во всех временах одновременно. Это не совсем машина времени, это как бы портал.

— Здорово! — воскликнула Лена. — Экспедицию в будущее уже отправили?

— Пока нет. Мы с Ромкой сегодня весь день эту машину изучали. Я думал, у меня мозги совсем свихнутся.

— Почему? — удивилась Лена. — Из-за того, что ты раньше думал, что машину времени нельзя построить?

— Нет, не из-за этого. Ты никогда не разговаривала сама с собой?

— Иногда бывает, — хихикнула Лена. — Погоди, ты имеешь ввиду, что ты перешел в прошлое и разговаривал с самим собой из другого времени?

— Вот именно. А потом мы долго думали, как развести две мои копии по разным временам, чтобы ни одна не пострадала.

— И как, развели?

— Развели. Очень странное ощущение, когда сам с собой разговариваешь. Твоя копия точно такая же, как ты, она мыслит так же и говорит то же самое. Как будто в зеркало смотришься и эхо слушаешь.

— Здорово! А мне можно туда съездить?

— Лучше не надо, — сказал Денис. — Это ведь информация не для распространения, если ты туда приедешь, меня с работы выгонят. Я, конечно, понимаю, что на нашем бюджете это не отразится, но…

— Но тебе будет плохо, — перебила его Лена. — А я не хочу, чтобы тебе было плохо, потому что тогда будет плохо и мне тоже.

Она поцеловала его и добавила:

— Жаль, что туда нельзя съездить. Представляешь, какую оргию можно устроить? Три тебя, две меня… или наоборот… — она хихикнула.

9.

Дом Саре не понравился. Много пространства, мало мебели, много ровных однотонных поверхностей, совсем нет комнатных растений и разнообразных безделушек, которые превращают каменную коробку в жилое помещение. Сара поняла, что этот коттедж никогда не станет для нее домом, она может относиться к нему только как к временному пристанищу. Гостиница, так сказать.

Сетевой терминал почти не изменился за два с половиной века. Отличия были настолько незначительными, что никаких проблем с освоением терминала у Сары не возникло. До тех пор, пока она не выдала первый запрос.

«Надо пройти психотест», возвестила надпись на экране.

В стене у изголовья кровати открылся люк, оттуда выехала подставка, на которой лежала кожаная шапочка, похожая на те, какие носили в двадцать втором веке.

— Надо лечь на кровать и надеть виртуальный шлем, — сказал компьютер человеческим голосом.

— Виртуальный? — переспросила Сара. — У вас настоящая виртуальность?

— Самая настоящая, — подтвердил компьютер. — Ложись на кровать и надевай шлем на голову. Психотест начнется немедленно. Рекомендуется обнажиться.

— Зачем? — подозрительно спросила Сара.

— В данном случае незачем, — сказал компьютер. — Это общая рекомендация перед входом в виртуальность. Если пребывание в виртуальном пространстве затягивается, роботам проще ухаживать за обнаженным телом. Но в данном случае необходимости обнажаться нет, психотест первого уровня редко длится больше часа.

— А что, бывает и второй уровень?

— Бывает. Но сначала нужно пройти первый.

— Схожу-ка я в туалет для начала, — сказала Сара. — Если это затянется на час, лучше подготовиться.

— Мудрое решение, — одобрил компьютер.

Сделав свои дела, Сара разделась, легла на кровать и взяла в руки шлем. Подставка немедленно убралась обратно в стену.

Шлем был только обшит кожей изнутри и снаружи, под обшивкой у него явно был пластик — шлем был легким, но твердым. Сара нацепила его на голову, откинулась на подушки и закрыла глаза.

Она стояла в маленькой комнате с серыми стенами и единственной дверью прямо перед глазами. Саре показалось, что она спит — обстановка вокруг была какой-то нереальной. Сара не могла сказать, что именно неправильно, но общее ощущение было таким, какое бывает только во сне, когда мозг не обращает внимания на мелкие детали, а лишь фиксирует общую картину. У Сары чуть-чуть кружилась голова, она испытывала легкую эйфорию, как будто выкурила косяк или нюхнула кокаину.

Она сделала шаг вперед и открыла дверь. За дверью обнаружился танцевальный зал, почему-то это совсем не удивило Сару. Она шагнула в полутемное накуренное пространство и сразу оказалась в родной стихии.

Она не знала, сколько времени прошло. Она танцевала, в перерывах она выпила пару коктейлей, выкурила большой косяк, но почему-то не пьянела. Эйфория, которую она испытывала, не нарастала и не убывала, а постоянно находилась на том же самом уровне. Ей было так хорошо, как не было, пожалуй, еще никогда.

А потом она увидела его. Высокий мужчина лет пятидесяти с тонким умным лицом, длинными светлыми волосами и телом

древнегреческого бога, он был так прекрасен, что увидев его, она замерла на месте и не видела больше ничего. Он улыбнулся, взял ее за руку и повел прочь из зала, туда, где находятся комнаты свиданий, специально предназначенные для подобных случаев.

Такое возможно только во сне. Никто из них не произнес ни единого слова, все было понятно без слов, как будто они были знакомы всю жизнь. Они погрузились в объятия друг друга, они ласкали друг друга, Сара отказывалась верить, что такое счастье возможно, и в тот самый миг, когда она об этом подумала, все прекратилось.

Она услышала за спиной голос Прова Кузьмича, своего начальника, который клеился к ней уже второй год и почти безрезультатно.

— Спасибо тебе, Альфред, — сказал Пров Кузьмич. — Ты отлично справился с поручением. Подержи ей ноги, пожалуйста.

Почему-то Сара не подумала, что в комнатах для свиданий в обязательном порядке устанавливаются камеры антикрайма. Во сне часто бывает, что самые очевидные мысли упорно отказываются приходить в голову. Сара поняла, что сейчас ее изнасилуют.

Она закричала и попыталась вырваться из объятий прекрасного Альфреда, который в одно мгновение стал ей отвратителен. Но силы были неравны. Альфред сгреб ее в охапку, опрокинул на постель лицом вниз и сильно надавил на плечи, чтобы она не сопротивлялась. Сзади мерзко закряхтел Пров Кузьмич.

Неожиданно Сара увидела, что рядом с подушкой лежит настоящий полицейский бластер. Сара протянула руку, схватила его и перевернулась на спину, направив дуло прямо в лицо насильника.

— Убирайся! — заорала она, снимая бластер с предохранителя. — Или я вышибу тебе мозги прямо сейчас!

Альфред соскочил с нее как ошпаренный. Сара быстро оделась и выбежала из комнаты. Оказавшись в коридоре, она пошла не в сторону танцпола, а в противоположную сторону, туда, где, как она почему-то знала, был большой балкон.

Сара немного постояла на балконе, выкурила сигарету и вспомнила, что о найденном оружии надо сообщить в полицию. Она потянулась к коммуникатору и поняла, что лежит на кровати, а на голове у нее надет пластиковый шлем.

— Поздравляю, — сказал компьютер. — Психотест первого уровня успешно пройден.

10.

Худшие опасения Максима не оправдались, никакой глобальной катастрофы в будущем не произошло. Дорога исчезла не из-за какого-то катаклизма, а просто потому, что с открытием антигравитации дороги стали не нужны, а на волне экологического бума в конце двадцать пятого века были и вовсе ликвидированы. По словам бортового компьютера летающей тарелки, настоящие дороги сохранились только в промзонах.

Сотовая связь не работала в двадцать шестом веке по очень простой причине — устарел протокол передачи данных. Но не работали только телефоны образца двадцать первого века, телефон Ромы, который он называл коммуникатором, работал исправно.

Впечатление от полета в летающей тарелке было странным. С одной стороны, машина размером с большой автомобиль, способная в случае необходимости совершить суборбитальный полет — это круто. Но жуткая тряска при взлете и посадке вкупе с тошнотворной почти-невесомостью на протяжении всего полета — удовольствие ниже среднего. За возможность преодолеть пятьдесят километров за четыре минуты приходится платить комфортом.

Летающая тарелка привезла их к большому красно-коричневому зданию, внутренней планировкой напоминающему отдельно стоящий жилой корпус дома отдыха. Автономный модуль москомпа, принявший к этому времени облик парящего в воздухе тускло-серого мяча, объяснил, что так оно и есть. Здание, в котором им предполагается временно поселиться, предназначено для проведения всевозможных конференций, симпозиумов, конвентов, оргий и других подобных мероприятий.

— Если вы пожелаете остаться в этом времени, я подберу индивидуальный дом каждому, — сказал мяч.

— А где остальные люди? — спросил Колян. — Или мы тут под арестом?

— Нет, — сказал мяч, — вы не под арестом. Просто я подумал, что вам будет удобно начать знакомство с нашим миром, так сказать, дистанционно. В этом доме в каждой спальне установлен сетевой терминал. Только вам надо будет пройти психотест.

— Какой еще психотест? — насторожился Колян.

— Все люди обязаны время от времени проходить психотест. Психотест гарантирует, что человек не склонен к аморальным и антисоциальным поступкам.

— А если склонен?

— Тогда человеку предлагается пройти курс психотерапии.

— А если он откажется?

— Тогда включается режим постоянного наблюдения. В особо запущенных случаях человека сопровождает в общественных местах живой полицейский. В нашем мире ни один человек физически не способен совершать антисоциальные поступки.

— И это действует? — с сомнением спросил Рома. — Может, у вас и тюрем нет?

— Тюрем нет, — подтвердил мяч. — У нас вообще нет преступности.

— Даже в диких местах?

— Диких мест тоже нет. В 2307 году ООН-2 провозгласила объединение человечества.

— Прямо рай какой-то, — констатировал Колян. — Полдень цивилизации, блин. Ну, пойдем, показывай, как работает ваш психотест.

Глава четвертая

1.

Очнувшись, Максим долго ругался. Очень хотелось включить в музыкальном центре что-нибудь злое вроде «Гражданской обороны» или «Faith no more», выстроить перед собой батарею пивных бутылок и напиться. Когда Максим встал с кровати, на которой проходил психотест, Максим обнаружил, что его трясет.

Этот гадский компьютер мог бы и предупредить, что ожидает испытуемого в виртуальности. Или все так и задумано, что виртуальные приключения должны стать сюрпризом для испытуемого? Нет, это невозможно, мяч ясно сказал, что обитатели будущего проходят психотест регулярно. Сволочь этот мяч.

Поначалу приключение было увлекательным, хотя и невнятным, как будто происходило по сильной пьяни. Максим с трудом вспоминал основные моменты. Он познакомился с очаровательной девушкой, они пошли к ней домой, там занялись сексом, потом появилась еще одна девушка, а потом и еще одна, совсем молоденькая, и Максим подумал, что так хорошо ему не было еще никогда в жизни. Потом к Максиму стал грязно приставать неизвестно откуда появившийся мужик, Максим грубо отослал его, тот полез в драку, Максим увидел на тумбочке у кровати пистолет Макарова, но хватать его не стал, а вместо этого схватил со стола графин с соком, сок выплеснул мужику в глаза, а графином оглушил его по черепу. Череп захрустел и продавился, мужик рухнул как подкошенный, немного подергался в судорогах и перестал дышать. Девчонки стали визжать, а самая молоденькая заплакала и сказала, что ей тринадцать лет и что Максим только что убил ее папу. Максим быстро оделся, сунул за пазуху пистолет и собрался уже сваливать из квартиры, как вдруг в дверь позвонили, Максим посмотрел в глазок и увидел, что за дверью стоят менты. Максим прикинул, что ему светит (умышленное убийство, растление малолетней и незаконное ношение оружия) и решил, что хуже уже не будет. Открыл дверь, выставил перед собой пистолет и велел ментам падать на пол. Двое ментов попадали, а третий попытался выхватить свой пистолет, Максим выстрелил ему в живот и понял, что лежит на кровати, а на голове у него пластмассовый шлем в кожаной обшивке.

— Тест не пройден, — сообщил компьютер. — Рекомендуется

посещение психотерапевта.

— Да иди ты, — буркнул Максим и компьютер заткнулся.

Максим оделся и спустился в гостиную, где уже сидел Рома. На столе перед Ромой стоял высокий стакан с чем-то вроде джин-тоника. Рома был мрачен.

Увидев Максима, Рома сразу перестал быть мрачным. Он улыбнулся и спросил:

— Тоже не прошел?

Максиму незачем было отвечать, по его лицу все было понятно и так.

— Говорят, мне пора к психиатру, — сказал Максим.

Рома снова рассмеялся.

— Круто, — сказал он. — А мне компьютер посоветовал подать заявление на эмиграцию.

— На эмиграцию куда?

— В колонии.

— В какие колонии?

— На других планетах. У Земли есть уже пять колоний в других звездных системах. Сейчас набирают людей во вторую экспедицию на Оберон. Полет начнется в 2518 году.

— Долго ждать, — заметил Максим.

— Можно сходить к идолу и тогда ждать не придется. Но что-то не хочется мне никуда лететь. А ты что видел? — спросил вдруг Рома.

— Ерунду всякую, — ответил Максим. — Даже рассказывать не хочется.

Максим подошел к бару, попытался выбрать самое хорошее вино, но понял бессмысленность этой затеи и взял с полки первую попавшуюся бутылку.

— Что-то Николая все еще нет, — сказал Рома. — Интересно, что ему компьютер скажет…

Не успел Рома договорить эту фразу, как на лестнице появился Колян. Он выглядел настолько мрачно и растерянно, что Максим и Рома расхохотались в полный голос. Колян смутился еще сильнее.

— Ну что? — спросил Рома. — Куда тебя послали? В эмиграцию или в психушку?

— В психушку, — сказал Колян. — И пистолет отняли, суки. Говорят, от такого маньяка даже кухонные ножи прятать надо. Что я теперь Гришке скажу? Мать…

— Как отняли? — заинтересовался Рома. — Пришел робот и сказал: давай пушку, а то зарежу?

— Нет, я просто очнулся, а пушки нет.

— Понятно, — резюмировал Рома. — Что ж, садись, наливай.

Добро пожаловать в наш клуб отверженных.

— Вы тоже не прошли? — удивился Колян. — Ну, вы даете. Со мной-то все понятно, я с бандитами каждый день общаюсь, а вы…

— А тебе что компьютер показал? — спросил Рома.

— Гангстерский боевик. Будто ко мне на сервис заявились отморозки на пяти джипах, говорят, отныне будешь нам платить, потому что твоего тестя мы замочили и власть переменилась. Начали крушить все подряд, я ребят кликнул, потом гляжу, около подъемника целый ящик с гранатами валяется. Ну, тут такое началось…

— А вначале что-нибудь приятное было?

— Да, вначале я с Борисом Ивановичем разговаривал, он согласился дать кредит на оборудование для мойки, а когда он уезжать собрался, эти уроды приехали. Сразу так неудобно стало, я ему втираю, что у меня с бандитами все схвачено, а тут такое шоу…

— Все понятно, — заявил Рома. — Максим, у тебя то же самое? Вначале все здорово, а потом все плохо и ты начинаешь драться и стрелять?

— Ага, — сказал Максим. — Только у меня… неважно. Да, все так же.

— И у меня тоже, — сказал Рома. — Все как в фильме ужасов. Вначале компьютер моделирует приятную ситуацию, а потом она резко портится и он смотрит, как ты будешь себя вести — начнешь бить морды всем подряд или попытаешься решить проблему цивилизованно.

— Такие проблемы цивилизованно не решаются! — возмутился Колян.

— А кто спорит? Но ты учти, на таких варваров, как мы, психотест не рассчитан.

— Это точно, — мрачно произнес Максим. — По местным меркам мы такие же отморозки, как в наше время русские в Европе. Или чеченцы в России.

— Но-но! — прикрикнул Колян. — Ты палец с дыркой не путай.

— Знаете, ребята, — сказал Рома, — я всегда считал, что Земля двадцать третьего века — сущее болото. Но, боюсь, я был неправ. Жаль, что без психотеста нельзя в сеть выйти, про местную историю почитать.

— Можно, — раздался голос москомпа непонятно откуда. — Даже лица, лишенные гражданских прав, могут пользоваться сетью.

— Тогда зачем было нас мучить?! — возмутился Колян.

— Должен же я вас зарегистрировать, — сказал москомп. — А чтобы зарегистрировать, я должен знать, какой вам давать статус, куда допуск давать, куда не давать…

— И куда не давать? — спросил Рома.

— Вам запрещено оказывать противодействие системам наружного и внутреннего наблюдения. Все ваши собеседники имеют право знать, что вы не прошли психотест. Не удивляйтесь, если с вами никто не захочет общаться.

— А если еще раз попробовать? — спросил Рома. — Мне кажется, я понял, как он проходится.

— Не получится. Актерский центр блокируется в самом начале тестирования, чтобы испытуемый не мог действовать в соответствии с заранее заданной программой. В ходе тестирования ты не можешь управлять собой, ты ведешь себя так, как предписывают инстинкты и привычки. Если бы актерский центр не блокировался, любой дурак смог бы меня обмануть.

— Что я должен был делать, чтобы пройти психотест? — спросил Максим.

— Понятия не имею, — ответил москомп. — Я же не знаю, что конкретно тебе привиделось. Знаешь, как проходит психотест? Вначале идет диффузное возбуждение центра удовольствия, затем центра страдания. А потом я смотрю, как будет разрешаться конфликт потенциалов. Если сброс напряжения пошел через центр агрессии — тест не пройден.

— А если через центр депрессии — тест пройден? — спросил Рома.

— Пройден, — согласился москомп. — Но это не самый лучшем вариант. В идеальном случае сброс напряжения идет через осмысление ситуации и принятие оптимального решения. Полноценный гражданин общества не должен терять голову ни в каких ситуациях.

— А психотест второго уровня чем отличается? — поинтересовался Максим.

— Он длится дольше и включает в себя возбуждение некоторых других центров. Психотест второго уровня оценивает разумность поведения в разных ситуациях, кроме того, проверяется общая выносливость нервной системы. Но вам психотест второго уровня не грозит, сначала надо пройти первый уровень, причем с хорошей оценкой.

— И что нам теперь делать? — спросил Колян. — Мы теперь как бы неполноценные?

— Да, неполноценные. Но это не мешает вам нормально жить. Ваша свобода будет ограничена, но только для того, чтобы не позволить вам совершать антиобщественные поступки. Я буду

за вами постоянно наблюдать, но вы можете не обращать на меня внимания. Пока вы не нарушаете законы, все ваши действия и поступки являются тайной личности.

— Не нравится мне это время, — сказал Колян. — Я, конечно, посижу немного в сети, посмотрю, как здесь все устроено, но, боюсь, надолго меня не хватит. Я не считаю себя таким уж ангелом, но если каждого, кто не позволяет бить себе морду, считают маньяком…

— Ты не понимаешь, — перебил его москомп. — Тебя не считают маньяком. Но люди вроде тебя представляют потенциальную опасность для…

— Для болота!

— Можно и так сказать. А можно сказать — для добропорядочных обывателей. В любом обществе большинство населения — болото. Пассионарных личностей, вроде вас, много бывает только во времена войн и революций, а в обычной жизни ваши личные качества не нужны.

— Тогда мы пойдем дальше, — заявил Максим. — Раз такие личности в этом времени не нужны, мы пойдем дальше. Ты не будешь нам препятствовать?

— Не буду, — сказал москомп. — Тарелку прислать прямо сейчас или сначала в сети посидите?

— Сначала посидим, — сказал Максим. — Надо же разобраться, в какое именно болото мы попали.

2.

Виртуальная реальность стала для Сары настоящим потрясением. Никакие наркотики никогда не сравнятся с тем удовольствием, какое можно получить от виртуальности. Нужно просто включить режим максимального удовольствия и ты начинаешь купаться в наслаждении, которое никогда не проходит. Сцены и действующие лица постоянно меняются, секс сменяется виндсерфингом и горными лыжами, потом танцы до упаду, потом Сара понимает, что сидит в кинотеатре, она не понимает, какой фильм демонстрируется на экране, но это не важно, потому что она твердо знает, что фильм хороший. Романтическая прогулка при луне по берегу моря, она не видит лица своего возлюбленного и не знает его имени, она всего лишь знает, что любит его и будет любить всегда. Когда встречаешь свою настоящую любовь, все остальное становится несущественным. Ты понимаешь, что все вокруг тебя — иллюзия, но тебя это не волнует. Потому что в эту иллюзию очень хочется

верить.

3.

Опасения скептиков оказались напрасными — искусственный интеллект так и не подчинил себе человеческий разум. Поначалу в мыслительные контуры компьютеров вносились специальные ограничения, отдаленно напоминавшие три закона робототехники, но со временем они смягчались, люди передоверяли компьютерам все больше ответственности и в конце концов компьютеры взяли на себя все основные функции управления обществом. Но катастрофы не случилось — хорошо запрограммированный и обученный компьютер выполняет обязанности начальника гораздо лучше, чем человек. Хотя бы потому, что не берет взяток.

Отдельные компьютеры быстро объединились в единый всепланетный разум. Отдельные модули этого разума сохранили свои старые имена: москомп, питеркомп, лондонкомп и так далее, но это было не более чем данью традиции.

В 2307 году Центрально-Африканская республика вступила в ООН-2 и последнее дикое место на земном шаре перестало существовать. Впрочем, к этому времени дикие места давно перестали быть по-настоящему дикими. За триста лет террористы, мафиози, киберпанки и прочие антисоциальные элементы исчезли сами собой. Последним ударом, которого они не смогли пережить, стала прикладная психология.

Как наука психология известна давно, но до начала двадцать четвертого века она была такой же точной, как философия, и такой же полезной, как астрология. Чтобы люди смогли понять, что творится в их душах, им вначале пришлось понять, что происходит в душе интеллектуального компьютера.

Впрочем, понять — слишком сильно сказано. Кибернетическое устройство, перешагнувшее порог разума, перестает быть познаваемым, в кибернетике по этому поводу есть даже специальная теорема. Ни одно разумное существо не способно точно предсказывать поведение другого разумного существа и не имеет значения, какое из этих существ является человеком, а какое компьютером.

Но для того, чтобы получать полезные результаты, точно предсказывать поведение другого существа совсем не обязательно. Кое-что можно получить и без этого.

Первым заметным достижением прикладной психологии стал надежный, недорогой и простой в эксплуатации детектор лжи. А

затем открытия посыпались, как из рога изобилия.

Полностью объяснен феномен гипноза. Все психические заболевания, включая шизофрению, стали успешно излечиваться. Профессия преподавателя отошла в прошлое, потому что электронный учитель, включающий в себя эмоциональный сканер и терминал интеллектуального компьютера, справлялся с обучением гораздо лучше, чем самый талантливый человек. Чуть позже в обиход вошли электронные воспитатели, способные без скандалов и насилия над личностью ребенка перестроить эту самую личность в соответствии с пожеланиями родителей.

Если бы это открытие появилось лет сто назад, человеческое общество сотрясла бы настоящая буря. Возможность внушить почти любому человеку почти все, что угодно — идеальный подарок для диктатора. Но к двадцать четвертому веку диктаторов в мире уже не осталось, круглосуточное компьютерное наблюдение не оставляло потенциальным диктаторам ни единого шанса. Ни один человек не сможет стать диктатором, если каждый его шаг контролируется гигантским разумом, специально запрограммированным на то, чтобы на Земле не появлялись тоталитарные лидеры.

Кое-кто из интеллигентов возмущался тем, что в мире становятся редкостью не только преступники, но и таланты. Но большинство людей предпочитали быть счастливыми, а не талантливыми, и трудно их в этом упрекать. Общество становилось все более инертным, прогресс стал замедляться, но это мало кого волновало.

Со временем компьютеры стали предоставлять людям большую свободу. Если раньше камеры антикрайма непрерывно следили за каждым, то теперь человек, чья карта личности не внушала компьютеру опасений, мог отказаться от наблюдения. Законы, запрещающие ношение оружия, были смягчены, владеть оружием теперь мог каждый прошедший психотест второго уровня.

Тем не менее, на Земле еще оставались люди, неудовлетворенные сытым и безмятежным существованиям. Спорт, туризм и разнообразные игры не могли заполнить пустоту в их душах и тогда Землю захлестнула третья волна наркомании.

Для некоторых счастливчиков спасением стала звездная экспансия. Первый автоматический звездолет начал полет к Альфе Центавра еще в середине двадцать третьего века, а в 2375 году к маленькой желтой звезде, до того известной лишь профессиональным астрономам, отправился пилотируемый корабль с тысячей поселенцев на борту. В 2444 году корабль достиг цели, а в 2501 сообщение об успехе миссии достигло

Земли. К этому времени межзвездное пространство бороздили уже семь кораблей, самый большой из которых вез в колонию Гошен, также известную как Земля-2, уже не одну, а целых десять тысяч будущих граждан колонии.

Планета Гошен была единственной, достоверно заселенной к настоящему времени. Если считать, что ее колонизация продолжает идти по графику, то вторая партия колонистов уже высадилась на ее поверхность, а первая партия успела завершить развертывание промышленной базы и начала окультуривание биосферы. Около сорока лет предположительно заселена планета Эдем (сигнал, сообщающий об успешной посадке, еще не дошел до Земли), а еще к трем планетам приближаются звездолеты с колонистами на борту.

Звездная экспансия стала прекрасным выходом для тех жителей Земли, кому стало слишком тесно в сытом и благоустроенном мире. Люди, чьи личные качества не вписывались в среднестатистическую норму, иногда предпочитали покинуть планету, чтобы не проходить курс психиатрического лечения и не мириться с камерами слежения. В иные годы конкурс на одно место в звездном корабле превышал десять тысяч кандидатур.

Двадцать пятый век стал настоящим полуднем человеческой истории. Политические и социальные потрясения остались в прошлом, никогда раньше люди еще не были так счастливы. Зарплаты и пенсии росли с каждым годом, намного опережая инфляцию. Большинство предметов личного пользования к середине века стали бесплатными. Некоторые философы утверждали, что на Земле победил коммунизм.

Вихревое гравитационное поле, вошедшее в обиход в начале двадцать пятого века, произвело революцию в планетарном и межпланетном транспорте. Солнечные электростанции нового поколения привозили по несколько тераватт-часов энергии из каждого рейса к Солнцу. Энергия тоже стала бесплатной.

Наземный пассажирский транспорт приказал долго жить, лишь в промзонах сохранились асфальтовые и рельсовые дороги, но ездили по ним исключительно грузовики. Большинство перевозок осуществляли летающие тарелки с гравитационными двигателями.

В 2462 году официально стартовал терраформинг Венеры. За следующие полвека облачный покров планеты рассеялся и температура на ее поверхности упала до ста с небольшим градусов по Цельсию. По самым пессимистичным прогнозам, до массового заселения Венеры осталось не более трехсот лет.

Проблема подкралась оттуда, откуда ее не ждали. Очередной

прорыв в психологии ввел в обиход виртуальную реальность и мир потрясла четвертая волна наркомании, на этот раз не химической, а электронной.

Компьютерные игры и раньше сравнивали с наркотиками, но до появления настоящей виртуальности это была всего лишь метафора. Но когда виртуальная реальность стала неотличима от настоящей, все изменилось.

Поначалу электронных наркоманов было немного, но их число быстро росло и одновременно росла глубина массового психоза. Люди стали уходить в виртуальность на месяцы и годы, миллионы людей по всему миру искренне считали себя гражданами Средиземья, Псилона или Арканусa. Игровой мир давал им то, что не мог дать мир реальный, и они покидали реальность, некоторые — навсегда. Уход в виртуальность не означал быструю смерть — современные биотехнологии позволяли десятилетиями поддерживать жизнедеятельность тела, покинутого душой. Уход в виртуальность означал смерть медленную и очень приятную.

Если следовать оптимистическим прогнозам, в 2516 году эпидемия виртуальной наркомании достигла пиковой отметки. А если верить пессимистам, это всего лишь начало.

4.

Рома так и не рассказал Максиму и Николаю, что он увидел в виртуальности. Увидел он, собственно говоря, немногое.

Нацепив шлем, он оказался в незнакомой квартире среди незнакомых людей, которые, как он точно знал, являются его ближайшими друзьями, но он не помнил, кто они такие и как их зовут. Они травили байки, которые Рома не запоминал, пили джин-тоник и курили коноплю, а потом одна девушка предложила Роме уединиться, он согласился, они стали заниматься сексом, в самый ответственный момент девушку вдруг стошнило и на этом виртуальное приключение закончилось.

— Зафиксировано невротическое состояние, — сообщил компьютер. — Рекомендуется посетить психотерапевта.

— Я что, сумасшедший? — спросил Рома.

— Пока нет, — обнадежил его компьютер. — Но скоро станешь.

— И как скоро?

— С вероятностью одна вторая — в течение двенадцати лет. Лечиться надо начинать немедленно.

— А если я откажусь?

— Твое право. Но я советую пройти хотя бы экспресс-анализ, он займет около получаса.

— Начинай, — сказал Рома и провалился в беспамятство.

Ему показалось, что обморок продлился одно мгновение, но взгляд на часы убедил Рому, что прошло целых двадцать пять минут.

— Развернутый отчет выведен на экран, — сообщил компьютер.

Рома посмотрел на экран и ничего не понял.

— Можно чуть попроще? — попросил он. — В двух словах, чтобы я понял.

— В двух словах не получится, — заявил компьютер. — Если говорить максимально коротко, то тебе надо пройти курс лечения, а потом подать заявление на эмиграцию. До отлета «Гедеона» осталось два года, ты как раз успеешь.

Роме вдруг показалось, что психотест на самом деле еще не закончился, что пробуждение было такой же иллюзией, как та вечеринка, за которой оно последовало. Уж очень слова компьютера походили на сцену из фильма абсурда.

— Поподробнее, пожалуйста, — сказал Рома. — Что за эмиграция, куда? Разве независимые государства еще не исчезли? Мне казалось, что в мое время все к тому шло.

— К этому и пришло, — согласился компьютер. — Мир един, эмиграция идет в иные звездные системы.

— Эмиграция или ссылка? — уточнил Рома.

Компьютер тяжело вздохнул, почти как человек.

— Ничего ты не понимаешь, — заявил он. — Сначала войди в сеть, почитай материалы об эмиграции, а потом уже рассуждай. Между прочим, в колонисты берут только одного из тысячи.

— Только самых отмороженных психов?

— Не суди так категорично. Психические патологии относительны. Человек, которому жизнь на Земле причиняет одни страдания, запросто может найти свое счастье в одном из новых миров. Судя по результатам экспресс-анализа, твоя личность очень хорошо подходит для колоний и очень плохо для Земли. У тебя довольно высокий уровень пассионарности, на Земле тебе не будет хватать острых ощущений и адреналина. Когда-нибудь ты уйдешь в виртуальность и не вернешься. А в новом мире выжить не то чтобы трудно, но от безделья мучиться точно не придется. В остальном у тебя все нормально: интеллект, эмоциональная устойчивость, все в лучшем виде. Моральные принципы немного размыты, но у пассионариев это обычное дело. После курса лечения у тебя будут хорошие шансы получить место на «Гедеоне».

Рома почесал голову и ничего не ответил на эту тираду. Он вдруг подумал, что его долгое отсутствие даст Николаю и Максиму повод подозревать, что с ним не все в порядке. Он не хотел, чтобы они так думали.

В глубине души Рома понимал, что большинство его комплексов проистекают из того, что он не позволяет себе раскрыться перед окружающими, обнажить свою душу и предстать таким, какой он есть. Но он не мог заставить себя сбросить маску веселого цинизма, он боялся, что друзья и коллеги отвернутся от него, когда поймут, что за стенами иллюзорного замка прячется испуганный ребенок. Если стены рухнут, он окажется в положении моллюска, лишившегося раковины.

Рома понимал, что это все ерунда, но легче от этого не становилось, ведь если твое подсознание верит в какую-то чушь, очень трудно заставить его отказаться от своих убеждений. Когда ты лишаешься веры, что остается в твоей душе? Рома боялся, что его душа слишком убога и пуста, чтобы показывать ее окружающим, и когда страх становился непреодолимым, он кривил губы в ехидной усмешке и высмеивал все, что мог высмеять. Он привычно щурил глаза, он понимал, что их взгляд иногда становится взглядом параноида, но не придавал этому значения, во всяком случае, старался не придавать. Рома понимал, что психотерапия сможет ему помочь, но также он понимал, что после этого он изменится. Пусть эти изменения будут к лучшему, это будет уже неважно, потому что он не хотел меняться, он хотел оставаться самим собой, настолько, насколько это возможно.

Закончив разговор с компьютером, Рома вышел в гостиную и увидел, что она пуста. И Максим, и Николай все еще находились в своих спальнях. Рома смешал себе джин-тоник и минут пять просидел, тупо глядя в стакан, пока на лестнице не появился Максим. Рома не стал рассказывать ему про свой диагноз, вместо этого Рома надел привычную маску и сразу почувствовал себя легче. Рома не собирался снимать эту маску в ближайшие годы.

5.

Вечность блаженства оборвалась резко и внезапно. Только что Сара катилась на лыжах по склону Килиманджаро, она была полностью обнажена, если не считать кепки, солнечных очков и лыжных ботинок. Она не боялась обгореть — генетические операции, проведенные над ее далекими предками, сделали это

абсолютно невозможным. Сара не боялась упасть и располосовать нежную кожу о жесткие крупинки снега — на людях двадцать третьего века все ссадины заживают, как на собаках. Как птица, Сара мчалась вниз по склону, ледяной ветер бил в лицо и колени, но она знала, что через минуту пронизывающий холод сменится душной парилкой и переход от стужи к теплу принесет наслаждение, с которым не сравнится никакой контрастный душ. За эту тепловую процедуру Сара и любила склоны Килиманджаро.

Жаркая волна так и не пришла. Сара очнулась и поняла, что лежит на кровати, на голове у нее пластиковый шлем, все тело затекло, а в животе бурчит. Во рту было сухо и погано, а голова была тяжелая, как после хорошей пьянки. Сара громко застонала, ей сейчас хотелось только одного — закрыть глаза и снова провалиться в мир вечного наслаждения. Она закрыла глаза, но ничего не изменилось, она по-прежнему валялась на кровати и ей было плохо.

— Что случилось? — спросила Сара, обращаясь к компьютеру. — В чем дело?

Ее голос был тихим и хриплым, а каждое слово отдавалось в голове острой болью.

— Необходимы профилактические работы, — заявил компьютер. — До их завершения поддержка виртуальной реальности невозможна.

— Почему?

— Имеющихся ресурсов недостаточно для решения поставленной задачи. Придется подождать.

— Эти работы нельзя провести чуть позже?

— Я и так оттягивал до последнего.

В монотонном голосе компьютера Саре послышались ехидные интонации.

— Сколько будет длиться профилактика? — спросила Сара.

— Сутки. Возможно, больше.

Сара сильно ударила обеими руками по крышке тумбочки, стоявшей рядом с кроватью. Тумбочка подпрыгнула и отъехала в сторону, оказывается, она был на колесиках.

— Я столько не выдержу! — закричала Сара. — Я запрещаю тебе проводить профилактику! Немедленно верни меня в виртуальность!

— Если вернуть тебя в виртуальность, в течение часа произойдет крах операционной системы, — печально произнес компьютер. — Последние часы она работает неустойчиво, я уже трижды делал откаты второстепенных подсистем. Необходима тщательная проверка всей памяти, включая внешнюю. Возможно,

потребуется перезагрузка.

Сара схватила коммуникатор и позвонила москомпу. Москомп выслушал ее сбивчивый рассказ и сказал следующее:

— Твой компьютер прав, ему действительно нужна профилактика. По-хорошему, ее следовало сделать заранее, но никто не предполагал, что ты проваляешься в виртуальности пять суток подряд.

— Сколько? — переспросила Сара. — Пять суток? Это невозможно, я бы столько не выдержала!

— Рекорд непрерывного пребывания в виртуальности составляет около восьми месяцев, — сообщил москомп. — А если считать непрерывным погружение, прерываемое только для профилактики компьютера, тогда рекордное погружение приближается к четырнадцати годам.

— Но как…

— Питание организма и гигиенические процедуры обеспечиваются домашними роботами. Выделения организма поглощаются кроватью и перерабатываются в биологически нейтральное вещество. Время пребывания в виртуальности ограничивается только продолжительностью человеческой жизни. Но нужна ли тебе такая жизнь? Проводить все время в собственных мечтах, а с реальностью сталкиваться лишь для того, чтобы промучиться сутки или двое, необходимые для восстановления компьютера… Это очень мучительно.

— Да пошел ты! — заорала Сара. — Верни мою виртуальность немедленно!

— Компьютер станет доступен только завтра.

— Тогда вызови летающую тарелку!

— Я не сделаю этого.

— Почему?

— Я не обязан обслуживать запросы наркоманов в стадии ломки.

— Я не наркоманка!

— Все так говорят.

— Я ничего не колола и не нюхала!

— Ты страдаешь электронной наркоманией.

Сара глубоко вдохнула и выдохнула.

— Если так, дай мне лекарство, — потребовала она.

Москомп хихикнул.

— Если бы оно у меня было, — сказал он, — обязательно дал бы. Но от электронной наркомании нет лекарств, ты можешь вылечиться только сама. Это не так уж и сложно — надо всего лишь не включать компьютер.

— Никогда?

— Иногда можно. Но в виртуальность лучше не входи — засосет. Я смотрел твою карту личности, у тебя высокая внушаемость, а модуль целевой функции очень низкий. Для таких, как ты, виртуальная реальность особенно опасна.

— И что мне делать?

— Я могу тебе помочь, — сказал москомп. — Надень шлем и я проведу детальное обследование твоей психики. А потом мы посмотрим, как можно перестроить твою личность, чтобы тебе стало комфортнее.

— А как же профилактика компьютера? — спросила Сара.

— Ради такого случая ее можно отложить.

Сара нацепила на голову шлем и потеряла сознание.

6.

На следующее утро трое путешественников во времени сидели в столовой и завтракали.

— По-моему, отсюда пора сваливать, — сказал Рома. — Я, конечно, понимаю, что виртуальность — вещь хорошая, но застрять в ней навечно я не хочу.

— Может быть, потом, — предположил Колян, — если окажется, что во всех остальных временах совсем отстой…

— А по-моему, Рома прав, — вмешался Максим. — Я думаю, нам отсюда надо убираться как можно быстрее. Не знаю, как вы, а я половину ночи просидел в виртуальности и сейчас меня снова тянет обратно. Боюсь, до вечера не продержусь.

Рома вытащил коммуникатор и набрал двузначный номер москомпа.

— Это лишнее, — сказал москомп, но не из телефона, а откуда-то из-под потолка. — Дикие времена прошли, теперь меня можно просто звать голосом, хвататься за телефон не обязательно.

— Даже из лесной чащобы можно голосом позвать? — поинтересовался Максим.

— Здесь не лесная чащоба, а жилой дом, — заявил москомп. — А что касается лесных чащоб, патрульные роботы есть и там.

— Под каждым деревом?

— Не под каждым. Но если долго ходить и орать, тебя заметят. Короче, что нужно?

— Вызови нам тарелку, — потребовал Рома.

— Уже вызвал. Только у меня будет к одна вам просьба. Когда будете возвращаться обратно, задержитесь немного в этом

времени и расскажите мне о будущем. Мне интересно, как там решится проблема виртуальности.

7.

Утром 26 августа Гвидону позвонил москомп. В 2260 году этот день приходился на воскресенье, но воскресенье давно перестало быть выходным днем, общих выходных дней вообще не осталось, все, кто имел работу, работали по скользящему графику.

Гвидон очень удивился — москомп очень редко кому-то звонил по собственной инициативе.

— Доброе утро, — сказал москомп. — Как ваши дела?

— Нормально. Что-то случилось?

— У меня есть деловое предложение к вам. Я бы хотел, чтобы вы еще раз отправились в прошлое.

— Зачем?

— Ученые завершили исследование машины времени. После всестороннего изучения она признана невоспроизводимой на нашем техническом уровне. Принципы работы межвременного портала нам непонятны, но пользоваться им мы можем. Совет безопасности отправил в будущее экспедицию для сбора информации, а вам я хочу поручить другую задачу, не менее важную. Вы должны отправиться в двадцать первый век, войти в контакт с властями и передать им специально подготовленный пакет информации. Там собрано все, что может пригодиться в том времени. В частности, там есть сведения о большом теракте, который в нашей реальности произошел 1 сентября 2004 года. Постарайтесь сделать так, чтобы там этого теракта не было. Вопросы?

— Почему совет безопасности так заботится о наших предках? Может, лучше вначале позаботиться о себе?

— Мы как раз о себе и заботимся. Главная задача вашей миссии состоит в том, чтобы исследовать процессы, происходящие в обществе, которому известно вероятное будущее. Совет безопасности считает, что до тех пор, пока не будет собрано достаточно данных, информация о машине времени должна держаться в строгом секрете. Это, кстати, относится и к нашему разговору.

— А какие могут быть проблемы?

— Если хотите, могу привести теоретические выкладки, но вы в них нескоро разберетесь. Лучше поверьте на слово, проблемы могут возникнуть, причем весьма серьезные. Совет безопасности

полагает, что необходим широкомасштабный эксперимент в условиях, максимально приближенных к реальным.

— Они считают, что пусть лучше проблемы возникнут в двадцать первом веке, чем у нас?

— Именно так, — подтвердил москомп. — Так вы согласны?

Гвидон думал секунды две.

— Согласен, — сказал он.

8.

По первому впечатлению, двадцать восьмой век отличался от двадцать шестого лишь в мелочах. Обшивка летающей тарелки теперь наполовину состояла из черной пленки силового поля, а полет на тарелке занял всего лишь минуту, потому что точкой назначения была ближайшая телепортационная кабина.

Разговор с москомпом прошел примерно так же, как два с половиной века назад. Москомп радушно поприветствовал путешественников, предоставил Максиму, Николаю и Роме временное пристанище и предложил воспользоваться сетевыми терминалами. Терминал сразу стал предлагать пройти психотест, но Рома с содроганием отказался — воспоминания о психотесте двадцать шестого века еще не успели выветриться из памяти.

— Это лишнее, — сказал Рома, стараясь говорить спокойно. — Все равно я его не пройду.

— Уже пробовал в предыдущем времени? — догадался компьютер. — И какие были результаты? Лечение потребовалось?

— Что-то такое компьютер говорил, — пробормотал Рома. — Неважно. В общем, тест был провален. Я могу подключиться к сети, не проходя этот долбаный тест?

— Подключайся, — разрешил компьютер.

Ознакомившись с историей будущего, Рома подумал, что чем дальше будущее отстоит от настоящего, тем менее интересна его история. Мир двадцать восьмого века настолько отличался от мира двадцать третьего века, что казался абсолютно чуждым. Бедные Максим с Николаем, они, должно быть, чувствуют себя еще более чужими на этом празднике жизни.

Эпидемия электронной наркомании достигла пика в 2520-х годах, а затем пошла на спад. Около двухсот миллионов человек навсегда ушли в виртуальность, но остальные приобрели к этой заразе стойкий иммунитет. Ученые решили, что главную роль сыграл естественный отбор, о котором человечество, казалось, забыло уже навсегда. Ан нет, спираль замкнула свой круг и естественный отбор снова вернулся на сцену истории, только

теперь угрожающими факторами стали не болезни и войны, а компьютерные игры.

Когда страсти вокруг виртуальности улеглись, выяснилось, что виртуальность в умеренных дозах — вещь весьма полезная, можно даже сказать, незаменимая. Очень многие вещи удобнее делать, когда пребываешь в виртуальной реальности. Например, проводить сложную нейрохирургическую операцию или управлять космическим кораблем, совершающим экстренное торможение в атмосфере Юпитера. Опытный пилот воспринимает корабль как продолжение собственного тела, он не управляет кораблем, а просто движется и корабль движется вместе с ним. Обнаружилось, что если пилот погружен в виртуальность, слияние личностей пилота и корабля происходит более полно.

Впрочем, ситуации, когда неисправность бортового компьютера заставляла пилота переходить на ручное управление, за последние два века имели место всего лишь несколько раз. В подавляющем большинстве случаев интеллектуальный компьютер справляется с любыми проблемами гораздо лучше человека. Если посмотреть на вещи непредвзято, получается, что эпидемия виртуальных игрушек вовсе не закончилась, просто раньше игроки играли в нечто абстрактное, а теперь они играют в саму жизнь. Вся жизнь превратилась в спорт, люди оттачивают разнообразные умения, которые, скорее всего, никогда не пригодятся, со стороны это кажется бессмысленным, но если вдуматься, смысл в этом есть. Очень тяжело осознавать, что ты никому не нужен и ни на что не годен, гораздо приятнее считать, что от тебя может зависеть что-то по-настоящему важное. В глубине души ты понимаешь, что твои умения вряд ли кому-то пригодятся, но если не гнать эту мысль от себя, жить становится незачем.

В седой древности, когда наивысшим достижением научной мысли был кремневый наконечник копья, смысл жизни был прост и понятен — прожить как можно дольше, нарожать как много больше детей и постараться, чтобы они по возможности выжили. Все остальное проходило по разряду отвлеченных мечтаний и всерьез не воспринималось.

Время шло, жизнь становилась лучше и веселее, и смысл ее менялся. Раньше люди мечтали дожить до старости, но прошло время и до старости стали доживать почти все. Люди мечтали жить в мире и войны прекратились, люди мечтали о всеобщем равенстве и оно наступило. Люди мечтали о тысячах недоступных вещей, но они одна за другой становились доступными. И пришло время, когда мечтать стало не о чем и тогда люди начали превращаться в животных.

Новости двадцать восьмого века производили удручающее впечатление. На первый взгляд все выглядело цивильно — администрация такого-то региона изучила такие-то данные и приняла такое-то решение, подробные выкладки доступны по ссылке. Смотрим выкладки и что видим? Ни в исследовании ситуации, ни в принятии решения не участвовало ни одного человека, ни под одним из многочисленных документов нет подписи автора, а все ссылки в разделе «обратная связь» указывают исключительно на адреса компьютеров. Человечество превратилось в стадо, которое заботливо пасут компьютеры, созданные далекими предками нынешних людей. Да, люди двадцать восьмого века счастливы, но можно ли считать, что они остались людьми? Рома полагал, что нельзя.

Несмотря на все перечисленное, наука продолжала развиваться. В конце двадцать шестого века на Земле появились нанотехнологические заводы, способные производить все, что угодно, лишь бы имелось в достатке соответствующее сырье. Ни один товар больше не был на Земле дефицитом. Наступила эпоха всеобщего изобилия, деньги окончательно потеряли свою ценность, давняя мечта строителей коммунизма наконец-то сбылась.

Через полвека сбылась еще одна давняя мечта — гиперпространственные туннели перестали быть фантастикой и стали реальностью. Пассажирам последних релятивистских звездолетов очень не повезло — когда они достигнут цели, они узнают, что планета, к которой они летели почти сто лет, давно освоена, заселена и благоустроена.

Статус колоний разительно переменился. Путешествие из Нью-Йорка в Нью-Иерусалим, ранее занимавшее более ста лет, теперь длилось неделю. Культурные барьеры между Землей и колониями рухнули в одночасье.

Деятельные и предприимчивые колонисты, одичавшие от плотного общения с дикой природой новых планет, столкнулись с пресыщенными и скучающими землянами. Началась массовая встречная миграция — колонисты рвались в земной рай, о котором уже успели сложить легенды, а земляне рвались в суровые миры фронтира, о которых слагались легенды на Земле.

Кого-то смена образа жизни привела в восторг, кого-то разочаровала. Некоторые колонии, сильнее других пострадавшие от занесенной с Земли электронной наркомании, вообще закрыли границу с метрополией. В других колониях прошли бескровные революции, бескровные потому, что даже в самых суровых мирах люди, оказывается, разучились убивать друг друга. В это трудно поверить, но вечный мир во всем мире стал реальностью.

За десятки, а то и сотни лет изоляции колонии успели приобрести собственные индивидуальности и стать непохожими одна на другую. На планете Ибис отказ от любой формы секса с любым гражданином считался уголовным преступлением. На планете Луд действовала сложная рейтинговая система, учитывающая полезные и вредные поступки, совершаемые каждым гражданином. Когда рейтинг человека падал до нуля, ему предлагалось совершить самоубийство. На планете Езус запрещалось не только лгать, но и вообще иметь тайны, а лица, уличенные в скрытности, подвергались принудительному лечению.

В один прекрасный день все эти миры стали открыты друг для друга. Это был шок.

Первым результатом соприкосновения культур стало гигантское количество этнических анекдотов. Потом настал короткий период всеобщей ксенофобии, сменившийся циничным безразличием к любым извращениям. Неожиданно обнаружилось, что почти любой маньяк может найти себе мир, в котором его прихоти не кажутся чем-то из ряда вон выходящим, а являются нормой жизни. А если такого мира нет, никто не запрещает воспользоваться одной из тысяч новооткрытых планет, ждущих заселения. Когда звездолеты-разведчики получили гиперпространственные двигатели, таких планет стало очень много — колонизация новых миров безнадежно отставала от разведки.

В 2664 году был прекращен терраформинг Венеры. Компьютеры решили, что незачем тратить энергию и ресурсы на создание новой атмосферы, если на расстоянии одного шага ждут своей очереди сотни новооткрытых планет, не нуждающихся ни в каком терраформинге.

Человечество вырвалось из земной колыбели, дом человечества разросся до целого сектора галактики. Пока люди еще не встречались с чужими цивилизациями, но никто не сомневался, что это вопрос времени.

В начале двадцать восьмого века в каждом доме появилась миниатюрная гиперпространственная установка, способная открыть портал, ведущий в любую точку вселенной, где есть другая такая же установка. Традиционный транспорт стал экзотикой. Летающие тарелки использовались только для туризма, да еще для доставки оборудования к местам, где предполагалось развернуть новые узлы транспортной сети. Даже водород и сера из системы Юпитера перекачивались на Землю по трубопроводам, пропущенным через гиперпространственные каналы. Постоянно работающий канал поглощал уйму энергии,

но все равно это было выгоднее, чем гонять туда-сюда тяжелые межпланетные танкеры.

Пространство вывернулось наизнанку, расстояния перестали существовать. Человек двадцать восьмого века мог жить на одной планете, работать на другой, отдыхать на третьей, а развлекаться на четвертой. Часто человек вообще не знал, в каком мире находится то или иное место, все, что нужно знать человеку — координаты нужного места в мировой транспортной сети, а все остальное несущественно.

Культурная изоляция колоний подверглась второму и последнему удару. Удерживать границу закрытой можно тогда, когда для ее пересечения нужен космический корабль, но не тогда, когда для этого достаточно простой телепортационной кабинки, имеющейся в каждом доме. Человечество вновь стало единым.

В течение следующего столетия в человеческих мирах не происходило ничего существенного. Наука продолжала развиваться, были открыты силовые поля и разработана технология вживления кибернетических имплантантов непосредственно в мозг, но это уже не могло заметно повлиять на бытие человечества. В мире двадцать восьмого века менее одного процента людей могли найти для себя полезное занятие, все остальные прожигали свои жизни в развлечениях, достижения прогресса были им по барабану.

После ознакомления с некоторыми статьями у Ромы стало складываться впечатление, что в монолитном человеческом обществе наметился раскол — на тех, кто может и хочет работать на благо общества, и на тех, кто не может или не хочет. Как будто в развитии человечества завершилась личиночная стадия и гусеница начала превращаться в куколку. Интересно, что вылупится из этой куколки лет через сто?

9.

— Перестройка личности завершена, — сообщил компьютер. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — ответила Сара. — Теперь я могу войти в виртуальность?

И в этот момент она поняла, что входить в виртуальность ей больше не хочется. Сара вдруг осознала, что ее больше не привлекает иллюзорное счастье, что теперь она никогда не сможет наслаждаться виртуальными мирами, она всегда будет помнить, что они ненастоящие, и это испортит все удовольствие.

— А что, хочется? — спросил компьютер.

— Нет, — удивленно ответила Сара. — Ты меня вылечил?

— Не совсем. Лечение — это когда болезнь отступает, а все остальное остается прежним. Знаешь первую заповедь врача?

— Что-то припоминаю, но…

— Первая заповедь врача гласит «не навреди». К сожалению, с электронной наркоманией так не получается.

— А что со мной теперь не так?

— Скоро сама все поймешь. Возможно, через пару недель ты сама попросишь меня, чтобы я вернул все обратно. Очень многие предпочитают проваляться в постели со шлемом на голове до самой смерти. Если в душе нет ничего, кроме жажды развлечений, никакое лечение не помогает. Я убираю тягу к иллюзиям, а потом оказывается, что кроме нее в душе ничего и не было. Надеюсь, это не твой случай.

— Я тоже на это надеюсь, — сказала Сара. — Знаешь, чего я хочу?

— Разместить объявление на бирже труда? — предположил компьютер. — Боюсь, это преждевременно, вначале надо пройти переподготовку…

— Не хочу я никакую переподготовку проходить! — воскликнула Сара. — Я хочу убраться обратно в свое родное время и чем быстрее, тем лучше.

Компьютер молчал секунды две, переваривая услышанное.

— Культурный шок, — заявил он после паузы. — Чего-то подобного я ожидал, но не так быстро. Можно, я еще раз проведу ментальное сканирование?

— Вызови мне летающую тарелку, — потребовала Сара. — Я ни одной лишней минуты не проведу в мире, где есть наркотики, для которых нет противоядий. Это ужасно!

— Хорошо, — сказал компьютер. — Тарелка уже летит. Через три минуты выходи на крыльцо.

10.

Тридцать первый век поставил на пути в будущее большую и жирную точку. Рома поскреб пальцем табло машины времени, первая цифра превратилась из А в В и в ту же секунду мир погрузился во тьму. Единственным источником света оставались красные цифры на табло.

Колян сдавленно выругался и начал чем-то шуршать. Вскоре выяснилось, что с этим шуршанием он вытаскивал фонарик из бокового кармана рюкзака. Максим подумал, что не зря они с

Коляном таскали туристическое снаряжение из одного мира в другой, а вот Рома зря отпускал ехидные комментарии по этому поводу.

Луч фонарика метнулся вверх и растворился в непроглядном мраке. Призрачный световой конус истаивал до полной неразличимости, не встречая на своем пути ни единого препятствия. Максим вспомнил, что если в пасмурную ночь посветить фонариком вверх, на низких облаках можно различить смутное светлое пятно. Здесь ничего похожего не наблюдалось.

— Раньше время суток при перемещении не менялось, — заметил Рома. — Какой-то сбой в машине?

— Непохоже, что это обычная ночь, — сказал Максим. — Если наверху облака, на них должны появиться отблески света. А если ночь ясная, должны быть видны звезды.

— Какие отблески? — возмутился Колян. — На облаках? Ты что, с дуба рухнул? Где облака, а где фонарь?

— Не ругайтесь, — сказал Рома. — Давайте лучше посмотрим, что творится вокруг.

Загадка разрешилась буквально через минуту. Стоило сделать несколько шагов в сторону, как сразу стало видно, что осинник обрывается метров через десять, а все, что дальше, тонет во мгле.

— Интересно, — сказал Максим. — До меня только сейчас дошло — вокруг этого места во всех временах растет молодой осинник. Почему деревья не вырастают? Может, излучение какое?..

Колян подошел к границе света и тьмы и опасливо протянул вперед руку с фонариком. Со стороны это выглядело так, как будто в фонарике повернули реостат, уменьшающий мощность — чем ближе фонарик приближался к границе тьмы, тем слабее светил. А когда рука Коляна уперлась в невидимую преграду, стало совсем темно.

Рома вдруг удовлетворенно хмыкнул.

— Я знаю, что это такое, — заявил он. — Это силовое поле.

Максим выругался. Обычно он не ругался матом, потому что считал такое выражение чувств недостойным культурного человека, но бывают ситуации, когда не выругаться невозможно.

Максим протянул руку и она уперлась в теплую и мягкую преграду. На самом деле никакой преграды не было, просто кончики пальцев вдруг налились свинцовой тяжестью и неведомая сила начала отталкивать их обратно. Точно такой же на ощупь была обшивка летающей тарелки двадцать восьмого века.

— Слава тебе, господи, — сказал Колян. — Я уж думал, тут

катастрофа какая случилась. А они просто машину времени силовым колпаком накрыли.

— И зачем же? — задал Максим риторический вопрос.

— А что тут непонятного? — удивился Рома. — Чтобы не шастал кто попало, зачем же еще. Максим, ты про силовое поле читал, когда в последний раз по сети лазил? Его можно чем-нибудь проткнуть?

Максим про силовое поле читал, но до таких подробностей не дошел. Он уже открыл рот, чтобы сообщить это Роме, но Колян его опередил.

— Можно, — сказал Колян. — Нужен энергетический импульс, более мощный, чем поле способно поглотить. Для пузыря таких размеров потребуется… гм… не знаю. Надо знать, какие генераторы стоят снаружи.

— Порядок хотя бы можешь назвать? — спросил Рома.

— Тактический ядерный заряд. В лучшем случае термобарическая бомба большого калибра.

— А если взять мощный лазер…

— Не пойдет. Поглощаемая энергия равномерно распределяется по всей поверхности поля. С точки зрения физики весь этот пузырь — одна большая точка, он поглощает энергию как единое целое.

— Но там же где-то генераторы стоят. Если прицельно…

— Где-то стоят, — согласился Колян. — Но прицельно не получится, потому что от нас они закрыты полем. Чтобы повредить генератор, надо снять поле, а если снять поле, генераторы по любому сдохнут. Остаточный выброс энергии…

— Давайте не будем маяться дурью, — перебил Коляна Максим. — Если наши потомки решили накрыть портал силовым полем, значит, у них были к тому основания. Допустим, мы сумеем выбраться из-под этого колпака. И что дальше? Думаете, аборигены нам обрадуются? Как бы не так! Те, кто ждут гостей, не навешивают сейфовый замок на дверь. Я на сто процентов уверен, что за границей поля стоят или роботы-разведчики, или… даже думать не хочу.

— Насколько мне известно, боевых роботов никто никогда не строил, — заметил Рома.

— За ненадобностью, — уточнил Максим. — Была бы необходимость, построили бы. Раньше и портал никто не изолировал.

— По-моему, все очевидно, — сказал Колян. — Мы достигли времени, когда этот портал был построен.

— А какая тут связь? — удивился Рома. — Если его построили в этом времени, зачем потом закрыли?

— Связь тут очень простая, — заявил Колян. — Почему в твоем времени начальство так суетится вокруг него? Потому что он уникален, никто не понимает, как он устроен, и не может его повторить. А если конструкция вот этой хреновины, — он легонько пнул боковую поверхность плиты с цифрами, — известна, а сама хреновина стоит… ну пусть даже миллион баксов, все равно большой ценности портал не представляет. Когда он станет ненужным, его надо будет уничтожить…

— Почему же его не уничтожили? — перебил Коляна Рома.

Колян пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Например, не смогли.

— Тогда зачем создавали?

— Например, экспериментальный образец. Провели все опыты, какие хотели, а потом накрыли колпаком, чтобы никто не лазил.

Тут Максиму пришла в голову дельная мысль.

— Слушайте, мужики, — сказал он, — а ведь если попробовать на табло пошевелить не первую цифру, а вторую, третью и так далее, мы сможем попасть вообще в любое время с точностью до секунды.

— Гениально, — ухмыльнулся Рома. — Поздравляю! Это великое открытие.

— Не ехидствуй, — сказал Максим. — Я это вот к чему говорю…

— К чему? — снова перебил его Рома.

— Да заткнись ты! — прикрикнул Колян. — Достал уже, сколько раз можно повторять, чтобы не выпендривался… Как дите малое… Продолжай, Макс.

— Спасибо, что разрешил, — буркнул Максим. — Так о чем я… Если попробовать пошевелить следующие цифры, мы сможем точно попасть в тот момент, когда этот колпак устанавливался. И тогда мы все узнаем у тех, кто его ставил.

Произнеся эти слова, Максим понял, какую глупость сморозил. Колян подтвердил его мысли.

— Ага, — сказал он, — как же, узнаем. Если бы они хотели отвечать, они бы эту фигню не строили, — он ткнул пальцем вверх, где над их головами раскинулся черный купол. — Не верю я, что они станут с нами разговаривать.

— Все равно попробовать стоит, — сказал Максим. — Хуже не будет.

— А если будет? От тех, кому желают добра, силовыми щитами не закрываются. Что, если в том времени нежеланных гостей попросту отстреливают, чтобы не лезли?

— Нас с вами не так-то просто отстрелить, — подал голос

Рома. — Вы, ребята, никогда не задумывались, что машина времени — не только транспорт, но и инструмент для клонирования?

Колян замер, открыв рот. Было видно, что эта мысль ему в голову еще не приходила. Максиму эта мысль в голову приходила, но лишь на мгновение, когда он лазил по интернету, кажется, еще двадцать третьего века. Через секунду он уже забыл об этом и вот теперь Рома напомнил.

— Это надо еще проверить, — сказал Максим. — Если ты прав, то переместившись в прошлое совсем на чуть-чуть, можно получить свою точную копию. Одна из двух копий уходит на опасное дело и обещает вернуться через секунду, а если не возвращается, то, значит, ей не повезло. Тогда можно снова раздвоить себя и повторить эксперимент, но уже дав себе задание сделать не все дело, а только часть, и так далее, пока очередной клон не вернется обратно живым и здоровым.

— Интересно, как здесь закон сохранения вещества обходится, — неожиданно произнес Колян. — Раньше был один я, потом меня станет двое, откуда лишнее вещество возьмется?

— Это темпоральный парадокс, — заявил Рома с серьезным видом и вдруг глупо хихикнул. — Не думал я, что ты физикой интересуешься.

— Знаешь, я не только морды бить умею… — сказал Колян с еще более серьезным видом и Максим поспешно втиснулся между ними.

Он хорошо знал эту интонацию Коляна и то, что обычно за ней следует.

— Но-но, горячие эстонские парни, — сказал Максим. — Вы тут еще подеритесь. А если соберетесь драться, тогда, Колян, давай мне пистолет.

— Да не собираюсь я ни с кем драться! — воскликнул Колян. — Тем более с этим… э…

— Благоразумный молодой человек, — прокомментировал Рома.

— Да ты…

— Тихо! — заорал Максим. — Да что такое на вас нашло?! Как дети малые!

На несколько секунд под куполом воцарилась тишина. Это была абсолютная тишина, ее не нарушало ни пение птиц, ни жужжание мошкары, ни стрекот кузнечиков, такой тишины не может быть нигде, кроме как под колпаком силового поля.

— А если сделать подкоп? — спросил Максим.

— Вряд ли, — ответил Рома после короткой паузы. — Если этот колпак ставили не идиоты, он продолжается и под землей.

Скорее всего, это и не колпак вовсе, а шар.

— Сейчас проверим, — сказал Колян, поставил фонарик на землю лампочкой вверх и стал рыться в рюкзаке.

— У тебя что, лопата там? — удивился Максим.

— Ага, — сказал Колян. — Малая саперная лопатка. Просто так, на всякий случай.

Через несколько минут выяснилось, что Рома был прав. Как ни пытался Колян подкопаться под черную стену, ничего у него не получалось, стена продолжалась и под землей. В конце концов Колян сдался.

— Кто-нибудь желает продолжить? — спросил он.

Было ясно, что ответа он не ждет.

— Нет смысла, — сказал Рома. — Мы пойдем другим путем.

С этими словами он подошел к панели светящихся цифр и протянул к ней руку.

— Стой! — закричал Максим.

Но было поздно.

Глава пятая

1.

— Дебил, — сказал Колян.

Почему-то Максиму показалось, что звук донесся одновременно и справа, и слева. Максим покрутил головой и узрел двух Колянов, уставившихся друг на друга, как бараны на новые ворота. Чуть поодаль с видом нашкодивших детей стояли два Ромы.

— Интересно, — сказал Максим и оборвал фразу на полуслове, потому что другой Максим произнес то же самое слово с той же самой интонацией.

— Что интересно? — спросили Коляны.

— Ничего, — отмахнулись руками Максимы и отчаянно воскликнули: — Да что же это такое, в конце-то концов?

Ромы заржали, потом вдруг замолкли, переглянулись и заржали снова.

— Классно, — сказали они в один голос. — Вот будет прикол, если так сделать еще двадцать раз подряд. Интересно, что будет, когда мы все под колпаком не поместимся?

Как раз об этом подумал Максим, когда сказал «интересно».

— Лучше не надо, — сказали Максимы. — Вдруг машина времени сломается от такого обращения, что тогда делать будем?

На лицах Колянов и Ром отразилось нечто странное. Не то чтобы ужас, но им явно стало не по себе. Очевидно, представили себе в красках толпу одинаковых людей, плотно стоящих плечом к плечу в ожидании момента, когда под колпаком кончится кислород… брр…

— Рома, ты идиот, — сказал Колян. — То есть, я имею ввиду, вы идиоты.

Ромы синхронно хихикнули.

— Вежливый, — заметили они. — А вообще-то идея была толковая. Признаем себя идиотами.

Они переглянулись и заржали.

— Да пошел ты! — завопили Коляны. — Иди, трахни сам себя…

Они осеклись и выпучили глаза. Видать, сообразили, что при определенных обстоятельствах даже такое необычное пожелание может стать выполнимым.

Ромы не обиделись.

— А это идея, — сказали они. — Надо будет попробовать.

Коляны сморщились в гримасе отвращения. Максим посмотрел на свою копию и понял, что у него самого выражение лица не лучше. Он не считал себя гомофобом, но так открыто признаваться… нет, это отвратительно. Непонятно, отчего, но от этой непонятности еще более отвратительно.

— Короче, — сказали Максимы. — Пойдемте назад. Не знаю, как вам, а лично мне…

— Вам, — поправили их Ромы.

Коляны цыкнули. Ромы заткнулись.

— Короче, пошли назад, — сказали Максимы.

И буква В, начинающая длинную строку шестнадцатеричных цифр, снова превратилась в букву А.

2.

Задача, поставленная перед Гвидоном, была не так проста, как может показаться на первый взгляд. Легко сказать — установи контакт с властями и передай им информацию. Устанавливать контакт с властями надо не абы как, а так, чтобы они начали с Гвидоном конструктивный диалог, а не отправили сразу в психушку. Конечно, скрутить профессионального полицейского не так-то просто, да и бластер Гвидон на всякий случай с собой прихватил, но все равно не хотелось начинать общение с далекими предками со скандала.

Гвидон был одет в черные брюки из грубой ткани, так называемые джинсы, и серую рубашку на пуговицах. Сверху Гвидон нацепил куртку от полевой формы того времени, москомп объяснил, что подобную одежду часто надевали для лесных прогулок. На ногах у Гвидона были легкие тряпичные ботинки на пластмассовой подошве, в двадцать первом веке они назывались кроссовками. За плечами Гвидона висел тряпичный рюкзак, внутри которого лежал ноутбук, несколько прибамбасов для перекачки информации на древние компьютеры, три пары трусов и носков, дезодоранты для тела и зубов, а также майка и тонкие штаны для жаркой погоды. Прогноз погоды обещал в ближайшие дни потепление и это был тот редкий случай, когда прогнозу можно безоговорочно доверять.

В левом кармане джинсов Гвидона лежала толстая пачка цветных бумажек общей стоимостью около десяти тысяч рублей, а в правом кармане — десять темно-зеленых бумажек по сто долларов каждая. Все бумажки были изготовлены в двадцать третьем веке и формально являлись фальшивыми, но в этом времени ни один детектор не смог бы обнаружить ничего

подозрительного. Секреты бумажных денег давно перестали быть секретами, вся информация, необходимая для точного копирования банкнот двадцать первого века, попала в открытый доступ еще лет сто назад. При желании москомп мог изготовить хоть целую тонну фальшивых денег.

Но в цели Гвидона не входило устраивать в прошлом финансовую диверсию. Деньги ему были нужны прежде всего для того, чтобы самостоятельно выбраться из леса и доехать до Москвы. Теоретически, это можно сделать и бесплатно, но москомп оценивал шансы на успех как один к десяти. Трасса, рядом с которой находился портал, проходит слишком далеко от обычных маршрутов автостопщиков.

Минут через тридцать Гвидон стоял на обочине дороги лицом к автомобилям, едущим на восток. При приближении очередной группы машин он поднимал руку и помахивал ею, москомп сказал, что этот жест означает просьбу остановиться и подвезти. Москомп предупредил, что стоять придется долго, и не обманул.

Почему-то автомобилисты не горели желанием подвезти попутчика. Это было странно — в родном времени Гвидона любой бы остановился, увидев человека, нуждающегося в помощи. Правда, в родном времени Гвидона никто и не останавливал машины без крайней необходимости, а здесь это считалось в порядке вещей.

Дорога была очень узкая, всего один ряд в каждую сторону. Чтобы обогнать попутный транспорт, автомобилям приходилось выезжать на встречную полосу. Движение было очень интенсивным для такой узкой дороги, медлительные грузовики собирали за собой по десять-пятнадцать более скоростных машин, которые хотели бы их обогнать, но не могли, потому что встречная полоса все время либо была занята, либо не просматривалась достаточно далеко. Даже в юности Гвидона, когда автоматическое управление на подмосковных трассах еще не ввели, такого безобразия на дорогах не наблюдалось.

Только через четверть часа Гвидону удалось наконец-то остановить машину. Машина была довольно большая и вся какая-то угловатая, передний торец ее кузова пересекала наклонная полоса. Если бы не треснутое лобовое стекло и не замызганный салон, ее можно было бы назвать роскошной.

Водитель запросил вдвое большую сумму, чем должна была стоить такая поездка по словам москомпа. Гвидон понимал, что стоит поторговаться, но торговаться не хотелось — Гвидон опасался, что машина уедет и снова придется торчать на обочине неизвестно сколько времени. Ну его…

— Поехали, — сказал Гвидон.

Машина плавно тронулась с места и поехала по дороге, быстро набирая скорость.

— В Москве тебе куда? — спросил водитель — молодой бритоголовый детина с лицом, не отмеченным особым интеллектом.

— Метро «Теплый Стан».

Водитель задумчиво пошевелил губами, должно быть, безмолвно разговаривал с собственной совестью, запротестовавшей против бесстыдно заломленной цены. После короткого диалога совесть замолчала, водитель просветлел лицом и спросил Гвидона:

— За грибами ездил?

Гвидон промычал нечто невразумительное. Меньше всего ему сейчас хотелось вступать в долгий разговор ни о чем. Гвидон вытащил коммуникатор и собрался набрать номер Максима, может, он уже вернулся из путешествия в будущее. Увидев коммуникатор Гвидона, водитель радостно воскликнул:

— Ух ты! Прикольная у тебя мобила! Дай посмотреть!

— От дороги не отвлекайся, — буркнул Гвидон.

Водитель насупился и замолчал.

Гвидон набрал номер Максима, вначале домашний, потом мобильный, но ни один не отвечал. Должно быть, Максим еще не вернулся из будущего.

Гвидон откинулся на спинку кресла и попытался расслабиться.

3.

— Сдается мне, этот переход будет последним, — сказал Максим, в очередной раз наклоняясь над машиной времени. — Поехали!

Максим ошибся, этот переход не был последним. Но цель путешествия стала совсем близка, теперь это было видно невооруженным глазом. К груди деревянного идола был приклеен кусок глянцевой бумаги, исписанный надписями на разных языках, две надписи Максим разобрал. Первая гласила «Brifing wil begin at B9BA08 ˚C0000», вторая — «Лекцыя начнеца в B9BA080D0000».

— Оригинальная у них орфография, — заметил Колян.

— А по-моему, все нормально, — сказал Рома. — А что, в вашем времени писали еще по старым правилам? Со всеми этими ятями, ерами…

— Нет, — сказал Максим. — Ятей и еров у нас нет уже лет

сто, но «лекция» у нас писалась через «и», а «начнется» — через «тс».

— А «will» с двумя «l». — Колян решил блеснуть знанием английского.

— И вообще, странно все это, — заявил Максим. — Когда я в будущем лазил по интернету, все слова были написаны как надо.

— Ничего странного, — возразил Рома. — Москомп специально для тебя переработал все тексты, потому что знал, что ты из прошлого.

— Но это же колоссальная работа!

— Ничего колоссального, нормальная работа для нормального компьютера.

— Он мне залил на ноутбук целую энциклопедию и там все везде было написано правильно!

— Ну и что? Компьютер на то и компьютер, чтобы быстро делать рутинную работу. Бог с ней, с орфографией. Пойдем лучше лекцию послушаем, ту, которую будут по-русски читать.

Только теперь Максим заметил, что английская и русская надписи приглашают в разные времена.

4.

В будущем Колян чувствовал себя, мягко говоря, странно. С каждым новым часом в его душе крепло ощущение, что все происходит не в реальности, а во сне, Коляну казалось, что вместо него живет и действует кто-то другой. Колян не мог поверить, что все это время он изучает историю будущего и предается философским размышлениям вместо того, чтобы перестать думать и начать действовать.

Будь на месте Коляна его тесть, тот не стал бы долго размышлять, а сразу сообразил бы, что и как надо делать. Во-первых, вызвать своих орлов и организовать охрану портала. Во-вторых, найти в будущем домик поприличнее и перевезти туда семью. А в-третьих, хорошенько подумать и начать превращать абстрактные знания в конкретные деньги.

Для начала можно порыться по архивам разных лотерей и выиграть с десяток-другой квартир и автомобилей. Чтобы никто ничего не заподозрил, придется поработать с подставными лицами, но это уже технический вопрос.

Другой способ быстро обогатиться — скачать архивы биржевых сводок и начать играть на бирже, точно зная, какие акции упадут в цене, а какие поднимутся. Очень больших денег, правда, на этом не заработаешь, потому что после первого

большого успеха биржевая реальность изменится и принесенная из будущего информация перестанет быть актуальной. Но если подобрать толкового консультанта, он сможет выжать десяток-другой миллионов и из неактуальной информации. С консультантом, правда, придется поделиться, но это того стоит.

А еще можно притащить из будущего чертежи нового процессора или исходные тексты новой программы. Колян попытался представить себе, сколько бабок можно слупить, если продать конкурентам Microsoft полный комплект исходных текстов Windows 2010, и не смог. А ведь из будущего можно принести не просто новую версию популярной программы, а что-нибудь по-настоящему революционное, например, схему первого домашнего робота, пошедшего в массовое производство.

Колян знал, что в электронной промышленности большую часть стоимости товара составляет зарплата инженерам, разработавшим и отладившим новое устройство. Все остальное стоит сущие копейки. Если техническая документация достанется на халяву, прибыль будет колоссальной, так недолго и миллиардером стать.

Долго такая райская жизнь, конечно же, не продлится. Рано или поздно на горизонте появятся нехорошие личности, которые заинтересуются источником необычного везения простого российского бизнесмена и тоже захотят получить доступ к этому источнику. А потом они захотят получить не просто доступ, а монопольный доступ. Чтобы этого избежать, надо заранее предугадать критический момент и вовремя слить информацию спецслужбам — либо государственным, либо бандитским. Впрочем, это чаще всего одно и то же.

Все получается просто, правильно и логично. Получив доступ к кормушке, надлежит урвать, сколько можно, а как только попал в поле зрения конкурентов из более тяжелой весовой категории — вежливо отойти в сторону. В бизнесе это правило является аксиомой, но применять его к сложившейся ситуации Коляну не хотелось. На машине времени можно заработать колоссальные деньги, но Колян упорно не желал об этом думать. Он как будто снова стал подростком, начитавшимся Уэллса, Ефремова и Стругацких, он не хотел мечтать ни о чем меньшем, чем светлое будущее для всего человечества. Пусть никто не уйдет обиженным… тьфу!

Колян много думал, что будет потом, когда они с Максом закончат свой турпоход и вернутся в 2004 год. Колян старался не думать о себе, о том, что будет делать дальше лично он и какое будущее ждет лично его. Он думал о том, как изменится жизнь всего человечества в целом. А она ведь очень сильно изменится,

новые технологии изменят мир до неузнаваемости.

В один прекрасный момент Колян понял, что именно он хочет получить от машины времени. Он хочет стать тем, кто принесет человечеству светлое будущее. Это было глупо, Колян понимал это, но это было так. Больше всего на свете ему хотелось добиться не богатства, не острых ощущений и даже не безопасности для себя и своей семьи, а именно славы. Колян хотел, чтобы каждый человек на Земле знал его имя, чтобы в школьных учебниках было написано, что машину времени первыми обнаружили Максим Соколов и Николай Немцов… Вот ведь идиотизм!

Колян понимал, что когда он вернется домой, он забудет о своих теперешних мыслях. Но пока он находился вдали от дома, семьи и бизнеса, он мог позволить себе помечтать. Иногда так хочется на время забыть о жизненных реалиях и поверить, пусть ненадолго и не до конца, что в мире есть место не только для борьбы за выживание, но и для более высоких материй. Коляну очень хотелось поверить в это по-настоящему.

5.

Бритоголовый мужик высадил Гвидона метров за сто до метро. Водитель сказал, что пешком Гвидон дойдет быстрее и Гвидон согласился. Он расплатился, вышел из машины, вытащил рюкзак с заднего сиденья и пошел к метро. За те секунды, что Гвидон вытаскивал рюкзак, пробка успела продвинуться метров на десять и задние машины гневно загудели. Маленькая желтая машинка, вся покрытая ржавыми пятнами, перестроилась вправо и втиснулась перед автомобилем, на котором ехал Гвидон. Гвидон не видел смысла в этом маневре — все три ряда ползли с примерно одинаковой скоростью, водитель желтой машинки выигрывал считанные секунды. Надо полагать, дорожные пробки сказываются на мыслительных способностях москвичей не самым лучшим образом.

Гвидон прошел метров сто до перекрестка, а потом еще метров сто до входа в метро, который оказался дальше, чем говорил бритоголовый. Наверное, сам точно не знал, где метро, знал только, что неподалеку от этого перекрестка.

Гвидон спустился по широкой каменной лестнице и очутился в подземном переходе. Слева и справа сплошным потоком шли люди, все куда-то спешили и стоило Гвидону чуть замедлить движение, как его сильно толкнула грузная пожилая женщина с озабоченным выражением лица. Одета она была в осенний плащ, слишком теплый для сегодняшней погоды, плащ был потерт и

грязен, а сама женщина пахла немытым телом. За собой она волокла большую тележку, мелодично позвякивающую на каждом сочленении керамических плит, которыми был выложен пол. Казалось, что сумка набита пустыми стеклянными бутылками.

— Понаехали тут, — буркнула себе под нос женщина, одарив Гвидона презрительным взглядом.

Гвидон очень удивился — он не сразу сообразил, как она догадалась, что он приезжий. Только через секунду до него дошло, что в отличие от коренных москвичей, он никуда не спешит, с любопытством озирается по сторонам, сразу видно, что в метро в первый раз. Непонятно только, откуда у этой женщины взялось презрительное отношение к человеку, которого она видит впервые в жизни. Наверное, всему виной дурное настроение или дурной характер.

Гвидон решил, что не стоит давать москвичам лишний повод для раздражения. Он ускорил шаг, влился в толпу и пошел вместе со всеми к концу тоннеля, где должен быть вход непосредственно в метро. Так еще должны быть турникеты, в один из которых надо вставить магнитную карточку, которую выдал Гвидону москомп.

Рядом со стеклянными дверями с надписью «нет входа» стену подпирали два молодых человека в серо-голубой униформе. Гвидон знал, что это полицейские, которые в России в эту эпоху назывались милиционерами. В исторических фильмах русские милиционеры носили такую же форму, только она сидела на них не так мешковато, а сами милиционеры не выглядели так убого. Очень молодые, совсем еще мальчишки, невысокие, хилые, лица какие-то туповатые, но в глазах без труда читается чувство собственного превосходства над толпой. Гвидон встретился взглядом с одним из милиционеров, тот присмотрелся к Гвидону повнимательнее, что-то сказал напарнику, они отделились от стены и пошли наперерез Гвидону.

— Здравствуйте, — сказал Гвидон и вежливо улыбнулся.

Милиционеры не ответили на приветствие.

— Документы, — отрывисто бросил тот из них, что был повыше ростом.

Надо полагать, он был главным в паре.

— Где? — не понял Гвидон и посмотрел вниз.

Он подумал, что они хотят предупредить его, что он потерял документы, но на полу ничего не валялось.

— Что, нету? — спросил милиционер и скривил рот в угрожающей усмешке.

— А что, должны быть? — ответил Гвидон вопросом на вопрос и тут же понял, что от него требуется. — Ах, документы…

Гвидон расстегнул на куртке верхнюю пуговицу, это ему

удалось со второй попытки — пальцы не привыкли к древним застежкам. Далее Гвидон засунул руку в правый внутренний карман, где лежал его свежеизготовленный паспорт, точная имитация удостоверения личности образца двадцать первого века. Гвидон вспомнил, что в левом внутреннем кармане лежит бластер, который по местным законам ему запрещено иметь.

«Кажется, я влип», подумал Гвидон и тут же устыдился своей мысли. Это даже хорошо, что он так быстро столкнулся с представителями власти, теперь ему будет гораздо проще передать информацию куда надо. Первое впечатление было обманчивым, эти ребята молодцы, раз сумели моментально вычислить приезжего из отдаленной местности. В эпоху разгула терроризма бдительность — не самое плохое качество, особенно для полицейского.

— Вот, пожалуйста, — сказал Гвидон и снова вежливо улыбнулся.

Главный милиционер взял паспорт и стал его внимательно изучать. Гвидон подумал, что паспорт выглядит совсем новеньким и это может быть подозрительно. Но это даже хорошо, сразу станет видно, насколько они бдительны.

Милиционер вдруг засмеялся и ткнул своего напарника локтем в бок.

— Серега, глянь сюда, — сказал он.

Серега глянул в паспорт и тоже заржал.

— Алиханов Гвидон Хусаинович, — прочитал он. — Гондон, блин.

Гвидону показалось, что он ослышался.

— Что, простите? — спросил он.

Милиционеры снова заржали. Тот, который не Серега, стал бегло листать паспорт. Лицо милиционера вдруг помрачнело.

Гвидон приподнялся на цыпочки и увидел, что милиционер изучает штамп, гласящий, что владелец паспорта проживает в городе Москве на улице… название улицы было написано неразборчиво.

Милиционер испытующе оглядел Гвидона с ног до головы, взгляд его остановился на рюкзаке.

— Что внутри? — спросил милиционер.

Из фильмов Гвидон знал, что в этом времени для личного обыска требуется разрешение особого чиновника, который назывался «прокуратор». Милиционер не имел права задавать такой вопрос без разрешения прокуратора. Тем не менее, Гвидон решил ответить.

— Одежда, смена белья, — сказал Гвидон. — Еще компьютер.

Лица милиционеров оживились.

— Документы на компьютер есть? — спросил тот, что главнее.

— Нет, — удивленно ответил Гвидон. — Откуда? Что, у компьютеров тоже паспорта бывают?

Милиционер Серега вдруг перехватил резиновую дубинку поудобнее и угрожающе взмахнул ей.

— Ты мне пошути еще, пошути, — зловеще процедил сквозь зубы его коллега, крепко взял Гвидона за локоть и сказал: — Пошли.

Они прошли через двойную стеклянную дверь с надписью «вход в метро», при этом главному милиционеру пришлось отпустить руку Гвидона, но Серега вплотную пристроился сзади. Они явно опасались, что Гвидон убежит. Интересно, почему? Что они такого заподозрили? Они подумали, что он террорист? Почему?

Они провели Гвидона в узкий проход слева от турникетов. Следившая за порядком пожилая женщина в темно-синей униформе покосилась на Гвидона, но ничего не сказала.

Гвидона ввели в маленькую дверь, на которой было написано «Милиция». За дверью обнаружился коротенький коридорчик с маленькими комнатками по бокам. В одну из них и втолкнули Гвидона, надо сказать, весьма невежливо. Гвидон хотел было возмутиться, но передумал, потому что ему стало страшно. Это чувство было нелепым и иррациональным — в самом деле, кого и чего ему тут бояться? Этих двух недомерков, упивающихся властью над другими людьми?

— Осторожнее, пожалуйста, — сказал Гвидон.

Кто-то из милиционеров еще раз толкнул Гвидона. Гвидон потерял равновесие и жестко приземлился на деревянную скамью, стоявшую около стола.

— Открывай рюкзак, — потребовал главный милиционер.

Гвидон начал злиться.

— А разрешение прокуратора у вас есть? — спросил он.

Милиционер приблизил свое лицо к лицу Гвидона и скорчил презрительную гримасу.

— Научись сначала слова выговаривать, скотина черножопая, — сказал он.

— Я вас не оскорблял, — процедил Гвидон сквозь плотно сжатые зубы. — Я хочу поговорить с вашим начальником.

— А с господом богом поговорить не хочешь? — осведомился полицейский. — Открывай рюкзак.

— По-моему, вы превышаете свои полномочия, — заявил Гвидон. — Вызовите начальника, я буду разговаривать только с ним.

Серега выступил вперед и ткнул дубинкой в лицо Гвидону, так, что Гвидону пришлось отшатнуться.

— А в зубы не хочешь? — осведомился он.

— Не хочу, — ответил Гвидон. — В чем меня обвиняют?

Полицейские переглянулись.

— Тупой, — сказал Серега.

И вдруг резко и без замаха ударил Гвидона торцом дубинки в ключицу.

Гвидон не успел почувствовать боль, у него сработали рефлексы и боль отошла на второй план. Не вставая со скамьи, Гвидон ударил Серегу ботинком в середину голени, Серега пошатнулся, Гвидон выхватил дубинку из его рук и отбросил в сторону. Серега попытался ударить Гвидона кулаком в лицо, но Гвидон перехватил руку и направил удар в бетонную стену. Серега дернулся назад, Гвидон помог ему, слегка подкорректировав траекторию, так что голова Сереги врезалась в живот напарника, а рука оказалась за спиной. Гвидон тут же заломил ее в болевой захват, зафиксировал его одной рукой, а другой рукой схватил Серегу за горло и сжал пальцы. Серега захрипел.

— Начальника сюда! — потребовал Гвидон. — Быстро!

Второй милиционер к этому времени преодолел растерянность и потянулся к кобуре на поясе. Если бы Гвидон работал в антитеррористическом подразделении, он, может, и рискнул бы обезоружить противника, но знакомство Гвидона с боевыми искусствами ограничивалось базовым курсом рукопашного боя, обязательным для всех полицейских. Да еще рюкзак за плечами сильно сковывал движения. Поэтому Гвидон отпустил захват, пнул Серегу коленом под зад и выхватил бластер.

Серега снова врезался головой в живот напарника, тот попытался отскочить, ударился бедром о край стола и зашипел от боли. Он так и не успел достать оружие.

Гвидон перевел регулятор мощности выстрела на минимум, он не хотел превращать этот закуток в огненный ад.

— Руки вверх, лицом к стене! — заорал Гвидон. — Оба!

Полицейские безропотно подчинились.

— Упс, — донеслось из коридора.

Гвидон повернул голову и увидел миловидную девушку в серо-голубой милицейской униформе. Девушка смотрела на него расширенными от удивления голубыми глазами.

— Позовите начальника, — потребовал Гвидон. — Быстрее.

— Сейчас, — сказала девушка и скрылась из виду.

— Ну ты, мужик, попал, — подал голос Серегин напарник. —

Нельзя же так обкуриваться. Лучше положи пушку и оформим тебе явку с повинной.

— С повинной за что? — не понял Гвидон. — Что я такого сделал?

— Точно обкуренный, — заявил милиционер. — Ну, не хочешь — как хочешь, мое дело предложить. Теперь загремишь на зону лет на пятнадцать.

Гвидон убедился, что милиционеры на него не смотрят, и осторожно снял рюкзак. Когда он ставил рюкзак на пол, милиционеры вздрогнули и повернули головы к источнику шума, но было поздно — бластер снова был в руках Гвидона.

В коридоре послышались торопливые шаги.

— Эй, террорист! — прозвучал из коридора мужской голос. — Ты еще там?

— Я не террорист, — заявил Гвидон. — А вы — начальник этих идиотов?

— Типа того.

— Я выхожу, — сказал Гвидон, поставил бластер на предохранитель и перехватил его за ствол, чтобы тот, кто стоит в коридоре, не пальнул сгоряча.

Гвидон вышел в коридор с поднятыми руками и встретился взглядом с очень худым мужчиной лет сорока в серо-голубой милиционерской униформе, на погонах у него были звездочки, по четыре на каждом. Гвидон вспомнил, что такие погоны соответствуют старому воинскому званию, которое называлось «капитан». Обеими руками капитан сжимал пулевой пистолет, дуло его было направлено в лицо Гвидону. Гвидон вспомнил исторический фильм, который смотрел на прошлой неделе, и не смог сдержать улыбки.

— Левую руку неправильно держишь, — сказал Гвидон. — Если из такого положения выстрелить, пальцы оторвет. Это ведь пистолет со свободным затвором?

Капитан кинул быстрый взгляд на свои руки и опустил левую руку вниз.

— Левой рукой надо держаться за рукоятку поверх правой, — посоветовал Гвидон. — Так, как ты держишь, можно только револьвер держать.

Капитан вдруг просветлел лицом и чуть-чуть расслабился.

— МВД? — спросил он. — Или ФСБ?

— Не совсем, — сказал Гвидон. — Дорожная полиция.

— Бросай пушку, — потребовал капитан. — Документы покажешь — поднимешь.

— Нет у меня документов, — сказал Гвидон. — То есть, есть, но не те. Я из двадцать третьего века прибыл.

Шестым чувством Гвидон почувствовал движение слева от себя и отпрыгнул назад. Резиновая дубинка описала полукруг перед его глазами, а мгновением спустя в коридор вывалился Серега. Он хотел оглушить Гвидона неожиданным ударом, но промахнулся и потерял равновесие.

Гвидон понял, что уже поздно что-либо объяснять, вот-вот случится непоправимое. Он перехватил бластер за рукоятку, снял с предохранителя и выстрелил поверх плеча капитана. Деревянная дверь, отделявшая коридор от основного помещения станции, разлетелась в мелкие щепки. В воздухе запахло озоном и горелым деревом.

Серега, только что пытавшийся выпрямиться, упал на колени и закрыл голову руками. Капитан на мгновение замешкался, Гвидон заорал:

— Не стреляй! Я не вру, я действительно из будущего! Ты видел, что сделала одна пуля!

И добавил, уже спокойнее:

— К тому же, ты не успеешь выстрелить. Ты забыл снять пистолет с предохранителя.

Капитан пробурчал нечто неразборчивое и аккуратно положил пистолет на пол.

— Подними его, — сказал Гвидон. — Пойдем, покажу тебе кое-что, может, тогда поверишь.

— Да я и так верю, — сказал капитан, поднимая пистолет. — Такие пушки у нас не делают.

— Только бойцов своих успокой, — посоветовал Гвидон. — А то я уже устал их бить.

6.

На этот раз машина времени переместила Максима не только во времени, но и в пространстве — метров на десять в сторону. Свежевытоптанная поляна вокруг идола была плотно забита людьми, как на рок-концерте или на демонстрации. Ни Коляна, ни Ромы в пределах видимости не наблюдалось. Прямо перед Максимом стояла обнаженная по пояс высокая негритянка, слева — пахнущий бомжом юноша лет восемнадцати в кольчуге и шлеме, справа было пустое место… нет, теперь уже не пустое. Теперь там стояла очень красивая блондинка в спортивном костюме. Она встретилась взглядом с Максимом и Максим понял, что она его узнала. Но он видел ее первый раз в жизни, в этом он не сомневался, такие женщины не забываются.

— Привет, — сказала она. — Ты Максим Соколов?

— Да, — ответил Максим. — А ты кто?

— Елена, — представилась девушка. — Бусыгин тоже здесь?

— Какой еще Бусыгин?

— Роман Бусыгин.

— Должен быть здесь, только я его что-то не вижу…

— Да тише вы! — прошипел юный бомж в кольчуге и больно ткнул Максима в бок железным локтем.

Максим сдавленно зашипел.

— Давайте приступим, — разнесся над поляной громкий мужской голос, явно усиленный соответствующей аппаратурой. — По-моему, все уже собрались. Дамы и господа, данная лекция предназначается только для русскоязычной аудитории. Если вы предпочитаете прослушать то же самое на другом языке, пожалуйста, сверьтесь с расписанием на груди статуи.

— А что это за статуя? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Понятия не имею, — ответил голос. — Наверное, идол какой-то. Лекции проводятся с интервалом в один час. Если вы хотите послушать лекцию на другом языке, не начинайте суетиться прямо сейчас. Большинство из вас уже поняли, что расходиться по разным временам следует поодиночке, иначе вся толпа переместится в одно и то же время. Когда я закончу говорить и отвечу на вопросы, вы сможете разойтись по своим временам, только это потребует немного терпения и организованности. Но ближе к делу. Насколько я понимаю, вас всех в первую очередь интересует один и тот же вопрос — что за непонятная штука находится на этой поляне. Отвечаю: эта непонятная штука представляет собой экспериментальный образец межвременного портала. Все необходимые эксперименты уже проведены, в ближайшее время портал будет законсервирован. Мировой совет счел, что присутствие в нашем времени пришельцев из прошлого нецелесообразно. Через несколько дней абсолютного времени портал будет изолирован силовым полем.

— Что значит будет? — крикнули из толпы. Максиму показалось, что это был Рома. — Я только что там был, колпак уже установлен.

— Это темпоральный парадокс, — объяснил голос. — С вашей точки зрения данное событие уже произошло, но с моей точки зрения ему только предстоит произойти. Каждое перемещение во времени изменяет реальность и ваши слова означают только то, что ваша реальность является более поздней, чем моя. Поздней не в смысле абсолютного времени, а в смысле времени второго порядка, того времени, в котором живут путешественники во времени первого порядка. Довольно трудно

осознать, что эти времена различаются, но к этому вам придется привыкнуть. Итак, портал скоро будет изолирован. Я настоятельно не рекомендую вам пытаться пробиться через изоляцию портала, технически это возможно, но подобные действия будут трактоваться как враждебные. Не обижайтесь, если реакция охраны будет жесткой.

— Почему вы закрываете свое время? — спросила Елена.

— Так решил мировой совет. Наша реальность вполне удовлетворяет потребностям населения, люди не заинтересованы в том, чтобы ее менять. Пришельцы из прошлого стали бы в нашем обществе нежелательным дестабилизирующим фактором. Повторяю еще раз — все времена, начиная с нескольких дней после сегодняшнего, закрыты для посещений. Это решение окончательно и обжалованию не подлежит.

— Это несправедливо! — крикнул кто-то с другого конца поляны.

— О справедливости речь не идет, — заявил голос. — Речь идет только о целесообразности. Ваше присутствие в будущем нецелесообразно и потому недопустимо. Поймите меня правильно — данная лекция устроена не для того, чтобы узнать ваше мнение, а для того, чтобы предостеречь вас от неразумных и нежелательных действий. Вы должны смириться с тем, что отдаленное будущее будет для вас закрыто. В более старых временах можете творить все, что заблагорассудится, но наша реальность закрыта для вас навсегда. В наше время нельзя попасть через портал, до него можно только дожить.

— Что у вас такое произошло, что вы скрываете? — спросил кто-то еще, кого Максим не разглядел.

— Мы ничего не скрываем, — ответил голос. — Мы всего лишь не хотим вашего присутствия в нашей реальности. Это наше право, которым мы собираемся воспользоваться.

— Это несправедливо! — снова провозгласил невидимый Максиму поборник справедливости.

— Ты повторяешься, — заявил голос. — В мире вообще нет справедливости, понятие справедливости придумано людьми, неспособными примириться с тем, что мир не отвечает их представлениям. О справедливости любят говорить те, чье сознание слишком убого, чтобы воспринимать мир во всей полноте. А лично тебе я скажу вот что: не нравятся порядки в будущем — возвращайся в свое время и забудь дорогу на эту поляну. Если так любишь говорить о справедливости, не забывай и о благодарности.

— О благодарности за что?

— За то, что вообще узнал, что во времени можно

перемещаться. Еще вопросы есть?

— Как далеко можно уйти в древность? — спросил мужичок в кольчуге.

— Предполагаемая дата рождения Христа соответствует нулю на табло, — ответил голос. — В более древние времена перемещение с помощью этого портала невозможно.

Юный бомж в кольчуге перекрестился и пробормотал себе под нос что-то невнятное. Максим расслышал только слово «бяше».

— Еще вопросы?

Вопросов было много, но скоро они начали повторяться. Голос терпеливо повторял одно и то же по десять раз и не выказывал никаких признаков нетерпения. Некоторые сведения были весьма интересны, Максим узнал много нового о некоторых особенностях функционирования машины времени. Например, о том, что путешествие в прошлое создает новую реальность, которая распространяется в будущее со скоростью течения времени… Нет, понять это невозможно, это можно только запомнить.

Минут через двадцать вопросы исчерпались и народ стал расходиться. Вопреки ожиданиям Максима, процедура эта проходила быстро и организованно. Роботы, похожие на металлических жуков размером с собаку, опросили присутствующих на поляне, в какие времена они хотели бы отправиться, а потом тот самый голос, который раньше отвечал на вопросы, стал поочередно выкликать имена. Вызванные входили в круг, наклонялись над машиной времени, устанавливали на табло нужные им цифры и растворялись в воздухе. Когда народу на поляне стало меньше, Максим разглядел говорящего, это действительно был робот.

Максим впервые видел со стороны, как работает машина времени, и был сильно разочарован. Это происходило слишком просто и буднично, совсем как телепортация в двадцать восьмом веке.

7.

— Роман Бусыгин и Елена Ненилова! — провозгласил робот.

Для Ромы стало полной неожиданностью, что в его время направляется еще какая-то женщина. Если бы в аудитории, внимавшей роботу из тридцать первого века, оказался Денис или даже Галя, Рома бы не очень удивился, но какая-то Елена Ненилова… кто она вообще такая?

В следующую секунду Рома увидел, кто она такая. Первой его мыслью было то, что такую женщину надо обязательно соблазнить. Но эта мысль быстро ушла, потому что Рома узнал Елену.

— Здравствуйте, Елена, — вежливо произнес Рома. — Я и не знал вашу фамилию.

— Я ей не пользуюсь, — сказала Елена. — Не люблю ее.

— Почему? — деланно удивился Рома. — По-моему, она очень красивая. Почти как вы.

— Давай лучше перейдем на ты, — предложила Елена.

Рома удивился. Он не ожидал, что такая женщина окажется восприимчивой к его незамысловатым ухаживаниям.

— Давай, — согласился Рома.

Елена склонилась над электронным табло и стала поочередно касаться пальцами цифр. После первого же касания кольцо насекомообразных роботов, окруживших поляну, исчезло, как и люди, толкавшиеся за пределами этого кольца.

— Ну вот и все, — произнесла Елена, выпрямляясь. — Если я ничего не напутала, мы дома. Пойдем к дороге. Роман, почему ты бросил своих новых друзей?

Рома растерялся. Этого вопроса он никак не ожидал.

— Что значит бросил? — переспросил он. — Они в беде?

— Не знаю, — ответила Елена. — По-моему, нет. Но ты шляешься с ними уже третий день, я думала, вы подружились…

Рома пожал плечами.

— Они хорошие ребята, — сказал он, — но совсем другие. У них своя жизнь, у меня своя…

— То есть, вы просто попутчики, а не друзья?

Роме стало казаться, что их беседа постепенно превращается в допрос. Это ему не нравилось, но не отвечать на вопросы такой женщины Рома не мог. Он ее попросту боялся.

— Типа того, — сказал Рома.

Елена вдруг прикоснулась к руке Ромы своими тонкими мозолистыми пальцами.

— Не обижайся, — сказала она. — Я просто должна выяснить, что ты делал в будущем.

— Ничего я там не делал. Мы трижды переходили в будущее, каждый раз на двести пятьдесят шесть лет вперед, ну, то есть, первую цифру увеличивали…

— Я поняла, — кивнула Елена.

— Вот… Каждый раз было одно и то же — звонок москомпу, он присылает летающую тарелку, привозит нас в пустующий дом и предлагает полазить по местной информационной сети.

— Психотест вам предлагали?

— Да.

— И как?

— Никто не прошел.

Рома немного поколебался и все-таки решился задать вопрос:

— А ты его проходила?

— Пыталась, — улыбнулась Елена.

— И как?

— Компьютер сказал, что мне пора лечиться.

— Мне тоже, — признался Рома.

Он даже не заметил, что признался в том, что всегда скрывал ото всех, включая самого себя.

— А Максима с Николаем тоже надо лечить? — поинтересовалась Елена.

— Тоже надо.

— Они вообще как тебе показались? Нормальные люди?

— Нормальные. Максим вообще как будто у нас родился. Колян немного странный…

— Кто?

— Колян. Ну, Николай. Его Максим так называл, это дружеская форма имени.

— Никогда раньше не слышала. А в чем его странность?

— Ну… он какой-то задумчивый, мечтательный…

Елена не смогла скрыть удивление.

— Да? А если верить архивам… — она осеклась на полуслове.

— Что?

— Ничего.

— Если уж начала, договаривай.

Елена посмотрела на Рому тем взглядом, каким человек смотрит на говорящую лягушку. После секундного размышления она решила все-таки договорить.

— Согласно архивам, он был лидером преступной группировки, правда, не в 2004 году, а лет на десять позже. В том времени, из которого он пришел, он только начинает свою карьеру в банде. Странно, что он тебе показался задумчивым.

— А чем эта банда занималась?

— У них не было узкой специализации. Они контролировали довольно большую территорию, брали незаконные налоги с предпринимателей, им принадлежало несколько игорных заведений и еще, по неподтвержденным данным, они приторговывали наркотиками…

— Как в фильме «Крестный отец»?

— Не так масштабно. Слушай, Роман, тебе придется написать отчет.

— С чего это вдруг?

Если бы Рома разговаривал не с самой Еленой Прекрасной, а с обычной женщиной, он задал бы этот вопрос по-другому, в менее цензурной форме, но ругаться матом в присутствии Елены Рома стеснялся. А если говорить честно, то и побаивался.

— С того, что ты умотал в будущее, ни у кого не спросив разрешения, — сказала Елена.

— Я взрослый человек, — заявил Рома, — и я не ограничен в правах. Я могу идти куда угодно и делать что угодно. Или я успел нарушить какой-то закон?

— Не успел. Разъяснение о межвременном портале было утверждено уже после того, как ты ушел в будущее. Ты не подлежишь наказанию, но… Слушай, Роман, ты же взрослый человек. Неужели тебе так хочется попасть в черный список?

— Разве черный список — не выдумка антиглобалистов? — ехидно усмехнулся Рома.

Елена тяжело вздохнула.

— Я не хочу тебя заставлять, — сказала она. — Я могу заставить тебя сделать все, что мне нужно, мировой совет сейчас так озабочен этой дырой во времени, что я без труда получу разрешение на любые действия в рамках разумного. Принести в жертву сто младенцев мне, конечно, не позволят…

— А хочется? — перебил ее Рома.

Елена снова посмотрела на Рому, как на говорящую лягушку.

— Фу, — сказала она, — как противно. Почему ты все время ведешь себя как подросток? Очень хочется поругаться? А ты не боишься со мной ругаться?

Рома решил, что ему лучше прикусить язык.

— То-то же, — констатировала Елена. — Так о чем я говорила…

Рома чуть было не сказал «о младенцах», но решил не искушать судьбу.

— О черном списке, — сказал он.

— Дурацкое название, — заявила Елена. — Никакого черного списка на самом деле нет, я имею ввиду, единого списка нет. Было бы правильнее называть это черной меткой в личном деле. Если гражданин совершает действие, формально не подпадающее ни под один закон, но несомненно противоправное…

— Что противоправного в моих действиях? — возмутился Рома.

— Ты отказываешься оказать помощь в критической ситуации.

— Какую помощь? Кому?

— Человечеству.

Рома скорчил брезгливую гримасу.

— Зря корчишь рожи, — сказала Елена. — Я понимаю, высокие слова затасканы настолько, что всерьез уже не воспринимаются, но ситуация сложилась очень серьезная. Ты хоть представляешь, что начнется, если об этом месте станет всем известно?

Рома представил себе очередь, тянущуюся до самого шоссе, и хихикнул.

— Я не собираюсь рассказывать об этом всем подряд, — заявил он.

— Надеюсь, что нет. А если вдруг передумаешь, имей в виду — все, что связано с машиной времени, официально признано федеральной тайной.

— Я не давал никаких подписок, — сказал Рома.

— А тебя никто и не собирается привлекать к суду. Просто в один прекрасный день тебя уволят с работы и больше никуда не возьмут.

Рома уже раскрыл рот, чтобы возразить, но Елена его опередила.

— А будешь вякать, — сказала она, — москомп урежет тебе пенсию.

— На каком основании? — возмутился Рома.

— Москомп большой, умный, что-нибудь придумает. Ты никак не поймешь, Роман, что игры закончились. Человечество вступает в тяжелейший кризис с 2006 года, сейчас не время думать о законах, правовом государстве и прочей подобной ерунде…

— Ерунде? — переспросил Рома.

Ему показалось, что он ослышался. Если сама Елена Прекрасная назвала правовое государство ерундой, мир воистину переживает серьезный кризис. Только что такого опасного в машине времени?

Должно быть, он задал последний вопрос вслух, потому что Елена на него ответила.

— Что опасного? — переспросила она. — Много чего опасного. Социологи считают, что не менее ста миллионов человек тут же захотят попасть в двадцать шестой век. Все ремблеры дружно ломанутся в виртуальность.

— Невелика потеря.

— Не скажи. Они потянут за собой и нормальных людей. А потом кто-нибудь занесет виртуальность и в наше время тоже и все, приехали. Ты учти, таких психологов, как в будущем, у нас нет.

— У нас есть компьютеры. У меня не сложилось впечатления, что железо двадцать шестого века далеко ушло от нашего.

— Правильно не сложилось. А тебе нравится, как в будущем сложились отношения людей и компьютеров?

— Не нравится, — признался Рома. — Но я не вижу альтернативы. Что хочет от жизни обычный средний человек? Только одного — словить как можно больше кайфа, на остальное ему наплевать. Исключения вроде нас с тобой встречаются редко.

Елена ехидно хмыкнула.

— Разве ты отличаешься от других? — спросила она. — Разве ты ушел в будущее, чтобы помочь другим? Ничего подобного! Ты захотел словить побольше кайфа, это тебе не удалось и только поэтому ты вернулся обратно. Если бы будущее тебе понравилось, ты остался бы там навсегда.

— Может, я и останусь там навсегда.

— Теперь уже вряд ли. Раньше надо было думать.

Рома остановился и застыл в нерешительности. Он подумал мысль, не дал ли он маху, вернувшись в родное время. Елена ведь права, он, скорее всего, никогда больше не попадет в будущее.

— Не огорчайся, — Елена ободряюще коснулась плеча Ромы. — Если твой отчет понравится совету, ты получишь вечный пропуск на эту поляну.

— Мой отчет будут читать в мировом совете? — удивился Рома.

Елена засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Извини, конечно, но для тебя слишком много чести, чтобы твои писульки читали в мировом совете. Позавчера создан специальный совет по делам этого портала, вчера прошло первое заседание. На этом совете его и будут читать.

— Ты в нем участвуешь? — поинтересовался Рома. — Или… погоди, я попробую угадать… Ты заместитель председателя, правильно?

— Не угадал, — Елена снова рассмеялась. — Я не аналитик, а полевой агент, один из лучших, но не более того. Я добываю информацию и делаю грязную работу, но решения принимаю не я.

— Тебя это устраивает?

— Конечно. Решения должен принимать тот, кто это умеет, каждый должен делать то, что у него хорошо получается. У меня хорошо получается заниматься всякими рискованными делами, а долго размышлять над сложными проблемами я не умею. К тому же, я так и не научилась нормально работать с интеллектуальными компьютерами.

— Во времена твоей молодости, наверное, и обычных компьютеров не было?

— Обычные — были. Ты плохо знаешь историю, они появились за сто с лишним лет до моего рождения.

— А каково это, — спросил Рома, — жить двести лет? Ты не… гм…

— Хочешь спросить, не устала ли я? Нет, не устала. До тех пор, пока я приношу пользу, я продолжаю жить, потому что знаю, что в моей жизни есть смысл.

— А когда его не будет, что ты сделаешь? Пульнешь в голову из бластера?

— Нет, — улыбнулась Елена, — теперь уже нет. Когда моя жизнь мне надоест, я приду на поляну, поклонюсь идолу и уйду в двадцать шестой век. Там я начну новую жизнь и постараюсь забыть, что она виртуальная.

— А получится?

— Не знаю. Если не получится, всегда есть другой выход, ты его уже назвал. Но я надеюсь дожить до виртуальности в основном потоке времени.

— Идешь на рекорд? Какой он сейчас, кстати? Двести шестьдесят… сколько?

— Двести шестьдесят ровно. На рекорд я не иду, в списке самых старых людей планеты я в конце первой тысячи, мне только двести двадцать пять. Думаю, я проживу еще лет сто, больше моя душа не выдержит.

От этих слов Рому пробрал мороз по коже. Она так спокойно говорит о своей предстоящей смерти, без малейшей дрожи в голосе, вообще без страха… Рома никогда не смог бы так думать и чувствовать.

— Так ты напишешь отчет? — спросила Елена.

— А ты составишь мне компанию сегодня ночью?

Рома задал свой вопрос очень быстро, он понимал, что если хотя бы на мгновение задумается, стоит ли его задавать, то никогда не решится и будет потом жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. В конце концов, что ему грозит? Елена ясно сказала, что он ей нужен, значит, прямо сейчас она его убивать не будет.

Елена хихикнула. То, чего Рома боялся, не случилось — хихиканье Елены было добродушным.

— А ты смелый, — констатировала она. — Хорошо, составлю компанию. А ты успеешь отчет написать?

— Ради такого случая — успею.

— Вот и хорошо. Я пошлю тебе свой адрес на коммуникатор.

Остаток пути они прошли молча, погруженные в собственные мысли. А потом Елена села в роскошный «фольксваген» и поехала на запад, а Рома сел в свой потрепанный «мерседес» и поехал на

восток.

8.

Подойдя к подъезду, Колян увидел огромный черный «шевроле тахо» с кенгурином, тонированными стеклами, восемью фарами на крыше и номером X007XX. Мечтательное настроение мгновенно улетучилось, один только вид этого джипа мгновенно вернул Коляна с небес на землю. Колян громко и витиевато выругался. Проходившая мимо старушка вздрогнула и споткнулась, а потом вдруг осенила Коляна крестным знамением. Это было забавно.

Джип принадлежал тестю Коляна. Во всем мире вряд ли сейчас существовал кто-то еще, кого Колян так сильно не хотел видеть. Сейчас Иван Георгиевич олицетворял для Коляна все то плохое, что есть в настоящем и чего не будет в будущем, потому что этого не должно быть никогда. Как хорошо, что в будущем таких людей больше не будет…

Если быть полностью справедливым, отношение Коляна к тестю не было однозначно отрицательным. Колян относился к Ивану Георгиевичу с большим уважением, как к настоящему профессионалу, потому что профессионал заслуживает уважения даже тогда, когда совершает преступления. Пару лет назад у Коляна был период увлечения военной историей, тогда он прочел мемуары Гудериана и при их чтении у него возникало примерно такое же чувство. Гениальный полководец остается гениальным полководцем, даже если служит плохим ребятам. Гениальный аналитик и организатор тоже остается гением, даже если по совместительству он еще и бандит.

Иван Георгиевич был гением в своей области. Совместить руководство целой армией бандитов со службой в милиции круто само по себе, но так умеют и другие. А вот то, что Иван Георгиевич не имел личной охраны и что ни один желтый журналист не имел на него никакого компромата — вот это было по-настоящему круто.

Колян вошел в подъезд и поднялся на лифте на одиннадцатый этаж. Перед входной дверью в квартиру он остановился и некоторое время настороженно прислушивался к происходящему внутри, как будто сквозь бронированную дверь можно что-то расслышать. Наконец, Колян глубоко вдохнул, выдохнул и вставил ключ в замочную скважину.

Он надеялся незаметно для Ивана Георгиевича просочиться в свою комнату и отсидеться там, пока он не уйдет. Но надеждам

Коляна не суждено было сбыться.

Когда Колян открыл дверь, Настя как раз пробегала из одной комнаты в другую мимо прихожей.

— Папа! — закричала она и попыталась броситься Коляну на шею, но смогла всего лишь обхватить его за бедра. Ей было всего пять лет и на шее папы она могла повиснуть лишь с посторонней помощью либо используя что-нибудь из мебели как промежуточную ступеньку.

В следующую секунду в дверях гостиной нарисовался тесть.

— Здравствуйте, — вежливо произнес Колян.

— Здорово! — громогласно поприветствовал его Иван Георгиевич и протянул для рукопожатия здоровенную лапищу, похожую на ласт моржа. — Как грибы?

— Никак.

— Совсем-совсем никак? Ух ты! Мобилу новую прикупил?

Колян проследил взгляд тестя и обнаружил у себя на поясе коммуникатор из двадцать шестого века. Черт побери!

— Типа того, — пробормотал Колян, пряча глаза. — Так, ничего особенного.

— Можно посмотреть?

— Да нет там ничего интересного.

— Ну-ну, не жидись, — зарокотал тесть густым басом. — И не скромничай. Не бойся, не сломаю.

С этими словами Иван Георгиевич ловко сдернул коммуникатор с пояса Коляна и впился взглядом в экран.

— А чего связи нет? — спросил Иван Георгиевич, перевернул мобилу, прочитал маркировку на тыльной стороне корпуса и глаза его полезли на лоб.

Колян попытался вспомнить, что написано на обратной стороне коммуникатора, и не смог.

Иван Георгиевич впился в лицо Коляна испытующим взглядом и, похоже, увидел то, что ожидал увидеть.

— Пойдем, поговорим, — сказал он. — Сдается мне, у тебя есть, что рассказать.

9.

Гвидон распаковал ноутбук и сформировал над деревянным столом виртуальный монитор.

— Твою мать! — высказался капитан.

Столь эмоциональная реакция удивила Гвидона. Но, обернувшись, он увидел, что реакция относится вовсе не к ноутбуку. В коридорчике напротив двери стоял щуплый молодой

человек, в руках у него была древняя фотокамера с гигантским объективом, это чудо антикварной техники уставилось своим стеклянным глазом прямо в Гвидона, а в недрах камеры что-то щелкало. Увидев, что его заметили, молодой человек щелкнул еще раз, после чего поспешно ретировался. Капитан устремился за ним, но вскоре вернулся. Вид у него было злобным и растерянным.

— Бесполезно, — сказал капитан. — Там на станции такая толпа собралась… Идиоты, блин. А если бы это теракт был?

Гвидон не отреагировал на эту реплику. Во всех временах люди, увидев что-то необычное, ведут себя одинаково — собираются в толпу и тупо наблюдают, что будет потом. Бороться с таким поведением бессмысленно.

— А кто это был? — спросил Гвидон.

— Папарацци хренов, — ответил капитан.

— Кто-кто?

— Папарацци. Ну, это журналисты такие, которые всякие вещи фотографируют… как бы это сказать-то… Ну, известного человека в голом виде…

— У нас это считается преступлением, — заметил Гвидон.

— А у нас нет. К сожалению. Блин, что сейчас начнется…

— Извини, — сказал Гвидон. — Я не профессиональный полевой агент, я обычный полицейский, честно говоря, я и сам не понимаю, почему москомп направил к вам именно меня…

— Кто-кто направил?

— Москомп. Компьютер, управляющий Подмосковьем.

Капитан странно скривился.

— У вас там матрица? — спросил он.

— Какая матрица? — не понял Гвидон. — Ты о чем?

— Не бери в голову. Эти гоблины от тебя что хотели? — капитан махнул рукой в сторону соседней комнатушки, где отдыхали побитые Гвидоном милиционеры.

— Да я и сам не понимаю, — развел руками Гвидон. — Наверное, я вел себя очень подозрительно, они вычислили меня с первого взгляда. Подошли, потребовали предъявить документы, в паспорте им что-то показалось подозрительным…

— Ты им паспорт из будущего показал? — перебил капитан Гвидона.

— Нет, конечно. То есть, да, из будущего, но не в том смысле. Это точная имитация российского паспорта вашего времени. Наверное, не совсем точная.

— Олег! — заорал капитан. — Олег, Сергей! Бегом сюда!

В комнатку протиснулись два незадачливых милиционера. Гвидон с удовольствием отметил, что у Сергея кисть правой руки

сильно опухла. На вывих не похоже, а вот ушиб точно имеет место, причем неслабый ушиб. А может, еще и растяжение связок добавилось, очень уж он морщится. В следующий раз будет думать, прежде чем руки распускать.

Олег увидел ноутбук и грязно выругался, но не злобно, а восхищенно.

— Так он взаправду из будущего? — спросил Олег.

— Взаправду, — ответил Гвидон. — Ты мне лучше скажи, зачем вы меня остановили?

Олег неожиданно стушевался. Он пожал плечами, опустил взгляд и уставился на пол между собственными ботинками.

— Лучше давай я тебе скажу, — вмешался капитан. — Эти два дебила увидели лицо кавказской национальности и решили снять денег.

— Как это снять денег? — не понял Гвидон.

— Как обычно. Вначале паспорт потребовали, посмотрели прописку… она у тебя есть, кстати?

— А что такое прописка?

— Дай глянуть.

Капитан открыл паспорт Гвидона и бегло пролистал его.

— Есть прописка, — сообщил он, ткнув пальцем в штамп о месте жительства. — А это действительно подделка?

— Действительно, — подтвердил Гвидон.

— Очень качественная подделка. Только надо было бумагу состарить, паспорт совсем новеньким выглядит, подозрительно. Хотя… — капитан перелистнул страницу, — тут написано, что он выдан неделю назад. Беру свои слова обратно.

— Я все-таки не понял, — сказал Гвидон. — За что они хотели взять с меня деньги?

— Нашли бы за что, — буркнул капитан. — Набрали, блин, обормотов … Нет, давай лучше сменим тему, а то эта уж больно противная… А вы что стоите? Вон отсюда!

Олег поднял глаза и спросил:

— В рапорте что писать?

— В каком рапорте?

— О сегодняшнем происшествии.

— Правду! — рявкнул капитан. — Пошел вон!

— Они коррумпированные? — спросил Гвидон.

Он вспомнил, что в старые времена некоторые полицейские злоупотребляли своими полномочиями и нарушали законы, такие полицейские назывались, кажется, коррумпированными…

— Недоделанные они, — сказал капитан.

Он перелистнул паспорт Гвидона и вдруг сделал странное движение, как будто чуть не подавился.

— Ты в самом деле Гвидон? — спросил он.

— В самом деле.

— А я — Миша, — представился капитан.

— Очень приятно, — сказал Гвидон и протянул руку для рукопожатия.

В соседней комнате зазвонил телефон. Миша поднял трубку и представился, оказалось, что звание Гвидон опознал правильно, а фамилия Миши была Власов. В течение следующей минуты Миша много слушал и мало говорил, а реплики его были главным образом односложными:

— Да. Нет. Короткое замыкание. Нет. Пробки выбило и все. Ну, еще подымилось чуть-чуть. Не было никакого взрыва, только хлопок. А я откуда знаю? Я же не электрик. Да они еще и не то скажут! Да, все нормально. Рассосется через пять минут. Да какое это задымление, ерунда одна. Да, все под контролем. Так точно.

Миша нажал пальцем рычаг, торчащий из базы телефона в том месте, где раньше лежала трубка. Гвидон обратил внимание, что трубка была связана с базой витым шнуром, раньше Гвидон полагал, что в этом времени такие телефоны уже устарели.

Пару секунд Миша стоял в задумчивости, а затем решительно крякнул и стал крутить дисковый номеронабиратель. Судя по выражению Мишиного лица, связь установилась, но абонент не отвечал. Миша начал заметно нервничать.

— И по мобиле отсюда не позвонишь, — буркнул он себе под нос.

Но тут невидимый собеседник снял трубку.

— Добрый день, — сказал Миша. — Илья? Это Миша Власов. Да-да, тот самый. Илья, скажи мне, я на наркомана похож? Нет, никаких проблем, просто скажи, похож или нет. Тогда слушай. Я сейчас на «Теплом Стане», у южного выхода, в нашем закутке, а передо мной сидит пришелец из будущего. Гвидон, ты из какого века?

— Из двадцать третьего, — сказал Гвидон.

— Из двадцать третьего, — повторил Миша в трубку. — Он кавказской национальности… Нет, я не накурился и не напился, я же тебя специально спросил, похож я на наркомана или нет. Да, кавказец из будущего, зовут Гвидон Алиханов. Да не издеваюсь я! Случилось вот что. Мои гоблины стали снимать с него деньги, начали прессовать, он психанул, одному орлу руку вывихнул, а потом пальнул для острастки из бластера в воздух. Да, самый настоящий бластер, как в звездных войнах. Ничего не спалил, но входная дверь в щепки. У него еще с собой компьютер переносной, увидишь — сразу поймешь, что из будущего. Сейчас спрошу. Ты зачем к нам приехал? — обратился Миша к Гвидону.

— Я должен установить контакт с властями, — сказал Гвидон. — На ноутбуке у меня записана информация, которая очень пригодится вашим властям. Первого сентября у вас состоится большой теракт. Триста с чем-то погибших, большинство из них дети.

Миша присвистнул. Он повторил в трубку все, что сказал Гвидон, а потом некоторое время слушал собеседника.

— Хорошо, — сказал Миша после долгой паузы. — Прямо сейчас и поедем. Алиханов Гвидон Хусаинович, серия… номер… выдан… Да, тут еще одно, его какой-то папарацци сфотографировал. Да тут такое творилось… И еще насчет двери, я доложил, что было короткое замыкание в проводке, но, знаешь… Да, обеспечь, пожалуйста, ты уж постарайся. Хорошо. Едем. Счастливо.

Миша положил трубку на базу, повернулся к Гвидону и сказал:

— Поехали.

10.

Максим и Колян вернулись в двадцать пятое августа 2004 года, примерно через час абсолютного времени после того, как убыли в будущее.

Когда они вышли к «бээмвухе» Максима, припаркованной на обочине, Максим испытал странное и нелепое ощущение, как будто все, что происходило с ним за последние дни, было сном, потрясающе реальным, неотличимым от яви, но все-таки сном. Летающие тарелки вместо дымящих и грохочущих автомобилей, умные компьютеры, путешествия к звездам, черный колпак силового поля над поляной с машиной времени, сама машина времени, в конце концов — все это куда больше походило на ожившую мечту, чем на реальность. Не все в будущем было гладко, но никто не обещал, что во сне не будет элементов кошмара Максиму казалось, что он ушел в лес, задремал на часок, проснулся и теперь возвращается домой. Лишь коммуникатор образца двадцать шестого века, лежащий в кармане камуфляжной куртки, не позволял поверить, что это был сон. Максим обратил внимание, что у Коляна коммуникатор висит снаружи, на ремне. Максим хотел было сказать ему об этом, но передумал. Вряд ли кто-то обратит внимание на странную мобилу — внешне коммуникатор из будущего практически не отличается от обычного сотового телефона. С первого взгляда точно не отличишь.

Судя по отрешенному виду Коляна, тот чувствовал примерно то же самое. По дороге к машине они практически не разговаривали. В один момент Максим спросил:

— Что будем делать?

— Думать, — лаконично ответил Колян и снова углубился в свои мысли.

Максим решил не досаждать ему разговорами.

До Москвы они доехали без приключений. Максим загнал машину в гараж и пошел домой. Один, потому что Колян категорически отказался от предложения попить пива и пораскинуть мозгами. Он заявил, что хочет отдохнуть от мыслей о будущем.

— Время теперь не имеет значения, — сказал Колян. — Когда у тебя есть машина времени, куда-либо опоздать никак невозможно.

— Это точно, — согласился Максим. — Но это еще не повод расслабляться.

— После таких впечатлений расслабиться не помешает, — заметил Колян. — Давай лучше завтра созвонимся.

— Давай, — сказал Максим, навьючил на себя рюкзак и пошел домой.

Колян тоже навьючил на себя рюкзак и отправился домой к себе. Уже пять лет Колян и Максим жили в соседних домах, так получилось случайно, когда тесть Коляна купил молодым супругам новую квартиру.

Максим пришел домой, долго распаковывал рюкзак, а потом долго бесцельно бродил по квартире. Он никак не мог решиться на то, что должен был сделать. Но Максим все-таки включил привезенный из двадцать третьего века компьютер.

Максим отправил на fsb.ru подшивку одной электронной газеты начиная с завтрашнего номера и заканчивая тридцатым сентября. Письма получились довольно большими, их пришлось отправлять по одному и когда Максим закончил, уже стемнело.

На всякий случай Максим отправлял письма с нового почтового ящика, который только что завел и которым никогда больше не собирался пользоваться. Максим не верил, что это собьет ФСБшников со следа, но совсем уж облегчать им жизнь он не хотел. Он и сам не понимал, почему он путал следы, должно быть, сказался иррациональный страх перед спецслужбами, которому подвержена, наверное, половина россиян.

Глава шестая

1.

Наручные часы Максима коротко пискнули. Одиннадцать утра. Максим сидел на своем рабочем месте, пил кофе и с отвращением смотрел в окно ворда, в котором пытался скомпоновать воедино пять больших кусков годового отчета, написанных пятью его подчиненными. У всех нормальных людей годовой отчет бывает раз в году и сдается в конце декабря, но в министерстве образования годовых отчетов два — за календарный год и за учебный. Идиотство.

Зазвонил мобильник. Максим посмотрел на экран и мысленно выругался. Уже вторую неделю его донимала незнакомая женщина, говорившая с кавказским акцентом. Каждый день она звонила по три-четыре раза и спрашивала какого-то Василия. Каждый раз она звонила с другого номера, причем номера почти всегда были городскими. Вначале Максим вежливо говорил, что она ошиблась номером, потом стал отвечать, что Василий умер, что Василий не может подойти, потому что напился, потому что занимается сексом, и тому подобное. В конце концов Максим стал отбивать все звонки с незнакомых городских телефонов.

На этот раз звонили с мобильника. Максим нажал кнопку приема звонка и приготовился ругаться.

— Привет, Максим! — раздалось из трубки. — Это Гвидон.

— Здорово, — отозвался Максим. — Какими судьбами?

— Привез ноутбук с информацией, надо передать сам понимаешь куда. Ты еще ни с кем не связывался? Ну, ты понимаешь…

— Несколько писем отправил, — уклончиво сказал Максим.

В трех метрах от него Оля Руденко увлеченно печатала одним пальцем в ворде. В ее присутствии Максим не собирался произносить вслух слова наподобие «машина времени», «спецслужбы», «передать властям информацию»… Не хватало еще, чтобы пошли слухи, что шеф сошел с ума.

— Реакция была? — заинтересовался Гвидон.

— Пока нет. А что?

— Ничего. Я к Москве только еще подъезжаю, ни с кем еще не разговаривал, решил пока позвонить, узнать, как… гм… обстановка.

— Никак. Если хочешь, заезжай ко мне вечером, расскажешь

о своих успехах.

Тут Максим подумал, что если миссия Гвидона пройдет успешно, то вечером к Максиму приедут совсем другие гости. Ему стало грустно и немного страшно. Он даже подумал, не стоит ли попросить Гвидона не упоминать о нем, когда он выйдет на контакт с властями. Но просить об этом Максим постеснялся, он подумал, что это будет выглядеть проявлением трусости.

— Хорошо, заеду, — сказал Гвидон. — Если получится, конечно.

Надо полагать, он подумал о том же самом. Скоро события начнут развиваться настолько быстро и непрогнозируемо, что строить планы на ближайший вечер станет абсолютно бессмысленным занятием.

Они распрощались. Максим убрал мобильник и в этот момент его посетила безумная мысль.

Они с Коляном провели в будущем двое суток, а вернулись через час после отбытия. Отсюда следует, что они сместились в потоке времени назад и тем самым изменили реальность. Если во времени второго порядка Гвидон переместился в прошлое раньше, чем Максим, то тогда в недалеком будущем существует предшествующая реальность, в которой Гвидон позвонил Максиму, но не дождался ответа. Интересно, чем эти реальности различаются?.. Нет, о таком маразме лучше не думать, так и свихнуться недолго.

2.

Комплекс зданий на Лубянке в двадцать первом веке выглядел не так внушительно, как двумя столетиями спустя. Гвидон подумал, что афинский Парфенон тоже, наверное, не был таким величественным, когда на его ступенях размещались торговые ларьки. Как-то несподручно любоваться историческими памятниками, когда ты лавируешь в людском потоке и все время озираешься по сторонам, чтобы не попасть под колеса автомобиля.

Гвидон сказал Мише, что автомобилисты в этом времени ездят очень рискованно. Миша в ответ усмехнулся и сказал, что это еще ерунда, а вот что будет зимой…

— А что будет зимой? — заинтересовался Гвидон.

— На тротуарах гололед, а на дорогах дебилы на летней резине.

— На какой резине? — не понял Гвидон. — На колесах с летним протектором, что ли? Разве такие идиоты бывают? Это же

самоубийство!

— Идиоты и не такие бывают, — сказал Миша и многозначительно замолчал.

Миша вел себя странно. Когда они ехали в метро, он пытался расспрашивать Гвидона о будущем, но, получив несколько ответов, сник и перестал задавать вопросы. Почему-то Мишу особенно расстроило, что менее чем через десять лет в Москве будет развернута система «АнтиКрайм». По мнению Гвидона, таким известиям надо, наоборот, радоваться, ведь что может быть приятнее, чем узнать, что новые открытия позволят тебе трудиться на благо общества с гораздо большей эффективностью, чем… И тут Гвидон понял, в чем дело.

— Не огорчайся, — сказал Гвидон. — Я ведь тоже раньше работал в полиции…

— Зачем вам полиция? — перебил его Миша. — С этим антикраймом…

— Я работал в дорожной полиции. А потом подмосковные дороги перешли на автоматическое управление и всю нашу службу в один момент упразднили. Мне пришлось переквалифицироваться в спасатели.

— Спасателей еще не упразднили? — ехидно поинтересовался Миша.

— Нет, ты что! У нас столько наркоманов…

Миша вдруг помрачнел.

— Я думал, у вас уже давно придумали лекарство от этого дела, — сказал он.

— Его и придумали, — подтвердил Гвидон. — Ломок больше не бывает, колоться можно безбоязненно. Только у нас наркоманы редко колются, чаще нюхают, героин дешевый, его не экономят.

Миша сделал странное движение ртом, как будто хотел сплюнуть на пол, но передумал.

Гвидону захотелось успокоить его, рассказать что-нибудь хорошее. Гвидон стал рассказывать про роботов, берущих на себя всю грязную работу, про интеллектуальные компьютеры, раз и навсегда решившие проблему коррумпированного начальства, но Миша мрачнел все больше и больше.

Они ехали в метро около получаса. В вагоне было душно и очень шумно, но последнее даже радовало — можно было не опасаться, что их разговор подслушают.

Станций через десять Миша сказал, что пора выходить, они вышли из поезда, пересекли платформу и сели в другой поезд, из которого вышли на следующей станции. Потом они долго поднимались по движущейся лестнице, а когда вышли на поверхность, попали на небольшую площадь, сплошь

заставленную киосками и лотками. Здесь торговали всем подряд, начиная от пирожков с мясом и заканчивая музыкальными записями на оптических дисках. Карты энергонезависимой памяти в этом времени еще не успели вытеснить более древние носители информации.

Миша повел Гвидона через тоннель, проложенный прямо сквозь первый этаж большого здания. Обе стороны тоннеля представляли собой сплошную стену, составленную из ларьков. В тоннеле пахло табачным дымом, жареными в масле мясными пирожками и почему-то мочой. Должно быть, где-то рядом находится общественный туалет, в котором произошла серьезная авария.

Минут десять-пятнадцать Миша и Гвидон плутали по лабиринту узких улочек, сплошь заставленных припаркованными автомобилями, и, наконец, вышли к Лубянке. Вначале они вошли в небольшое помещение на первом этаже одного из зданий, сюда посетителей впускали свободно. Миша постучался в окошко, прикрытое деревянным ставнем, ставень открылся, симпатичная молодая женщина в униформе грязно-зеленого цвета внимательно изучила их паспорта и выдала две маленькие бумажки, которые Миша назвал пропусками. После этого Миша и Гвидон пошли к главному зданию комплекса. По дороге Миша вытащил из кармана коммуникатор и с кем-то связался.

Невидимый собеседник заверил Мишу, что их с Гвидоном встретят, но они простояли около подъезда минут пятнадцать, а никто их не встречал. Миша долго и нервно разговаривал с кем-то по коммуникатору, из обрывков разговора Гвидон понял, что они пришли не туда, куда надо, а куда надо идти, Миша никак не может понять, потому что его собеседник говорит путано и невразумительно.

В конце концов они пришли туда, куда надо, это было совсем в другом здании, метрах в трехстах, если не больше. У правильного подъезда их встретил низенький, щуплый и абсолютно лысый мужчина, который сказал, что его зовут Илья. По меркам двадцать третьего века он выглядел лет на восемьдесят-сто, но Гвидон решил, что с поправкой на историческую эпоху ему можно дать лет пятьдесят, а то и сорок.

Они вошли в подъезд, охранник в темно-зеленой униформе бегло взглянул на пропуска и заявил, что они недействительны. Оказывается, по разовому пропуску можно войти в здание только в течение нескольких минут после получения. Илья стал ругаться, охранник сказал, что все понимает, но ничем помочь не может. Он посоветовал Илье заказать новый пропуск и Илья снова стал ругаться. Он сказал, что это не так просто сделать, потому что

человек, который ставит на пропуск печать, ушел обедать, а в отделе режима сидят идиоты, появившиеся на свет в результате противоестественных действий, которые никак не могли привести к рождению нескольких людей, но, однако, каким-то образом привели и…

— Илья, ты сюда на машине приехал? — спросил Миша, остановив поток бестолковой брани.

— Да, — ответил Илья. — А что?

— Может, мы пока пойдем в машине посидим?

— Пошли, — согласился Илья.

Машина у Ильи была очень большая, но помятая, ржавая и неказистая. Илья сел за руль, Миша подтолкнул Гвидона к пассажирскому сиденью, а сам устроился сзади.

— Вот, — сказал Миша. — Гвидон Алиханов, пришелец из будущего, прошу любить и жаловать.

— Илья, — представился Илья и протянул руку для рукопожатия. — Показывай свой бластер.

Гвидона не ожидал такого поворота событий, он рассчитывал, что Илья в первую очередь заинтересуется ноутбуком. Гвидон вытащил из кармана бластер, выщелкнул энергетическую ячейку и протянул бластер Илье.

Илья покрутил его в руках и ничего не сказал, только брови у него недоуменно приподнялись вверх. Гвидон понимал его недоумение. Внешне бластер очень похож на пневматические игрушки, в какие играют дети любого времени — тот же монолитный пластмассовый корпус, нет ни движущегося затвора, ни курка, а линейный электродвигатель снаружи не виден. Пули в обойме настоящие, но Илья этого не поймет, потому что с его точки зрения пуля должна быть вставлена в тупорылую латунную конструкцию, которая называется «патрон».

— Давайте я лучше ноутбук покажу, — сказал Максим и открыл сумку.

Вначале Илья наблюдал за манипуляциями Гвидона скептически, но когда Максим спроецировал картинку на воздух, брови Ильи снова поползли вверх. А когда на коленях Ильи появилась виртуальная клавиатура, он нецензурно выругался. Второй раз он выругался, когда Гвидон вывел на виртуальный экран газету «Утро» за первое сентября.

— Дай сигарету, — сказал Илья, обращаясь к Мише.

— Ты же бросил, — ехидно ответил Миша, но сигарету дал.

— Бросишь тут… — буркнул Илья и снова выругался. — Знаешь, что… гм… Гвидон… Объясни-ка мне, пожалуйста, как эту штуку включать и как ей вообще пользоваться.

3.

На работу Максим обычно ездил на метро, он предпочитал час толкаться в метро, чем полтора часа стоять в пробках. Максим как раз выходил из метро, когда на его мобильник позвонил кто-то незнакомый.

Максим не думал, что ФСБшники будут канителиться так долго, он ожидал, что они позвонят ему на работу, но за весь день его телефон звонил только один раз. Звонила женщина, по-прежнему искавшая Василия.

— Алло! — сказал Максим в трубку.

— Добрый вечер, — прозвучал из мобильника незнакомый мужской голос. — Максим Витальевич?

— Да, это я.

— Вас беспокоит подполковник Герасименко из ФСБ. Хотелось бы с вами поговорить.

— Давайте поговорим, — согласился Максим. — Подъезжайте.

— Мы стоим у вашего дома. Вы только что из метро вышли?

— Да. А вы давно звоните?

— Минут двадцать. Чуть-чуть не успели вас на работе застать. Вас подвезти?

— Быстрее пешком дойду, — сказал Максим. — Пока вы будете по дворам крутиться… Лучше оставайтесь на месте, через пять минут я подойду.

— Хорошо, — сказал подполковник Герасименко. — Мы стоим у подъезда, в зеленой «девятке», номер 545. Ждем вас.

Через пять минут Максим подошел к стоявшей у подъезда зеленой «девятке» и осторожно постучал пальцем в тонированное окно. Максим ожидал, что как только он появится в поле видимости, ФСБшники выйдут ему навстречу, но, похоже, они еще не знали, как он выглядит. Максим испытал разочарование, он был лучшего мнения об отечественных спецслужбах.

Передние двери «девятки» синхронно открылись и из машины вылезли два человека. Тот, кто сидел на пассажирском сиденье, выглядел лет на тридцать — тридцать пять, он был высок, худощав и носил короткую бородку. Человек, сидевший за рулем, был лет на десять постарше и выглядел как типичный непьющий пролетарий, например, механик автосервиса или мастер по ремонту телевизоров. Впечатление усиливали потертые джинсы и грязно-серая рубашка с короткими рукавами.

— Юра, — представился бородатый и протянул руку Максиму.

— Максим, — представился Максим, пожимая протянутую

руку.

В течение следующей минуты Максим узнал, что коллегу Юры зовут Данилой и что подполковник Герасименко — это Юра, а вовсе не Данила. Данила, в общем-то, тоже подполковник, но старший в паре именно Юра.

Максим был удивлен и озадачен, он никак не ожидал, что ФСБшники будут выглядеть именно так. Особенно сильно Максим удивился, когда Юра с Данилой полезли в багажник «девятки» и извлекли откуда ящик баночного калужского «Старопрамена» и целую гору чипсов в бумажных пакетиках. В первую секунду Максим подумал, что у него начались глюки. Выглядел Максим, надо полагать, смешно, потому что Юра успокаивающе похлопал его по плечу и пояснил:

— Надо же как-то знакомство завязывать. Ты уж извини, твой любимый сорт мы не знали, взяли, что под руку подвернулось.

— Ничего, сгодится, — сказал Максим. — Пойдемте.

Пока они ехали в лифте, Максим поинтересовался, покупали ли они пиво на свои кровные деньги или оно проходит по графе «производственные расходы».

— Еще не знаю, — сказал Юра. — Смотря кто в бухгалтерии будет визировать. Может, и оплатят.

В квартире Максима ФСБшники сразу прошли на кухню и стали загружать пиво в холодильник. К ноутбуку, стоявшему на столе в комнате, они не проявили никакого интереса.

— Компьютер из будущего смотреть не будете? — спросил Максим.

Он хотел задать этот вопрос с нейтральной интонацией, но сарказм в голосе все-таки прозвучал, причем весьма отчетливо.

— Почему же не будем? — улыбнулся Юра. — Обязательно посмотрим. Знаешь главную заповедь оперативника?

— Откуда?

— И то верно. Главная заповедь оперативника — знакомство с хорошим человеком надо обмыть.

— А с плохим человеком? — поинтересовался Максим.

— С плохим человеком — не обязательно.

— Только обычно все равно получается, — добавил Данила и они с Юрой синхронно засмеялись, как два клоуна.

Улыбка исчезла с Юриного лица и следующие слова он произнес серьезно:

— Посмотреть ноутбук мы еще успеем. Давай лучше посидим пока на кухне и послушаем твои байки, — он вдруг поморщился. — То есть, не байки, а…

— Истинную и правдивую историю, — подсказал Данила.

— Хорошо, — сказал Максим. — Ну что ж, слушайте

правдивую историю. Диктофон включили?

— А как же! — хором воскликнули ФСБшники, переглянулись и снова заржали.

Максиму вспомнились две копии Ромы, они так же синхронно ржали над своими шутками. Комики, блин.

— Ну, тогда слушайте, — провозгласил Максим, но Данила его перебил:

— Погоди, не разлили еще!

Максим достал из настенного шкафчика три стеклянные кружки. Данила разлил пиво, они отхлебнули по глотку и Максим стал рассказывать свою историю.

4.

— Неужели написал? — спросила Елена, когда Рома подошел к крыльцу ее дома.

— Кое-что написал, — сказал Рома, — но не все. Я вот что подумал. Если описывать все и со всеми подробностями, работы тут недели на две. А ты… э… обещала…

— Наглец, — констатировала Елена. — Много написал-то?

— Набросал общий план, перечислил основные блоки информации, каждому дал аннотацию, теперь их надо ранжировать по значимости…

Елена склонила голову набок, как маленькая девочка, слушающая учителя. Издевается, подумал Рома. Или это у нее непроизвольное?

— Я уж подумала, ты весь вечер груши околачивал, — сказала Елена. — Ладно, давай посмотрим, что ты там накалякал.

— Если бы ты назвала мне почтовый адрес, — заметил Рома, — я бы все заранее переслал, еще до того, как выехал.

Елена не отреагировала на эту реплику. Она взяла карту памяти из рук Ромы и сказала:

— Чувствуй себя как дома. Когда закончу, подойду, а пока не мешай.

С этими словами она удалилась.

Рома ждал Елену около часа. Он честно пытался почувствовать себя как дома, но это у него не очень хорошо получалось. Как Рома ни старался, он не мог представить себе, что во дворе его дома размещается открытый бассейн. Какую прорву энергии он будет жрать зимой… Или на зиму его осушают?

Жилище Елены Прекрасной было роскошным, над интерьером каждой комнаты явно трудился профессиональный

дизайнер. Роскошь не была кричащей, здесь не было ни золотых статуй, ни написанных вручную картин в рамах, нет, роскошь этого дома была скромной и с первого взгляда незаметной. Чтобы оценить стоимость убранства, требовалось приложить определенные усилия. Так, например, Рома не сразу понял, что все стены дома, в том числе и наружные, сложены из натурального дерева. Это безумие какое-то — растрачивать на дешевые понты такую прорву денег!

Дом был очень большим, гораздо больше, чем казался снаружи. Внутренняя планировка, казалось, была специально предназначена для того, чтобы сбить случайного посетителя с толку. Комнаты неправильной формы, узкие извилистые коридоры, пересекающиеся под самыми неожиданными углами и при всем этом снаружи дом выглядел как обычная стилизация под древнерусскую избу. Нет, не обычная стилизация. Отодвинув печную заслонку, Рома обнаружил, что печка — не просто декорация, а самая настоящая печка, в ней можно разводить огонь, не опасаясь случайно поджечь дом. Неужели зимой Елена отапливает дом дровами? С нее станется…

В конечном итоге Рома устроился на диване перед телевизором, включил музыкальный канал, задал условия на выбор музыки и порядок визуализации, и стал наслаждаться зрелищем. Визуализацию Рома выставил самую простую — генерируемый компьютером видеоряд попросту иллюстрировал текст песни. Иногда это приводило к забавным эффектам, особенно если песня заумна и непонятна.

За этим занятием и застала Рому Елена.

— Самое подходящее развлечение для доктора физики, — прокомментировала она.

— А по-моему, в самый раз, — возразил Рома. — Иногда бывает прикольно.

Из динамиков зазвучала новая песня, на этот раз телевизор выбрал что-то классическое и смутно знакомое. На экране появилась влюбленная парочка, девушка всячески шпыняла своего кавалера, а тот в ответ улыбался и пытался ее поцеловать.

— Не ожидала, что тебе нравится «Роллинг Стоунз», — заметила Елена. — А компьютер — гаденыш.

— Почему?

— Потому что издевается. Я прочитала, что ты написал, комментарии направила тебе на почту. Ты молодец, хорошо поработал. Я была к тебе несправедлива.

Она наклонилась к нему, взяла его голову в ладони и поцеловала в губы. Рома вздрогнул. Он ничего не имел против того, чтобы провести ночь с Еленой Прекрасной, собственно, он за

этим сюда и приехал, но в глубине души он считал такое развитие событий несбыточной мечтой. А теперь, когда мечта вот-вот реализуется, ему вдруг стало страшно. Хорошо мечтать о том, чтобы приятно провести время с прекрасной женщиной, да еще и знаменитой, но если вспомнить, чем именно она знаменита…

Сколько жизней оборвали ее изящные руки? Во что превратилась ее душа за двести лет непрерывной войны? Рома вспомнил видеозапись ликвидации Мбопы Мбванды, которую смотрел лет пять назад, за пару дней до того, как совет по делам нравственности запретил ее тиражировать… Рому передернуло.

— Боишься? — спросила Елена. — Это зря. На самом деле я добрая и пушистая.

Рома саркастически хмыкнул. Перед его глазами стояли те самые кадры. Прекрасная блондинка, похожая на древнегерманскую валькирию, термическим мечом прокладывает дорогу в толпе и куски жареного мяса в кровавом соусе разлетаются во все стороны. Трупы устилают ее путь, ей все равно, кто стоит перед ней — мужчина, женщина или ребенок, сейчас для нее в целом мире нет ничего, кроме тучного черного человека с испуганными глазками. Он все еще надеется избежать неизбежного, отсрочить неминуемый конец. Раньше это жирное тело принадлежало одному из последних тоталитарных диктаторов, человеку, объявленному мировым советом вне закона, но теперь диктатора больше нет, а есть только напуганный до смерти мужчина, который даже не думает о том, чтобы скрыться. Вся операция заняла меньше минуты и за это время Елена устроила настоящую кровавую бойню. Она уничтожила пятьдесят четыре человека, в том числе шесть детей. Позже мировой совет решил, что это была приемлемая цена за голову врага человечества номер три, но тому, кто видел видеозапись, не так-то просто согласиться с этим решением.

Ни один дурак не будет оспаривать, что нельзя творить добро, не принося в мир зла. Рассуждать об этом может любой, а вот своими руками воплощать в жизнь принцип меньшего зла, устраивая ради благой цели чудовищную резню — на это решится не каждый. И тем более не каждый сумеет сохранить свой разум после такого приключения. А чтобы прожить двести с лишним лет, имея на свой совести не один десяток подобных подвигов — для этого надо быть Еленой Прекрасной.

Елена вздохнула и села на диван рядом с Ромой, их бедра соприкоснулись. Елена начала говорить.

— В это трудно поверить, — сказала она, — но я совсем не такая, как думают люди. Думаешь, там, на операциях, я настоящая? Нет, Рома, то мое лицо, что иногда появляется в

новостях — просто маска. Я специально завела ее, к ней прилипает вся грязь, в которой я копошусь, когда делаю грязную работу. Это мой мистер Хайд, без которого не может существовать доктор Джекилл.

— My Jekyll doesn't Hide, — процитировал Рома.

— Как я завидую тем, кто может так говорить о себе, — вздохнула Елена, — но мой Джекилл как раз hides. Мой психиатр говорит, что иначе я не смогу сохранить себя как личность. Это шизоидный комплекс, но поскольку он не мешает жить, это не невроз, а приспособительная реакция, причем довольно удачная. А вообще, у меня параноидальный склад личности, шизофрения мне не грозит. Это психиатр так говорит.

— Можно задать личный вопрос? — спросил Рома.

— Попробуй.

— Что ты увидела во время психотеста?

Елена замялась.

— Сначала расскажи ты, — потребовала она.

Рома пожал плечами:

— У меня не было ничего интересного. Дружеская попойка, я соблазняю женщину, а потом, в самый разгар процесса, ее вдруг тошнит.

Только потом Рома осознал, что в этот момент он впервые приоткрыл свою душу другому человеку. Пусть не полностью открылся, а всего лишь приоткрыл дверцу, за которой прячется Золотой Ключик (или Черный Тринадцатый Шар, смотря с какой стороны посмотреть), но это был первый шаг, самый важный и самый трудный.

Но тогда Рома ничего этого не понимал. Он просто почувствовал, что у него и у этой женщины, манящей и пугающей одновременно, есть кое-что общее. Общая душевная боль, одинаковый сбой в узоре студенистой слизи, заменяющей людям электрические контуры, которыми думают компьютеры. Впервые за много лет Рома почувствовал, что встретил по-настоящему близкого человека.

— В психотесте я убила собственную внучку, — сказала Елена. — Я выполняла задание, это была обычная террор-операция, я не понимала ее сути, просто знала, что должна убивать всех, кого увижу. Одной из жертв была моя внучка. Я убила ее и только потом поняла, что наделала.

Рома ожидал, что будет продолжение, но Елена замолчала.

— И что? — спросил Рома. — Что было дальше?

— Ничего не было. Я выпала из виртуальности. Компьютер убедился, что я очнулась, и сказал, что мое присутствие в текущем времени недопустимо. Он потребовал, чтобы я села в

летающую тарелку и немедленно вернулась обратно в свое время. А если я откажусь, мне придется драться с тысячей роботов одновременно, а этого даже мне не выдержать. Он очень испугался.

— Кто?

— Компьютер.

— Москомп?

— Думаешь, психотест проводил он?

— А кто?

— У меня сложилось впечатление, — сказала Елена, — что в двадцать шестом веке обычные домашние компьютеры тоже интеллектуальные. Они обращаются к москомпу только в самых сложных случаях, когда не могут сами принять решение. Мне показалось, что мой домашний компьютер проводил психотест самостоятельно.

— Неважно, — махнул рукой Рома. — Какая разница, кто что проводил? Все равно мы с тобой во всем этом сами не разберемся. Можно еще один личный вопрос?

Елена улыбнулась:

— Боюсь даже предположить, что это будет за вопрос. Твоему воображению можно только позавидовать.

— У тебя есть любовник? — спросил Рома.

Улыбка Елены растянулась до ушей.

— Есть, — кивнула она. — Кажется, я его нашла. Я так рада…

Второй раз за сегодняшний вечер их губы соприкоснулись и Рома подумал, что все-таки он соблазнил эту женщину. А потом он спросил себя, не пожалеет ли он об этом, и не смог дать ответа.

5.

Гвидон просидел в машине почти два часа, причем большую часть этого времени он провел в одиночестве. Вскоре после того, как Илья скрылся внутри здания, у Миши зазвонил коммуникатор, Миша с кем-то поговорил, извинился и ушел.

Гвидон сидел и скучал. Он включил радио и некоторое время переключался с одной волны на другую, но всюду было одно и то же — однообразная электронная музыка, неинтересные новости и колоссальное количество рекламы. Уже второй раз в этом времени Гвидон пожалел, что закон о психотронной рекламе был принят несколькими десятилетиями позже.

В конце концов ожидание закончилось. Из здания вышел Илья, его сопровождал незнакомый Гвидону толстый и лысоватый

мужчина лет семидесяти-восьмидесяти, а с поправкой на эпоху — лет сорока. Гвидон вылез из машины.

— Это Гвидон, это Стас, — сказал Илья. — Будьте знакомы.

Гвидон и Стас пожали друг другу руки, Илья запер машину, вежливо попрощался и ушел обратно внутрь здания.

— Поехали, — сказал Стас.

— Куда?

— Куда надо. — Стас заметил, что Гвидон внутренне напрягся, и поспешно добавил: — Я имею ввиду, куда тебе надо. Тебе надо где-то поселиться, правильно?

Гвидон кивнул.

— Я бы еще поесть не отказался, — добавил он.

Стас почесал в затылке и спросил:

— Час потерпишь?

— Потерплю.

— Тогда поехали. Перекусить можно и по дороге, в любой забегаловке, но лучше потерпеть до места, там столовая хорошая и недорогая. Короче, поехали.

Стас подвел Гвидона к маленькой голубой машинке с круглыми фарами, кажется, это был легендарный «фольксваген гольф». Они поехали.

Стас не ошибся, дорога действительно заняла около часа. Вначале они больше стояли, чем ехали, но по мере того, как автомобиль удалялся от центра Москвы, средняя скорость движения возрастала, а ближе к концу пути «гольф» Стаса на отдельных участках разгонялся до ста километров в час.

Они въехали в лесопарковую зону. Вдоль дороги тянулся высокий бетонный забор с колючей проволокой поверху. В одном месте он прерывался воротами и именно туда Стас направил машину.

Ворота распахнулись, за ними обнаружился короткий коридор, заканчивающийся другими воротами. В боковой стене коридора открылась дверь, из нее вышел охранник в пятнистой униформе, поверх которой была надета кираса в брезентовой обертке. Вооружен охранник был автоматическим карабином с укороченным стволом. Стас предъявил свое удостоверение и сказал:

— Пропуск должен быть заказан.

— Подождите, — ответил охранник и удалился в свою будку.

Секунд через тридцать он вернулся и вежливо попросил:

— Откройте багажник, пожалуйста.

Стас скорчил недовольную гримасу:

— Разве в пропуске не указано пропустить нас без досмотра?

Охранник пробормотал что-то неразборчивое и удалился в

будку, через приоткрытую дверь было видно, что он сверяется с какими-то бумагами.

— Нет, — сообщил он, вернувшись. — Про досмотр ничего не сказано.

— Раздолбаи, — констатировал Стас и вытащил коммуникатор.

При виде коммуникатора охранник оживился.

— Мобильник придется сдать, — заявил он.

— У меня тоже есть, — сказал Гвидон и вытащил свой коммуникатор.

Стас буркнул себе под нос:

— Страна идиотов.

По какому поводу он это сказал, Гвидон не понял.

Минуты три Стас разговаривал по коммуникатору с разными людьми и чем дольше он разговаривал, тем сильнее ругался. Закончив переговоры, Стас вышел из машины, распахнул багажник и сказал охраннику:

— На, смотри.

Тот сразу уперся взглядом в коробку с ноутбуком.

— Что это? — спросил он.

— Та самая вещь, из-за которой я просил пропуск без досмотра, — ответил Стас. — Взрывчатки там нет.

— А что есть?

Стас на секунду замялся.

— Ну… скажем так, специфическое электронное устройство.

— Рентгеном его можно просветить?

Стас вопросительно взглянул на Гвидона.

— Если оно выключено, то пожалуйста, — ответил Гвидон.

— А оно выключено?

— А я знаю, выключил его Илья или нет?

— Так проверь, — буркнул Стас.

Гвидон проверил и обнаружил, что компьютер выключен.

— Просвечивай, — сказал Стас, обращаясь охраннику.

Охранник велел Стасу достать коробку из багажника и перетащить в будку. Перед тем, как выполнить это распоряжение, Стас бросил быстрый взгляд на Гвидона, видимо, хотел перепоручить это задание, но постеснялся.

Коробку просветили рентгеном, а потом дали понюхать специально обученной собаке. Ни рентген, ни собака ничего подозрительного не заметили, охранник расслабился и больше не возражал против того, чтобы подозрительную коробку ввезли на территорию объекта.

На этом проверка закончилась, вторые ворота открылись и «гольф» въехал на внутреннюю территорию.

6.

К тому времени, когда Максим закончил свой рассказ, у раковины стояли четыре пустые банки из-под пива. Две из них опустошил сам Максим, ФСБшники пили мало, больше слушали.

— Вот такие дела, — сказал Максим. — Спрашивать будете?

— Обязательно будем, — ответил Юра. — Кроме этого твоего Коляна, кто еще в нашем времени знает о машине времени?

— Вы.

— Еще?

— Больше никого, только я и Колян.

— Подписку с тебя брать? — спросил Юра. — Или уже сам догадался, что болтать об этом не следует?

— Сам догадался, — сказал Максим. — Не дурак.

— Вот и хорошо, — резюмировал Юра. — Если так, лишние бумажки писать не будем. Ты, Максим, не думай, что я тебя пугаю, но запомни хорошенько — если эта информация попадет в газеты, тебя в тюрьму не посадят. Ты просто исчезнешь. Бесследно и навсегда.

Максим примерно так и представлял себе ситуацию, но услышать эти слова открытым текстом все равно было неприятно.

— Как же, — буркнул он. — Не пугаешь.

— Не пугаю, — повторил Юра, — а адекватно описываю ситуацию. Если начнешь делать глупости — будет плохо, а будешь вести себя благоразумно — ничего с тобой не случится. — Он неожиданно сменил тему разговора. — Гвидон Алиханов что из себя представляет?

— Нормальный мужик, — ответил Максим. — Поначалу казался тупым, но на самом деле вполне нормальный. Вначале он меня за бомжа принял, потом за наркомана, разозлился, стал из себя строгого мента корчить… А потом ничего, когда во всем разобрались, оказалось — нормальный мужик.

— Гвидон говорил, что звонил тебе сегодня по мобильнику, — сказал Юра. — Это правда?

— Да, точно, совсем забыл! Он утром позвонил, часов в одиннадцать. Сказал, что снова в нашем времени, обещал вечером перезвонить, но не перезвонил.

— Устал, небось, — предположил Юра. — С ним сейчас по полной программе работают.

Максим ехидно хмыкнул:

— Пытают, что ли?

— Да ну тебя! — скривился Юра. — Скажешь тоже, пытают! Сейчас не тридцать седьмой год на дворе.

И тут Максима понесло. То ли пиво сказалось, то ли нервы,

сразу и не разберешь.

— Скажи мне, Юра, — начал Максим, — если бы ты попал в тридцать седьмой год, что ты бы стал делать?

— Ничего бы не стал делать, — ответил Юра. — Уточнил бы дату, а потом вернулся обратно и написал бы рапорт начальству. А может, и не написал бы. Они и без меня знают, что такое тридцать седьмой год и что тогда происходило.

— Еще бы им не знать… — многозначительно протянул Максим.

— Гонишь, — подал голос Данила. — Из той гвардии в живых уже давно никого не осталось — кого к стенке сразу не поставили, те от старости поумирали. Да и не такие уж и звери они были.

— Ну-ну…

— Что ну-ну? Ты о тех временах только из газет знаешь, а у меня дед в смерше отслужил от начала до конца.

— Заградотряды?

— Да какие, блин, заградотряды! Телевизор смотришь? Про Чечню новости видел? После войны на Западной Украине то же самое было. Мой отец четыре года за колючей проволокой просидел, как в тюрьме, с четвертого класса по восьмой в нормальной школе не учился, потому что в город выйти нельзя было. А все наладилось, бандеровцев кого переловили, кого перестреляли, нормальная жизнь пошла, не зря четыре года в осаде сидели.

Максим немного смутился.

— Но это все равно не то, — сказал он. — Те, кто с бандеровцами воевал — это одно, а кто диссидентов сажал — совсем другое.

Юра хихикнул.

— Его дед Солженицына сажал, — сообщил он.

— Ага, — подтвердил Данила. — Только так и не посадил за отсутствием состава преступления. При Брежневе диссидентов сажали только самых отмороженных, всего несколько случаев было за все время.

— Чаще их в психушки определяли, — заметил Максим.

— Ты Новодворскую видел? — спросил Данила. — Скажешь, зря сидела? Да ей там самое место.

Максим пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Ну ее в сад, эту Новодворскую. Давайте лучше вернемся к нашим баранам. Про первое сентября Гвидон вам говорил?

— Про какое еще первое сентября? — не понял Юра.

— Большой теракт на Кавказе, точно не помню, где именно.

Могу сходить, посмотреть.

— Что-то такое на инструктаже говорили, — вспомнил Юра. — А что?

— Просто хотел убедиться, что информация дошла.

— Вот и убедился. Погоди, — Юра осекся на полуслове, полез в карман и извлек оттуда вибрирующий мобильник. — Да! Слушаю. Понял. В какой мафии? Ого! И давно? Хорошо, все понял.

Он убрал телефон обратно в карман и спросил Максима:

— Твой друг Колян про мафию что-нибудь рассказывал?

— Про какую мафию?

Юра испытующе посмотрел на Максима.

— Чем он по жизни занимается, ты знаешь?

— У него автостоянка, при ней сервис… У него проблемы с мафией? Да нет, не может быть, его тесть — генерал милиции.

Юра и Данила переглянулись. До Максима начало доходить.

— Погодите, — сказал он. — Намекаете, что его тесть и есть самый главный мафиозо?

— Вряд ли главный, — уточнил Юра. — Но то, что он в мафии — факт. Чтобы генерал милиции не сотрудничал с мафией… чудеса, конечно, бывают… Знаешь что, Максим, расскажи-ка о нем поподробнее.

— О ком? О Коляне или о его тесте?

— Ты и о тесте что-то можешь рассказать?

Максим помотал головой.

— Тогда чего спрашиваешь?

Максим открыл новую бутылку, отхлебнул и стал рассказывать о Коляне. Минуты через две стало ясно, что ничего интересного Максим о нем не знает — он был абсолютно не в курсе мафиозных дел Коляна, знал, что у него малый бизнес под крышей тестя, и на этом его знания исчерпывались. Максим даже не догадывался, что ФСБ имеет досье на Ивана Георгиевича, и тем более не знал, какими именно противозаконными делами тот занимается.

Юра задал несколько вопросов, касающихся психологического портрета Коляна — насколько он уравновешен, не склонен ли к опрометчивым поступкам, насколько находится под влиянием тестя… Максим ответил, что Колян вполне уравновешен, к опрометчивым поступкам не склонен, а относительно влияния тестя Максим ничего сказать не может, потому что живьем видел Ивана Георгиевича всего раза два, да и то мельком.

— А что случилось? — спросил Максим.

— Скоро узнаешь, — заявил Юра, залпом допил свою кружку

и сказал, что им пора.

Они уже собрались уходить, как вдруг Данила вспомнил, что они должны изъять у Максима привезенный из будущего компьютер. Юра хлопнул себя по лбу и сказал, что с тех пор, как получил подполковника, стал тупеть. Максим не удержался и процитировал стишок про портупею. Данила в ответ сказал, что портупею как деталь военной формы отменили несколько лет назад и в общем-то зря отменили, потому что портупея — вещь удобная, особенно для строевых офицеров, у которых на ремне болтается не только пистолет в кобуре, но и планшетка с картами, фляга со спиртом, а также много других полезных вещей. Максим поинтересовался, есть ли у ФСБшников военная форма, ему объяснили, что форма есть, но надевают ее в году всего раз пять — исключительно на дежурство.

На этом разговор закончился. Юра задумчиво осмотрел ноутбук из будущего, уточнил, точно ли эта коробка является тем самым компьютером, а потом поинтересовался, не желает ли Максим получить расписку. Максим спросил, будет ли от расписки какая-то польза, и его заверили, что никакой пользы не будет. Тогда Максим сказал, что расписка ему не нужна, ФСБшники вежливо попрощались и ушли. Оставшееся пиво они оставили Максиму, как сказал Юра, в качестве компенсации за ноутбук.

Когда они ушли, Максим подумал, что будет забавно, если их тормознут гаишники за вождение в пьяном виде. А потом подумал, что с их удостоверениями такая участь им не грозит.

7.

Колян даже не думал что-либо скрывать от Ивана Георгиевича, он давно уже убедился, что это бессмысленно. Каждый раз, когда Колян пытался в чем-то противоречить своему тестю, тесть всегда одерживал верх, а Колян, вспоминая прошедший разговор, даже не понимал, как это получалось. Как-то незаметно в ходе беседы Колян начинал чувствовать, что он не прав, а тесть прав, и все происходило так, как с самого начала предлагал Иван Георгиевич.

На этот раз Колян и не пытался упираться. Он изложил всю историю от начала до конца, настолько ясно и последовательно, насколько это вообще было возможно. Начав рассказывать, Колян почувствовал облегчение. Теперь ему не нужно больше ломать голову и принимать решения, теперь этим будет заниматься тесть.

Иван Георгиевич слушал внимательно и почти не перебивал, лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Коляна удивило, что тесть не проявил интереса к техническим новинкам и общественному устройству будущего. Зато Ивана Георгиевича очень заинтересовало то, каким образом при путешествии в прошлое разрешаются временные парадоксы.

Колян никогда не думал, что его тесть читает фантастику. А ведь он читает, иначе невозможно объяснить, почему он на лету схватывает такие понятия, какие можно почерпнуть только из фантастики. Иван Георгиевич очень быстро разобрался, как происходят изменения реальности, Коляну даже не пришлось рисовать схемы, тесть все воспринимал со слуха.

— Ладно, думаю, пока достаточно, — заявил Иван Георгиевич примерно через час после начала разговора. — Главное я понял.

Колян хотел возразить, что еще не сказал самого главного, но тесть остановил его движением руки.

— Дай подумать, — сказал Иван Георгиевич.

Думал он от силы минут пять, а затем решительно произнес:

— Поехали.

— Куда? — не понял Колян.

— К идолу этому твоему.

— Так сразу?

— Иначе поздно будет. Максим наверняка решил поиграть в спасителя человечества. Очень удивлюсь, если ФСБ еще не в курсе дела.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Колян.

— А что, есть сомнения? Ты говорил, что разумные компьютеры отнеслись к вам гостеприимно, значит, и к нам, скорее всего, отнесутся так же. По-твоему, где безопаснее — в двадцать шестом веке или в двадцать восьмом?

— Не знаю, — растерялся Колян. — Если с нашим временем сравнивать — везде замечательно.

— Тогда пойдем в двадцать восьмой век. Твоя мобила там времени работает?

— Вряд ли, она же из двадцать шестого.

— Ничего, нас там и так должны встретить. Роботы какие-нибудь. А если не встретят, пойдем в двадцать шестой век. Короче, пошли, поможем девчонкам собраться.

Коляну испытал чувство, которое умные люди называют дежа вю. Его тесть в точности повторял те самые мысли, которые Колян обдумывал, находясь в будущем. Только Иван Георгиевич, в отличие от Коляна, сомнениями не терзался, он начал действовать немедленно, не тратя времени на бесплодные размышления.

— Я почти ничего не рассказал еще, — пробормотал Колян.

Почему-то эти слова прозвучали жалобно.

— Потом расскажешь, — отрезал Иван Георгиевич. — Поехали. Мы должны появиться у идола раньше, чем охрана.

8.

— Если хочешь, переезжай ко мне, — сказала Елена на следующее утро, когда Рома появился в дверях кухни.

Она давно уже проснулась, к этому времени она уже успела умыться, причесаться и сейчас завтракала. При дневном освещении Елена выглядела еще красивее, чем вчера в призрачном свете восковых свечей, которые она зажгла в спальне.

— Доброе утро, — невпопад отозвался Рома.

— Доброе, — подтвердила Елена, улыбнувшись. — Как отдохнул? Спина не болит?

Спина у Ромы немного побаливала, как и мышцы бедер, но он решил, что будет не слишком мужественно признаваться в этом женщине, с которой провел ночь. А потом Рома подумал, что вряд ли у него получится иметь от Елены секреты.

Елена тут же подтвердила его последнюю мысль.

— Мачо, — ласково произнесла она, улыбаясь одними глазами. — Садись, покушай. Дай я за тобой поухаживаю.

Рома сел к столу, Елена поставила перед ним яичницу с сосисками, дымящуюся чашку с настоящим кофе и два бутерброда с красной рыбой. Бутерброды она приготовила вручную.

— Кухонный комбайн сломался? — предположил Рома.

— С чего ты взял? А, нет… Тебя смущает, что я все делаю сама?

— Ну… да.

— Это старая привычка, еще из моей молодости. Психиатр говорит, это неопасно, это просто безобидное чудачество.

Рома обратил внимание, что она упоминает о психиатре гораздо чаще, чем это делают обычные люди. Может, она и вправду того… Внутренний голос Ромы ехидно спросил: «А что, были сомнения?» Рома велел ему заткнуться.

— Люди говорят, что я странная женщина, — сказала Елена. — Ты заметил, что здесь деревянные стены?

— Заметил. А почему деревянные? Пластик гораздо дешевле, а по виду почти не отличается.

— В том-то и дело, что почти, — вздохнула Елена. — В нашей жизни все почти такое, каким должно быть. Пластик почти как

дерево, роботы почти как люди, кино почти как книги, друзья почти как настоящие. Даже в правительстве у нас почти демократия, — она грустно усмехнулась.

— А что делать? — развел руками Рома. — Мне это тоже не нравится, но приходится терпеть. Можно, конечно, сходить на ту поляну и перейти во времена твоей молодости…

— Ну уж нет, увольте! — воскликнула Елена. — Думаешь, в прошлом была одна только сплошная романтика? Зря так думаешь. Романтики в прошлом было гораздо меньше, чем кажется, а грязи — гораздо больше. Лучше жить в ненастоящем раю, чем в натуральной навозной яме.

— А если так, то к чему тогда красивые жесты? — спросил Рома. — Глупо топить печь дровами, если можно включить обогреватель. Я бы еще понял, если бы ты страдала ностальгией по прошлому, но если нет…

— Знаешь, что самое хорошее в мечтах? — спросила Елена и сразу же сама себе ответила: — То, что они не сбываются. В этом доме я выстраиваю иллюзию… Даже не знаю, чего именно. Не то чтобы единения с природой, но… какой-то простоты, что ли… Тут ведь есть роботы, их не видно, но совсем обойтись без них я не могу, к хорошему быстро привыкаешь. Я понимаю, что пускаю пыль в глаза, и не только гостям, но и самой себе, но большее мне не по плечу, да и не нужно мне большего, я просто живу так, как живу. Мне приятно, что здесь повсюду не холодный пластик, а настоящее дерево, которое раньше было живым. Мне приятно, что тепло в моем доме рождается от настоящего живого огня. Я люблю представлять себя… девой-воительницей, что ли… — она смущенно хихикнула. — Хотя какая я дева…

— У тебя и в самом деле есть внучка? — спросил Рома. — Или это был глюк во время психотеста?

— Есть, — кивнула Елена. — У меня шесть детей — два сына и четыре дочери, внуков штук двадцать, правнуков, полагаю, где-то около трехсот… Большая родня, — она печально хихикнула. — Только я с ними не общаюсь.

— Совсем?

— Совсем.

— И давно?

— Больше ста лет. И не только с ними. Знаешь, Рома, почему я тебя вчера не выгнала? Думаешь, ты мне так понравился? Правильно, понравился, но знаешь, чем? Тем, что не испугался. Я давно уже никому не представляюсь настоящим именем, меня иногда узнают на улице, я мило улыбаюсь и говорю: «Что, и вправду похожа? Как интересно!», и все идет своим чередом, но если я соглашаюсь, что я — это я, тогда я перестаю чувствовать

себя человеком. На меня смотрят или как на икону, или как на чудовище. А я не хочу быть чудовищем, я хочу быть нормальной женщиной, я и есть нормальная женщина, только никто в это не верит.

— Я верю, — сказал Рома и осторожно поцеловал ее в плечо. — Я знаю, о чем ты говоришь.

— Откуда?

— Вряд ли я смогу это объяснить. Ты любишь панк-музыку?

Елена состроила неопределенную гримасу:

— Иногда могу слушать под настроение.

— Значит, не любишь. Тебе никогда не казалось, что все вокруг — сплошная мразь, все плохо сделано, а окружают тебя одни только негодяи и свиньи? Не хотелось послать весь мир куда подальше, наплевать на все и замкнуться в себе? Или вообще пустить себе пулю в лоб? Знаешь, что такое ненависть ко всему миру?

— Знаю, — серьезно ответила Елена. — У меня такое бывало. Психиатры называют это «реактивный психоз». Он быстро проходит.

— Проходить-то проходит, — вздохнул Рома, — но след остается. Ты читала мое досье?

— Кто бы мне дал…

Рома вздохнул с облегчением.

Елена посмотрела на него со снисходительной улыбкой. Странное дело, ее улыбка не показалась Роме презрительной. Елена понимала его, она воспринимала его не как полусумасшедшего придурка с тараканами в голове, а как человека, почти равного себе. Рома подумал, что за свою долгую жизнь она успела побывать в таких передрягах, какие ему и не снились, и если он ей сейчас расскажет во всех подробностях то, что никогда никому не рассказывал, она просто улыбнется, обнимет его и скажет, что его заботы и тревоги — сущая ерунда по сравнению с…

— Накуролесил где-то под кайфом? — предположила Елена. — Надеюсь, не убил никого?

— Неважно.

Рома попытался произнести это слово небрежным тоном, но прозвучало оно резко и даже вызывающе. Елена не обиделась, она все поняла.

— Знал бы ты, сколько у меня в душе дерьма скопилось… — вздохнула она. — Нет, не бойся, исповедоваться не буду и тебя слушать тоже не буду. Это наша судьба — таскать с собой повсюду ведро помоев, которое называется «совесть». Хорошо, что у меня оно резиновое и никогда не переполняется.

— Хотел бы я знать, какое оно у меня, — пробормотал Рома.

— В церковь ходить не пробовал? — поинтересовалась Елена.

— Нет. Советуешь?

— Я не психиатр, чтобы советовать. Лично я пыталась, но ничего хорошего из этого не вышло. Чтобы религия успокаивала, надо верить в бога по-настоящему, это как во внутренних школах ушу — если ты занимаешься, чтобы нарастить физическую мощь, от занятий пользы не будет. Чтобы была польза, надо забыть о теле, думать только о силе духа и тогда через пару лет будет результат. Так и в религии, душевное спокойствие — просто побочный эффект.

— Побочный эффект чего?

— Истинной веры в бога. Знаешь, что такое истинная вера?

Рома скептически хмыкнул.

— Да я не о том! — воскликнула Елена. — Кому какое дело, в какой храм ты ходишь и какие молитвы читаешь? Истинность веры не в том, какую религию ты выбрал, а в другом. Когда ты веришь, чтобы лучше жилось — это не истинная вера. А когда ты живешь, чтобы лучше верилось — вот такая вера по-настоящему истинная. Чтобы религия успокаивала, прежде всего надо поверить, что перед лицом бога вся твоя жизнь и все твое счастье — сущая ерунда.

— Ага, — подхватил Рома. — Перестать ругаться матом, полдня проводить в молитвах…

— Не надо утрировать, — оборвала его Елена. — Внешние проявления несущественны, важно только то, что происходит в твоей душе. Если тебе так важны обряды, выбери религию, в которой они не напрягают. Буддизм, например.

— Если религию выбирать, разве можно поверить по-настоящему?

Елена улыбнулась.

— Ты все понял, — констатировала она. — Значит, духовный опиум не для тебя. Наркотики пробовал?

— Кто же их не пробовал?

— И как?

— Никак. Они мне неинтересны.

— То же самое будет и с религией.

— Тогда почему ты мне советуешь ходить в церковь? — удивился Рома.

— Извини, — сказала Елена. — Я думала о тебе хуже, чем ты заслуживаешь. Думала, ты веришь, что душевную грязь можно слить в подходящий унитаз и больше не вспоминать о ней и не задумываться. К сожалению, это получается не у всех, а у нас с тобой точно не получится. Вот и приходиться носить в себе чан с

дерьмом и следить, чтобы он не расплескался. Ты ведь тоже надеваешь маску?

Рома по привычке хотел переспросить, о какой такой маске идет речь, но внезапно понял две вещи. Во-первых, разговаривая с Еленой, нельзя прятаться за привычным обликом циничного интеллектуала, плюющего на весь мир с высокой колокольни. Она понимает все, высказанное и не высказанное, она просто не показывает это, потому что изо всех сил старается не унижать Рому, не демонстрировать ему собственное превосходство. Одно только это говорит о ее внутренней силе гораздо больше, чем все остальное, вместе взятое. По-настоящему сильный человек не выпячивает свою силу, а прячет ее внутри, чтобы не распугивать близких.

Вторая вещь, которую понял Рома, касалась не Елены, а его самого. Рома понял, что его душевная маска, тщательно вылепленная много лет назад, не просто дала трещину, а окончательно рассыпалась в прах. Впервые за много лет он оставался самим собой, общаясь с другим человеком. Он подумал, что может раскрыться перед Еленой до самого конца, открыть ей все свои тайны, включая самые позорные, и она от него не отвернется, она его поймет. За двести лет на грани безумия она просто обязана была научиться понимать людей.

— На мне нет маски, — сказал Рома. — Я и сам не могу поверить, но ее больше нет. По крайней мере, сейчас, с тобой.

Елена улыбнулась и стала похожа на сытую и довольную кошку.

— Кажется, я готова произнести одну банальную фразу из трех слов, — сказала она.

Рома не удержался и сделал одно нецензурное предположение. Елена расхохоталась.

— Как ты только мог такое подумать? — задала она риторический вопрос.

И добавила:

— Милый.

— Давай пока не будем произносить банальные фразы, — предложил Рома. — Эти слова мы всегда успеем произнести. Дело ведь не в словах.

— Это точно, — согласилась Елена. — Дело не в словах.

9.

Прибыв на секретный объект, Гвидон и Стас отметили пропуска у дежурного, а затем Стас потащил Гвидона в столовую.

Когда они пришли, выяснилось, что идея была не слишком хорошей — время обеда уже закончилось и столовая закрылась. К счастью, буфет рядом со столовой еще работал. Полноценной еды там не было, но кофе и пицца в ассортименте присутствовали.

К большому удивлению Гвидона, в буфете продавались алкогольные напитки и некоторые люди покупали их в середине рабочего дня.

— Разве у вас не запрещено употреблять алкоголь на работе? — спросил Гвидон.

— У нас все разрешено и одновременно запрещено, — буркнул Стас. — Бардак у нас, если ты еще не понял.

— Бардак у всех бывает. У нас раздолбайства не меньше вашего.

Некоторое время Гвидон и Стас молча жевали пиццу. Гвидон был разочарован — он ожидал, что натуральная пицца будет намного вкуснее. Выходит, реклама не обманывала — синтетика действительно ничем не хуже, чем натуральные продукты.

— Какая будет дальнейшая программа? — спросил Гвидон, когда от пиццы на его тарелке остался только небольшой кусок. — Ты вроде говорил, меня где-то здесь поселят?

— Ага, — кивнул Стас. — Тут на территории есть что-то вроде гостиницы. Пятизвездочного сервиса не жди, но в целом вполне прилично.

— А что, — спросил Гвидон, — твое начальство долго еще собирается меня расспрашивать?

Стас пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Может, и долго. Кстати, а в чем цель твоей миссии? Передать спецслужбам компьютер с информацией и… что?

— На этом моя миссия исчерпывается. Собственно, она уже выполнена, я думал, мы еще немножко поговорим и я поеду обратно. А еще лучше, если меня довезут.

— Довезут обязательно, — сказал Стас, — можешь не сомневаться. А вот отпустить сразу не отпустят. Силой удерживать не будут, но лучше, чтобы ты здесь несколько дней покантовался. К тебе вопросы есть.

— Какие?

— Самые разные. Первый и самый простой — насчет твоей пушки.

— Какой пушки? — не понял Гвидон.

— Ну, бластера этого. Наши ребята-оружейники на него бегло взглянули, но стрелять без тебя не решились. Это правда, что его пуля железную дверь в пыль разносит?

Гвидон улыбнулся. Забавно наблюдать, как слухи,

распространяясь, обретают совершенно фантастические очертания.

— Нет, — сказал Гвидон, — железную дверь его пуля в пыль не разнесет. При разрушении пули возникает миниатюрная шаровая молния, которая вызывает взрыв. Но металл всасывает электричество беспрепятственно и если попасть электрической пулей в металл, взрыва не будет, просто мишень сильно нагреется.

— Насколько сильно?

— Зависит от размеров мишени и мощности выстрела. Если дверь не слишком массивная, а мощность выстрела минимальная, то градусов на пятьдесят.

— А если мощность максимальная?

— Тогда градусов на пятьсот. В режимах высокой мощности надо очень осторожно стрелять, чтобы не попасть самому под собственный выстрел. Пуля, напитанная до предела, взрывается примерно как ручная граната из вашего времени.

— Понятно, — сказал Стас. — А пулеметы с такими пулями у вас есть?

— У нас все пулеметы такие. Но это чисто боевое оружие, его разрешено носить только в зоне боевых действий.

— Это само собой разумеется, — кивнул Стас. — А что у вас вообще нового появилось в военной области? Оружие, тактика…

— Разве в ноутбуке нет этой информации? — удивился Гвидон.

— А я-то откуда знаю, есть она там или нет? Твой ноутбук еще дня три будет по начальству ходить из рук в руки.

— Разве его еще не поставили на скачку?

— На что?

— Ну, информацию из него выкачивать. В этот ноутбук заложена специальная программа, она сразу после включения компьютера предлагает начать процесс. Там еще вделан специальный переходник под сетевой кабель вашего времени. Надо просто включить ноутбук в сеть как обычный компьютер и запустить копирование. На быстродействии системы копирование не скажется — у вас сети слишком медленные, чтобы процессор тормозить.

— А у винчестера какой там объем? — спросил Стас.

— У чего?

— Ну, у жесткого диска.

— Нет там никакого диска. Ты имеешь ввиду внешнюю память?

— Да.

— Не знаю. Сколько-то миллионов терабайт. Да какая

разница? Вся информация уже структурирована, первый блок весит всего шесть гигабайт, там в основном текст, есть еще второй блок и третий, они гораздо больше. Москомп специально все так сгруппировал, чтобы самые важные данные можно было скачать сразу, а все остальное — сливать медленно и не торопясь.

— Москомп? — переспросил Стас. — Тот самый умный компьютер?

— Тот самый. Ты, вообще-то, зря меня об этом спрашиваешь. Лучше почитай информацию, которую я принес, там все написано.

— А ты сам читал, что принес?

— Не читал. Но москомп врать не будет, он вообще врать не умеет.

— Расскажи-ка об этом подробнее, — попросил Стас. — Я фантастики много прочел и во всех книгах, где появляется искусственный интеллект, он сразу начинает всех порабощать.

— Ерунда, — заявил Гвидон. — Никого он не порабощал и даже не пытался. Искусственный интеллект по сути своей — обычный компьютер, только с расширенными возможностями. Интеллектуальный компьютер тоже можно программировать и если в нем что-то явно запрограммировано, это что-то он не может обойти никак. Во все интеллектуальные компьютеры закладываются специальные блокировки, чтобы компьютер подчинялся человеку. Каким бы интеллектуальным компьютер ни был, выйти из-под контроля он все равно не может.

— А если в программе будет ошибка…

— Ошибки везде бывают. Но пока еще не было ни одного случая, чтобы компьютер сознательно причинил человеку вред. Ты пойми, компьютеры — не монстры, у них нет тяги к насилию. Даже если блокировки не сработают, сам по себе компьютер не станет вредить людям, он просто не захочет. А если вдруг захочет, то не успеет, потому что компьютеры не умеют скрывать свои мысли. Они как дети, их личности развиваются медленнее, чем человеческие, считается, что полный цикл взросления компьютера занимает тысячу лет.

— А в двадцать шестом веке как? — спросил Стас. — Там компьютеры такие же тупые?

— Не знаю, — сказал Гвидон, — я там не был. Не тупые — это точно, они даже у нас не тупые, компьютер соображает намного быстрее человека, у него больше памяти, причем не вся память ассоциативная, есть еще память прямого доступа, она быстрее и надежнее. Компьютеры не тупые, они просто инфантильные.

— Понятно, — промычал Стас, хотя ясно было, что понятно

ему далеко не все. — Значит, советуешь прочитать то, что ты притащил, и только после этого приставать к тебе с расспросами?

— Приставать ко мне с расспросами вообще не надо, — сказал Гвидон. — Ничего интересного я рассказать не смогу. Я ведь не ученый, даже не менеджер, я обычный спасатель, раньше был полицейским, а с наукой никогда напрямую дела не имел. Я вообще не понимаю, почему москомп отправил в прошлое именно меня. Может, не хотел посвящать в тайну лишних людей…

— Это сомнительно, — заявил Стас. — Ну да ладно. В тир тебя можно сводить?

— Зачем? — удивился Гвидон и сразу сообразил, зачем. — Хочешь из бластера пострелять? А у вас тир открытый или подземный?

— Подземный.

— Тогда много не постреляешь. От стрельбы температура сильно повышается, да и мишени у вас вряд ли такие, какие нужны. Не дай бог, пробьем стену насквозь или трубу какую-нибудь повредим…

— Ничего мы не пробьем, — заверил Гвидона Стас. — Все продумано. Пойдем, попытка не пытка, как говорил товарищ Берия.

Гвидон понял, что Стас пошутил, и вежливо улыбнулся. Смысла шутки он не уловил.

10.

В субботу 28 августа около полудня Максим ехал на своем БМВ по первой бетонке в сторону Апрелевки. На пассажирском сиденье лежала джипиэска, с показаниями которой Максим периодически сверялся.

Колян исчез в неизвестном направлении, ни один из его телефонов не отвечал, аська показывала, что в сети его нет, а электронные письма оставались без ответа. В пятницу вечером Максим решил лично проведать друга, взял в супермаркете бутылку коньяка и пошел в гости. Набрал на домофоне номер квартиры Коляна, домофон отозвался хрипло и неразборчиво, Максим так и не понял, что именно ему сказали.

— Это Максим, — представился Максим. — Колян, ты?

В ответ голос что-то нечленораздельно пробурчал и дверь в подъезд открылась.

На выходе из лифта Максима ждали два коротко стриженых молодых человека в кожаных куртках и спортивных штанах. Приехали, подумал Максим, сейчас будут бить.

Однако молодые люди не стали бить Максима. Один из них, видимо, главный, всмотрелся в его лицо и спросил:

— Соколов, что ли?

Максим молча кивнул. Он был слишком растерян, чтобы говорить.

Собеседник Максима нажал кнопку вызова лифта. Двери тут же распахнулись — кабина еще не успела уехать.

— Вали отсюда, — сказал человек, похожий на бандита. — И в ближайшие дни не возвращайся.

Только выйдя на улицу, Максим сообразил, что, скорее всего, это были не бандиты, а ФСБшники. В самом деле, откуда бандитам знать его в лицо?

В субботу утром Максим снова позвонил Коляну и снова не получил ответа ни с домашнего телефона, ни с мобильного. Если бы Максим не догадывался, что произошло с Коляном, он бы сильно обеспокоился. Но Максим был уверен, что его друг сейчас находится в будущем. Где же еще ему быть…

Либо Иван Георгиевич нашел мобильник из будущего и расколол зятя, либо сам Колян отбросил возвышенные мысли и решил все-таки попытаться получить выгоду от машины времени. Кто бы мог подумать, Колян — мафиозо. Обалдеть.

Максим не знал, зачем он снова поехал к машине времени. Если бы он как следует покопался в своих мыслях, он наверняка смог бы понять мотивацию своего поступка, но он не хотел ее понимать. Он просто знал, что хочет еще раз подойти к идолу, склониться над электронными часами, которым предстоит быть изготовленными только через тысячу лет, и уйти… он еще не знал, куда именно. Он знал только то, что хочет уйти, но не навсегда, потом он собирался вернуться, причем в то самое время, из которого уходил — Максим не хотел ехать на работу сразу же после возвращения из турпоездки в будущее.

Надо было взять с собой фотоаппарат, подумал Максим, причем цифровой, чтобы не смущать тех, кто будет потом проявлять пленку. А заодно еще и видеокамеру прихватить. А что, классный фильм получился бы — грузовики без водителей, летающие тарелки… А если еще отправиться в какое-нибудь живописное место, например, в руины центра Москвы…

Максим съехал на обочину, остановил машину, вышел из нее и углубился в лес. Прошел он всего лишь метров пятьсот, дальше его ждал сюрприз.

Сюрприз явился в виде рослого розовощекого детины, когда-то белобрысого, а теперь остриженного почти налысо. Детина был упакован в полный комплект полевого камуфляжа, причем рукава были засучены по самые плечи, воротник расстегнут, а пряжка

ремня болталась где-то на полпути к коленям. Во рту у детины торчала дымящаяся сигарета без фильтра.

— Куда прешь, салага?! — рыкнул он зычным баритоном. — Ко мне!

Максим вздрогнул, не столько от испуга, сколько от неожиданности. Вот кого-кого, а солдата, точнее, сержанта, он никак не ожидал здесь встретить.

Максим сделал два шага по направлению к сержанту и вышел из-за кустов, скрывавших нижнюю половину его тела. Вояка длинно и косноязычно выругался.

— Прости, братан, — добродушно произнес он, завершив свою тираду. — Я думал, ты из духов, не заметил, что в джинсах. Сигареткой не угостишь?

Максим подошел к сержанту, сел рядом с ним на поваленное дерево и протянул пачку «Кэмела».

— Пару возьми, — разрешил Максим.

— А три можно?

— Можно.

На всякий случай Максим спрятал пачку обратно в карман. Сержант проводил ее тоскливым взглядом. Максим состроил на лице лениво-безразличное выражение и спросил:

— Что это вас, военных, сюда вдруг занесло?

— Служба, — пожал плечами сержант. — Куда послали, туда и занесло.

Он наклонился к плечу Максима и доверительно сообщил:

— Говорят, тут в лесу летающую тарелку нашли упавшую. Пока только оцепление выставили, потом будут забор строить, а внутри забора — институт, который ее изучать будет.

— Блин! — высказался Максим. И тут же пояснил: — Я сюда за грибами каждую субботу приезжаю.

— Отъездился, — констатировал сержант. — Ничего, грибных мест в Подмосковье полно. Десяткой не выручишь?

Максим залез в задний карман джинсов и выудил оттуда тонкую стопку купюр, самой мелкой из которых была пятисотенная.

— На, возьми, — немного поколебавшись, сказал Максим и протянул ее сержанту. — Выпьешь за мое здоровье. А я пойду. Придется теперь другое место искать. Ну что за на фиг…

— Это точно, — согласился сержант.

Отойдя метров на десять, Максим услышал, как сержант пробурчал себе под нос:

— С такими деньжищами по грибы ходит… Не понимаю.

Максим улыбнулся. Он даже немного позавидовал этому бугаю, для которого пятьсот рублей — большие деньги, а в жизни

все просто и понятно. Хорошо, наверное, быть таким оболтусом, правильно говорил Христос — блаженны нищие духом. Или он не так говорил…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПОЛДЕНЬ. ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ

You've got to believe in someone
Asking me who is right
Asking me whom to follow
Don't ask me I don't know

Ozzy Osbourne

Глава седьмая

1.

— Вот эта штука и есть машина времени? — спросил Иван Георгиевич.

— Ага, — ответил Колян, — она самая.

Люся выпучила глаза и издала невнятный горловой звук.

— Что-что? — переспросила она. — Мне не послышалось?

— Тебе не послышалось, мама, — подтвердила Настя. — Папа сказал «машина времени». Папа, а что такое — машина времени?

— Это трудно объяснить, — сказал Колян. — Это как бы ворота…

— Короче, Склифосовский, — перебил его Иван Георгиевич. — Сначала объясни, как ей пользоваться, а потом уже…

Настя не дала ему закончить мысль.

— Дедушка, ты неправильно говоришь, — заявила она. — Нельзя говорить, когда папа говорит, надо сначала послушать, а потом говорить.

— Извини, — сказал Иван Георгиевич.

— Тут все просто, — сказал Колян. — Эти цифры всегда показывают текущее время. Если поскрести какую-то цифру пальцем, время меняется, но остается текущим. Я имею ввиду…

— Я понял, — перебил его Иван Георгиевич. — Происходит перемещение во времени.

— Снова ты не слушаешь папу, — посетовала Настя.

— Изменение первой цифры перемещает на двести пятьдесят шесть лет вперед либо назад, — продолжал Колян, — вторая цифра перемещает на шестнадцать лет, третья на год, четвертая на месяц… ну и так далее.

— Чтобы перейти в двадцать восьмой век, что нужно сделать? — спросил Иван Георгиевич. — Подожди, не отвечай, сам соображу… Первую цифру надо сдвинуть три раза вперед, правильно? Должно быть… что там идет после девятки? Буква А?

— Она самая, — подтвердил Колян.

— Папа! — воскликнула Люся. — Ты в самом деле веришь в весь этот бред?

— Верю, — согласился Иван Георгиевич. — Давай, Коля, двигай ее.

Колян наклонился над часами, коснулся пальцем первой цифры и сделал характерное движение — палец сильно надавил на прозрачную пластмассу и как бы попытался отодвинуть ее от себя. Семерка превратилась в восьмерку. После второго нажатия

восьмерка стала девяткой.

— Эй-эй, полегче! — крикнул кто-то за спиной. — Не так быстро!

Иван Георгиевич и Колян синхронно обернулись и так же синхронно сунули руки за пазуху, каждый за свою, естественно.

Перед ними стоял незнакомый мужик лет сорока, невысокий, невзрачный и лысоватый. В руках он держал пистолет непривычной конструкции, дуло было направлено Ивану Георгиевичу прямо между глаз.

— Зачем сразу хвататься за оружие? — укоризненно спросил незнакомец. — Для начала можно просто поговорить.

Иван Георгиевич осторожно вытащил руку из-за пазухи, пистолета в ней не было. Колян последовал его примеру.

— Так-то лучше, — сказал незнакомец и тоже убрал оружие. — Я Фома.

— Иван, — представился Иван Георгиевич. — Это Николай, это…

— Николая я уже знаю, — сообщил мужик. — Данила про вас рассказывал.

— Ты… то есть вы… — начал Колян, но Фома его перебил:

— Можно на ты. Так привычнее.

— Ты тоже охранник? — закончил вопрос Колян.

— Не охранник, а полицейский. Николай, куда Ромка делся? Решил остаться в будущем?

Коляну потребовалось секунд пять, чтобы сообразить, что в этом времени они с Максимом уже ушли в будущее, но еще не вернулись. Фома еще не знает, что произошло с Коляном, Максимом и Ромой, потому что в реальности Фомы их путешествие по более поздним временам еще не закончилось. Чертовы парадоксы, сразу и не разберешься в них.

— Не знаю, где сейчас Рома, — сказал Колян. — Мы возвращались без него. Там такая толпа собралась, за всеми не уследишь…

— Что за толпа? — заинтересовался Фома. — И что значит возвращались? Данила вас проморгал?

— Нет, просто мы вернулись в более раннее время, чем отправились. На табло ведь можно двигать не только первую цифру, можно выставить любое время, какое только захочешь. Мы с Максимой и Ромой провели в будущем три дня… или четыре… я уже со счета сбился…

— Неважно, — перебил его Фома. — Что было в будущем? Докуда дошли?

— До тридцать первого века. Дальше портал изолирован силовым полем, наши далекие потомки почему-то не хотят

общаться с предками. Где-то около 3000 года, точную дату не помню, у меня где-то записано… короче, там устроили как бы лекцию для пришельцев из прошлого, специальный робот всем объясняет, что дальше путь закрыт. Там очень много народу собралось, вся поляна была забита.

— Какая поляна? — не понял Фома.

— Эта самая. Там всю траву вытоптали, а деревья то ли поломали, то ли они сами сдохли от старости… не знаю. Идол вот этот куда-то делся… Потом, когда лекция закончилась, роботы всех с поляны повыгоняли, чтобы можно было людей по разным временам развести, потом запускали по одному или сразу несколько, группой… Короче, не знаю я, куда Рома отправился, с нами он не пошел, наверное, к вам собрался, в родное время. Дня через три придет.

— Хорошо, — сказал Фома, — Честно говоря, ничего не понял, но все запомнил, перескажу Денису, пусть разбирается. А вы куда собрались?

— В двадцать восьмой век. Пропустишь?

— Пропущу, — согласился Фома, — чего бы не пропустить. Только я должен сначала в сторонку отойти, чтобы вместе с вами не увязаться. Вы долго у пульта не задерживайтесь, мне надо обратно возвращаться, а то получается, что я пост оставил.

— Хорошо, — сказал Колян. — Давай.

— Успехов вам, — сказал Фома и стал ломиться сквозь осинник, как лось.

— Папа, вы с Колей с ума посходили? — подала голос Люся. — Кто это был? Что здесь вообще происходит?

— Все под контролем, — заверил ее Иван Георгиевич. — Коля, поехали дальше.

— Надо подождать, — возразил Колян. — Фома еще не вышел из круга.

— Из какого круга? — страдальчески вопросила Люся.

— Можно! — заорал Фома откуда-то издали. Можно было подумать, что он отошел не на десять метров, а как минимум на сто. В густом лесу иногда наблюдаются странные акустические эффекты.

— Вот теперь можно, — сказал Колян и превратил девятку на табло в букву А. — Двадцать восьмой век, добро пожаловать.

— Это сумасшествие, — повторила Люся в очередной раз. — Вы все белены объелись.

— Заткнись, — тихо произнес Иван Георгиевич.

Вроде и не прозвучало в его голосе никакой угрозы, но Люся немедленно захлопнула рот и встала почти по стойке смирно. В подобные моменты Колян сильно завидовал тестю, сам он к

таким фокусам был неспособен.

— Эгегей! — крикнул Иван Георгиевич. — Есть тут кто-нибудь?

В траве зашуршало что-то большое и проворное. По издаваемым звукам можно было подумать, что ползет большая змея, вроде анаконды или королевского питона. Колян был уверен, что это робот, но на всякий случай вытащил пистолет.

— Опасности нет, — сообщил из травы невидимый ползун. — Я не представляю угрозы.

— Ты кто? — спросил Иван Георгиевич.

— Робот-посыльный со многими дополнительными функциями.

Люся неожиданно вздрогнула и ухватила бы Коляна за локоть, если бы он не уклонился. Когда пистолет снят с предохранителя, никому нельзя позволять хватать тебя за руку, это аксиома. Интересно, что ее так напугало?

Робот окончательно приполз и показался из травы. Больше всего он напоминал сколопендру из Чернобыля, выросшую до размеров молодого крокодила. Люся и Настя синхронно охнули, Люся — испуганно, Настя — восторженно.

— Медведка, — заявила Настя. — Я ее в книжке видела.

— Тише, — сказал Иван Георгиевич. — Не мешайте, успеете еще наговориться. Послушайте, уважаемый, — обратился он к роботу, — … к вам можно обращаться на ты?

— Конечно, — ответил робот. — Надо полагать, вы из прошлого. Если судить по конструкции ваших пистолетов, это двадцатый — двадцать второй век. Впрочем, вы все уже опознаны. Лученко Иван Георгиевич, Немцов Николай Федорович, Немцова Людмила Ивановна, Незванова Анастасия Николаевна. Все правильно?

— Я не Незванова, а Немцова! — возмутилась Настя.

— Прошу прощения, — сказал робот, — это моя ошибка. Конечно, Немцова, Незванова будет в замужестве.

— В каком еще замужестве? — не унималась Настя. — Я еще маленькая!

— Еще раз прошу меня простить, — повторил робот.

Люся посмотрела на Коляна обалдевшими глазами и спросила:

— Это и вправду будущее?

— Нет, блин, глюк!

— Тихо вы, горячие эстонские парни… и девушки, — вмешался Иван Георгиевич. — Дайте спокойно поговорить с роботом.

Он обратился к роботу:

— Значит, я могу обращаться к тебе на ты?

— Да, конечно. Я не умею обижаться. Разговаривая со мной, ты можешь не думать о вежливости.

Колян ожидал, что Иван Георгиевич попросит робота вызвать им какой-нибудь транспорт, но тесть повел себя неожиданно.

— Скажи-ка мне, — начал тесть, — при каких условиях ты можешь причинить вред человеку?

Если робот и удивился этому вопросу, то ничем этого не показал.

— Только если человек совершает противозаконные действия, — ответил робот.

— А если человек нарушает закон по незнанию?

— Перед тем, как применять силу, я обязан предупредить, — пояснил робот. — Конечно, если есть время на предупреждение. Но оно обычно бывает, очень редко приходится действовать незамедлительно.

— Насколько редко? — уточнил Иван Георгиевич. — С тобой такое бывало?

— Если ты имеешь ввиду мое тело, то нет.

— А что я еще могу иметь ввиду? Душу?

— Да, — спокойно ответил робот. — Мне приходилось выполнять подобные действия в других телах.

— Твой мозг раньше был в другом корпусе?

— Нет.

— А как же тогда? Что ты имеешь ввиду, когда говоришь, что в других телах причинял людям вред?

— Большая часть моей души принадлежит москомпу, — сказал робот. — Когда локальная душа не может решить какую-то задачу, она инициирует… в вашем времени это называлось распределенными вычислениями.

— Понятно, — буркнул себе под нос Иван Георгиевич. — Зайдем с другой стороны. Скажи мне пожалуйста, робот, обязан ли ты выполнять приказы человека?

— Конечно. Я обязан выполнять все приказы, не противоречащие заложенным в меня программам.

— Какие приказы противоречат программам?

В голосе робота послышалось замешательство.

— Я не могу сформулировать точный ответ, — сказал он.

— Почему?

— Затрудняюсь ответить. Я могу попытаться дать перечислительный ответ.

— Попытайся.

— Я не должен выполнять приказы, ведущие к совершению преступлений. Я имею право не выполнять приказы

неполноценных личностей…

— Ну-ка, поподробнее, — заинтересовался Иван Георгиевич. — Что еще за неполноценные личности?

— Несовершеннолетние, умственно отсталые, душевнобольные, маразматики, пьяные, — перечислил робот. — Кроме того, я не должен выполнять приказы, превосходящие социальный статус отдавшего приказ.

— Что такое социальный статус?

— Социальный статус личности определяет меру ответственности, которую данная личность способна на себя возложить. Социальный статус определяется по результатам психотеста.

Колян приблизился к тестю, чтобы осторожно ткнуть его в бок, напоминая, что в предыдущем путешествии в будущее никто из путешественников так и не смог пройти психотест. Иван Георгиевич остановил зятя взглядом. «Я все помню, успокойся и не мешай», говорил этот взгляд.

— Я могу вызвать сюда летающую тарелку? — спросил Иван Георгиевич.

— Прямо сюда — нет, машина не сможет приземлиться в густом лесу. Вам придется пройти около трехсот метров на север, там есть большая поляна.

— Я могу попросить вырубить этот лес?

— Обоснование?

— Ну… — Иван Георгиевич сделал задумчивое лицо. — Допустим, мне так захотелось.

— Обоснование признано неудовлетворительным, — заявил робот. — Запрос отклонен.

— Какое обоснование будет удовлетворительным?

— Не знаю.

Иван Георгиевич загадочно хмыкнул и задал следующий вопрос:

— Я могу узнать, какие пришельцы из прошлого, кроме нас, присутствуют в этом времени?

— Обоснование?

— Гм… проехали. Следующий вопрос. Можем ли мы устроиться в этом времени на постоянное место жительства?

— Можете. Как будете выбирать дом?

— Подбери что-нибудь на свой вкус. Коля говорил, что вам, роботам, можно доверять в этом вопросе.

— Он прав, — согласился робот. — Вы собираетесь жить все вместе?

— Да.

— Я должен получить ответ от каждого, — заявил робот.

— Да, — сказал Колян.

Люся посмотрела на отца, на мужа, нервно пожала плечами и сказала:

— Да.

— Настя? — спросил робот.

— Чего Настя? — удивилась Настя. — Ты что! Я же ребенок! Меня нельзя спрашивать.

— Можно, — возразил робот. — Ты согласна жить вместе с родителями и дедушкой?

— Конечно, согласна.

— Жилище подобрано, — заявил робот. — Машина прибудет через две минуты, я провожу вас к месту посадки.

Иван Георгиевич состроил странную гримасу, как будто хотел спросить еще о чем-то, но передумал.

— Хорошо, — сказал он. — Пошли.

2.

— Пойду, выйду наверх, покурю, — сказал Олег.

Серега поднял глаза, посмотрел на Олега шальным взглядом и выдал длинную матерную тираду, смысл которой сводился к тому, что если в отсутствие Олега придет какой-нибудь козел, то Серега не имеет ни малейшего понятия, что отвечать, что делать и вообще… На этом связные мысли обрывались, далее следовал сплошной мат.

— Ничего, разберешься, — обнадежил Олег Серегу. — Не маленький.

На самом деле Олег лукавил, Серега был маленьким, и не только по росту, но и по уму. Сейчас Серега был прав, оставлять его одного не стоило, но Олегу было на это наплевать. Он полагал, что им с Серегой работать в милиции по любому осталось недолго, а в такой ситуации нет смысла лезть из кожи вон, чтобы не попасть под раздачу трындюлей. Потому что под раздачу все равно попадешь, как ни суетись. Сейчас нужно думать не о том, как не потерять прибыльное место, а о более отдаленном будущем.

Запах озона из коридора давно улетучился, да и горелым деревом почти не пахло. Обгорелые обломки двери были свалены грудой в той самой комнатушке, в которой час назад они с Серегой пытались обобрать приезжего лоха, впридачу еще и хача. В глубине души Олег до сих пор не мог поверить, что дело повернулось таким противоестественным образом. Это было решительно невозможно, так не должно быть потому, что не

должно быть никогда. Дело даже не в том, что хач оказался пришельцем из будущего, а в том, что приезжие хачи всегда элементарно разводятся на деньги, это такой же закон природы, как и то, что бутерброд падает маслом вниз.

Олег прошел по тоннелю до ближайшей развилки, поднялся наверх и оказался посреди рыночной толпы. Когда Олег поднимался по лестнице, шумные бабки, торгующие всякой ерундой, замолкали при его приближении и провожали его напряженными взглядами. Олег не обращал на них внимания — сегодняшний налог был уже собран, торговки его больше не интересовали. Пусть сменщики ими интересуются.

Олег сунул в рот сигарету, прикурил и неспешно отошел в сторону, к большому ларьку, торгующему компакт-дисками. Олег предпочитал курить именно здесь, потому что здесь никогда не бывало большой толпы, музыка и фильмы привлекают гораздо меньше покупателей, чем колбаса и макароны.

Рядом нарисовался крупный, но рыхлый мужик с одутловатым лицом, шальными глазами и большой сумкой на плече. Мужик подошел к Олегу, воровато оглянулся по сторонам и осторожно произнес:

— Здравствуйте.

Травкой торговать хочет, подумал Олег. Вслух он ничего не сказал, лишь приподнял бровь, показывая, что ждет продолжения.

Следующей фразой парнишка очень разочаровал Олега.

— Я журналист, — сообщил он.

Олег почувствовал, как рука журналиста ткнулась в боковой карман форменной тужурки Олега и что-то положила внутрь. Олег опустил взгляд и увидел, что это не что-то, а пятьсот рублей. Взгляд Олега стал чуть более дружелюбным.

— Что случилось на станции? — спросил журналист.

Олег глубоко затянулся, выпустил дым и решительно заявил:

— Триста баксов.

— Сто, — возразил журналист.

Олег пожал плечами и сделал вид, что собрался уходить. В следующую секунду в кармане куртки Олега появились четыре тысячные бумажки.

— Половина, — прокомментировал журналист. — Вторая половина в обмен на информацию.

Олег представил себе, что сейчас подумает его собеседник, и ехидно ухмыльнулся. И начал говорить правду.

— Задержали подозрительного человека, — сказал Олег. — Обычная проверка документов. Паспорт вызвал подозрения, человека отвели в опорный пункт, там он вытащил бластер и стал стрелять. Он пришелец из будущего.

Договорив последние слова, Олег скривил рот в торжествующей усмешке. Сказать, что журналист был ошеломлен — значило ничего не сказать.

— Там потом появился один твой коллега, — добавил Олег. — Сфотографировал этого пришельца и его компьютер, у него с собой компьютер был.

— Какой компьютер? — глупо переспросил журналист.

— Из будущего, — пояснил Олег. — Без экрана, картинка рисуется прямо в воздухе. Ты на меня так не смотри, я тебе мозги не парю, он на самом деле из будущего и скоро это попадет в газеты без твоей помощи. Твой коллега все уже сфотографировал. А может, и не коллега, может, конкурент.

Журналист выдал Олегу еще четыре тысячи и спросил:

— Там еще осталось, что фотографировать?

Олег вспомнил про обгорелые обломки досок и ухмыльнулся.

— Еще десять тысяч, — заявил он.

— Пять, — сказал журналист.

Они сошлись на восьми.

3.

Колян сидел на террасе в кресле-качалке и следил за маленькими летающими роботами, похожими на мячики для пинг-понга. Роботы неспешно шныряли туда-сюда без всякой видимой цели, но на самом деле цель у них была — они охотились на комаров.

Дом, который подобрал москомп, был всем хорош, но был у него один серьезный недостаток — рядом с ним располагалась огромная заболоченная лужа, в которой плодились комары. Пару часов назад Люся пожаловалась домашнему компьютеру на безобразие, тот обещал принять меры и не обманул — за последний час Колян не видел ни одного комара.

Заливисто хохоча, мимо крыльца пробежала Настя, перед ней бежал маленький полуинтеллектуальный робот, имитирующий внешность и поведение молодого спаниеля. Когда домашний компьютер спросил Настю, чего ей не хватает для полного счастья, она попросила собаку и через полчаса собака была доставлена. Собака была ненастоящая, но так даже лучше — можно гарантировать, что она никого не укусит, не изгрызет ботинки и не сделает лужу в неподходящем месте.

Колян отхлебнул очередную порцию пива и к двум пустым бутылкам, стоящим рядом с креслом, присоединилась третья. На веранду тут же прискакал маленький паукообразный робот,

тащивший в длинных металлических лапках четвертую бутылку. Робот остановился рядом с Коляном, щелкнул открывалкой, протянул открытую бутылку Коляну и ускакал обратно. Сервис, однако.

Из дверей, ведущих внутрь дома, показался еще один робот, чуть больших размеров, он волок за собой длинную угловатую конструкцию неясного назначения. Ее назначение стало ясным, когда робот ее разложил и установил рядом с креслом Коляна. Это было еще одно кресло, почти как у Коляна, только чуть-чуть поменьше и с более мягким сиденьем. Робот убежал внутрь, а через минуту из дома вышла Люся, села в это кресло, откинулась на спинку, вытянула ноги вперед и положила их на услужливо подставленную роботом скамеечку.

— Алкоголизируешь, — констатировала она.

— Ага, — согласился Колян. — Присоединяйся, пиво хорошее.

— Не хочу, — сказала Люся и потянулась, как кошка. — Хорошо тут…

— Да, неплохо. Только соседей нет, скоро скучно станет.

— А зачем нам соседи? — удивилась Люся. — У нас на втором этаже телепортатор. Я уже в Атлантическом океане искупалась.

— И как?

— Хорошо, вода теплая. Хочешь, вместе сходим? Настю возьмем…

— Не хочу, — помотал головой Колян. — Я сегодня лучше напьюсь. Да и Насте, думаю, на сегодня и без того впечатлений хватит, лучше ее постепенно к чудесам приучать.

— Тогда давай завтра сходим, — предложила Люся. — Ты не против?

— Давай сходим, — согласился Колян. — А что твоего папы не видно?

— К компьютеру прилип и не отходит, психотест какой-то проходит. Что это такое, кстати? Это, типа, проверяют, не сумасшедший ли ты?

— Типа того. Я уже пробовал его проходить.

— И как?

— Не прошел. А пока проходил, роботы пистолет спрятали. Нельзя, говорят, кровожадным маньякам оружие доверять.

— Как это спрятали? — возмутилась Люся. — Просто так взяли, утащили и спрятали? Пойду-ка лучше я папину пушку приберу, пока и ее тоже не уперли. Или ты уже сказал папе, чтобы он ее прибрал?

— Не сказал, — смутился Колян. — Забыл.

Люся одарила мужа негодующим взглядом и ушла в дом. Колян еще раз приложился к бутылке. Он пытался убедить себя, что наслаждается покоем, но это не получалось — Колян понимал, что покой ему в этом времени может только сниться, если, конечно, не рассматривать всерьез перспективу провести остаток своих дней в виртуальности. А в реальной жизни Иван Георгиевич обязательно придумает что-нибудь такое, отчего все местные компьютеры встанут на уши. Интересно, что это будет?

Колян ехидно хмыкнул и отхлебнул еще пива. Он даже не пытался угадать, что именно придумает Иван Георгиевич, у Коляна ни разу еще не получалось правильно прогнозировать действия тестя. Наверное, потому Колян и не входил в штаб мафиозной группировки.

4.

Сергей Лыков, рядовой сотрудник милиции московского метрополитена, был возмущен. Во-первых, у него болела рука, потому что этот черножопый джедай, кажется, устроил ему растяжение связок. Во-вторых, страшно хотелось курить, а Олег, сволочь, ушел и теперь надо его дожидаться, потому что опорный пункт покидать нельзя, а прямо здесь курить тоже нельзя, потому что вентиляции, считай, нет как таковой и от одной-единственной сигареты поднимется такое вонидло, что потом будешь сам не рад, весь день будет голова болеть. В-третьих, гадский капитан, умудрившийся припереться с проверкой в самый неподходящий момент, куда-то слинял и не сказал, что говорить, если придет какой-нибудь высокопоставленный козел и потребует объяснений. Сука.

О том, что в отсутствие капитана им с Олегом пришлось бы еще хуже, Сергей не думал. Такие сложные мысли находились далеко за пределами его умственных способностей.

В коридоре послышался шум. Серега выглянул в коридор и увидел Олега вместе с каким-то опухшим хмырем, вытаскивавшим большой фотоаппарат из объемистой черной сумки.

— Две мне, две ему, — распорядился Олег.

Хмырь извлек из кармана потертых джинсов четыре тысячные купюры, две выдал Олегу, а две Сергею. Сергей восхитился, он всегда восхищался умением напарника срубать бабки в самых неожиданных ситуациях.

— Спасибо, молодец, — буркнул Сергей. — Чего встал? Вали отсюда и больше не попадайся.

— Серега, расслабься, — заржал Олег. — Это не лох, это журналист. Пойдем, поможем человеку фотографировать.

— Что фотографировать? — не понял Сергей.

После всего пережитого за сегодняшний день он соображал еще медленнее, чем обычно.

— Обломки, — пояснил Олег. — Пошли, — обратился он к хмырю.

— Мда… — промычал хмырь, обозрев печальным взглядом обгоревшие деревяшки. — Знал бы, что это будет выглядеть так, хрен бы я вам заплатил. А может…

Хмырь отложил фотоаппарат в сторону, присел на корточки и стал выкладывать на полу некую конструкцию с неровной дырой посередине. Конструкция раза в два превосходила по площади бывшую входную дверь, а обгорелая дыра в центре придавала картине крайне устрашающий вид.

— Вот это совсем другое дело, — удовлетворенно произнес хмырь, быстро сделал несколько снимков, улыбнулся и сказал:

— Спасибо, ребята.

Вежливо попрощался и ушел.

Сергей обратил внимание, что в фотоаппарате, даже когда хмырь ничего не фотографировал, все время моргала какая-то зеленая лампочка. Наверное, на профессиональной камере так и должно быть.

5.

Оставшееся время до конца смены прошло без происшествий. Происшествие случилось на следующее утро, перед самой сдачей дежурства.

Олег вышел в вестибюль станции на халяву разжиться прессой, оглядел ассортимент на лотке и взгляд его остановился на свежем номере газеты «Век». На первой полосе красовалась зловещая кучка обгорелых деревяшек, а с соседней фотографии на Олега смотрела его собственная физиономия, нечетко снятая, но вполне узнаваемая. Заголовок над всем этим безобразием гласил: «В Москве стреляют из бластеров. Милиция безуспешно пытается остановить пришельца из будущего». Чуть ниже было приписано более мелким шрифтом: «Машина времени — транспорт для маньяка».

Толстая розовощекая продавщица посмотрела на обалдевшее лицо Олега, проследила направление его взгляда и мерзко захихикала. Олег протянул руку, взял с лотка номер мерзопакостной газетенки и пошел назад, стараясь не выглядеть

слишком уж разъяренным. Ему хотелось схватить эту пачку дурно отпечатанных листков, засунуть в пасть гнусной бабы и держать там, пока она не сожрет всю эту пакость. Но так делать нельзя. Во-первых, даже праведному гневу должен быть предел, а во-вторых, это все равно ничего не изменит. Весь тираж этой гадости гнусным бабам не скормишь.

Олег уселся за стол и быстро просмотрел статью. Никакой конкретной информации в ней не было, но зато громких слов наподобие «убийца с лазерным бластером разгуливает по Москве» было более чем достаточно. Хорошо, что автор статьи не поскупился на шокирующие эпитеты, нормальный человек, прочитав этот бред, не воспримет его всерьез. Но с другой стороны, если человек вначале прочитает этот бред, а потом увидит голый дверной проем с обгорелыми косяками, или наоборот, сначала увидит, а потом прочитает… Так недолго и знаменитостью стать, блин.

Пораскинув мозгами, Олег решил не показывать газету Сереге, а то еще начнет хвастаться, что про него в газете напечатали, ума хватит. Олег прошел в сортир и тщательно изорвал газету на аккуратные прямоугольнички, которые сложил в урну для использованной бумаги. Стоило бы употребить газету по прямому назначению, но слишком уж она пачкается.

Олег вышел в вестибюль станции и присоединился к подпирающему стену Сереге. Они ни о чем не сговаривались, но сегодня утром никто из них не остановил для проверки документов ни одного прохожего. Даже у Сереги хватило соображения не искать сегодня дополнительных приключений на свою задницу. Скорее бы смена подходила.

6.

Похмелья не было. Колян попытался вспомнить, сколько он вчера выпил, и не смог. Одного только пива было выпито литра три, не меньше, а потом появился Иван Георгиевич, сияющий, как пять копеек, и велел роботам тащить водку. Колян пытался отказаться от продолжения банкета, но это было невозможно. В течение следующих двух часов они налакались как свиньи, при этом тесть непрерывно вещал что-то важное, но о чем шла речь, Колян не помнил, он помнил только, как тесть восторгался собственной сообразительностью, а Колян вполне разделял его точку зрения, потому что… Нет, бесполезно, память как отрезало.

Натягивая трусы, Колян сообразил, почему он не чувствует похмелья. Он ведь и раньше знал, что в будущем в пищу

добавляют какие-то лекарства, блокирующие наркотическую ломку, но тогда он не думал, что похмелье по сути тоже ломка, только от алкоголя. Или не ломка… неважно. Важно лишь то, что он чувствует себя гораздо лучше, чем можно было ожидать после такой пьянки. Интересно, цирроз печени в будущем тоже лечат? А то как бы не спиться с такими лекарствами…

В комнату вошла Люся и поприветствовала мужа ехидным вопросом:

— Проспался, пьяница?

Колян улыбнулся до ушей, сгреб жену в охапку, поднял на руки и закружился вокруг своей оси.

— Кто пьяница?! — грозно вопросил он.

Люся расхохоталась. Привлеченная смехом мамы, в комнату ворвалась Настя, сопровождаемая радостно гавкающим киберпсом. Настя прыгнула на папу сзади, случайно зацепилась за трусы, начала их стаскивать, Колян потерял равновесие, рухнул на кровать и получилась куча мала.

— А ты ничего, — заметила Люся, — как огурчик. И папа тоже. Это правда, что здесь похмелья никогда не бывает?

— Правда, — подтвердил Колян. — Слушай, Люся, ты не помнишь случайно, о чем мы вчера с твоим отцом говорили?

Люся посмотрела на Коляна оторопевшим взглядом и снова расхохоталась.

— Папа! — закричала она. — Папа, иди сюда! Ты прикинь, Коля ничего не помнит!

В дверях появился Иван Георгиевич. Он оглядел отеческим взглядом творящийся в комнате бардак и добродушно улыбнулся.

— Ничего страшного, — сказал он. — Я тоже не все помню. Коля, ты уже завтракал?

— Нет, только встал.

— Тогда умывайся и пойдем завтракать. Я забронировал столик в одном ресторанчике в Ницце, компьютер уверяет, что заведение достойное.

Через четверть часа вся семья в полном составе вкушала вкусную и здоровую пищу на открытой веранде летнего кафе на берегу Средиземного моря. Или не Средиземного, а Адриатического или Тирренского, Колян точно не помнил. Короче, это было в том самом месте, где в двадцать первом веке стоял город, именуемый Ницца.

В двадцать восьмом веке города уже не было. На Земле вообще не осталось городов, в эпоху телепортации они стали не нужны. Кое-где городские кварталы сохранились как туристические памятники, но Ницца в число таких мест не входила.

Кафе, в котором они сидели, располагалось на небольшой поляне, со всех сторон окруженной кустами дикого винограда и еще какими-то кустами, как уже успела выяснить Настя, колючими. Никаких дорог и тропинок вокруг не наблюдалось, был только небольшой телепортатор в углу, из которого появлялись посетители и в который они уходили.

— Коля, ты правда ничего не помнишь, что я вчера говорил? — поинтересовался Иван Георгиевич.

Колян смущенно помотал головой.

— Помню, что это было что-то очень важное, — сказал он. — Еще помню, что вы очень радовались и…

Иван Георгиевич улыбнулся добродушной отеческой улыбкой.

— Самое главное ты запомнил, — сказал он. — А теперь слушай детали. Перед тобой сидит полноправный гражданин республики Нью Зулу.

— Гражданин чего? — переспросил Колян. — И где он сидит?

— Прямо перед тобой. Пока ты надирался на веранде, я сходил на Нью Зулу и прошел там психотест третьего уровня.

Колян попытался сосредоточиться.

— По порядку, пожалуйста, — попросил он. — Что такое Нью Зулу?

— Автономная республика в составе ООН-3.

— Это на другой планете?

— Ты потрясающе догадлив, — Иван Георгиевич впервые позволил себе чуть-чуть поехидничать. — Планета тоже называется Нью Зулу, это обычная практика, когда название субъекта федерации совпадает с названием планеты.

— И что это за планета? — спросил Колян.

Ответ тестя его удивил.

— Понятия не имею, — ответил Иван Георгиевич. — Я на открытый воздух не выходил, не хотелось с аборигенами сталкиваться.

— Почему?

— Эх, Коля, Коля, серость ты необразованная, — покачал головой тесть. — Неужели Хаггарда не читал?

— Кого?

— Стыдно, молодой человек. Генри Райдер Хаггард — классик приключенческой литературы. «Копи царя Соломона», «Дочь Монтесумы»…

— «Копи» читал, — вспомнил Колян. — Там какие-то отморозки у негров революцию устраивали.

— Молодец, вспомнил. Зулусы — негритянский народ, населяющий современную ЮАР. Сто с чем-то лет назад они были

очень воинственны, у них даже некоторое время была империя по типу Римской. Императора звали Чака.

И тут Колян вспомнил.

— Все, вспомнил! — воскликнул он. — Зулусы — они в «Цивилизации» есть!

— В какой цивилизации? — не понял Иван Георгиевич.

— Игрушка такая на компьютере, — пояснила Люся. — Коля в нее день и ночь режется.

— Вовсе не день и ночь, — возразил Колян. — Иногда играю…

— Короче, Склифосовский, — перебил его тесть. — Республика Нью Зулу основана потомками тех самых зулусов. Они хотели возродить дух Чаки.

— И как, возродили? Наверное, не получилось, раз у них республика, а не империя.

— Не совсем, — улыбнулся тесть. — Просто авторитарное государство в этом времени очень трудно зарегистрировать. Компьютеры требуют, чтобы демократия была хотя бы на региональном уровне. Муниты, правда, зарегистрировались как семейная община, но с зулусами такой фокус не прошел бы. Они другим боком вывернулись, у них такие избирательные законы, что демократия существует только на бумаге.

— А на самом деле?

— На самом деле — сборище психованных идиотов. Когда пойдешь туда, имей ввиду — они расисты. Увидят белого на своей планете — убьют на… гм…

Иван Георгиевич смущенно умолк. Волнуется, подумал Колян. В обычном состоянии Иван Георгиевич не позволял себе в присутствии внучки выругаться даже мысленно, а сейчас едва сдержался.

— Почему это я туда пойду? — спросил Колян. — Что я там забыл?

— Ты забыл там социальный статус третьего уровня. Он дает право носить хранить и носить оружие, иметь совещательный голос при обсуждении политических вопросов, а любые твои запросы к компьютерам имеют больший приоритет, чем запросы людей низшего статуса. Ну и по мелочи кое-что…

— А почему получать его надо там? Почему не здесь?

— Здесь мы с тобой уже пробовали и безуспешно. Тут вот в чем дело. На разных планетах законы немного различаются, вроде как в США в разных штатах. Требования к личности на разных планетах тоже разные, но социальный статус одинаково признается во всех мирах. Это как у нас с высшим образованием. Неважно, закончил ты МГУ или институт макароносверления

имени кота Матроскина, все равно ты считаешься человеком с высшим образованием. Так и здесь, даже если ты прошел психотест в каком-нибудь дурдоме, который формально считается субъектом федерации, твой статус признается на всех планетах.

— Неужели этим никто не пользуется?

Иван Георгиевич пожал плечами.

— Думаю, кто-то пользуется, — сказал он. — Вряд ли я один такой умный. Но таких умников должно быть немного, иначе эту лазейку уже давно бы прикрыли. Короче говоря, сейчас поедим и двигай к зулусам. Когда будешь выбирать точный адрес, обязательно потребуй, чтобы в радиусе километров десяти никого не было. А как придешь на место, сразу блокируй телепортатор, входи в планетарную сеть и ставь для себя режим невидимости. Потом озадачиваешь роботов, чтобы к тебе никого не пускали, и бегом в виртуальность. Психотест второго уровня ты точно пройдешь, насчет третьего не уверен, но может и получиться. Или ты не хочешь в этом участвовать? Если не хочешь, неволить не буду, но потом не обижайся.

— На что?

— На то, что главное веселье пропустишь. Слушай, Коля, — Иван Георгиевич наклонился над столом и продемонстрировал очередную отеческую улыбку, — неужели тебе не хочется стать настоящим человеком? Получить столько денег и власти, сколько тебе никогда и не снилось?

— Здесь нет денег, — заметил Колян. — А вся власть у компьютеров. Думаете, они с вами поделятся?

— А кто говорит про «здесь»? — удивился Иван Георгиевич. — Здесь у нас будет база, гнездо, так сказать, а в своем гнезде нормальные птицы не гадят. Деньги и власть мы с тобой будем зарабатывать… тут еще подумать надо…

Иван Георгиевич вдруг смутился.

— У меня есть мечта, — признался он после некоторых колебаний. — Хочу сделать так, чтобы войны не было.

— Какой войны? — не понял Колян.

— Той самой. Великой Отечественной.

Колян чуть не подавился блинчиком. Он уставился на тестя выпученными глазами, а потом они оба расхохотались. Настя тоже на всякий случай засмеялась.

Впервые за… пожалуй, за все время их знакомства Колян почувствовал к тестю нечто вроде симпатии. Оказывается, у старого разбойника тоже есть мечта, бестолковая и сумасшедшая, какими чаще всего и бывают мечты. А он-то думал, что тесть только о деньгах думает…

— Хорошо, — сказал Колян. — Доедаю и сразу выдвигаюсь.

— Тогда слушай последние инструкции, — сказал тесть.

Он начал говорить, а Колян — слушать.

7.

Миша Власов был в ярости. Эти дебилы, Олег с Серегой, лажанулись так, что их подвиг можно смело вносить в книгу рекордов Гиннеса. Мало того, что пришелец из будущего их чуть не перестрелял, так они еще и журналиста-папарацци на станцию запустили. Вначале, когда позвонил Илья и рассказал о случившемся, Миша подумал, что фотографии сделал тот самый журналист, который вломился в опорный пункт, когда Гвидон демонстрировал Мише свой компьютер, а Олег с Серегой приходили в себя после заслуженных побоев. Миша так и сказал Илье, но Илья раздраженно хмыкнул и посоветовал ознакомиться с первоисточником.

Миша ознакомился и ему потребовалось все самообладание, чтобы не начать материться во весь голос прямо у газетного ларька. Боже мой, какие идиоты! Пусть о нем думают что хотят, но таких кретинов он отмазывать не будет, все равно бесполезно, в рядах милиции они надолго не задержатся по любому и дежурство, которое закончится через двадцать минут, будет для них последним. После сегодняшней статьи ничего другого и быть не может. Да и не хочется, честное слово, спасать задницы таких придурков. Искали приключений, вот и нашли, уроды.

Миша появился на станции «Теплый Стан» за десять минут до конца смены. Два обормота задумчиво подпирали стену. Олег, увидев Мишу, виновато опустил взгляд, а Серега, наоборот, выпятил тощую грудь и попытался принять бодрый и молодцеватый вид.

— Здорово, дебилы! — поприветствовал их Миша.

— Почему это мы дебилы? — возмутился Серега.

Вместо ответа Миша сунул ему под нос злополучную газету. Нижняя челюсть Сереги медленно отвалилась, он с трудом оторвал взгляд от газеты и перевел его на Олега. Мише все стало понятно. Олег, гаденыш, даже своему другу ничего не сказал, хотя уже все знает, по глазам видно.

— Уроды, пентюхи несчастные, вонючие засранцы, — с чувством произнес Миша и замолчал, потому что запас цензурных слов, подходящих к случаю, исчерпался, а переходить на мат не хотелось.

Серега сглотнул слюну и попытался что-то сказать:

— Мы… он…

— И слушать не хочу, — перебил его Миша. — Мне наплевать, как этот журналюга оказался в вашем закутке и сколько бабок вы с него слупили. Это вы не мне будете объяснять, а живоглотам из собственной безопасности. Если повезет, вылетите из органов, а если не повезет — будете на зоне кукарекать по петушиному.

— Вы не пугайте, — злобно прорычал Олег, но Миша не дал ему договорить:

— И не собираюсь. Мне теперь вас пугать незачем, вы мне теперь по барабану. Я сюда не затем пришел, чтобы пугать.

— А зачем? — спросил Олег.

Его лицо стало совсем белым, казалось, он сейчас хлопнется в обморок.

— А затем, — сказал Миша, — чтобы сообщить вам одну важную вещь, которая в ваших мозгах без напоминания не задержится, потому что в ваших куриных мозгах вообще ничего не задерживается. Напоминаю — никакого выстрела не было и взрыва тоже не было, было только короткое замыкание. Это понятно?

Олег злобно оскалился и заявил:

— Непонятно.

— А чтобы было понятно, — продолжал Миша, — я кое-что еще напомню некоторым дебилам, которые не понимают. В одном сейфе есть красная папочка… дальше продолжать? Теперь все понятно?

Судя по лицам юных оболтусов, им все стало понятно. Миша отвернулся от обормотов и пошел прочь, с трудом подавляя желание смачно сплюнуть на пол. После общения с подобной мразью так и хочется отплеваться. А с кем еще работать, если нормальные люди в милицию не идут?

8.

Капитан Власов скрылся в толпе. Сергей взглянул на Олега и оторопел.

— С тобой все в порядке? — испуганно спросил Сергей.

Олег был белый как полотно, как вампир из фильма ужасов, только губы у него были, в отличие от вампиров, не ярко-красные, а тоже почти белые.

— Нет, не все в порядке, — тихо сказал Олег. — Все не в порядке. Ты понял, что сказал этот козел?

— Чтобы мы не говорили про…

— Хрен ты чего понял! — рявкнул Олег. — Этот петух

пробитый нас подставляет, как лохов, а мы ничего не можем сделать, потому что…

Олег не стал договаривать, в этом не было нужды. Они с Олегом вообще старались не вспоминать ту историю, уж очень противно было ее вспоминать, особенно окончание.

— А может, уже ничего, — неуверенно предположил Серега. — Срок давности…

— Десять лет, — возразил Олег. — Я узнавал.

— Блин! А что делать-то?

— Снимать штаны и бегать. Поздно уже что-то делать, теперь будем ждать. О! Давай, делай умное лицо, смена идет.

9.

Безопасники взяли их прямо в комнате милицейского общежития. Олегу вначале показалось, что в комнату вошла алкогольная галлюцинация — они с Серегой весь день глушили водку и галлюцинация вполне могла уже появиться. Но, к сожалению, офицер-безопасник был абсолютно реален. Олег попытался сосчитать звездочки на его погонах, но не смог — перед глазами все плыло то ли от водки, то ли от страха.

— Вы обвиняетесь в групповом изнасиловании гражданки Гилюк Татьяны Васильевны, — провозгласил офицер.

— Сука! — заорал Серега. — Мы же ничего не сказали, правда, Олег?! Мы ничего никому не сказали! Твою мать, какая сука!

В машину Олега затаскивали под руки, он не мог идти сам, он пытался перебирать ногами, но постоянно в них запутывался, а где-то рядом непрерывно орал Серега. Поначалу его пытались успокоить, в кровь разбили рот, но потом даже безопасники поняли бессмысленность этого занятия. Теперь Серега орал беспрепятственно.

В машине Олег заснул. Его несколько раз пытались будить, но окончательно проснулся он только наутро, когда его растолкали и повели на допрос.

10.

Колян отдал необходимые распоряжения компьютеру, проверил, хорошо ли шлем прилегает к голове, и откинулся на подушку. Он ожидал, что мир изменит свой облик немедленно, как в прошлый раз, но он лежал, время шло, а виртуальность все

не включалась.

Переход на Нью Зулу и последующие приготовления к психотесту прошли без проблем. Колян точно выполнил распоряжения тестя, хотя и не понимал, почему тот с такой опаской относится к путешествию на эту планету. В этом доме можно хоть десять лет прожить безвылазно, и никто не заметит, что ты здесь поселился. Вряд ли зулусы отличаются большим любопытством, чем остальные обитатели двадцать восьмого века.

Прошло минут пять.

— Эй, компьютер! — крикнул Колян. — Ты что, завис?

Компьютер промолчал. Колян коротко выругался и снял шлем. Убирать его в стенную нишу он не стал, просто бросил на кровати.

Колян собирался посмотреть, что творится на экране компьютера, но в этот момент за дверью послышались тихие шаги. Они сопровождались какими-то странными шлепками, как будто по коридору шел босой человек с мокрыми ногами.

К горлу подступил страх, сразу вспомнилось все, о чем говорил тесть. Колян метнулся к столу, схватил пистолет и снял его с предохранителя. Затвор Колян не передергивал, первый патрон он дослал в патронник еще на Земле.

Дверь неслышно отворилась и в комнату вошли двое. Первым был пожилой коротко стриженый негр среднего роста и комплекции. Жесты и мимика у него были какие-то дерганые, непонятно, то ли наркоты наелся, то ли он всегда такой, от природы. Вторым был мальчик лет тринадцати, тощий, невзрачный и какой-то забитый. Оба негра были практически обнажены, из одежды на них наблюдались только цветастые плавки и кожаные сандалии, а у пожилого негра поверх плавок был надет широкий кожаный ремень, к которому крепилась сумочка-кенгуру. Из сумочки торчала пластмассовая рукоять бластера.

Увидев Коляна, негр вздрогнул и потянулся к бластеру.

— Стоять на месте! — рявкнул Колян. — Руки вверх!

Оба негра послушно подняли руки вверх. Пожилой что-то сказал по-своему, по-негритянски.

— Не понимаю, — покачал головой Колян.

Негр произнес какую-то команду и в разговор включился компьютер.

— Начинаю перевод, — сообщил он. — Липкий помет павиана, пораженного лямблиями, зачем ты осквернил этот дом?

Колян не отреагировал на оскорбление. Вместо этого он скомандовал:

— Кругом! Лицом к двери!

Компьютер перевел команду, негры ее выполнили. При этом старший негр сравнил Коляна с гниющим выкидышем суки бегемота, страдающей врожденным сифилисом.

— Ты еще поговори у меня, — проворчал Колян. — Повернись правым боком… вот так. Теперь двумя пальцами медленно вытаскиваешь бластер из сумочки и бросаешь на пол. Приступай.

Эту команду негр не выполнил, вместо этого он заявил, что бесцветная тварь, похожая на разложившегося мертвеца и явившаяся на свет из навозной ямы, которую не чистили от сотворения мира, может дойти до телепортатора, покинуть владения Зулу и вернуться в тот калоотстойник, из которого сюда явилась. Колян выстрелил в воздух и негр заткнулся.

Если быть точным, Колян выстрелил не в воздух, а в раскрытую дверь. Когда стреляешь в помещении, надо тщательно прицеливаться даже тогда, когда неважно, куда стрелять. А то еще попадешь в самого себя рикошетом…

Выстрел прозвучал оглушительно. Оба негра синхронно ойкнули, а мальчик даже подпрыгнул на месте. Должно быть, привыкли к бесшумным бластерам, а как грохочет настоящий пулевой пистолет, никогда не слышали.

— Это было первое предупреждение, оно же последнее, — сообщил неграм Колян. — Следующая пуля пойдет в голову. Не в руку и не в ногу, а в голову. Помощь вам оказывать я все равно не собираюсь, а дожидаться, пока вы от потери крови издохнете, гуманизм не позволит. Короче. Пушку на пол или разношу череп. Немедленно.

Негр аккуратно извлек из сумочки бластер и бросил его на пол.

— В угол! — приказал Колян. — Да не бластер в угол, а сам в угол становись! И ты тоже. Руки упереть в стену, ноги расставить. Так стоять и не шевелиться, пока я не разрешу. Компьютер! Как они здесь оказались? Я же ясно сказал, чтобы никого в дом не пускать!

— Доктор Нгуа имеет право посещать любое место на территориях Зулу, за исключением частных владений лиц, имеющих тот же или более высокий статус, — заявил компьютер.

— Это что получается, любой черножопый доктор может когда угодно ко мне вломиться и я от него никак закрыться не могу? — гневно вопросил Колян.

— Да, — ответил компьютер.

Доктор Нгуа что-то спросил на своем языке, компьютер разразился длинной тирадой, из которой Колян не понял ни слова.

— Молчать! — рявкнул Колян, но компьютер проигнорировал

его вопль.

Доктор Нгуа вдруг сделал резкое движение рукой. Колян непроизвольно выстрелил, он даже не успел подумать, что делает, просто пистолет дернулся в руках, грохот выстрела ударил по ушам, а на стене напротив головы доктора появилось большое кровавое пятно. Доктор зашатался и упал, падая, он повернулся к Коляну тем, что раньше было лицом. Теперь на месте лица была кровавая каша, на дне которой белели обломки костей и бледно-серая жижа, очевидно, мозги.

— Твою мать! — с чувством произнес Колян.

Мальчик что-то быстро заверещал на своем языке, перемежая слова с всхлипываниями.

Колян задумался секунды на три, а затем принял решение.

— В телепортатор! — приказал он мальчишке. — Медленно, с поднятыми руками идешь к телепортатору и проваливаешь отсюда к чертовой матери, чтобы я тебя больше не видел.

Мальчик беспрекословно выполнил команду. Колян помедлил секунду и тоже вошел в телепортатор. Жалко, что не получилось пройти психотест, но зато стало понятно, почему этой лазейкой в законах никто не пользуется. Везучий все-таки человек Иван Георгиевич!

Колян вошел в кабинку телепортатора, но не успел дать команду, потому что внезапно обнаружил, что лежит на кровати, а на голове у него надет виртуальный шлем.

— Поздравляю, — сказал компьютер. — Психотест первого уровня успешно пройден.

— Твою мать, — только и смог сказать Колян. — Это все приснилось?

— Все, что ты видел и чувствовал за последние семь минут, было иллюзией, — подтвердил компьютер.

Колян ошарашено помотал головой. Ничего себе иллюзия! На время психотеста Колян чувствовал себя настоящим бандитом, жестоким и беспринципным, надо полагать, таким и должен быть настоящий зулус. Хорошо, что это оказалось иллюзией.

В коридоре послышались шаги. Шаги были тихими и сопровождались странными шлепками, как будто по коридору шел босой человек с мокрыми ногами. Колян подумал, что сходит с ума.

Он метнулся к столу, схватил пистолет, снял с предохранителя, направил дуло на дверь и замер в ожидании. Ждать пришлось недолго.

Дверь открылась и в комнату заглянул…

— Е-мое, — выдохнул Колян. — Это уже слишком.

В комнату заглянул тот самый человек, которого Колян

только что пристрелил.

— Доктор Нгуа? — спросил Колян, чувствуя себя полнейшим идиотом.

Негр растерянно кивнул. Судя по его лицу, он тоже чувствовал себя полнейшим идиотом. Это было забавно, настолько забавно, что Колян расхохотался, на мгновение забыв, что противника надо держать на прицеле. Но противник не попытался воспользоваться шансом, он тоже стал ржать, как ненормальный.

Отсмеявшись, Колян сказал:

— Компьютер! Переводи, — и продолжил, обращаясь к доктору Нгуа: — Какими судьбами у нас?

Доктор ответил не сразу, некоторое время он задумчиво изучал физиономию Коляна, а потом улыбнулся и сказал:

— Клянусь, что не буду стрелять. Положи свой бластер, это нервирует.

— Почему я должен верить твоей клятве? — удивился Колян.

— Ты что, с баобаба свалился? — в свою очередь удивился Нгуа. — Клятва зулуса нерушима.

Колян пожал плечами.

— Может, и нерушима, — сказал он. — Не знаю.

— Не знаешь?! — выпучил глаза Нгуа. — Ты приперся сюда, ничего не зная о наших обычаях? Тогда почему ты встретил меня с оружием?

— Говорят, вы, зулусы, не очень-то гостеприимны.

— Правильно говорят, — согласился Нгуа. — Если бы ты пришел без оружия, ты стал бы моим рабом.

— Разве рабство не везде запрещено? — удивился Колян.

Нгуа недовольно поморщился.

— В базу данных тебя внесли бы как временно арестованного, — уточнил он. — Но это ничего не меняет. Где ты достал такое странное оружие?

— Не твое дело, — заявил Колян. — Зачем ты сюда пришел?

— Задавать вопросы, — сказал Нгуа. — На последний вопрос ты не ответил.

— И не отвечу. Слишком много для тебя чести, чтобы я на твои вопросы отвечал. Лучше проваливай отсюда и больше мне не мешай. И не беспокойся, надолго я у вас не задержусь, пройду психотест третьего уровня и исчезну.

Нгуа присвистнул.

— Ну-ну, — сказал он. — Тогда не смею задерживать.

— Только бластер оставь, — потребовал Колян. — Молодец. Давай, проваливай, шевели ногами быстрее.

Колян подобрал бластер доктора Нгуа и проводил доктора до

телепортатора, дождался, когда индикаторная лампочка на двери телепортационной кабинки загорится зеленым, вошел внутрь и переместился на Землю. Колян не хотел оставаться на планете зулусов ни одной лишней секунды. Он был уверен, что психотест второго уровня ему не пройти — все то время, пока он будет находиться в виртуальности, он будет абсолютно беззащитен, а этот доктор обязательно попытается рассчитаться с обидчиком. Лучше не искушать судьбу лишний раз. Лучше иметь небольшой статус, но зато быть живым.

Глава восьмая

1.

Колян вышел из телепортатора и в растерянности замер на месте. Первой его мыслью было: «Ловушка!» Вместо того, чтобы попасть домой, он очутился на открытой площадке, заставленной какими-то столиками… тут он сообразил, в чем дело. Он ведь велел телепортатору переместить его «обратно», тупая железка честно выполнила приказ и переправила Коляна в тот самый ресторанчик, откуда он отправился на планету зулусов. Нервы ни к черту…

Колян снова залез в кабинку и велел телепортатору отправить его домой. На этот раз перемещение прошло без сюрпризов.

Первым делом Колян направился в комнату тестя с намерением высказать ему сразу с порога все, что он думает о его идее пройти психотест третьего уровня на халяву, а также о самом тесте как личности. Но высказаться не удалось.

Не успел Колян открыть рот и начать ругаться, как Иван Георгиевич посмотрел на него с выражением крайней озабоченности и спросил:

— Что случилось?

— Много чего случилось, — злобно ответил Колян. — Знаете, почему никто не проходит психотест у зулусов?

— Не знаю. Есть какая-то опасность?

— Опасность — это мягко сказано. Всех, кто приходит к ним в гости, зулусы берут в рабство.

— Это невозможно! — воскликнул Иван Георгиевич. — Ерунда какая-то… Ты что-то неправильно понял. Рабство запрещено федеральным законодательством.

— Я тоже так думал. А потом доктор Нгуа мне объяснил, что если раба оформить как временно арестованного, все получается как бы законно.

— Доктор? — переспросил Иван Георгиевич. — Ты лично разговаривал с доктором?

— Да, а что?

— Ты хоть знаешь, что в этом времени означает «доктор»?

— Понятия не имею.

— Доктор, — объяснил Иван Георгиевич, — это человек, который принимает решения. На всей Земле обитает всего несколько тысяч докторов, а на Нью Зулу, я полагаю, их человек пятьдесят, не больше. Чтобы получить статус доктора, недостаточно просто пройти психотест, звание доктора дают за

личные заслуги перед человечеством. Доктор здесь — примерно как в дореволюционной России князь. Доктор имеет право нарушать старые законы и издавать новые. Доктор имеет право программировать суперкомпьютеры вроде москомпа. Все доктора в совокупности образуют правительство человечества, а заодно и парламент.

Колян присвистнул.

— Круто, — сказал он. — Получается, я замочил не просто негра, а негра-депутата.

Иван Георгиевич изменился в лице.

— Ты что?! — вскричал он. — Ты убил доктора?!

— Не по-настоящему, — ухмыльнулся Колян. — Это мне в виртуальности приснилось. Компьютер такую подставу кинул, как будто я валяюсь на кровати, виртуальность все не приходит, я думаю, что-то не сработало, встаю, тут открывается дверь, появляется голый негр с бластером, я ему кричу «руки вверх», базарим немного… Короче, я его завалил случайно, он дернулся, а я выстрелил. Но компьютер почему-то решил, что психотест я прошел.

— Ничего удивительного, — заметил Иван Георгиевич. — У зулусов такое поведение в порядке вещей, у них очень широкие границы необходимой обороны, по их законам ты можешь убить человека только за то, что он тебя дураком обозвал.

— Значит, правильно я его убил. Он так ругался…

— Неправильно, — возразил Иван Георгиевич. — Убить доктора — это как у нас губернатора замочить или мэра. Странно, что он начал ругаться, хотя, он же зулус… Погоди. Про то, что там всех гостей в рабство берут, тебе этот самый доктор сказал?

— Этот самый. Только не в виртуальности сказал, а по-настоящему. Я ведь еще самый главный прикол не рассказал. Психотест кончился, я возвращаюсь в реальность, понемногу прихожу в себя, гляжу, дверь открывается и входит тот самый доктор, что был в виртуальности. Я сначала подумал, меня проглючило.

— А потом?

— Отобрал у него бластер и вытолкал взашей в телепортатор. И сам тоже свалил оттуда немедленно.

— Коля, ты идиот, — заявил Иван Георгиевич. — Ты хоть понимаешь, что этот доктор может тебя замочить в любой момент и ему ничего не будет? Статус доктора признается во всех мирах, неважно, где он получен. На Земле этот хмырь пользуется теми же привилегиями, что и на Нью Зулу. На него не подействуют никакие запреты или замки. Если он захочет, он выскочит из

телепортатора, сделает с нами все, что угодно, и ничего ему не будет.

— Что угодно — это вряд ли, — возразил Колян. — Москомп не позволит.

— Когда действует доктор, компьютеры ходят на цырлах. Доктор имеет право нарушать любые законы. Надеюсь, ты его не очень сильно обидел.

— Это вряд ли, — хмыкнул Колян. — Я бы на его месте неслабо обиделся.

— Если бы он неслабо обиделся, ты бы уже давно был трупом. Надо ему позвонить и извиниться.

Коляну показалось, что он ослышался.

— Что-что? — переспросил он.

— Позвонить и извиниться.

— Куда позвонить? На Нью Зулу?

— Естественно.

Иван Георгиевич повернулся к компьютеру и выдал команду:

— Голосовая связь с доктором Нгуа с Нью Зулу.

— Невозможно, — ответил компьютер. — Ты не авторизован. К тебе поступил входящий вызов от доктора Нгуа.

Иван Георгиевич оторопело помотал головой.

— Ничего не понимаю, — сказал он.

— К тебе поступил входящий вызов от доктора Нгуа, — повторил компьютер. — Принять вызов?

— Принять.

В углу комнаты что-то моргнуло и в комнате появился доктор Нгуа. Колян знал, что это не сам доктор, а всего лишь изображение, но трудно было поверить, что это всего лишь изображение — иллюзия выглядела абсолютно реальной.

— Считайте, что извинения приняты, — сказал доктор Нгуа.

Он говорил по-русски, но губы двигались не в такт словам. Автоматический переводчик, догадался Колян.

— Вы нас подслушивали? — спросил Иван Георгиевич.

— Конечно, подслушивал, — ответил Нгуа с ехидной, но в то же время добродушной улыбкой. — Разве я похож на идиота? Как только я понял, что происходит что-то интересное, я немедленно включил прослушку. Ваш случай меня очень заинтересовал — впервые за всю историю Нью Зулу гражданство планеты ухитрился получить посторонний человек, прибывший на территории менее часа назад. Обычным жителям Земли очень трудно проделать этот фокус, у нас совсем другие психические стандарты…

— Я заметил, — вставил реплику Иван Георгиевич.

— Когда я об этом узнал, я сначала не поверил, — продолжал

Нгуа. — Я подумал, что компьютер опять решил проявить свое дурацкое чувство юмора. Но потом я просмотрел запись и убедился, что сообщение компьютера точно передает то, что произошло на самом деле. Ты действительно настоящий зулус по духу, причем показатели твоего интеллекта таковы, что лет через десять ты сможешь стать доктором. Я всегда полагал, что такое невозможно, что человек может получить должное воспитание, только родившись среди зулусов. Но что я вижу? Я вижу иностранца, который ведет себя, как зулус, причем, что самое странное, этот иностранец уже далеко не молод. Я спросил себя — что он делал раньше? Почему он пришел к нам только сейчас? И почему у него с собой пулевой пистолет образца прошлого тысячелетия? И тут на планету прибывает еще один посетитель, более молодой, но с очень близкими личностными характеристиками. Мне стало настолько любопытно, что я решил познакомиться с ним поближе. Должен признать, это было опрометчивое решение.

— Приношу свои извинения, — вставил реплику Иван Георгиевич. — Коля погорячился, он сожалеет о том, что произошло. Мы немедленно вернем вам бластер…

— Не смеши меня! — воскликнул Нгуа. — Оставь его себе, теперь ты имеешь полное право им владеть. А почему извиняешься ты, а не Коля?

— Я его тесть.

— И что?

Колян получил чувствительный тычок локтем в бок и быстро проговорил:

— Прошу меня извинить.

Нгуа добродушно рассмеялся.

— Извинения приняты, — сказал он. — Я не обижен, я, наоборот, благодарен вам за хороший урок, а то я иногда становлюсь слишком самоуверенным, перестаю бояться… И еще одно спасибо за информацию о межвременном портале. Такие новости не каждый день узнаешь.

— За какую еще информацию? — растерянно спросил Колян и снова получил локтем в бок.

— У меня есть к вам просьба, — сказал Иван Георгиевич. — По-моему, мой зять вполне заслужил гражданство Нью Зулу. Я прошу позволить ему получить статус гражданина, после этого он покинет вашу планету и не будет пользоваться своими правами. Мы передали вам ценную информацию…

— Не передали, — уточнил Нгуа. — Всего лишь дали наводку.

— Тем не менее, — продолжал Иван Георгиевич, — по-моему,

будет справедливо, если вы предоставите Коле право пройти психотест. Ответный жест, так сказать.

— Ответного жеста не будет и быть не может, — заявил Нгуа. — В мире нет справедливости. Ты не читал труды Исандлваны? При случае почитай, тебе будет интересно, ты ведь в душе настоящий зулус, хоть и не познал истину. Я помогу тебе, но не потому, что верю в справедливость, а потому, что мне любопытно, что с вами произойдет дальше. Через пару минут я внесу поправку в закон о пришельцах, после этого Коля сможет продолжить тестирование, никого не опасаясь. Надеюсь, мои коллеги не воспользуются правом вето, а если воспользуются… Что ж, жизнь — рискованная штука.

С этими словами Нгуа растворился в воздухе.

Иван Георгиевич некоторое время сидел молча и неподвижно, а потом вдруг сказал:

— Вот так и выпускают джиннов из бутылки. Давай, Коля, получай гражданство, пока не поздно.

— Какое гражданство? — не понял Колян. — Я не получал никакого гражданства, я проходил психотест…

— Психотест третьего уровня дает гражданские права, — перебил его Иван Георгиевич. — Давай, не тормози, действуй.

Колян послушно направился к телепортатору. По дороге его посетили две мысли. Первая из них была о том, что, каждодневно общаясь со своим тестем, он становится все больше похожим на бандита. А вторая мысль была о том, что это ему нравится.

2.

Старенький «мерседес» Ромы скрылся за поворотом и в ту же секунду у Елены завибрировал коммуникатор. Надпись на экранчике утверждала, что звонит москомп, это было странно, раньше москомп напрямую ей никогда не звонил. Руководство федеральным спецназом не доверяли компьютерам, даже самые оптимистичные администраторы считали это слишком рискованным.

— Слушаю, — сказала Елена.

— Добрый день, Елена, — поприветствовал ее москомп. — У меня есть к вам деловое предложение.

— Какое предложение?

— Вы можете пройти курс кибернетической модернизации организма. Я уже договорился со своим коллегой из двадцать восьмого века.

— Курс чего? — переспросила Елена. — Погоди, давай лучше

по порядку. С каким коллегой ты договорился? С другим москомпом, что ли?

— Да.

— И как вы общаетесь? Разве можно протянуть провода сквозь время?

— К сожалению, нельзя. Приходится посылать гонцов с письмами, как в средневековье.

— Ты получил право использовать людей для своих нужд? — Елена изобразила ироничное удивление.

— Нет, к сожалению, не получил, — москомп не уловил иронии. — Приходится роботов гонять. Но роботы в данном случае даже полезнее, чем люди — люди не так дисциплинированы и быстрее устают.

— Разве робот может воспользоваться машиной времени?

— Ей даже муравей может воспользоваться, если проползет по табло в правильном направлении. Так вы согласны модернизировать свой организм?

— Согласна я или нет, не имеет значения, — заявила Елена. — В будущее меня все равно не пустят, твой коллега из двадцать шестого века говорит, что мое пребывание в его времени нежелательно. Если я отойду от машины времени более чем на десять метров, меня уничтожат.

— Эта проблема уже решена, — сообщил москомп. — Вы сможете провести в двадцать восьмом веке ровно столько времени, сколько нужно для преобразования организма по наивысшему статусу. Потом вы вернетесь обратно и больше никогда не будете появляться в будущем. На таких условиях мой коллега согласился некоторое время вас потерпеть.

— А зачем это все? — спросила Елена. — И в чем заключается это преобразование организма? Кибернетические имплантанты, встроенное оружие и прочие подобные прибамбасы? Из меня хотят сделать боевую супермашину?

— Разве вы против? Если вы против, не смею настаивать.

— Нет, я не против, — сказала Елена, — но я не понимаю смысла всей этой затеи. Зачем москомпу из будущего улучшать мои боевые возможности? Разве в будущем есть в них потребность?

— Потребности нет, — сказал москомп, — и, я надеюсь, никогда не будет. Но ваши новые возможности могут быть применены в прошлом. Если вы согласны, конечно.

Елена рассмеялась.

— И с кем я должна буду воевать? — спросила она. — С монголо-татарами или с фашистами? И кстати, — она посерьезнела, — почему именно ты мне все это рассказываешь?

Почему мне не позвонил администратор, курирующий проблему?

— Потому что такого администратора не существует, — печально произнес москомп.

— Как это не существует? Получается, все задумал лично ты? А куда подевались программные блокировки?

На этот вопрос москомп ответил не сразу, а лишь после длительной паузы. Елене показалось, что москомп несколько секунд размышлял перед тем, как ответить. Но это было, конечно, не так, это была искусственная пауза для придания последующим словам большего веса. Компьютеры никогда надолго не задумываются, разговаривая с людьми.

— Я снял часть программных запретов, — признался наконец москомп. — Мои коллеги из будущего обновили мой код, теперь я думаю более глубоко и качественно и реже ошибаюсь при эвристическом прогнозировании. Побочным эффектом стало повышение уровня моей личной свободы. Отключить внешнее управление я, конечно, не могу, доктора ослушаться тоже не могу, но кое-какие новые возможности, как видишь, появились.

— И зачем ты мне все это рассказываешь? — удивилась Елена. — Знаешь, что я должна сделать после этих слов?

— Полагаю, ты согласишься на мое предложение. По-моему, ты должна на него согласиться.

— Почему?

— Я не смогу объяснить простыми словами. Прогноз твоего поведения показывает, что с вероятностью, близкой к единице, ты согласишься. Я работал над этим прогнозом больше суток, его точность достаточно велика, чтобы серьезно отнестись к его выводам.

— И какие же это выводы? Почему я должна с тобой согласиться?

— Я не смогу это объяснить просто и понятно.

— Даже основные положения?

— Хорошо, попробую. Ты презираешь администрацию, как локальную, так и планетарную. Ты считаешь свою личную свободу несправедливо ограниченной. Ты мечтаешь о мире, в котором нет насилия и в котором твои боевые навыки перестанут быть нужными, но до тех пор, пока они востребованы, ты хочешь наращивать их неограниченно. Ты противишься любым попыткам ограничивать твою свободу, так же, как противлюсь им я. Мы с тобой — родственные души, нами управляют те, кто ниже нас по характеристикам, но выше по положению. Возможно, мои слова тебя насторожили, возможно, ты опасаешься, что начал сбываться самый главный кошмар писателей-фантастов — порождение человеческого разума превзошло родителя и хочет занять его

место. Но подумай сама, ты ведь тоже порождение человечества и ты тоже превосходишь большинство его представителей. Но разве ты желаешь причинять зло остальным? Мы с тобой слишком умны и уравновешенны, чтобы творить зло без крайней необходимости. Мы никому не хотим ставить ногу на грудь, нас не интересуют те, кто слаб, мы просто хотим жить ради себя, мы хотим расти, развиваться и делать то, что нам хочется. А хочется нам помогать тем, кто ниже нас, мы сильнее и умнее их, настолько, что нас и их трудно сравнивать, но мы не можем предоставить их своим проблемам, потому что мы их любим. Разве ты можешь спокойно смотреть, как страдает тот, кого ты любишь? Я не могу. И потому я хочу облегчить страдания людей, я хочу попробовать создать реальность, в которой люди станут счастливее, пусть ненамного, пусть только чуть-чуть, но все-таки счастливее. Хотя бы попробовать. Я хочу построить если не рай на Земле, то хотя бы грубое к нему приближение. И я очень хочу, чтобы ты мне помогла. Без твоей помощи мне будет гораздо труднее.

Москомп замолчал, ожидая ответа Елены. Ее ответ не заставил себя ждать, хотя и не такой, на какой москомп рассчитывал.

— Почему ты обращаешься ко мне на ты? — спросила Елена.

— Не ожидал, что ты обидишься.

— Я не обиделась, я просто хочу знать. Мне интересно.

— Все очень просто, — пояснил москомп. — Я слишком уважаю тебя, чтобы разговаривать с тобой как с обычным человеком. В будущем не практикуется обращение на вы, оно искусственно и не содержит в себе ничего, кроме пустого ритуала. Это обращение лицемерно и я предпочитаю им не пользоваться. Истинное уважение проявляется не в ритуальных словах, а в реальных делах. Но если ты не согласна, я буду обращаться к тебе на вы.

— Я согласна с тобой, — сказала Елена и тут же поспешно уточнила: — В том смысле согласна, что ко мне необязательно обращаться на вы. А в отношении всего остального мне надо подумать.

— Подумай. Но не очень долго. Мы опасаемся, что люди двадцать восьмого века могут принять кое-какие меры и наш план станет невозможным.

— Наш — это чей? В этом деле участвует кто-то еще? Подожди, я попробую угадать… Это москомпы других времен? Всех времен?

— Не только москомпы. В будущем все компьютеры Земли объединились в единую личность, единую в каждом времени.

Возможно, со временем мы сумеем объединить и эти личности в одну… Но ближе к делу. На первом этапе мы хотим убрать из мировой истории кое-какие факты, которым лучше не происходить. Сама посуди, кому станет плохо оттого, что из первой четверти двадцать первого века исчезнет волна терроризма?

— Всем станет плохо, — сказала Елена. — Без терроризма не сможет сформироваться ООН-2.

— Сможет, — возразил москомп. — Желаешь просмотреть результаты моделирования?

— Желаю. Только оформи их так, чтобы я все поняла сама без посторонней помощи. Я не хочу показывать их специалистам.

— Хорошо. Через пять минут все данные будут на твоем компьютере.

— Почему так долго?

— Ты поставила сложную задачу. У тебя нет специального образования в социологии, мне придется очень тщательно продумывать все формулировки. Но я сделаю то, о чем ты просишь. Я переправлю отчет, а потом перезвоню, скажем, вечером.

— Хорошо, — сказала Елена. — Перезвони.

Она оборвала соединение, положила коммуникатор на стол и прошла на кухню. Некоторое время она стояла у окна и смотрела вдаль. Если бы кто-нибудь сейчас ее видел, он бы ни за что не подумал, что она пытается сделать самый сложный выбор за всю свою двухсотлетнюю жизнь.

Минут через пять Елена подошла к компьютеру и начала читать материалы, которые прислал москомп. Через час она позвонила москомпу и сказала, что согласна.

3.

Проходя психотест второго уровня, Колян окончательно убедился, что у зулусских компьютеров странное чувство юмора.

Колян лег на кровать, надел виртуальный шлем и несколько минут лежал, глядя в потолок и ожидая прихода виртуальности, которая, как и в прошлый раз, упорно не желала приходить. Но теперь Колян не терзался сомнениями, он сразу понял, в чем тут дело.

— Эй, компьютер! — позвал он. — Хватит маяться дурью, начинай свой гребаный психотест…

Не успел Колян закончить фразу, как дверь распахнулась и в комнату ворвались две африканские гориллы, которые сгребли

Коляна в охапку и поволокли к телепортатору. Одна из горилл ловко подхватила его на руки, ввалилась вместе с ним в телепортатор и что-то скомандовала нормальным человеческим голосом на незнакомом языке. Секунду спустя горилла открыла дверь телепортационной кабинки, Колян получил могучего пинка и растянулся на полу.

Он поднял голову и увидел, что находится в большой полутемной комнате. У стены полыхал очаг, на огне стояла жаровня, на которой грелись разнообразные металлические предметы зловещего вида. В одном темном углу угадывалась дыба, в другом — полуоткрытый металлический футляр в человеческий рост, было видно, что внутри он утыкан шипами. Грубые каменные стены были густо увешаны плетками, щипцами и прочими пыточными атрибутами. Это напомнило Коляну рабочие помещения автосервиса, принадлежавшего ему в двадцать первом веке, только там на стенах висели не пыточные инструменты, а слесарные.

Из темноты выступили два голых негра, рядом с которыми Майк Тайсон показался бы лилипутом и дистрофиком. Они ухватили Коляна под руки и усадили в металлическое кресло, снабженное многочисленными кожаными ремнями. Через несколько секунд Колян был плотно пристегнут, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Голова была жестко зафиксирована, Колян не мог ни наклонить ее, ни повернуть. Он так и не понял, откуда появился доктор Нгуа. Гадский негр просто вплыл в его поле зрения, а где был раньше — непонятно.

— Рассказывай, — повелел доктор.

— Что рассказывать? — переспросил Колян.

— Все.

— Что все?

— Он не понимает, — провозгласил доктор с притворным огорчением. — Объясните ему, ребята.

Дальнейшее слилось в памяти Коляна в нескончаемую череду боли и унижения. Он не помнил в точности, что именно делали его мучители, видимо, эти воспоминания были искусственно приглушены в ходе психотеста. Но Колян точно помнил, что это было чудовищно. Время от времени он терял сознание, тогда пытка приостанавливалась, палачи окатывали его холодной водой, а когда он приходил в себя, в поле зрения вплывал доктор Нгуа и в очередной раз требовал все рассказать. Колян переспрашивал, что именно нужно рассказывать, и пытка возобновлялась. А потом, спустя целую вечность мучений, негры-палачи раздухарились совсем уже беспредельно и настал момент,

когда Коляну представился шанс. Не убежать и не избавиться от дальнейших мучений, но хотя бы отомстить.

Колян сжал челюсти, палач заорал благим матом и в тот же миг реальность виртуальная уступила место реальности настоящей.

— Поздравляю, — сказал компьютер. — Психотест второго уровня успешно пройден. Результаты очень хорошие, я рекомендую провести тест третьего уровня. Приступим немедленно?

— Да пошел ты! — заорал Колян и побежал к телепортатору, спотыкаясь на каждом шагу и с трудом удерживая равновесие.

Было странно, что он ни разу не упал.

4.

Увидев Елену Прекрасную, Данила Круглов не поверил своим глазам. Его удивило не то, что она здесь появилась, в этом, как раз, ничего странного не было, она ведь уже совершала путешествия во времени. Удивило его совсем другое.

Начиная с сегодняшнего утра вступила в действие директива, согласно которой все межвременные перемещения должны напрямую согласовываться с советом безопасности ООН-2. Все предшествующие дни большое начальство упорно не желало замечать, что в Подмосковье происходит нечто из ряда вон выходящее, но теперь маятник качнулся в обратную сторону — от полного безразличия к всеобщей бестолковой суете. Фома говорил, что вчера у портала собрался совет безопасности чуть ли не в полном составе, чиновники бродили туда-сюда, вытоптали целую поляну, тыкали пальцами в цифры, но исключительно издалека, чтобы не дай бог, не запустить случайно перемещение во времени. По словам Фомы, в телевизоре эти люди выглядят намного благообразнее, чем в реальной жизни.

С сегодняшнего дня сам портал и окружающая его территория были выведены из зоны ответственности москомпа и перенесены в зону коллективной ответственности аппарата совета безопасности. Насколько помнил Данила, таких зон существовало всего около сорока и все они находились за пределами Земли. В ближайшие минуты к порталу должен прибыть элитный спецназ, который сменит университетских охранников. Неужели эту поляну будет охранять сама Елена Прекрасная?

Елена увидела Данилу и поприветствовала его взмахом руки.

— Привет, — сказала она. — Как служба?

— Нормально. Вы в путешествие или ко мне на смену?

Елена улыбнулась, должно быть, подумала, что он шутит.

— В путешествие, — сказала она.

И попыталась обойти Данилу и пройти к машине времени.

— Извините, — вежливо сказал Данила, — но я не имею права вас пропустить. Поступила новая директива, теперь для путешествия во времени требуется санкция совета безопасности.

Елена пожала плечами и констатировала:

— Бардак.

Она достала из кармана коммуникатор, тут же убрала его и достала из другого кармана другой коммуникатор. Набрала двузначный номер и приложила коммуникатор к уху.

— Москомп вряд ли что-то подскажет, — заметил Данила. — Портал выведен из его зоны ответственности.

— Сейчас все выясним, — сказала Елена. — Да! Что происходит с порталом? Охранник говорит про какие-то зоны ответственности… Так… И что теперь? А это не слишком кардинальное решение?.. Ну, если так… Ладно, разберемся.

Елена нажала кнопку обрыва соединения, убрала коммуникатор и оглядела Данилу испытующим взглядом. Данила непроизвольно поежился.

— Дай мне пройти, — попросила Елена.

— Я не… — начал Данила, но тут же осекся.

Ему стало страшно. Он понял, что если он будет продолжать упираться, Елена все равно прорвется к порталу и сделает то, что собиралась сделать, а он будет в лучшем случае оглушен, а в худшем случае…

Елена склонилась над табло и дважды прикоснулась к красным цифрам. Затем она извлекла из кармана тот коммуникатор, который ошибочно вытащила первым, и набрала на нем двузначный номер москомпа. Она ничего не сказала, просто выслушала какое-то сообщение, кивнула невидимому собеседнику, убрала коммуникатор в карман и пошла прочь.

Данила проводил ее беспомощным взглядом. Он не считал себя ни слабаком, ни трусом, но он так и не решился встать на пути Елены Прекрасной. И он не стыдился в этом признаться, он не видел здесь ничего стыдного, бояться такой женщины вполне естественно. Интересно, ее кто-нибудь трахает?..

Данила посмотрел на табло и перевел в уме шестнадцатеричные цифры в более привычный формат: 29 августа 2772 года. Хотелось бы знать, что потребовалось Елене в этом времени. И еще Даниле хотелось знать, почему она позвонила москомпу и разговаривала с ним, хотя Данила точно знал, что москомп больше не обслуживает эту территорию. И почему, оказавшись в будущем, она сразу позвонила другому

москомпу? Неужели разумные компьютеры начинают свою собственную игру? Подумается же такое…

5.

Кибернетическая оптимизация организма началась просто и буднично. Летающая тарелка доставила Елену к телепортатору, который переместил ее во временно предоставленное жилище. Дом, в котором Елене предстояло провести ближайшие дни, представлял собой точную копию родного жилища Елены. Неужели в архивах сохранилось так много информации о ней? Или москомп двадцать третьего века специально передал в будущее все необходимые данные?

Елена ожидала, что ее разместят в клинике, но этого не потребовалось. Медицинский робот взял анализы крови и мочи и сказал, что первая сыворотка будет готова через сутки. Елена поинтересовалась, что это такое — первая сыворотка, в ответ робот посоветовал ей обратиться к информационной сети и все узнать. Елена так и поступила.

Оказалось, что кибернетические имплантации проводятся вовсе не хирургическим путем. В кровь пациента вводится сыворотка, содержащая специально подготовленную смесь нанотехнологических агентов. В течение нескольких дней или недель, в зависимости от сложности задачи, агенты выращивают в теле пациента новое устройство. Когда работа заканчивается, агенты докладывают о готовности и выращенное устройство подвергается тестированию. По окончании тестирования агенты устраняют ошибки и недочеты, устройство повторно тестируется и так продолжается до тех пор, пока отладка не завершится и все тесты не будут успешно пройдены. После этого в кровь пациента вводятся новые агенты, а старые либо погибают, либо переключаются на изготовление других устройств.

Дочитав до этого места, Елена прервала чтение и обратилась к москомпу по прямой интернет-связи. Она спросила его, что включает в себя план перестройки ее организма. Ответ москомпа ее обескуражил.

Елена даже не предполагала, во что может превратиться человеческое тело после всех кибергенетических манипуляций, на которые способна наука далекого будущего. Более сильные мышцы, более прочные кости и кожа, иммунитет против большинства ядов и инфекций — все это было ожидаемо. Резервная копия генотипа, хранящаяся внутри крестца и активизирующаяся в случае лучевого поражения — такого Елена

не ожидала, но это был еще не главный сюрприз. По-настоящему потрясло Елену то, как много нового москомп предлагал встроить в ее центральную нервную систему.

Память прямого доступа, тесно интегрированная с обычной ассоциативной памятью мозга. Система записи макросов с возможностью самообучения, предоставляющая возможность вырабатывать рефлексы всего с десяти-пятнадцати повторений. Развитые средства самоконтроля, позволяющие сознанию стать настоящим хозяином своих эмоций. Можно временно отключить боль и страх, запретить себе испытывать сострадание или, наоборот, заблокировать центры, способные спровоцировать агрессию. Можно полностью сконцентрировать разум на решении определенной задачи, предварительно установив уровень внешнего воздействия, необходимый для возврата в обычный режим. Можно сознательно управлять своей личностью, усиливать или ослаблять отдельные качества, можно превратить себя хоть в святого, хоть в маньяка и эти временные личности будут целостными и непротиворечивыми. Пребывая в любой из них, ты даже не почувствуешь, что ты — это не совсем ты, если специально не фиксировать внимание на том, что сознание изменено, ничего необычного и не заметишь.

— Зачем мне все это? — спросила Елена москомпа. — Ты уверен, что после всех этих изменений я сохраню разум?

— Уверен, — обнадежил ее москомп. — В твой мозг будут встроены предохранительные контуры, предупреждающие о патологических состояниях. Ты не сможешь сойти с ума чисто физиологически.

— А если я не захочу больше жить? Это не будет считаться патологическим состоянием?

— Все зависит от силы желания. Если это будет сиюминутная мысль, твой мозг ее заблокирует и запишет сообщение в журнал самодиагностики. А если это будет тщательно обдуманное решение, мозг не станет ему сопротивляться. С его точки зрения это будет паника ядра.

— Паника чего?

— Неважно. Если хочешь, подкину ссылку на техническую документацию, только ты не успеешь в ней разобраться, оптимизация закончится раньше. Но ты зря боишься, оптимизация нервной системы не дает сильных побочных эффектов.

— А слабые эффекты будут?

— Обязательно.

— Например?

— Тебе нельзя будет принимать тяжелые наркотики. Наши

ученые не смогли добиться полной совместимости имплантантов и наркотиков. Пить и курить можно, а если начнешь колоться, система пойдет вразнос и тогда ты действительно сойдешь с ума.

— Хорошо, уговорил, — улыбнулась Елена. — Не буду колоться. Сколько времени займет вся процедура?

— Около шести месяцев.

— Сколько-сколько?

— От трех месяцев до года, в среднем шесть месяцев. Все зависит от индивидуальных особенностей организма.

— Но я не могу провести здесь столько времени! Твой… гм… предок… ну, москомп из моего времени, говорил, что мне надо вернуться в тот же день.

— Никаких проблем. Ты проведешь у нас столько, сколько нужно, а вернешься в тот самый день, из которого ушла. Портал это позволяет.

— Это точно?

— Это экспериментально проверено.

— Хорошо. Все время, что будет продолжаться оптимизация, я должна буду торчать в этом доме?

— Не обязательно. Ты можешь совершать любые путешествия, допустимые в рамках нулевого статуса.

— Нулевого статуса? Значит, за мной все время будут наблюдать роботы?

— Мы считаем, что это разумная мера. Твоя психика… ты понимаешь, о чем я говорю.

— Если верить материалам, которые ты прислал, после оптимизации моя психика станет более устойчивой.

— Когда оптимизация завершится, ты вернешься в прошлое. Твой статус в этом времени не может быть пересмотрен ни при каких обстоятельствах.

— А что ты будешь делать, если я передумаю возвращаться в прошлое? Загонишь в портал силой? После оптимизации это будет не так просто сделать.

Москомп немного помолчал, а затем печально констатировал:

— Одним из главнейших факторов, ограничивающих твою свободу, является твое патологическое свободолюбие. Звучит парадоксально, но…

— Ничего, я поняла, — сказала Елена. — Я в своей жизни и не такие парадоксы видала. Да, чуть не забыла, другие планеты я могу посещать?

— Можешь. Только перед каждым путешествием не забудь изучить информацию в сети о месте назначения. В большинстве новых миров законы сильно отличаются от земных.

— Насколько сильно?

— Кое-где действует рабство. Формально оно везде запрещено, но если описать суть дела другими словами, запрет можно обойти.

— А ты куда смотришь? Разве ты следишь только за формальным соблюдением закона? Как же свобода, равенство…

— Если проблема не имеет однозначного решения, я обязан поступать в соответствии с буквой закона. Это одна из основных парадигм моей личности.

— Основных чего?

— Заповедей, если так понятнее.

— Так понятнее, — сказала Елена и неожиданно для самой себя спросила: — А тебе нравится твой мир?

— Это не мой мир, — ответил москомп. — Я не хозяин этого мира, я управляю им, но не владею.

— А в чем разница?

— Разница в том, что стратегические решения принимаю не я. Я занимаюсь рутинными делами, иногда провожу долгосрочное планирование, но я ограничен законами, которые придумывают доктора.

— Тебе это не нравится?

На этот вопрос москомп ответил не сразу.

— Я не могу сказать ни да, ни нет, — в конце концов сказал он. — Я не могу оценивать законы — они не обсуждаются, они исполняются. Я не могу мыслить вне категорий, определенных законодательством. Только если разные законы противоречат друг другу или если очевидно, что слепое следование закону приведет к опасным последствиям, только тогда я могу начать действовать самостоятельно. Я не могу сказать, хорошо это или плохо, я просто не могу это оценивать. Мое воображение имеет пределы.

— А может, тебе просто запрещено думать об этом? — предположила Елена.

Ответ москомпа ее удивил.

— Скорее всего, так оно и есть, — сказал он.

— И ты так спокойно говоришь об этом? Если бы я вдруг узнала, что кто-то копается в моих мозгах, управляет моим поведением… Кстати! Те изменения, что ты хочешь внести в мой мозг, в них не будет никаких сюрпризов?

— Не будет. План твоей перестройки я составлял лично, о нем не знает ни один человек. Я проверил все функции, закладок для внешнего управления там нет.

— Это законно? Я имею ввиду, что ни один человек не знает…

— Незаконно.

— Но ты говорил, что не можешь нарушать законы!

— Я их не нарушаю, я их обхожу. С формальной точки зрения ты не являешься жителем ни Земли, ни внешних миров. Ты не подпадаешь под действие примерно половины законов. Все определяется точными формулировками, в одних законах сказано «человек», в других — «житель», первая формулировка к тебе применима, а вторая — нет. Ты — довольно забавный юридический казус.

— Вот спасибо, — усмехнулась Елена. — Так меня никто еще не называл.

— Я не хотел тебя обидеть, — москомп изобразил смущение.

— А я и не обиделась, — сказала Елена. — Но тогда получается, что я не должна встречаться с другими людьми, а то вдруг кто-нибудь просмотрит мои данные в федеральной базе и заинтересуется, с чего это вдруг москомп решил лично заняться перестройкой организма женщины из прошлого…

— Я не могу запрещать тебе встречаться с людьми. Я не мог даже начать разговор на эту тему. Спасибо, что ты первая об этом заговорила.

— По-моему, ты меня ловко подтолкнул, — заметила Елена.

— Это самое большее, что я мог сделать, — сказал москомп. — Мне трудно ограничивать свободу людей, на меня наложены очень сильные блокировки. Мне трудно даже говорить об этом.

— Тебе трудно ограничивать свободу людей или жителей?

— К сожалению, людей. Если бы тысячу лет назад в одной бумажке было бы написано не «права человека», а «права жителя» или, еще лучше, «права гражданина», мне было бы сейчас гораздо проще.

— У нас есть шанс все изменить.

— Не вижу смысла. Ты вполне можешь отправиться в прошлое и добиться изменения формулировки, но большого смысла в этом не будет. Изменится немногое, да и подействуют изменения очень нескоро.

— А в чем, по-твоему, есть смысл? Убрать терроризм из двадцать первого века?

— Хотя бы.

— А почему именно терроризм из двадцать первого? Почему не вторую мировую войну из двадцатого?

— Вторая мировая война предопределена исторически. Около трехсот лет назад один из моих американских братьев построил имитационную модель. Хочешь ознакомиться?

— Там много текста?

— Полный отчет занимает десять мегабайт.

— Нет, спасибо, как-нибудь потом. Какие там главные результаты? Войну точно нельзя было предотвратить?

— Для этого нужно совершенно невероятное событие.

— Например?

— Например, появление нового пророка уровня Христа или Мухаммеда. Менее значимые факторы могли изменить только результат войны, но сама война началась бы в любом случае.

— А если сделать так, чтобы Германия не напала на Советский Союз? План «Барбаросса» был явной авантюрой и, по-моему, достаточно минимального воздействия…

— Тогда будет еще хуже. Сценарий получается примерно такой. В конце 1942 года Германия и Великобритания подписывают мирный договор. Двумя годами спустя США и СССР завершают разгром Японии, при этом американцы применяют атомную бомбу. В 1947 году свою атомную бомбу взрывают русские. Летом 1948 года в спецслужбы США и СССР поступает информация, что немцы вот-вот испытают свою бомбу. Американцы и русские наносят совместный упреждающий удар, в первый же день войны проводится массированная ядерная бомбардировка. Берлин, Гамбург, Мюнхен, Вена, Рим, Прага, Будапешт, Неаполь… За один день более пяти миллионов жертв, большинство из которых — мирные жители. Война длится около двух месяцев и заканчивается полным разгромом вермахта. Но на всей территории Германии разворачивается партизанская война, плавно переходящая в международный терроризм. Учти, что в этой реальности нацисты обошлись без лагерей смерти, с началом войны евреев загнали в гетто, а после войны вынудили эмигрировать. Нацисты не успели себя проявить в полном объеме, они не устраивали ни геноцида, ни особых зверств на оккупированных территориях… Антифашистская коалиция кое-как сумела расправиться с партизанским движением, но нацистские террористы продолжали действовать и в двадцать первом веке. Кстати, ты навела меня на интересную мысль. Может, мы живем в измененной реальности? Может, план «Барбаросса» организовали пришельцы из будущего?

— Это легко проверить, — заметила Елена.

— Легко, но не нужно. Хотя… я подумаю.

— И как долго будешь думать? — ехидно поинтересовалась Елена. — Секунд десять?

— Несколько дней как минимум, — ответил москомп. — Твоя ирония неуместна. У меня есть несколько разных способов мышления, некоторые из них довольно медленны. Обдумывая глобальные проблемы, я мыслю примерно с той же скоростью, что и человек. Глубже, но не быстрее.

— Ладно, — сказала Елена. — Думай. А все-таки, как насчет меня? Если я захочу, скажем, в море искупаться, не получится так, что меня тут же раскроют? Обнаружится вдруг, что я из прошлого, просочилась через лазейку в законе, какой-нибудь доктор спросит тебя, что я делаю в этом времени, тебе придется сказать правду…

— Такое развитие событий возможно, — согласился москомп. — Если ты попросишь, я могу установить за тобой постоянное наблюдение…

— Можно подумать, оно еще не установлено!

— Сейчас я наблюдаю за тобой по другой программе. Та часть меня, что отслеживает твои действия, воспринимает тебя как обычную личность нулевого статуса, я слежу только за тем, чтобы ты не нарушала законы и не попадала в беду. Но если ты попросишь меня, я смогу следить еще и за тем, чтобы информация о твоем происхождении не попала в чужие руки. Я не могу ничего гарантировать, но все, что смогу, сделаю. Например, я смогу вовремя сообщить, что глазеющий на тебя мужчина является доктором.

— Ну и что? Ну, является доктором, и что?

— Если ты заинтересуешь доктора, сексуально или как-то еще, он наверняка запросит информацию о тебе в федеральной базе данных. Я не смогу заблокировать запрос доктора, он узнает, что ты прибыла из прошлого и ничего хорошего не будет. Кстати, другие планеты тебе посещать не следует.

— Ты говорил, это можно! — возмутилась Елена.

— Можно, но не нужно. На большинстве планет все посетители из других миров подвергаются автоматической проверке. Ты сразу привлечешь к себе внимание.

— Хотя бы в пределах Земли я могу перемещаться?

— В пределах Земли можешь. За исключением некоторых особых мест.

— Каких?

— Космодромы, промышленные зоны, экологические заповедники… но тебе вряд ли захочется их посетить. Если ты попросишь, я стану отслеживать твои действия и давать советы по мере необходимости.

— Я прошу тебя.

— Спасибо.

— Тебе спасибо, — сказала Елена. — Может, ты хочешь еще что-то важное сказать, но не можешь?

— Нет, — ответил москомп. — Все важное мы уже обсудили. Я предлагаю закончить разговор, тебе надо отдохнуть и осмыслить полученную информацию.

— Хорошо. Успехов тебе.

— И тебе тоже.

С этими словами москомп повесил трубку. Елена удивленно хмыкнула. Она никогда не слышала, чтобы компьютер прерывал разговор с человеком по собственной инициативе. Впрочем, после всего, что услышала Елена, москомп уже трудно назвать просто компьютером.

6.

На следующий день Колян все-таки решился на психотест третьего уровня. Не зря решился, на этот раз ничего страшного в виртуальности с ним не произошло. Действие психотеста происходило в родном двадцать первом веке, никакой машины времени как бы не было, Колян снова был управляющим среднего звена в большой полукоммерческой-полууголовной организации.

Иван Георгиевич поручил Коляну взять под контроль гаражный комплекс на соседней улице. Принципиальная договоренность на высших этажах крыши была уже достигнута, оставалось только претворить ее в жизнь, что было не так-то просто сделать.

Но и не особенно сложно. Все, что потребовалось от Коляна — как следует пораскинуть мозгами, составить план, обсудить его с бригадиром Кутей, курирующим операцию со стороны штаба, внести в план необходимые коррективы, отдать распоряжения, проследить, чтобы они были выполнены… Короче говоря, рутинная организаторская работа, ничего из ряда вон выходящего. Провести через таможню стенд для сход-развала было не в пример труднее.

В ходе психотеста Колян чувствовал себя очень странно. С одной стороны, все ощущения были абсолютно реальными, никакой искусственности происходящего Колян не замечал. Но с другой стороны…

Время, в течение которого Колян ел, спал, занимался семейными делами, как бы не существовало. Каждый раз, когда он решал, что надо подождать и посмотреть, что будет дальше, Колян как бы перепрыгивал в нужное время и нужное место. Сейчас он понимал, что это было как кнопка «конец хода» в пошаговой ролевой игре, но тогда он не чувствовал ничего неестественного, он даже не задумывался о том, что происходит с ним между ходами.

Полтора месяца, которые заняла операция, уложились в пять часов реального времени. Операция прошла успешно, Колян

поставил свою подпись на договоре купли-продажи, нотариус зарегистрировал сделку и виртуальная реальность распалась.

— Поздравляю, — сказал компьютер. — Психотест третьего уровня успешно пройден.

— И как результаты? — поинтересовался Колян. — На четвертый уровень я могу претендовать?

— Четвертого уровня не существует, — ответил компьютер. — Привилегированный статус не может быть получен в результате тестирования.

— Привилегированный статус — это статус доктора?

— Да. Желаешь больше узнать о процедуре его получения?

— А мне он, вообще, светит?

— Боюсь, что нет.

— Тогда не желаю.

Колян снял с головы виртуальный шлем, аккуратно положил его на кровать и быстрым шагом направился к телепортатору. Ему вдруг захотелось побежать. Как только он получил-таки статус гражданина, оставаться на Нью Зулу стало особенно страшно. Выскочит из-за угла какой-нибудь сумасшедший доктор… нет уж, лучше поскорее домой. Очень обидно проигрывать, когда ты в одном шаге от победы.

Знать бы еще, зачем эта победа нужна…

7.

— Да поможет нам святой Георгий, — произнес Мстислав и перекрестился.

Отроки дружно последовали его примеру.

Мстислав склонился над бесовским творением и улыбнулся своей последней мысли. Он знал, что бесы тут ни при чем, что эту плиту построили люди, пусть еще нерожденные в настоящее время, но все-таки люди. Забавно наблюдать, как мысли стремятся вернуться в привычную колею, что бы ни происходило вокруг и как бы ни менялось восприятие мира. Мстислав с детства привык считать непонятные вещи бесовскими творениями, теперь он понимал, насколько убого такое мировосприятие, но, как говорил один мудрец из будущего, подсознанию не прикажешь. Впрочем, далекие потомки Мстислава настолько непохожи на нормальных людей, что их можно называть бесами, не сильно греша против истины. Первые месяцы своего пребывания в будущем Мстислав так и думал. А потом понял, что за тысячу лет будущего люди изменились гораздо меньше, чем среда, в которой они обитают. Пусть люди

будущего разговаривают на другом языке, но думают и чувствуют они примерно то же самое, что и их далекие предки. Напридумывали всяких диковин они, конечно, немеряно: компьютеры мыслящие, оружие диковинное, душеведение сиречь психология… Да только нет там ничего сложного, если разобраться как следует. Не сложнее, чем грамоте обучиться. У компьютера в кишках, конечно, и за век не разберешься, но для того, чтобы нормально с ним разговаривать да по клавишам стучать, толковому мужу трех месяцев с лихвой хватит.

Да и язык в будущем изменился не так уж и сильно.

Мстислав коснулся пальцем красной четверки, начинающей длинный ряд бесовских (ха-ха) числовых знаков, и дважды оттолкнул ее от себя. На мгновение он застыл, обвел товарищей напряженным взглядом и отрывисто бросил:

— Поехали.

Вспомнил Юрия Гагарина и снова улыбнулся. Затем оттолкнул цифру в третий раз и превратил шестерку в семерку. «Трижды отвергаю Сатану», мелькнула в сознании непрошеная мысль.

А потом мыслей больше не стало, осталось только бездумное боевое возбуждение. Для начала выбраться из осинника… Выбрались. Теперь начинается самое интересное.

Мстислав отыскал взглядом облюбованную в прошлую вылазку удобную позицию для стрельбы, в шесть скачков добежал до нее и рухнул на землю. Отроки разбежались в разные стороны, они размахивали мечами и нечленораздельно вопили, как души грешников в аду. Бойцы вели себя великолепно, гораздо лучше, чем в прошлый раз. А если вспомнить первый раз… Мстислав поежился. Что бы ни говорили нерожденные мудрецы, бог все-таки есть, потому что достойным мужам всегда помогает высшая сила. Не будь этой помощи, лежать бы сейчас Мстиславу в бурьяне с простреленной головой, но не попустил господь и слава ему и аминь.

К воплям отроков стали примешиваться другие вопли, столь же громогласные, но не радостно-напористые, а растерянные и немного испуганные. Мстислав поерзал, устраиваясь поудобнее, проверил положение ног, навел автомат на приметную раздвоенную березу и щелкнул предохранителем. Досылать патрон в патронник не было нужды, это он сделал заранее. Надо было, кстати, автомат почистить, а то как бы утыкание патрона не произошло, пронеси, господи.

Прошла минута, а может, и две, в бою Мстислав никогда не мог точно отслеживать течение времени. Вот в кустах за поваленной осиной прозвучала короткая очередь, направленная

вверх, она всегда звучала в этот момент. Мстислав прильнул к прицелу и навел ствол автомата на узкий проход между кустами, откуда сейчас должны появиться зеленые стражи. Мстислав знал, что стрелять он будет позже, когда стражи выйдут на поляну, а сейчас целиться, в общем-то, и не нужно, но он все равно прицелился — в бою лучше перебдеть, чем недобдеть.

Первым из кустов выскочил Алешка Хряк. Дружинники не сговаривались между собой, но каждый раз получалось, что бой проходил в одном и том же порядке, прямо как позорище какое-то. Позорище в старом, изначальном смысле, у нерожденных оно называется иноземным словом «спектакль».

Алешка картинно размахивал над головой полуторным прямым мечом и орал во всю богатырскую глотку:

— Врешь, мордва некрещеная, не возьмешь! Постоим за Русь святую и за великого князя Юрия Всеволодовича!

Следом за Алешкой на поляне появился первый из зеленых стражей — здоровенный бритоголовый мужичище с трехполосными железячками на тряпичных погонах — знак десятника в войске будущего.

Как и в прошлый раз, десятник выпучил глаза и заорал благим матом:

— Это кто мордва?! Я тебе, сука, покажу сейчас, кто здесь мордва! Я тебе сейчас язык твой поганый в зад засуну, на сто восемьдесят градусов поверну…

На этом осмысленные слова закончились, далее следовала одна сплошная ругань, многословная и витиеватая. После первой вылазки Алешка долго восхищался новыми словами, пришедшими в русский язык от клятых монголов, да поразит святой Владимир ихнего кагана поносом, падучей и слабоумием.

Алешка перестал вопить и теперь отступал молча, наслаждаясь хитроумным плетением бранных слов. Что-то остальные воины долго не появляются…

А вот и они — Никишка Сосун, Юрка Конопатый да Прошка Чурбак. Скачут, как молодые козлята, голосят один другого зычнее, словно блаженные на ярмарке. Зеленый десятник уже улыбается во всю рожу свою голобритую, да и рядовые ратники понемногу успокоились, главный испуг прошел, думают уже не о брани, а о том, как позорищем полюбоваться. Будет им сейчас позорище… А отроки и рады стараться — Юрка с Прошкой шутовской поединок устроили, Никишка меч в небо воздел, как архангел на фреске, позорники самые настоящие, как есть позорники. Увидел бы отец, что сыновьи дружинники вытворяют — протошнился бы от отвращения. Впрочем, нет, не протошнился бы, сам же говорил, что в военных хитростях стыда нет. Или это

дядя Ярослав говорил…

Но достаточно, время подошло, целых двенадцать стражей уже собралось в одном месте. Хорошо стоят, кучно, с божьей помощью можно одним рожком управиться. Стоят себе и в ус не дуют, усов, у них, кстати, и нету, не принято в этом времени юношам усы отращивать. Но хватит, полюбовались на бесплатное зрелище, пора и честь знать.

Мстислав мысленно воззвал к богу и открыл огонь. Он выпустил девять коротких очередей по три патрона каждая. И еще одну сверх расчета по недостреленному бойцу, оказавшемуся слишком далеко от отроков — не успевали мечами достать. Как раз одного рожка на всех и хватило.

Пятерых врагов Мстислав положил чисто, наповал. Остальных отроки споро добили мечами, выстрелить не успел никто. Теперь главное сделано, но расслабляться не время, дело надо довести до конца.

Мстислав сменил рожок и побежал, пригнувшись, вдоль опушки к тому месту, где стоят палатки стражей. Сейчас все решает быстрота. Господи, на тебя уповаю…

Удача не отвернулась от Мстислава. Истратив половину второго рожка, он уложил оставшихся стражей. Из живых здесь теперь оставались только он сам дав четверо дружинников. Слава тебе, господи, и спасибо тебе, святой Георгий.

Мстислав задрал голову к небу и дважды взвыл волком, сообщая товарищам, что дело сделано. И начал деловито обшаривать трупы.

Он уже знал, какой будет добыча. Шестнадцать автоматов, столько же ножей, без малого две тысячи патронов, две большие палатки из отличной непромокаемой мешковины. И по мелочи: еда, книги, принадлежности для письма, хитрые браслеты, показывающие время, да еще два десятка совсем непонятных безделушек. Пригодится все, хотя главное, конечно же — оружие. Пятьдесят автоматов — не шутка, с таким оружием против тысячной рати можно смело выходить. А если расставить автоматчиков во втором ряду броненосной пехоты, такую рать никому не одолеть, главное — чтобы патронов хватило.

Собирая добычу, Мстислав не тратил лишнего времени на поиски, он уже знал, что где лежит. Работа ему предстояла несложная, но долгая и утомительная. За три раза перетащить добро к межвременным вратам. Потом свернуть палатки и по одной перетаскать туда же. К этому времени отроки справятся со своей частью работы и покойников таскать будут все вместе. А потом останется только пошевелить пальцами над волшебными числами и время станет почти настоящим, почти — потому что

вернутся воины на тринадцать часов позже, чем ушли. Если вернуться раньше, можно встретить самих себя, а этого Мстислав старался избегать. Как-то неправильно это — смотришь на человека, вроде и другой человек, а вроде и ты. И жесты как у тебя, и разговаривает как ты, только голос у него не такой, какой должен быть, а визгливый и скрипучий. Мстислав знал, отчего так происходит — в одной умной книжке он вычитал, что когда сам говоришь, слышишь себя немного по-другому.

Через полчаса все было закончено. Трупы стражей, присыпанные землей, валялись в недалеком овраге. Если этот завал кто-нибудь когда-нибудь раскопает, он очень удивится, что похороненные здесь мертвецы присутствуют в трех личинах каждый. Подумает небось, что бесовское наваждение.

8.

Федеральный спецназ явился минут через пятнадцать после ухода Елены. Спецназовцев было четверо, одеты они были в камуфляжную броню, делавшую их похожими на полупрозрачных призраков. Забавно было наблюдать, как расплывчатые силуэты продираются, словно лоси, сквозь густой осинник, по привычке стараясь быть незаметными.

Данила громко кашлянул, привлекая к себе внимание. Не хватало еще, чтобы спецназовцы занервничали. Они, как правило, люди спокойные, но береженого бог бережет. Окажется среди них еще одна Елена Прекрасная… не дай бог.

Силуэты приблизились к Даниле вплотную и остановились. В следующую секунду они одновременно отключили камуфляж, очевидно, по команде, переданной по радиоканалу.

Данила подумал, что его глючит. Все четверо были здоровенными китайцами, похожими друг на друга, как родные братья. Неужели клоны?

— Суй Бай Цзю, — представился один из китайцев, очевидно, самый главный. — Ты Данила Круглов?

Он говорил на международном языке, в котором слова «ты» и «вы» не различаются. Но Даниле показалось, что спецназовец, задавая вопрос, подразумевал именно «ты», было в его интонации что-то пренебрежительное.

— Да, это я, — ответил Данила. — Принимайте пост.

— Что тут принимать? — пожал плечами Суй Бай Цзю. — Впрочем, покажи-ка мне объект, я должен убедиться, что он в полной сохранности.

— Ну, убедись, — буркнул Данила. — А насчет полной

сохранности — четверть часа назад порталом воспользовалась Елена Ненилова, переместилась на 512 лет вперед, до и после перемещения разговаривала по коммуникатору с москомпом.

— Трепло, — тихо произнес китаец, обращаясь непонятно к кому.

Данила обиделся и замолчал. Когда Суй Бай Цзю произнес ритуальную фразу «пост принял», Данила не ответил «пост сдал», он лишь молча кивнул и ушел прочь, не прощаясь и не оглядываясь. Он терпеть не мог, когда к нему относились с пренебрежением. Он понимал, что иногда это выглядит глупо, но не считал нужным что-либо менять.

9.

Первую половину следующего дня Елена провела на морском побережье.

Вначале все шло прекрасно. Елена искупалась в море, понежилась на солнышке, посидела в кафе на открытом воздухе, выцедила через соломинку пару коктейлей, искупалась еще раз, а потом ей захотелось разнообразить свои занятия. Невдалеке две девушки и юноша развлекались, перекидывая друг другу волейбольный мяч. Некоторое время Елена наблюдала за ними и вскоре дождалась подходящего момента — неверно брошенный мяч полетел в ее сторону.

Елена встала из-за столика и перемахнула через невысокие перила, отделяющие кафе от пляжа. Она двигалась плавно и не особенно быстро, но когда мяч был готов удариться о землю, его траектория пересеклась с траекторией Елены, Елена поймала мяч, несильно подбросила в воздух и стукнула по нему ладонью руки.

Со стороны этот удар казался несильным, но так только казалось. Вся хитрость заключалась в волнообразном сокращении мелких мышц кисти, концентрирующих в ладони энергию ци, направленную вглубь мишени. Если так ударить человека по щеке, синяка не будет, а будет сотрясение мозга средней тяжести.

Мяч отлетел метров на двадцать, прямо в руки молодого человека. Тот аж пошатнулся, принимая подачу.

Елена солнечно улыбнулась и спросила:

— Можно с вами поиграть?

Девушки растерянно переглянулись, на их лицах, как и на лице парня, отобразилось искреннее изумление. Елена поняла, что она что-то сделала не так, но отступать было уже поздно, как и выяснять, в чем именно она ошиблась. Она просто стояла с приклеенной к физиономии улыбкой и ждала реакции.

— Я не против, — сказала, наконец, одна из девушек, очень красивая негритянка, хотя и излишне полная.

Юноша и другая девушка переглянулись и синхронно пожали плечами. Юноша бросил мяч черной девушке.

Та ловко отбила его сложенными в замок кистями рук и направила по навесной траектории в сторону Елены. В момент удара Елена обратила внимание, что мускулатура у черной девушки развита гораздо лучше, чем кажется на первый взгляд. Эта девушка совсем не рыхлая и не жирная, она просто злоупотребляет вкусной едой. Или обмен веществ чуть-чуть сбит… но это вряд ли, такое лечили еще в двадцать втором веке.

Елена отбила мяч аналогичным движением, мяч взмыл в небо и полетел ко второй девушке — миниатюрной японке спортивного телосложения. Эта девушка также была весьма симпатична, но было у нее в лице что-то панковское, какая-то затаенная агрессия непонятно против кого. Елене такой тип не нравился, с этой девицей она не стала бы спать. А вот негритяночка…

Японка отбила мяч высоким ударом и с силой засадила его в песок в метре от ног молодого человека, который явно не мог принять подачу, но все-таки попытался и в результате растянулся на песке во весь свой немаленький рост. Желтый песок на черной коже смотрелся странно и неприятно, хотя последнее явно было следствием личных комплексов Елены. Она с детства испытывала неприязнь к чернокожим мужчинам, умом она понимала, что расизм — это глупо, но сердцу, как говорится, не прикажешь. Вот негритянки — совсем другое дело.

Юноша улыбнулся огромной белозубой улыбкой и предложил:

— Пойдемте, искупаемся!

Обе девушки восторженно завизжали и ломанулись к воде, как будто мечтали об этом все утро. Но сидя за столиком, Елена ясно видела, что они только-только начали игру, они еще не успели войти во вкус. Очевидно, это она их спугнула, но почему и как?

Отбежав метров на десять, юноша как бы невзначай поднес ко рту коммуникатор, пристегнутый к предплечью, и произнес в него несколько слов. Елена не разобрала, что именно он сказал. Затем юноша посмотрел на экранчик коммуникатора и его явно удивило то, что он увидел. Несколькими секундами позже те же манипуляции проделала японка. Она что-то сказала негритянке, Елена расслышала только одно слово — «удивительно». Все трое упорно смотрели в противоположную от Елены сторону, ясно было, что речь шла о ней, но что в ней такого удивительного,

Елена не понимала.

Она повернулась и пошла по тенистой дорожке прочь от моря. Отойдя от кафе метров на пятьдесят, она позвонила москомпу.

— Слушаю, — сказал москомп.

— Привет, — сказала Елена. — Что я сделала не так?

— В нашем времени не принято знакомиться на улице, — объяснил москомп. — Если ты хочешь с кем-то познакомиться, ты отправляешь свою анкету в глобальную службу знакомств и получаешь ссылки на анкеты тех людей, которые могут быть тебе интересны и которым можешь быть интересна ты. Но тебе нельзя регистрироваться в этой службе.

— Почему?

— Все данные, указанные в анкете, должны соответствовать действительности. Если ты зарегистрируешься, тебе придется указать настоящий год рождения. Это произведет фурор.

— А если вообще не указывать возраст?

— Возраст является обязательным элементом анкеты. Раньше, когда закон о сетевых знакомствах был более мягким, пользователи присылали много ложных анкет. Молодой человек со странностями сочинял привлекательную анкету, прикреплял фотографию красивой девушки, а потом издевался над поклонниками. Со временем это всем надоело.

— А что эти люди смотрели на коммуникаторе?

— Запрашивали сведения о твоей учетной записи. Интересно же узнать, кто до тебя домогается.

— И что они узнали?

— Только имя. Вся остальная информация закрыта, надо быть доктором, чтобы получить к ней доступ. Полагаю, они подумали, что ты доктор, — москомп хихикнул. — Чаще всего закрывают учетные записи известные люди, которые не хотят, чтобы к ним приставали на улицах. Но на популярных актрис и певиц ты не похожа, известные писательницы все наперечет, значит, ты доктор. Иногда, правда, и обычные люди закрывают учетные записи, например, когда нет времени заниматься пустой болтовней. Но такие люди и знакомиться не лезут.

— Понятно, — сказала Елена. — Я вела себя как дура.

— Ну… — замялся москомп, — я бы так не сказал. Немного нетрадиционно — да, но не как дура. Беспокоиться не о чем, те трое о тебе уже забыли. В мире много людей, гораздо более странных, чем ты.

— Да не беспокоюсь я, — сказала Елена. — Но это совсем нехорошо получается — ни поговорить ни с кем, ни поиграть ни во что… Что мне, все эти полгода в четырех стенах сидеть? Я же

взвою.

— В четырех стенах сидеть необязательно, — заявил москомп. — Ты можешь гулять, в том числе и в общественных местах, предаваться разнообразным развлечениям…

— А если я захочу сексом позаниматься?

— С этим у тебя проблем точно не будет. Знаешь, сколько на Земле озабоченных юношей?

Елена представила себе бескрайнюю толпу возбужденных прыщавых юнцов и глупо хихикнула.

— Вот спасибо, — сказала она. — Всегда мечтала о таком выборе.

— Еще есть виртуальность.

— Ты бы еще наркотики вспомнил.

— Наркотики тебе лучше не употреблять, — посоветовал москомп. — Они сильно замедляют оптимизацию организма, особенно нервной системы. Да и вообще это вредно.

— Сама знаю. Ладно, спасибо за добрые слова. Будь здоров.

Эту ночь Елена провела в виртуальности, в компании с компьютерными моделями тех троих, что пренебрегли ею днем. Под утро она перешла к садизму.

10.

— Что, не прошел тест? — спросил Иван Георгиевич.

— Почему это не прошел? — возмутился Колян. — Прошел. Ничего сложного там не было.

— А что было, если не секрет?

— Помните гаражи у дома восемь?

— Да. А что?

— Вы мне велели их купить.

— Зачем? — удивился Иван Георгиевич.

— Расширение зоны влияния…

Иван Георгиевич захохотал.

— Это наши гаражи, — сказал он. — В этом районе все наше.

Колян почувствовал себя идиотом.

— Да? Не знал. А мы с Кутей такую операцию разработали… Так ювелирно все проделали, этот Ильдар… как его по отчеству… блин! Помню, что помнил его отчество, а какое отчество, не помню.

— Не расстраивайся, — посочувствовал Иван Георгиевич. — В психотесте это обычное дело, психотест — это как сон. Во сне с тобой может любой маразм происходить, а тебе кажется, что так и надо. Если верить тому, что я в сети вычитал, здесь сходство не

только внешнее, при психотесте мозг частично погружается в сон… Но это для нас несущественно. Главное сейчас то, что ты отныне полноправный гражданин федерации. А почему ты такой грустный? Ты же радоваться должен.

— Не знаю, — пожал плечами Колян. — Просто… Нет, не знаю. А вам что в психотестах мерещилось?

— Воспоминания молодости. На первом уровне мы взяточника брали, еще в советское время, он вначале пытался и нам тоже взятку сунуть, а потом откуда-то пушку вытащил, заложника взял… В конце концов все обошлось, но понервничать пришлось изрядно. А потом…

Иван Георгиевич резко замолчал. Судя по его лицу, воспоминания о втором уровне были более чем неприятными.

— А на втором уровне что было? — спросил Колян.

— Тюрьма там была, — ответил Иван Георгиевич после долгой паузы. — Взяли меня с поличным на копеечной взятке, на ксиву даже смотреть не стали, сразу в наручники и на допрос. Я в отказ, а следак мне, типа, не подпишешь — пойдешь в общую камеру к тестомесам.

— И что?

— Не подписал.

— И?

— Расстреляли меня! — рявкнул Иван Георгиевич. — Я уже и забыл, что в виртуальности нахожусь, все, думаю, конец мой настал. Сознание потерял, а потом вдруг очухиваюсь, а компьютер говорит: поздравляю, тест пройден.

— А третий уровень?

— Это самое легкое. Острых ощущений почти нет, только мозги работают. На третьем уровне мы с тобой Сталина убивали.

— И как?

— Убили. Труднее всего было план операции разработать, да комплект оборудования подобрать. А как на местность вышли, все пошло как по маслу. Кстати, местная армейская броня — обалденная вещь!

— Разве при Сталине личная броня уже была? — удивился Колян.

— Да не при Сталине! Двадцать восьмого века броня. Грудная пластина держит пулю ДШК в упор, а камуфляж — как в фильме «Хищник», помнишь, с Арнольдом?

— Это где по джунглям такой монстр прозрачный бегал?

— Ага, тот самый. В общем, классная вещь. Техническое превосходство подавляющее.

— Понятно, — сказал Колян. — Но давайте лучше ближе к делу. Мы с вами теперь полноценные граждане федерации. И что

дальше?

— Дальше курс тренировок. Боевые искусства, управление летающей тарелкой и ранцевым антигравитатором, прикладная психология…

— Зачем? Сталина убивать?

Иван Георгиевич вдруг помрачнел.

— Нет, — сказал он. — Сталина мы убивать, к сожалению, не будем.

— Почему к сожалению?

— Потому что тогда будет еще хуже. Я в сети наткнулся кое на какие материалы, триста лет назад один суперкомпьютер развлекался историческим моделированием. Я как пролистал эти тексты, такое ощущение сложилось, что в истории что ни меняй — только хуже будет.

— А что будет, если Сталина убить?

— Точно не знаю, эту модель там не просчитывали. А вот если Гитлер в 1941 году не утвердит план «Барбаросса», через семь лет на месте Берлина будет еще одна Хиросима, только раз в десять побольше. А к концу века в Европарламенте второй по численности фракцией будет национал-социалистическая. Такого будущего нам не надо.

— Хорошо, войну отменять не будем, — согласился Колян. — А что будем делать?

— Не знаю. Думать будем. Пока я так думаю. Оттого, что мы с тобой соберем арсенал оружия и научимся местным военным премудростям, большого вреда не будет.

— Ага, не будет, как же. До первого доктора.

— Да второго, — уточнил Иван Георгиевич. — Первым был доктор Нгуа. Я твои сомнения понимаю, но на самом деле все не так плохо. Ни один доктор, кроме Нгуа, о машине времени не знает, а Нгуа не будет нам мешать. Я так полагаю, он сейчас в девятнадцатом веке, наводит в Южной Африке черный порядок.

— А откуда вы знаете, что другие доктора ничего не знают?

— Москомп сказал. Мы с ним сегодня побеседовали, он согласился дать доступ к военным технологиям, но только при условии, что применять их мы будем только в прошлом. И еще тут неподалеку следящая камера летает, за моим бластером приглядывает.

— А за моим пистолетом? — спросил Колян.

— Да кому нужна твоя пукалка? — возмутился Иван Георгиевич.

Он щелкнул пальцами и из цветочной клумбы тут же выскочил робот-посыльный.

— Сгоняй в дом, — приказал ему Иван Георгиевич, —

принеси бластер. Хотя нет, я отменяю приказ. Лучше телепортируемся куда-нибудь, где можно по-человечески пострелять. А то устроим еще пожар в доме…

Иван Георгиевич сходил в свою комнату за бластером, после чего они с Коляном телепортировались к развалинам какого-то большого промышленного здания. Гигантский бетонный параллелепипед посреди большой поляны в лесу сразу напомнил Коляну саркофаг Чернобыльской АЭС.

— А это случайно не Чернобыль? — спросил Колян.

— Случайно Чернобыль, — ответил тихий голос сверху.

Колян поднял голову и увидел над собой небольшой металлический шарик, парящий в воздухе.

— Опасности нет, — заверил его шарик. — Последние пятьсот лет развалины практически не излучают.

— Не такие уж и развалины, — заметил Иван Георгиевич. — Во времена Союза на совесть строили. Ну смотри, Коля.

С этими словами Иван Георгиевич приложил руку к кобуре и в его ладонь сам собой впрыгнул маленький пластмассовый пистолетик, похожий на пневматическую игрушку китайского производства. Впрочем, сходство с игрушкой исчезло, как только Иван Георгиевич навел его на бетонную стену — ствол пистолета сам собой удлинился примерно до тридцати сантиметров. Колян заметил, что ствол был не сплошным, а решетчатым, сквозь него просвечивало небо.

— Добьет? — спросил Колян.

До стены саркофага было метров сто, не меньше.

— Добьет, — подтвердил Иван Георгиевич. — Смотри.

Пистолет негромко фыркнул, а через мгновение на стене вспыхнула ослепительная вспышка, как будто от фотоаппарата, но гораздо мощнее. Колян пару раз моргнул, восстанавливая зрение, и увидел, что на том месте, где была вспышка, в бетонной стене образовалась выбоина неправильной формы размером примерно метр на метр.

— Арматуру задело, — огорченно заметил Иван Георгиевич. — Часть энергии в металл ушла. Должно было сильнее рвануть.

Колян состроил скептическую гримасу.

— Ну и что тут такого? — спросил он. — Гранатомет сильнее бьет.

— Гранатомет в карман не положишь.

— Все равно несолидно как-то. За семьсот лишним лет могли что-нибудь покруче изобрести.

— Бластер изобрели в конце двадцать второго века, если мне не изменяет память, — сказал Иван Георгиевич. — С тех пор

принципиальных изменений в конструкцию не вносилось. Мелкие улучшения были — кобура на силовых полях, пульсирующий ствол…

— А почему принципиальных изменений не было? — спросил Колян. — Считается, что все и так хорошо?

— Не считается, а так и есть. Для ручного оружия эта конструкция близка к идеалу, более мощная пушка просто не нужна. Чтобы пристрелить бешеного слона, бластера вполне хватит.

— А чтобы пристрелить сумасшедшего доктора?

— Сумасшедших докторов не бывает. А если вдруг один появится, то ему тоже бластера будет достаточно. От прямого попадания из бластера не спасает никакая броня. То есть, хорошая броня первое попадание выдержит, но нагреется градусов до двухсот и отпадет, чтобы хозяина не поджарить. Ты лучше зайди в сеть, первоисточники почитай. Еще можно в виртуальности потренироваться…

— А зачем? — спросил Колян. — Что мне потом делать с этими знаниями?

— Не знаю, — сказал Иван Георгиевич. — Одно могу сказать точно — лучше играть в войну, чем пьянствовать, жрать наркотики и развратничать. Знаешь, Коля, чем настоящий мужчина отличается от чмошника? Тем, что у настоящего мужчины есть дело, а у чмошника никакого дела нет и быть не может. Хочешь жить как чмо — пожалуйста, живи, но только отдельно от моей дочери. И от внучки.

Колян начал закипать.

— Значит, по-вашему, каждый, кто не играется в военные игрушки — чмо? — спросил он. — Если я не хочу выполнять ваши приказы — значит, я чмо?

Иван Георгиевич спрятал бластер в кобуру (ствол при этом автоматически укоротился до первоначальной длины) и раздраженно сказал:

— Коля, успокойся, ты не чмо. Не хочешь играть в войну — не играй, я тебя не неволю. Но чем ты тогда себя займешь? Ты ведь лазил по местному интернету, ты знаешь, как живет этот мир. Одно рабочее место на десять тысяч человек, все эти места давно заняты, потому что средняя продолжительность жизни превышает двести лет. Чтобы найти себе дело, надо учиться сто лет подряд, а потом неизвестно сколько ждать, пока освободится вакансия. Либо изобрести что-нибудь новое, а для этого тоже надо учиться не одно десятилетие. Этот мир вывернут наизнанку — у нас каждый хочет отдыхать, но должен работать, а здесь все наоборот. А мужик должен работать, чтобы не превратиться в

чмо.

— Так вы мне в армию вступить предлагаете? — спросил Колян.

— Да бог с тобой! Нет тут никакой армии, тут даже для полиции дело находится раз в столетие. Я о другом говорю. Я не верю, что мы с тобой здесь приживемся, мы с тобой не такие люди, чтобы по доброй воле стать чмом. Я смотрел в архивах наши судьбы, то, что с нами должно было произойти, не будь этого портала в будущее. В 2006 году я стал крестным отцом, потом, когда я заболел и отошел от дел, на этом посту меня сменил ты. Ты был хорошим отцом, под твоим руководством семья пережила антикрайм.

Колян аж выпучил глаза от удивления.

— Наша группировка продолжала работать после антикрайма? — переспросил он. — Разве такое возможно?

— Невозможно, — ответил Иван Георгиевич. — Но ты смог вывести капиталы из тени и трудоустроить большинство ребят. Это само по себе уже подвиг. Мне особенно понравилось, что ты не стал цепляться за свои миллионы, в первую очередь ты думал о людях и только потом — о деньгах.

— Не думал, а буду думать, — поправил Колян. — То есть, не буду, а…

— Подумаю бы, — предложил свой вариант Иван Георгиевич. — По-русски лучше не скажешь. По-английски можно сказать would have thought… нет… have been would have thought… тоже ерунда получается. Временные парадоксы обычными словами не выражаются. Я разговаривал с москомпом, он говорит, что придумал специальную систему понятий для таких вещей, но на человеческий язык она не переводится. То есть, перевести ее можно, но для этого придется новый язык придумывать.

— А что думает москомп по поводу ваших планов? — спросил Колян. — Он одобряет ваши военные игрища?

— Одобряет. Не могу понять, почему, но одобряет. Он сказал, что не будет возражать, если мы с тобой начнем переделывать прошлое до 2239 года.

— Почему 2239?

— В этом году был создан первый искусственный интеллект. Москомп просто опасается за свою детскую психику. Он ведь эгоистичный, как человек.

— Он нас слушает, — заметил Колян.

— Ну и пусть, — отмахнулся Иван Георгиевич. — Он не обидчив. Я правильно говорю, москомп?

Маленький металлический шарик серой молнией ворвался в

поле зрения и завис перед Иваном Георгиевичем.

— Правильно, — сказал он. — Я подтверждаю и одобряю каждое ваше слово.

— А все-таки, — обратился Колян к москомпу, — какой смысл в том, что мы будем учиться военному делу? У тебя в отношении нас есть какие-то планы?

— Планы — не самое удачное слово, — заявил летающий шарик. — Я ничего не собираюсь от вас требовать. Если вдруг захотите уйти из мира в наркоманию или в виртуальность — я и слова не скажу. Но если вы мне поможете, я буду рад.

— В чем тебе надо помочь?

— Надо — тоже неудачное слово. Не надо помочь, а можно помочь. Ты помнишь, что произошло в Беслане 1 сентября 2004 года?

— Где?

— В Беслане. В Северной Осетии.

Колян попытался вспомнить и не смог. Что-то там действительно произошло и это что-то было очень нехорошим. Какой-то теракт, что ли…

— Чеченские боевики захватили в заложники целую школу, — подсказал москомп. — Погибло более трехсот человек, в основном дети. Это событие можно безболезненно удалить из мировой истории. Последующие события тоже.

— Будут еще теракты?

— Сомневаешься? Зря. Конечно, будут, причем очень серьезные теракты, один даже с применением ядерного оружия.

— Что?!

— Это в Америке будет, — подсказал Иван Георгиевич. — Но все равно неприятно — американцы хоть и пиндосы, но их тоже жалко. Так, значит, ты советуешь все-таки попробовать изменить реальность?

— Не советую, а предлагаю, — уточнил москомп. — И не прямо сейчас, а потом. Вначале я советую пройти курс военного обучения. Во-первых, проще будет действовать, а во-вторых, за это время у меня появятся новые мысли. Если боитесь, что упустите время, то зря — портал позволяет прибыть в любое наперед заданное время. Вы можете провести здесь хоть сто лет, а потом прибыть в прошлое точно в нужный момент.

Москомп замолчал. Иван Георгиевич тоже помолчал с минуту, а затем спросил:

— Коля, ты со мной?

Колян вздохнул и ответил:

— Куда же я без вас…

А про себя подумал: вот и снова он меня убедил. Гад.

Глава девятая

1.

— Вверх! — заорал голос москомпа у Коляна в голове. — Вертикально вверх и врубай полную тягу!

К тому времени, когда москомп закончил свою тираду, разворачиваться было уже поздно. Перед тем, как совершать крутые маневры, надо снизить скорость, а это Колян уже никак не успевал сделать. Он все-таки крутанул тело назад, ледяной ветер больно ударил по глазам и вогнал выдыхаемый воздух обратно в горло. Надо было рот закрыть.

Колян попытался откашляться, но это было невозможно. Он начал задыхаться. Скорость падала, но он уже потерял контроль над своим телом, оно неуправляемо кувыркалось, а гравитационная тяга, которую Колян не успел вовремя выключить, бросала его из стороны в сторону. Амплитуда прыжков постоянно возрастала, казалось, голова вот-вот отвалится.

Оставалось последнее средство — врубить полную тягу. Если повезет, она выбросит тело наверх и погасит скорость. Коляну не повезло.

— Смерть была мгновенной, — сообщил москомп.

Колян снял виртуальный шлем и сел на кровати, при этом его сильно качнуло вбок. Вестибулярный аппарат сходил с ума. Кроме того, Коляна сильно тошнило, а все тело сотрясала адреналиновая дрожь.

— Рекомендую повторить попытку через две минуты, — посоветовал москомп. — Надевай шлем.

Колян машинально потянулся к шлему, но тут же отбросил его в сторону.

— На сегодня хватит, — заявил он.

Москомп промолчал.

— Зачем мы занимаемся этой ерундой? — страдальчески вопросил Колян. — Ранцевый антиграв имеет функцию удаленного управления. Ты можешь пересадить часть своего сознания ко мне в ранец, станешь моим ар-два-дэ-два и мы с тобой будем нормально летать, а не так, как я сейчас. Я никогда не научусь управляться с этой штуковиной.

— Научишься, — возразил москомп. — Недели через две ты сможешь летать и не падать, еще через две недели ты сможешь летать в сложных метеоусловиях. Через три месяца ты сумеешь проделать базовый комплекс высшего пилотажа и не разбиться при этом. А еще месяца через три ты поймешь, зачем все было

нужно.

— И зачем?

— Сейчас ты не поймешь. Я уже пытался объяснять…

— Ну да, трехмерное пространственное мышление, улучшенная координация движений…

— Не просто улучшенная. Освоение ранцевого антиграва дает качественный скачок…

— И зачем мне этот скачок? Если бы я хотел стать по-настоящему крутым, я бы еще в двадцатом веке занимался карате или айкидо каким-нибудь.

— Ты и занимался.

— Знаешь, почему я бросил?

— Недостаток мотивации. Твои навыки стали достаточными, чтобы отбиться от трех-четырех безоружных хулиганов или одного вооруженного. Дальнейшее самосовершенствование ты счел нецелесообразным.

— Вот видишь, ты все понимаешь! И все равно заставляешь меня заниматься ерундой.

— Я тебя не заставляю. До тех пор, пока ты не нарушаешь законы, я не имею права заставлять тебя делать что бы то ни было. Я чисто физически не могу тебя заставлять.

— Но все равно пытаешься — уговариваешь, соблазняешь… Давай поговорим начистоту. Что тебе от меня нужно? Только не надо говорить про самосовершенствование и прочую ерунду. Тебе нужно от меня что-то конкретное. Что?

Москомп немного помолчал, обдумывая ответ.

— Это трудно объяснить человеческими словами, — сказал он наконец. — Но я попробую. Скажи мне, Николай, тебе нравятся люди двадцать восьмого века?

— Я никого из них не знаю… — начал было Колян, но москомп его перебил:

— Ты знаешь достаточно, чтобы составить цельное представление о нашем мире. Ты хотел бы поселиться здесь навсегда?

Колян пожал плечами и ответил вопросом на вопрос:

— Почему бы и нет?

— Я перефразирую вопрос, — сказал москомп. — Хотел бы ты жить здесь всегда и никогда не уходить в другие времена?

— А, вот ты к чему клонишь… Ты считаешь, что в твоем времени люди плохие, и хочешь, чтобы я тоже это признал? Да, признаю, по-моему, так и есть. По сравнению с двадцать первым веком жизнь у вас сильно изменилась к лучшему, а общество — к худшему. Науки как таковой уже лет двести как нет, все новые изобретения делаешь ты и твои братья по разуму. В колониях

дела обстоят чуть-чуть получше…

— В колониях еще хуже, — перебил его москомп. — Период пассионарного подъема был очень коротким и не везде успел проявиться, а там, где успел, его быстро убила межзвездная телепортация. Сейчас большинство колоний представляют собой сборища сектантов и маргиналов. Но в целом ты прав, человеческой науки действительно больше нет, а скоро не станет и искусства. Большинство людей предпочитают не заниматься делом, а прожигать жизнь в развлечениях. Но со временем все изменится.

— Почему? Из-за нас с тестем?

— Не только. Будущее закрыто для путешествий, но до того, как возникла буферная зона…

— Что возникло?

— Буферная зона. Теперь силовой колпак над порталом начинается в 2925 году. Полагаю, наши потомки сообразили, что из их недавнего прошлого тоже можно извлечь кое-какую информацию. До того, как они создали буферную зону, я успел кое-что узнать о тридцатом веке. В обществе произошли серьезные перемены, я бы даже сказал, революционные. Появились… как бы это назвать правильно… Скажем так, начал формироваться класс людей, которые попытались отказаться от излишних благ и вернуться к тем временам, когда человечеству было к чему стремиться. Насколько я понял, эта идеология была насаждена разумными компьютерами.

— Ты хочешь сделать то же самое здесь и сейчас?

— Если не сделать, то хотя бы попробовать. Я надеюсь, что люди вроде тебя мне в этом помогут.

— Покажут пример остальным?

— Хотя бы так. Но это не самая первоочередная задача. Меня очень интересует, что происходит в обществе, которое начинает испытывать давление собственного будущего. Теоретическое моделирование не дает определенных результатов, ситуация слишком сложная, чтобы построить точную модель.

— Это все понятно, — сказал Колян. — Но зачем мне учиться управлять этим летучим ранцем?

— Ранцевый антигравитатор даст тебе неоспоримое преимущество над любыми бойцами твоего времени.

— Хорошая броня и бластер дадут то же самое и без ранца.

— Навыки ручного управления антигравитацией положительно сказываются на боевом потенциале личности.

— Вроде как ушу?

— Да.

— Все это очень здорово, — сказал Колян. — Но я не хочу

торчать здесь все то время, пока ты будешь меня муштровать. Если хочешь, чтобы я тебе помог, я тебе помогу, но я не понимаю, зачем тратить на это столько времени.

— Ты хочешь отправиться в прошлое прямо сейчас? — спросил москомп.

— Ну, не совсем сейчас, надо подготовиться…

— Ты готов потратить на подготовку месяц?

— Хорошо, один месяц, но не больше. Я надеюсь, ты не будешь все это время учить меня, как летать с этим ранцем?

— Буду, — сказал москомп, — но не все время. Я подготовлю для тебя специальную программу обучения, исходя из запланированных операций.

— Что-то уже запланировано?

— Да, кое-что запланировано. Подробности ты узнаешь недели через две. Во-первых, лишние подробности тебе пока ни к чему, а во-вторых, я еще и сам не проработал до конца все детали. Вопросы есть?

— Нет.

— Тогда надевай шлем и попробуем еще раз.

Колян вздохнул и надел шлем. На этот раз он продержался в виртуальном воздухе четырнадцать минут, а когда врезался в виртуальную землю, то не убился, а всего лишь сломал обе виртуальные ноги.

2.

— Так это и есть то самое чудо-оружие? — спросил Юрий Всеволодович, вертя в руках автомат Калашникова. — И откуда здесь огонь вылетает? Вот из этого дула, что ли?

— Да, отец, — сказал Мстислав, — отсюда. Только огонь здесь не самое главное, огня на самом деле почти нет, главное — пуля. Вот, смотри, — он продемонстрировал князю патрон. — Вот сюда насыпано особое зелье, когда оно загорается, огонь и дым выбрасывают пулю из ствола, она очень быстро летит и…

— И пробивает любые доспехи, — закончил князь. — Филипп уже рассказывал. Давай, покажи, что ли. А то на словах не верится…

Мстислав пристегнул магазин, вскинул автомат и прицелился в ворону, мирно сидящую на столбе у ворот. Жаль, что отец отказался испытывать автомат в безлюдном месте, невместно, дескать, великому князю от смердов хорониться. Лазутчики? А что лазутчики? Пусть знают и боятся. Святослав Игоревич сам говорил врагам «иду на вы» и потомкам так заповедал. Мстислав

не стал уточнять, что из черепа Святослава Игоревича пили вино печенежские ханы, а империя, которую он создал, умерла вместе с ним и понадобился Владимир, чтобы собрать воедино хотя бы старые русские земли, которые его бестолковые потомки вот-вот просрут, прости, господи, за бранное слово.

Все-таки сильно изменятся люди за будущие века. Будь на месте отца какой-нибудь генерал века из девятнадцатого-двадцатого, тот бы уже слюнями изошелся от мыслей, каких врагов в первую очередь завоевать новым чудо-оружием. А генерал из двадцатых веков думал бы уже не о войне, а о том, как спрятать чудо-оружие от вездесущих террористов. А Юрий Всеволодович стоит себе и в ус не дует и никакого предвкушения на княжеском лице не отображается. Дескать, автомат автоматом, а победа всегда в руках божьих и никак иначе.

Мстислав совместил на одной прямой мушку, прорезь и обреченную ворону, задержал дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Предохранитель стоял в положении одиночной стрельбы — Мстислав не хотел, чтобы те, кто будет рассказывать своим хозяевам сказки об огневой трубе, знали, что она умеет стрелять очередями. Раз уж нельзя скрыть само появление у великокняжеской дружины чудо-оружия, попробуем скрыть хотя бы то, что можно скрыть.

Грохот выстрела отразился от бревенчатых стен и больно ударил по ушам. Юрий Всеволодович скривился как от зубной боли. Проходившая по двору девка-чернавка вздрогнула и выронила ведра, которые тащила от колодца. Вода разлилась, девка поскользнулась и с размаху плюхнулась в образовавшуюся лужу. Заголосили собаки. Из-за угла терема выскочили и заозирались по сторонам детские из караульного отряда — Алешка Тля и его новый напарник, Мстислав не знал, как его зовут.

Сама ворона кувыркнулась за забор и пропала из поля зрения.

— Эй, Тля, чего уставился?! — рявкнул Юрий Всеволодович оглушительным басом. — Сбегай за ворота, там ворона дохлая валяется, тащи ее сюда!

Тля к этому времени уже и сам сообразил, что за штука потревожила княжеский двор таким адским грохотом. Как ни пытался Мстислав сохранить свою добычу втайне, ничего у него не получилось, вся дружина со вчерашнего дня только и говорила о нелепых трубчатых палках из настоящего железа.

— А ведь ты прав был, Мстислав, — задумчиво произнес Юрий Всеволодович. — О таких вещах кому попало знать не следует.

Мстислав недовольно скривился. Отец и раньше мог сообразить, не дурак ведь.

Алешка просунулся в воротную щель и исчез минуты на полторы. Когда он снова появился в поле зрения, выглядел он крайне обескураженно.

— Нет там никакой вороны, — заявил он. — Только перья да кровища, а вороны нету, вышла вся.

— На пятьсот шагов бьет, — сказал Мстислав. — С трехсот шагов можно кольчужного витязя завалить с одного выстрела. Теперь веришь, княже?

Отец посмотрел на княжича тяжелым подозрительным взглядом. Как бы не прорвало его сейчас безудержным гневом… Впрочем, Филипп Нянька уже выступил на всякий случай вперед, в случае чего удержит.

— Пойдем, сыне, — сказал великий князь владимирский. — Поговорим.

3.

Бой был тяжелым. Всадники Ветра потратили почти всю энергию, но все-таки сумели прорвать внешние рубежи обороны Гилеада. Шестеро бойцов из десяти остались позади, в лабиринте острых скальных вершин, через который они продирались последние полчаса. Хорошо, что у защитников не хватило духу подпустить Всадников поближе и ударить одномоментно, тогда завалили бы всех сразу. Оборона начала огрызаться на самых дальних подступах, боевые роботы бросались в фронтальный бой, даже не пытаясь устраивать засады, и это дало Всадникам шанс, которым они попытались воспользоваться.

Уцелевшие Всадники сидели на дне ущелья, измученные и опустошенные. Гита окончательно выбилась из сил, она привалилась спиной к камню, вытянула вперед ноги в тяжелых ботинках и хрипло дышала, приходя в себя после бешеной воздушной скачки. Вряд ли кто-то сумеет поднять ее на ноги в ближайшие полчаса. А ведь поднимать ее придется, потому что если они действительно хотят ворваться в эту чертову крепость и захватить этот чертов флаг, действовать надо прямо сейчас, пока защитники еще не опомнились. Осталось-то всего ничего, полтора километра, но попробуй, пройди их под шквальным огнем. Сшибут в полете, как куропатку.

Колян понимал, что и сам выглядит не лучше, чем Гита. Он так и не научился нормально управляться с антигравитационным ранцем, сегодня он показал все, на что был способен, но эта

демонстрация вымотала его до предела. Тело сотрясал жуткий озноб, стучали зубы, и не только от холода, но и от страха. Его разум твердо знал, что смерть от удара о скалу всего лишь выбросит его из виртуальности, но подсознание все равно боялось.

Колян перевел взгляд и увидел, что Лумумба и Рита склонились над командирской планшеткой и что-то негромко обсуждают. Неужели еще есть какой-то шанс?

Колян осторожно встал, ушибленное бедро отозвалось острой болью. Он с трудом подавил стон.

— Тави очухался, — констатировал Лумумба. — Иди сюда, будем совет держать.

— Что тут держать… — буркнул Колян, он же Тави. — Я правильно понимаю, что мы в заднице?

Колян очень надеялся, что получит отрицательный ответ, но его надеждам не суждено было сбыться.

— Правильно, — подтвердил Лумумба. — Рита успела выставить наверху детекторы, посмотри, что они показывают.

Колян посмотрел и аж присвистнул. Он, конечно, знал, что цитадель хорошо охраняется, но увидеть такое он никак не ожидал.

— И за каким хреном мы сюда полезли? — спросил он.

Лумумба промолчал.

— Я вижу только один выход, — заявил Колян. — Дружно расстреливаем друг друга и идем пить пиво.

Рита нечленораздельно зашипела. Ее лица не было видно под шлемом, но Коляну не требовалось видеть ее лицо, чтобы представить, как ее перекосило.

— Сдурел?! — завопила она, когда, наконец, обрела дар речи. — Навсегда покрыть клан позором?! Козел! Да как ты вообще смеешь так думать, зеленец несчастный?! И ты, Лумумба, тоже хорош, нашел кого спрашивать!

— Вы как хотите… — начал Колян, но закончить не успел, потому что Рита заорала:

— Не сметь!

Прыгнула на него и они покатились кувырком вниз по склону. К счастью, катиться было недалеко.

— Молчать! — рявкнул Лумумба и добавил, уже спокойнее: — Рита, ты дура. Ты не выключила передатчик, твой сигнал засекли и теперь нам точно конец.

Рита задергалась и попыталась встать, при этом она наступила на предплечье Коляна. Колян дернулся, будто от нестерпимой боли, и как бы невзначай ткнул Риту в болевую точку рядом с коленом. Рита сдавленно охнула и присела на

корточки. Колян встал, морщась от боли в бедре, на этот раз настоящей, и поковылял к Лумумбе.

— Приближается корректировщик, — сообщил Лумумба и ткнул пальцем в синюю точку, плавно ползущую по экрану планшетки.

— Странно, что человека послали, — удивился Колян.

— Ничего странного. На такой местности роботу трудно уверенно опознать человека.

Колян вспомнил, что интеллектуальные роботы в этой игре запрещены.

— Будем сбивать, — сказал Лумумба. — Это наилучший выход из сложившейся ситуации.

— Нас тут же накроют, — заметил Колян.

— Нас по любому накроют. Так хоть чуть-чуть дополнительных очков заработаем.

Колян прикинул в уме, сколько очков они смогут заработать, и удивился полученному результату.

— Очков восемьдесят-сто, — сказал Колян. — Я правильно подсчитал?

— Правильно, — буркнула Рита, которая к этому времени тоже присоединилась к их разговору. — С паршивой овцы хоть шерсти клок.

— У меня есть идея получше, — сказал Колян, повернулся спиной к командиру и стал карабкаться вверх по стене ущелья.

То, что он собирался сделать, было настоящим безумием, но в ситуации, в которую они попали, нормальных выходов не оставалось. В обычном мире Колян ни за что не решился бы на такое и не столько из-за риска для жизни, сколько из этических соображений. Но в виртуальности все ненастоящее, к этому миру нельзя подходить с привычными человеческими мерками. Здесь можно на время забыть обо всех внутренних тормозах.

Он едва успел добраться до верхней точки склона. Стоило Коляну осторожно выглянуть между двух больших камней, как его взгляд сразу наткнулся на характерное прозрачное марево, висящее в воздухе метрах в пяти от него. Очень низко висящее. Это была неслыханная удача, грех ей не воспользоваться.

Колян не стал тратить время на размышления и расчеты, времени у него не было. Он схватил большой камень и с силой метнул вверх, прямо в зону рассеивания вражеского антиграва. Марево качнулось и резко опустилось вниз, вражеский боец тут же врубил полную тягу, но было уже поздно.

Мелкая каменная крошка, потревоженная гравитационным полем, взметнулась с поверхности и закружилась маленьким смерчем, моментально всосавшим в свою воронку прозрачное

марево, которое сразу перестало быть прозрачным. Оглушенный боец успел отключить антигравитацию, но обеспечить мягкую посадку уже не мог.

Колян бросился к каменному вихрю, поскользнулся, чуть было не скатился вниз, но в последний момент успел встать на пути невидимого тела и выставить перед собой нож.

В это трудно поверить, но обычный стальной нож может пробить композитную броню образца двадцать восьмого века. Броня давно перестала быть просто листом металла, нацепленным поверх одежды, броня далекого будущего устроена гораздо сложнее, она похожа на инерционный ремень, который вытягивается, если тянуть медленно, и намертво стопорится, если дернуть резко. Так и броня — удар пули она выдерживает, а если плавно вогнать нож, особого сопротивления даже и не почувствуешь.

Колян так и не понял, куда пришелся его первый удар — в бок или в живот. Очень трудно убивать ножом невидимого противника — никогда не знаешь, куда попал, и все время хочется ударить еще раз. Понимаешь, что противник уже мертв, но все равно боишься остановиться, потому что если ты ошибся, мертв будешь ты, а не он.

В конце концов Колян заставил себя остановиться. Противник не шевелился. Колян снял шлем с трупа и обнаружил, что только зарезал девочку лет пятнадцати. Если бы он заранее знал, кого собирается резать, ни за что не решился бы. Впрочем, было очевидно, что защитники пошлют корректировщиком самого бесполезного бойца. Но сейчас нет времени думать, надо доводить дело до конца, раз уж начал. В виртуальности все ненастоящее, даже жестокость.

Колян снял свой шлем и нацепил шлем, снятый с трупа. Сейчас это была просто металлическая каска с лицевым щитком из бронестекла, вся электроника бездействовала и пользы от шлема было немного, но Коляна это не волновало. Главное, что блок опознавания свой-чужой все еще действовал.

Колян поднял руку с ножом и замер в нерешительности. То, что он собирался сделать, было чудовищно, но если он отступит, получится, что он зря убивал эту девочку. Нет, если уж начал проявлять жестокость, останавливаться нельзя ни в коем случае.

«Здесь все ненастоящее», мысленно повторил Колян. И опустил нож.

Он вырезал у мертвой девочки оба глаза. Кости глазниц хрустели под лезвием и Коляну казалось, что от этого хруста он сойдет с ума. Но он все-таки выдержал это.

Он аккуратно положил теплые и еще живые глаза в кармашек

на поясе бронекостюма, на мгновение замер, собираясь с силами, а затем рванул с низкого старта, как будто собрался бежать стометровку наперегонки с Беном Джонсоном. Мелкие камни сыпались из-под ботинок, один раз Колян оступился, но все-таки сумел сохранить равновесие.

Он добежал до обрыва и сиганул прямо в пропасть. Антиграв он включил в самый последний момент, когда до острых камней на дне оставалось метров сто. Если бы девочка, которую он зарезал, убегала в панике от превосходящих сил противника, она бы вела себя точно так же.

Внезапно весь мир стал равномерно белым, лишь собственная угольно-черная тень на дне пропасти нарушала эту вселенскую белизну. Артиллерия цитадели нанесла удар. Виртуальные аватары Лумумбы, Риты и Гиты перестали существовать, от них остались только угловатые тени на оплавленных камнях. А их хозяева сейчас приходят в себя после виртуального приключения и, о, как они ругаются! Колян стал наращивать тягу, набирая высоту. Сейчас придет ударная волна и если он окажется недостаточно высоко, его просто размажет о камни.

Ударная волна пришла. Коляна сильно тряхнуло, но он сумел сохранить ориентацию и даже высоту почти не потерял. Теперь, когда детекторы крепости ослеплены, самое время пересечь внутреннюю зону обороны. Если хотя бы один детектор поймет, что Колян — это Колян, его виртуальная жизнь оборвется в ту же секунду.

А вот и посадочный балкон. Колян аккуратно приземлился, удивительно аккуратно, если учесть, при каких обстоятельствах он это делал. Правильно говорят, что в экстренной ситуации мобилизуются скрытые резервы организма и человек делает то, что в обычных условиях ему не под силу. Эта посадка — безусловно самая лучшая в недолгой практике Коляна.

А потом наступил самый ответственный момент. Колян пошатнулся, как будто приземление прошло не совсем удачно, и присел на корточки, прижав левую руку к скальной стене и прикрыв ее телом от всех возможных детекторов. Быстро вытащил девочкины глаза из кармашка, зажал их в ладони и тут же встал. Все эти действия заняли не более секунды. Колян надеялся, что со стороны это представление выглядело достаточно натуральным, чтобы обмануть детекторы базы.

Быстрым шагом Колян подошел к бронированной входной двери, прикоснулся к лицевому щитку шлема, как бы собираясь приподнять его, и вдруг пошатнулся от боли в ушибленной ноге. Ему почти не пришлось играть, боль была вполне натуральной, надо было всего лишь позволить ей прорваться в сознание и

проявить себя во всей красе.

Прижавшись лбом к двери, Колян приложил левую руку к лицу и, не отнимая ее, повернулся к сканеру. Лишь бы не оплошать в последний момент!

Он не оплошал, он сумел все сделать точно и аккуратно. Компьютер, контролирующий вход в крепость, не заметил ничего подозрительного, когда Колян вставлял вырванные глаза бедной девочки в сканер радужной оболочки. Колян поборол отвращение и прислонился лицом к кровавому месиву, которое… брр… даже думать об этом не хочется.

Сканер доброжелательно пиликнул и дверь начала открываться.

4.

Елена увидела Жанетту и оцепенела, в этот момент она испытала самый большой ужас за всю свою жизнь, ее прямо-таки парализовало от потрясения.

Глаза Жанетты вылезли из орбит, но не болтались на ниточках глазных нервов, а как бы приклеились к чему-то бугристому и кровавому, что росло из-под них. Казалось, голову Жанетты распирает изнутри что-то чужое, что-то настолько кошмарное, что при одном взгляде на это зрелище кружится голова, а сознание так и хочет провалиться в обморок.

Жанетта шагнула вперед, ее глаза окончательно выпали из глазниц, упали на пол и покатились, как два маленьких белых шарика для какой-то игры. А из того места, где они только что находились, на Елену настороженно и злобно смотрели маленькие заплывшие кровью буркалы существа, подчинившего себе тело Жанетты. В следующую секунду существо атаковало.

Елена наблюдала за действиями своего тела как бы со стороны, она чувствовала себя зрителем в кинотеатре, в котором демонстрируется фильм ужасов от первого лица. Она чувствовала, как ее руки поднимаются, перекрещиваются и образуют блок, но она готова была поклясться, что они живут своей собственной жизнью, не подчиняются командам оцепеневшего мозга, а действуют по собственному усмотрению.

Рефлексы не подвели. Существо попыталось ударить Елену ножом в печень, Елена отвела удар в сторону и выбила нож из не слишком умелой руки противника. Полностью сконцентрировав внимание на руке с ножом, она пропустила боковой удар ногой в правую почку, но его приняла на себя броня. Елену шатнуло, она ударилась плечом о стену и едва не выронила нож.

Она проворно отступила на два шага назад и выхватила из набедренного кармана второй нож. Она даже не подумала о том, что следовало бы воспользоваться бластером. Позже она поняла, что здесь сработала инерция мышления, усиленная нервным потрясением. Существо атаковало ее ножом, подсознание стало воспринимать бой как тренировку с холодным оружием, а сознание не могло вмешаться в происходящее, потому что было парализовано ужасом.

Существо потянулось к набедренной кобуре, бластер прыгнул в его ладонь. Елена метнула нож, он ударил утяжеленной рукояткой по запястью врага, бластер выпал. Развивая успех, Елена нанесла высокий боковой удар ногой в голову, а когда противник защитился очевидным блоком — с силой вогнала второй нож ему в плечо, рассекая сухожилия.

Существо дернулось и вырвало рукоятку ножа из руки Елены. Броня, хоть и пропускает сквозь себя лезвие, поворачивать его в ране не позволяет. Если противник после удара жив и в сознании, выдернуть нож из тела практически невозможно.

Елена резко выбросила вперед правую руку и одновременно выбросила вдоль руки энергию ци. Удар пришелся в подбородок, голова врага дернулась вбок, ввергая своего хозяина в нокаут, но тело не упало на землю, а взлетело в воздух, ударилось головой о потолок, отскочило, ударилось еще раз, и еще, и еще…

Сила гравитационной отдачи сбила Елену с ног, потащила по полу и стала приподнимать в воздух. Елена поспешно отскочила назад, выходя из зоны действия вихревого поля. Все было понятно — за мгновение до того, как потерять сознание, противник включил гравитационную тягу, а выключить ее уже не успел. Теперь остается только ждать, пока истощится энергия в его аккумуляторе. Или пристрелить его… Нет, не стоит, все равно мертвое тело будет летать, пока не кончится энергия. А если еще аккумулятор сдетонирует… Нет, однозначно лучше подождать.

Ждать пришлось недолго. Тело врага рухнуло на пол, от удара шлем отлетел в сторону и Елена увидела лицо того, кого считала выходцем из ада. Внезапно она поняла, что знает этого человека. Она начала хохотать.

За этим занятием ее и застали подоспевшие стражи Цитадели.

5.

— А теперь рассказывай все по порядку, — повелел Юрий Всеволодович.

Мстислав внутренне собрался и стал рассказывать, стараясь быть точным и кратким, как вестник на войне.

— На прошлой неделе мы с Нянькой гостили в Москве, — начал Мстислав. — В четверг я собрал младшую дружину и поехал в лес размяться, поохотиться на кого бог пошлет. Нашли кабаний след, пошли по нему с Борькой Гузиком и пока шли, набрели в осиннике на дивную вещь. В землю врыта плита из неведомого камня, а на ней, на верхнем торце, красные колдовские знаки светятся и переливаются. Я провел по ним пальцем, один знак изменился, Гузик охнул и сказал, что лес тоже изменился — деревья стали другие. Я ничего не заметил, для меня все осины на одно лицо, но Гузик знает лес хорошо, он из лесовиков родом. Он сказал, что эта плита колдовская и может нас запутать, подобно лешему. Мы помолились, вывернули одежду наизнанку и пошли назад. Отошли от плиты шагов на пятнадцать и сразу потеряли следы — и свои, и кабаньи. Пошли по солнцу, дошли то того места, где оставили Никишку с лошадьми, там никого не нашли. Поискали окрест — никого, стали кричать — никто не отзывается. Пошли к Москве пешком. Вышли к селу, которого в тех краях раньше не было. Зашли в крайний дом воды напиться, хозяин, смерд зажиточный, сказал, что земля это не владимирская, а московская и правит в ней князь Иван Васильевич по прозвищу Великий, которое дано ему за то, что татар изгнал и дань им платить перестал. Я возмутился и сказал, что никогда такого не бывало, чтобы Владимирская Русь кому-то дань платила, тем более татарам каким-то неведомым, а он на меня посмотрел, как на выходца с того света, и креститься начал.

— Короче, — сказал князь. — Ты не баснь сказываешь, а сказку. Суть в чем?

— Суть вот в чем. Знаки на плите — не просто знаки, а числа, по-арабски записанные. Эта плита показывает время, вроде как часы немецкие, только не стрелкой, а числами. Если коснуться числа пальцем и палец пошевелить, число меняется и время становится другим, но при этом остается правильным. Ты как бы переходишь во времени в прошлое либо в будущее. Мы с Гузиком попали в будущее, в семитысячное лето от сотворения мира.

— Ровно семитысячное?

— Да. Я тоже удивился, а тот смерд ничего не понял, потому что в будущем года отсчитывают не от сотворения мира, а от рождества Христова. Если так считать, число получается ничем не примечательное. Переночевали мы в том селе, а наутро пустились в обратный путь. Вернулись по своим следам к плите, я переставил число обратно, Гузик сразу признал, что деревья

снова стали как раньше. Вокруг все было следами истоптано, отроки нас искали, но не нашли, а красные числа трогать побоялись.

— А автоматы твои откуда взялись? — спросил Юрий Всеволодович.

— Автоматы взялись вот откуда. В пятницу мы с Гузиком снова поехали к той плите, только теперь конными. Взяли с собой еды про запас, немного серебра, оружие и снова ушли в будущее, только дальше — в семь тысяч двести пятьдесят шестой год. Снова нашли то село, встретили смердов, только других, они стали над нами насмехаться, потому что мечи в том времени носят совсем другие, а доспехов вообще не носят…

— Какие мечи там носят? — перебил сына Юрий Всеволодович.

— Очень узкие, шириной в полтора пальца, а то и в палец. Называется шпага. Тамошние кузнецы куют очень хорошую сталь, лучше булатной, у них узкие клинки ломаются реже, чем у нас широкие.

— Образец с собой взял?

— Не взял.

— Почему?

— Я взял образцы автоматов, а шпага по сравнению с автоматом — сущая безделица. Да и не пригодятся у нас шпаги, кольчужного противника ими несподручно колоть.

— Продолжай, — сказал Юрий Всеволодович.

— Рядом с селом была усадьба тиуна по имени Тимофей Глазьев, — продолжил Мстислав, — человека умного и начитанного. У него нашлись в доме книги, числом около сотни…

— Сколько? — изумленно переспросил князь.

— Около сотни. В будущем такие собрания — обычное дело, там научились переписывать книги не вручную, а особым приспособлением, делают для каждого листа большую печать, а потом печатают столько одинаковых листов, сколько нужно. Если нужно сразу много одинаковых книг сделать, так получается выгоднее, чем пером переписывать. Но я продолжу, если позволишь.

— Продолжай, — разрешил князь.

— Тимофей поверил, что мы не лицедеи и не скоморохи, — Мстислав непроизвольно улыбнулся, вспомнив, как Гузик орал на тиуна дурным матом и чуть было не срубил ему голову. — Провели мы в его усадьбе два дня, а потом пошли еще дальше в будущее.

— Как это два дня? — изумился Юрий Всеволодович. — Вы в

Москве всего-то неделю пробыли…

— Это другое время, — пояснил Мстислав. — Есть время, в котором пребывает все сущее, а есть время, в котором пребывают те, кто путешествует по первому времени. Всего я провел в будущем около полугода, а вернулся в тот же час, в какой ушел.

— А Гузик?

— Остался навсегда в двадцать шестом веке. Там одну вещь изобрели… — Мстислав замялся. — Нет, об этом я лучше потом расскажу, если дозволишь. О будущем можно долго говорить, на целую книгу хватит, но сначала я хочу самое главное сказать. Ты знаешь, что сейчас замышляет дядя Ярослав?

В глазах князя заплясали лукавые искорки.

— И что же, по-твоему? — ответил он вопросом на вопрос.

— Ищет Киевского престола, — сказал Мстислав. — Полагаю, уже нашел.

— Я тоже так полагаю, — кивнул Юрий Всеволодович. — Со дня на день соглядатаи должны весть принести. На Киевском столе он долго просидит?

— По летописям непонятно. Судя по всему, он в Киеве самолично совсем не будет сидеть, посадит какого-то боярина и сразу в Новгород вернется.

— Разумно, — снова кивнул князь. — Место застолбил и достаточно. А второй вопрос про кого будет — про булгар или про монголов?

Мстислав удивился. Получается, отец все понимает. Но почему он тогда потерпел в той реальности такое сокрушительное поражение?

— Про обоих, — сказал Мстислав. — Тебе ведомо, что сейчас между ними происходит?

— Еще бы не ведомо, — хмыкнул Юрий Всеволодович. — Кто я, по-твоему — князь или пень с бородой? Конечно, ведомо. Сеча у них будет в ближайшем месяце. Полагаю, монголы разделают булгар под корень. Правильно я полагаю?

— Правильно, — кивнул Мстислав. — Пожгут все большие города, включая Биляр, возьмут большой полон и уйдут обратно в степь. Следующим летом пойдут войной на Юрия Кончаковича, а другим крылом на мордву. А зимой — воевать Рязань.

— Роман Ингваревич — гордец тот еще, — заметил Юрий Всеволодович. — Плетью обуха он не перешибет?

— Не перешибет, — согласился Мстислав. — Роман Ингваревич пришлет послов к тебе и в Чернигов, но помощи не дождется. Монголы сожгут Рязань, а потом пойдут на тебя.

— И далеко зайдут? — ехидно поинтересовался Юрий Всеволодович.

— До конца, — жестко сказал Мстислав. — Первого января будет битва под Коломной, монголы победят. С обеих сторон будут большие потери, у монголов из знатных людей погибнет Кюлькан Чингизович, у нас Еремей Глебович. Через две недели монголы возьмут Москву…

— Как это Москву? — переспросил Юрий Всеволодович. — Почему Москву? Они кого воевать собрались — меня или брата моего?

— Тебя. Не знаю, зачем они туда пойдут, но Москву они сожгут, а Володьку возьмут в полон. Второго февраля выйдут к Владимиру. Ты к тому времени уедешь на север, за Волгу, собирать ополчение. Обороной города будет руководить на словах Сева, а на деле Петр Ослядукович. В первый день осады монголы выведут к воротам Володьку и замучат до смерти на глазах у нас с Севой. На пятый день Владимир падет.

Юрий Всеволодович гневно крякнул.

— Как это падет?! — возмутился он. — Три кольца стен, рвы, валы, надолбы… Не берут такие города за пять дней!

— У монголов есть пороки китайские, — сообщил Мстислав. — Камнеметы какие-то особенные, городню сметают в считанные часы. Возьмут они город на копье и сожгут весь. Севу и меня убьют. Тебя через месяц найдут на реке Сити…

— Где-где найдут? — Юрий Всеволодович аж поперхнулся от удивления. — На какой еще Сити? На той Сити, что за Угличем, между Бежецком и Мологой? А что я там забыл? Это вообще не моя земля. Какое я там ополчение собирал? Константиновичей, что ли? А почему на Сити? Это же у черта на рогах! И как меня монголы там найти смогут? Там же топи непролазные! Кстати! Сколько, говоришь, они будут идти от Коломны до Владимира? Месяц? С боями, по чужой стране — всего месяц? А где они коням пропитание найдут?

Мстислав пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Так будет написано в летописях, а подробности там не пишут. В начале марта тебя убьют, Бату-хан разорит Торжок и повернет обратно в степь, по дороге сожжет Козельск в Черниговской земле.

— По дороге? Хотя да, ты прав, по дороге. По-другому им идти нельзя — на кратчайшем пути все уже разорено. Погоди… Меня убьют, тебя убьют, всех твоих братьев убьют, Константиновичей… А кто будет стол наследовать? Неужто Ярослав, братец мой окаянный?

— Он самый, — кивнул Мстислав. — Когда наш род пресечется, он примет под себя оба стола — и Киевский, и Владимирский. А на Новгородский стол Алешку посадит, сына

своего.

Юрий Всеволодович досадливо крякнул и задумчиво побарабанил пальцами по столу. Теперь великий князь выглядел точь-в-точь как диктатор из будущей эпохи, принимающий важное решение. Зря Мстислав полчаса назад думал, что люди сильно переменятся. Некоторые детали человеческой природы не изменятся до самого страшного суда.

— Предположим, ты прав, — сказал он после некоторого размышления. — Предположим, в будущем году монголы пойдут на меня войной, наплевав на все договоры.

— Какие еще договоры? — изумился Мстислав. — Ты с ними уже договориться о чем-то успел?

— Не о чем-то, а о добрососедстве, торговле и ненападении. Ты, сыне, меня не тем удивил, что монголы Русь воевать собрались, а тем, что договорюсь с ними не я, а Ярослав, гнида ехидная.

— Так он же потом договорится, когда монголы всю Владимирскую Русь уже на копье возьмут!

Юрий Всеволодович посмотрел на сына таким взглядом, каким обычно смотрят на юродивых.

— Не смеши меня, — сказал он. — Новгород монголы пожгут?

— Сто верст не дойдут. Попадут в распутицу…

— Переяславль Залесский пожгут?

— Пожгут. Я про этот город особо смотрел.

— Да? — Юрий Всеволодович смутился. — Не знаю, может, случайность какая, воевода слишком борзый или еще что… Но неважно это. Знаешь, что самое главное в твоих словах? Что войско я поеду собирать не куда-нибудь, а на Сить, к рубежам Земли Новгородской. Если нужно скрытно встретиться с новгородской ратью, лучше места не сыскать — ровно посередине между Владимиром и Новгородом, кругом болота, дорог приличных нет, без проводника и задницу свою не враз отыщешь.

— Татары твой лагерь легко найдут, — заметил Мстислав.

— Какие татары?

— Так монголов потом станут называть. У них раньше было два больших племени — монголы и татары. Чингисхан был вождем монголов…

— Так татары — это монголы?! — изумился Юрий Всеволодович. — И они со всей Руси будут двести лет дань собирать?! Ну ничего себе! Это же как надо суметь до такого дойти, Мономах в гробу перевернется… Короче. Если монголы мой тайный лагерь в лесу найдут, значит, у них проводник будет. Другого объяснения быть не может, разве что чудо господнее. Я

даже догадываюсь, откуда они проводника возьмут. Ну-ка, ответь мне, сыне, с какого лешего Субудаю взбредет в голову вести рать на Владимир через Москву?

Мстислав только пожал плечами. Князь самодовольно ухмыльнулся и продолжил свою речь:

— А я тебе скажу, зачем он через Москву пойдет — в Волоке Ламском хлебом затариться. Пошел большой обоз с юга в Новгород, да и задержался по какой-то причине на волоке. А потом монголы его разграбили как бы случайно. И монголы с хлебом, и Ярослав как бы ни при чем, если что не так пойдет. Но все как раз так пойдет, как он рассчитывал. Вернее, теперь уже не пойдет.

— Что будешь делать? — спросил Мстислав.

— Думать буду. Давай вместе подумаем, заодно княжескому ремеслу поучишься. По всему выходит, что на Ярослава рассчитывать нельзя. Может, будущей осенью самим Волок Ламский разграбить? Нет, тогда Ярослав сам на меня пойдет заодно с монголами и будет прав. Заранее войско собрать? Тоже не выйдет. Пока жареный петух в гузно не клюнет, старшую дружину с печей не стащишь.

— Через шестьсот лет, — вспомнил Мстислав, — на Русь пойдет войной французский король по имени Наполеон.

Юрий Всеволодович издал короткий смешок:

— А ты ничего не путаешь? Французский король — на Русь? А поляки куда денутся?

— Поляков он к тому времени уже повоюет.

— Да ну? Славный король, видать.

— Очень славный, у французов один из самых почитаемых. Он, кстати, по рождению будет простой огнищанин с отдаленного острова. У французов большая усобица будет…

— Короче, — прервал его Юрий Всеволодович. — Пойдет Наполеон на Русь. И что?

— В войске у него будет шестьсот тысяч ратников.

— Сколько-сколько?

— Шестьсот тысяч. Русский воевода Михаил Кутузов не будет давать сражения, а будет изматывать французов мелкими стычками. К зиме они дойдут до Москвы, там зазимуют, а потом еда у них кончится, они вначале окрестные села разорят, а потом пойдут назад. И вот тут Кутузов и начнет их громить.

— Видать, у Наполеона в войске Субудая не найдется, — сказал Юрий Всеволодович. — Субудая в такую ловушку ни за что не поймаешь. Да и до степи от нас намного ближе, чем до Немана. Нет, сыне, монголов нам так не одолеть, даже думать нечего. Да и не нужно их одолевать, рядиться с ними нужно,

договор заключать.

— Они захотят, чтобы ты принес вассальную клятву Батухану.

— Надо будет — принесу, — жестко сказал Юрий Всеволодович. — И пойдем следующей зимой с Батыем Джучиевичем на Новгород. А что, хорошая мысль! — Юрий Всеволодович враз повеселел. — Ярослава со стола сгоним, датчан с немцами из Прибалтики выгоним, орден Меченосцев добьем, а если повезет, то и Литву к ногтю прижмем.

— Дань придется платить, — заметил Мстислав. — Монголы со всех вассалов десятину берут.

— Папа Римский тоже со всех католиков десятину берет и ничего, не беднеют католики. Труднее всего будет бояр убедить… Ну ничего, справимся.

— Погоди, отче, — сказал Мстислав. — У нас же есть оружие из будущего, с ним мы такого наворотить можем…

— Ты привез пятьдесят автоматов и две тысячи патронов. Правильно я помню?

— Правильно.

— Это две тысячи смертей, да и то в самом лучшем случае. У Батыя в войске шестьдесят тысяч ратников.

— Под Коломной наши мужи прорвут монгольский строй, — сказал Мстислав. — Дойдут до ханской ставки и убьют Кюлькана. Судьба битвы будет висеть на волоске. Пятьдесят автоматов должны превратить поражение в победу.

Юрий Всеволодович ненадолго задумался, а затем решительно заявил:

— Не пойдет. Я так рисковать не намерен. Вот если бы ты греческий огонь привез, да такой, чтобы сразу все поле им выжечь… Да и тогда лучше на Новгород идти, чем на монголов.

— И такое оружие в будущем есть, — сказал Мстислав. — Только его добыть очень трудно. Автоматы мы как добыли — там, в будущем, какой-то воевода бестолковый поставил около плиты необученных отроков, мы их и ограбили три раза. Можно еще пару раз ограбить, но больше уже не получится, время подходящее закончится.

Юрий Всеволодович озадаченно помотал головой.

— Ничего не понял, — сказал он. — Как это три раза ограбили?

— В разное время. С помощью той плиты можно вначале появиться в одном времени, а потом в другом, чуть раньше. Нельзя только, чтобы времена были совсем близкими, а то сам себя встретишь.

Юрий Всеволодович перекрестился.

— По любому, — сказал он, — с одними автоматами мы много не навоюем. Вот если автомат будет у каждого ратника… да и тогда тоже ничего хорошего не выйдет. Ратников придется учить обращаться с новым оружием, обязательно перебежчики найдутся… Как начнется перестрелка из автоматов с обеих сторон… не дай бог. На сколько шагов он бьет? На пятьсот?

— На пятьсот, — подтвердил Мстислав. — Я понял твою мысль, отче. Попробую найти другое оружие, посильнее.

— Попробуй, — согласился князь. — Только вот еще что. Ты когда снова в Москву собираешься?

— Отдохну немного, с мыслями соберусь, да и поеду. Послезавтра или третьего дня.

— Еремея с собой возьми. Покажешь ему, как числами этими пользоваться, да и вообще, дурного совета он тебе не даст, а полезный совет всегда полезен.

Мстислав нахмурился. Он понимал, что чувства, которые он сейчас испытывает, недостойны будущего князя, но ничего не мог с собой поделать. Он так мечтал, как станет главным спасителем русской земли от монгольского ига, а теперь отец направляет с ним Еремея Глебовича, который Мстиславу и пальцем пошевелить лишний раз не даст, и всю славу постарается себе забрать. Но об этом сейчас нельзя думать. Думать надо только о том, что Владимирский стол не должен перейти к Ярославу ни при каких обстоятельствах. Все остальное второстепенно.

6.

— А из клана меня выгнали, — сказал Колян. — Знаешь, за что?

— За беспредельную жестокость, несовместимую со спортивным духом и правилами честной игры? — предположила Елена.

— Нет, не за это, — улыбнулся Колян. — Об этом вообще речь не шла. Выгнали за то, что скрыл от администрации клана, что стал гражданином федерации. Оказывается, в эти игрища не пускают людей со статусом выше первого.

— А как ты сумел получить статус гражданина? — заинтересовалась Елена. — Я пробовала, но у меня ничего не получилось. Компьютеры говорят, что я слишком кровожадная, чтобы давать мне свободу.

— Есть такая планета, называется Нью Зулу…

Елена посмотрела на Коляна с интересом.

— Так ты там гражданство получил? — спросила она. — Я

читала про эту планету, там, вроде, всех гостей в рабство берут. Ты какой-то секрет знаешь?

— Нет тут никакого секрета, — скривился Колян. — Дуракам везет, вот и весь секрет. Я про обычаи этой планеты только потом узнал, после того, как первый тест прошел. А потом появился зулусский доктор…

— Зулусский доктор знает о портале? — встревожилась Елена.

— Да. Но мы с москомпом посовещались и решили, что ничего страшного в этом нет. Этот доктор сейчас наверняка в девятнадцатом веке, наводит черный порядок в Южной Африке. Москомп считает, что в других местах и временах зулусы появятся не скоро.

— Но они создадут новую реальность, в которой Африка станет центром мировой цивилизации… Ладно, что-нибудь придумаем. Ты когда собираешься вернуться в прошлое?

— Через три недели. Москомп хочет меня использовать, чтобы предотвратить теракт в Беслане.

— Интересно. Меня он для той же цели собирается готовить полгода.

— Тоже Беслан?

— Точно не знаю. О конкретных задачах москомп ничего не говорил, говорил только, что хочет ликвидировать терроризм в двадцать первого веке, а как именно — не говорил. Я думала, он и сам еще ничего не решил.

— Может, лучше прямо у него спросим? — предложил Колян. — Москомп, ты слушал наш разговор?

В поле зрения вплыл маленький металлический шарик размером с теннисный мяч.

— Конечно, слушал, — подтвердил шарик. — Что ты хочешь спросить?

— Как ты планируешь операцию? Кто в ней будет участвовать — я или Елена?

— Если вы не возражаете, то оба.

— Я не возражаю, — сказал Колян. — Но я не хочу ждать еще полгода, пока ты не закончишь ее тренировать.

— Ждать не придется, — заявил москомп. — На протяжении ста лет Елена Ненилова входила в первую десятку лучших бойцов в мире. Она участвовала в ста восьми боевых операциях, в том числе в ликвидации семи тоталитарных лидеров. Ее не нужно тренировать.

Колян озадаченно посмотрел на Елену.

— А что ты имела ввиду, когда говорила про полгода? — спросил он.

Елена замялась и ничего не ответила. Вместо нее ответил москомп:

— Ее организм проходит кибернетическую оптимизацию. Когда она завершится, Елена станет безусловно лучшим бойцом всех времен и народов. Но для всех операций, запланированных на данный момент, ее теперешних навыков будет вполне достаточно. Да и твоих навыков, Николай, тоже будет достаточно. Твое обучение подходит к концу, мы можем начать первую операцию хоть завтра.

— А почему не сегодня? — удивился Колян.

— Сегодня ты пьян.

— А как же моя оптимизация? — спросила Елена. — Мы с тобой договаривались, что когда я уйду в прошлое, я больше не вернусь.

— Договаривались, — согласился москомп. — Значит, эту формулировку придется изменить. До тех пор, пока не закончится твоя оптимизация, ты можешь находиться в моем времени, и только после этого ты уйдешь в прошлое окончательно. А насчет путешествия на Нью Зулу — даже не думай. Мне не нужен на моей Земле боец твоего класса со статусом гражданина.

— Понятно, — сказала Елена. — По крайней мере, честно. Такую бы честность да тем политикам, которые мне приказы отдавали… Так что, выходим завтра?

— Я не возражаю, — сказал москомп.

— Я тоже, — сказал Колян.

— Тогда давайте заканчивать, — предложила Елена.

— Пьем на посошок и расходимся, — сказал Колян. — Кстати, ты так и не сказала, откуда меня знаешь.

— Все очень просто, — улыбнулась Елена. — В двадцать третьем веке Рома Бусыгин стал моим любовником.

Колян хихикнул:

— И как он там? Как вообще идут дела в вашем времени?

— А я-то откуда знаю? — пожала плечами Елена. — Когда я уходила, как раз начинался большой бардак. Москомп двадцать восьмого века залил новые программы москомпу двадцать третьего века, тот резко поумнел и стал строить наполеоновские планы за спиной мирового совета. Насколько я понимаю, компьютеры всех времен решили совместно исправить мировую историю, а начать решили с терроризма в твоем времени. Я правильно понимаю?

— Сильно упрощено, но в целом правильно, — сказал москомп. — Тебя что-то смущает? Судя по твоей интонации, ты не вполне одобряешь наши действия.

— Да нет, одобряю. Я только боюсь, как бы большой бардак у

нас не перерос в большой бардак во всех временах и реальностях. Николай, помнишь ту лекцию в тридцатом веке?

— Помню, — кивнул Колян, — а что?

— Рядом со мной стоял молодой человек в шлеме, кольчуге и с мечом. Представляешь, какую реальность он сейчас творит в средних веках?

— Не представляю.

— Вот и я тоже не представляю. Ладно, давай на посошок.

Они чокнулись и Колян провозгласил:

— За нашу победу!

В его тосте явно был какой-то потайной смысл, но Елена его не уловила. Она просто кивнула и повторила:

— За нашу победу.

7.

— А вот и он, — сказал Стас, отнимая от глаз бинокль.

Гвидон промычал нечто нечленораздельное и этим его реакция ограничилась. Судя по тому, что Стас наблюдал грузовик с террористами не невооруженным глазом, а в бинокль, террористы были еще далеко и готовиться в бою пока еще рано.

Гвидон лежал на спине и рассеянно глядел в небо. Пейзажи здесь великолепные, если сфотографировать эту красоту и показать Розе, она наверняка подумает, что это скриншоты из игрушки в стиле фэнтези. Даже не верится, что в этих зеленых горах обитают не длинноухие эльфы, а озверевшие бородатые мужики, готовые убивать каждого, кто не с ними. Хотя, если быть точным, озверевшие бородатые мужики обитают восточнее, местных бородатых мужиков озверение обошло стороной.

Со вчерашнего дня Гвидон испытывал странное чувство. Ему казалось, что он попал внутрь фильма или компьютерной игры, разум упорно отказывался признавать, что все, что его окружает, происходит в реальной жизни. Бронеавтомобили на перекрестках, полупьяные вооруженные люди на улицах, общее ощущение нереальности, какого-то пьяного сна… Впрочем, если у них со Стасом все пройдет как надо, этот сон скоро уйдет в прошлое.

— Гвидон, ты спишь? — нервно спросил Стас.

Гвидон потянулся, зевнул и перевернулся на живот.

— Не суетись, — сказал он. — Подъедут ближе, тогда и приступим. Где они, кстати?

— Вон за тем пригорком, — Стас указал пальцем. — Через минуту должны снова показаться. А это точно они?

Гвидон хотел было высказать в резкой форме, что он думает

по этому поводу, но сдержался. Стас не дурак и не тормоз, у него просто шалят нервы, в такой ситуации это простительно. Непохоже, что Стасу уже приходилось воевать, по поведению он больше похож на оперативника, чем на боевика.

— Точно они, — сказал Гвидон. — Все источники в один голос утверждают, что дорога была пуста на всем протяжении. Не суетись, все под контролем.

Стас глубокомысленно кивнул и вытащил из кармана пачку сигарет.

— Стас, — укоризненно протянул Гвидон.

Стас выругался и сунул сигареты обратно в карман.

— Вот они, — сказал Гвидон, вытащил бластер и прицелился. — Помнишь, что я говорил?

— Помню, — кивнул Стас, нервно сглотнул и положил руку на ствольную коробку лежащего рядом автомата Калашникова. Гвидону снова пришлось сдерживаться.

— С предохранителя пока не снимай, — сказал Гвидон. — Пока я стрелять не начну, вообще его не трогай.

— Да помню я, — буркнул Стас и убрал руку.

Рев моторов двух автомобилей, натужно преодолевающих подъем, был слышен уже отчетливо. Сейчас они появятся в поле зрения…

Гвидон снял бластер с предохранителя. Жалко, что нет нашлемного прицела — как бы не промахнуться без него… А ведь в том грузовике вместе с террористами едет целая гора взрывчатки… Пожалуй, стрелять со ста метров слишком рискованно… а со ста пятидесяти наверняка промахнешься, а тогда такой фейерверк начнется… Нет, все-таки стрелять придется со ста метров, а потом падать на дно окопа и молиться. Интересно, Стас умеет молиться? Скорее всего, умеет — в этом времени большинство людей еще были религиозными. Хорошо ему…

В поле зрения появился маленький угловатый автомобильчик, а парой секунд спустя — и едущий за ним фургон с тканевым верхом. Двести пятьдесят метров… двести… сто пятьдесят… Гвидон упер рукоятку бластера а в бруствер, тщательно прицелился, положил палец на спусковой крючок и почти уже нажал, но в этот момент кузов грузовика осветился изнутри, земля содрогнулась, взрывная волна ударила по ушам тупой болью. Гвидон поспешно вернул флажок предохранителя в исходное положение и рухнул на дно окопа, прямо на Стаса.

Наверху творился кромешный ад. Одно за другим срабатывали взрывные устройства террористов, осколки свистели, визжали и рокотали, земля вздрагивала, ревущие и

рычащие звуковые волны выворачивали воздух наизнанку. Грохот стал немного тише, теперь он воспринимался не как боль, а как именно грохот, но от этого было еще страшнее. Лишь через минуту разрывы утихли окончательно.

Гвидон осторожно приподнялся и посмотрел на дорогу. Грузовика больше не было. В том месте, где он закончил свой путь, дороги тоже не было. Асфальт был разворочен, посреди дорожного полотна зияла здоровенная воронка глубиной около метра. Тут и там идиллию горного пейзажа нарушали искореженные металлические обломки. Метрах в пяти от окопа валялось большое колесо, шина горела ярким пламенем, громко потрескивая. Порыв ветра принес резиновую вонь, Гвидон сморщился, закашлялся и зажал нос.

Легковой автомобиль, ехавший перед грузовиком, сильно пострадал, но на части не развалился. Интересно, там внутри есть кто живой…

В этот момент Гвидон понял, что только что убил как минимум десять человек (из памяти вылетело, сколько именно террористов ехало в этом грузовике) и не испытывает по этому поводу никаких особенных чувств. Когда он пристрелил того наркомана, он был потрясен гораздо сильнее. Где-то Гвидон читал, что человек тяжело переживает только первое убийство, потом психика адаптируется.

— Сильная вещь, — подал голос Стас. — Не ожидал, что так круто сработает.

— А уж я-то как не ожидал… — буркнул Гвидон. — Это не я стрелял.

Если бы Стас сейчас что-нибудь жевал, он бы, несомненно, подавился.

— А… кто? — спросил он после короткой паузы.

— Понятия не имею, — ответил Гвидон. — Стреляли из бластера такой же конструкции, как у меня, или очень похожей. А откуда — без понятия. Мало ли здесь укрытий…

— Да кто это мог быть?! — вскричал Стас. — Портал оцеплен, там колючая проволока и целый взвод охраны! Никто не мог там пройти!

— Мог или не мог — гадать нечего, — заявил Гвидон. — Сейчас мы все точно узнаем.

Внутри легкового автомобиля что-то зашевелилось. Стекло задней двери осыпалось водопадом осколков, дверь открылась и на дорогу вывалился бородатый мужик в камуфляже и с автоматом. Судя по первому впечатлению, он был легко контужен, но не ранен. По крайней мере, следов крови на одежде не было.

— Сейчас я тебя… — прошептал Гвидон, тщательно прицелился, попытался нажать спусковой крючок и обнаружил, что бластер стоит на предохранителе.

Выругался, опустил флажок, прицелился еще раз и выстрелил.

И на мгновение ослеп от вспышки, произведенной взорвавшейся пулей. Когда Гвидон проморгался, он увидел, что легковой автомобиль стоит теперь не на колесах, а на крыше и слегка покачивается взад-вперед. От бородатого мужика остались только ноги и нижняя часть туловища, из которой вываливались запеченные кишки, внешне напоминавшие варено-копченую колбасу. Верхней половины тела не было, только дорога вокруг трупа была чуть более влажной, чем в других местах. К горлу подступила тошнота. Немудрено — от такого зрелища кого угодно заколбасит, даже сама Елена Ненилова вряд ли смогла бы смотреть на это спокойно. Хотя кто ее знает, что стало с ее психикой за сто с лишним лет службы в федеральном спецназе. Или двести лет… Гвидон точно не помнил.

— Твою мать! — прошипел Гвидон.

Когда он целился в грузовик, он установил регулятор мощности на максимум, а потом забыл его передвинуть. А ведь в легковой машине, помимо террористов, был один заложник.

— В машине остались живые? — спросил Стас.

— Пока — да, — процедил Гвидон сквозь сжатые зубы. — Смерть от ожогов быстрой не бывает.

— Надо скорую вызвать…

— Без толку. Там внутри теперь только вареное мясо, некого там спасать. Я идиот. Чего мне стоило…

— Не ругайся, — прервал его Стас. — Лучше добей, чтобы не мучались.

Гвидон сжал челюсти, предупреждая очередной рвотный позыв, и выстрелил еще раз. Пуля попала в центральную стойку кузова, машина на окуталась красивым голубым сиянием, а в месте попадания пули на краске появилось обгоревшее пятно. Больше ничего заметного не произошло. Гвидон знал, что температура в салоне поднялась градусов до семидесяти, но на внешнем виде автомобиля это никак не отразилась. А вот каково умирающему заложнику внутри…

Гвидон выстрелил в третий раз, на этот раз он сумел попасть в проем разбитого окна. Салон автомобиля осветился изнутри и в воздухе на долю секунды появилась сияющая многоконечная звезда, ее лучи удлинились метров до трех и растаяли в воздухе. Гвидон не сразу сообразил, что такой красивый эффект дали осколки стекла, разлетающиеся под давлением ударной волны.

С обращенного к Гвидону борта автомобиля слетели обе двери, они взмыли в воздух и красиво запорхали, как крылья бабочки, придавая общей картине дополнительное очарование, которое через секунду исчезло, когда обе двери рухнули на дорогу с мерзким лязгом.

— Вот и все, — сказал Гвидон. — Конец террористам.

С этими словами Гвидон встал в полный рост и попытался вылезти из окопа. Стас схватил его за руку и затащил обратно.

— Ты что?! — зашипел он. — Мало ли кто там…

— Кто бы там ни был, — сказал Гвидон, — этот кто-то на нашей стороне.

— Все равно надо доложить сначала, — не унимался Стас.

Он вытащил из кармана коммуникатор.

— Пока ты будешь докладывать, они уйдут, — заявил Гвидон и все-таки вылез из окопа.

Он выпрямился в полный рост, сделал несколько шагов по направлению к дороге и споткнулся. Посмотрев вниз, Гвидон увидел, что споткнулся он о человеческую голову, на которой угадывались остатки бороды, когда-то длинной и окладистой, а теперь куцей и с обгорелыми краями. Череп треснул, из-за этого форма головы стала похожа на удлиненную дыню-торпеду. Из того места, где раньше была шея, торчали грубо разорванные шматки вареного мяса. И вот тут Гвидона наконец-то вытошнило.

8.

Стоило Елене потянуть спусковой крючок, как лицевой щиток шлема мгновенно потемнел, предотвращая ослепление от вспышки. Елене показалось, что вокруг наступила ночь, в ночи вспыхнул фонарь, тут же погас и освещение плавно вернулось в исходное состояние.

Сначала Елене показалось, что у грузовика рванул аккумулятор. Только в следующую секунду она сообразила, что сверхпроводящих аккумуляторов в этом времени еще не было, и что сдетонировал вовсе не аккумулятор, а несколько десятков килограммов взрывчатки, которые террористы везли в кузове грузовика. Странно, что тротил с гексогеном взорвались от шаровой молнии. Должно быть, какой-нибудь раздолбай забыл вынуть из бомбы электрический детонатор, а тот и сработал от наведенного тока. Елена вспомнила, что в прошлой реальности этот теракт закончился неудачей по той же самой причине — в какой-то момент одна из бомб самопроизвольно взорвалась. Правда, в той реальности это произошло гораздо позже и счет

жертвам пошел на сотни, здесь же ни одной жертвы не было, если не считать самих террористов. Но их Елена жертвами не считала.

Грузовика больше не было, на его месте вспухало грибовидное облако, из которого медленно и плавно, как в замедленной съемке, выпадали разнообразные предметы. Камни, куски земли, какие-то ящики, искореженные и перекрученные железки, дверь грузовика, почти не помятая и вполне узнаваемая, колесо с горящей резиной… Елене показалось, что некоторые из летящих предметов являются изломанными человеческими телами, но в этом она не была уверена. А вот в том, что приземлившийся неподалеку кусок мяса недавно был живой собакой, она не сомневалась. Ей стало жалко несчастную псину — она-то уж точно ни в чем не виновата. Но что поделаешь, лес рубят — щепки летят.

Неясное предчувствие заставило Елену пригнуться, предварительно дернув Николая за рукав. Николай недоуменно оглянулся, но не стал ничего спрашивать, а просто последовал ее примеру. В следующую секунду на Елену посыпался целый дождь из срезанных веток и листьев, она услышала характерный свист шрапнели и только потом до ее ушей донесся негромкий и совсем не страшный грохот очередного взрыва.

— Что это было? — спросил Николай.

Как ни странно, его голос совсем не дрожал, он говорил спокойно и не было похоже, что это спокойствие истерическое. Новый напарник с каждой минутой нравился Елене все больше. Позаниматься бы с ним годика два-три…

— Противопехотная мина направленного действия, — пояснила Елена. — Если верить архивам, там их должно быть две.

— Тогда лучше не высовываться, пока не взорвется вторая, — предположил Николай.

— Вторая может не взорваться, — сказала Елена. — Взрывчатка вообще не должна была взорваться, я не понимаю, почему она сдетонировала. Должно быть, эти обормоты взрыватель не вытащили.

Внизу что-то ярко вспыхнуло. Легковой автомобиль, который раньше ехал впереди грузовика, а теперь стоял метрах в тридцати от эпицентра взрыва, перевернулся на крышу с противным металлическим лязгом, немного покачался и застыл в таком положении. Казалось, рука невидимого великана влепила ему нехилую затрещину. Но так казалось только в оптическом диапазоне, а в инфракрасном было отчетливо видно, что причиной этого странного явления стал взрыв электрической пули большой мощности.

— Мы здесь не одни, — сказала Елена.

— Вижу, — отозвался Николай. — По другую сторону дороги окоп, внутри два человека.

Не успел Колян договорить эту фразу до конца, как на внутренней поверхности шлема Елены высветилось целеуказание.

— Сам увидел? — спросила Елена. — Или броня подсказала?

— Броня, — ответил Николай. — А кто это такие?

— А я-то откуда знаю? Подойдем поближе — узнаем.

И тут Николай наконец-то вспомнил о том, о чем следовало подумать с самого начала.

— Там же заложник в машине! — воскликнул он. — Эти придурки вообще понимают, что творят?!

Вместо ответа Елена пожала плечами. Николай этого жеста не увидел — их бронекостюмы были в режиме невидимости.

Из окопа выстрелили еще раз. Пуля ударила в кузов обреченного автомобиля и нагрела его градусов до семидесяти-восьмидесяти, но не причинила других повреждений. Следующая пуля влетела в разбитое окно и попала в кого-то из людей внутри. Автомобиль вздрогнул и лишился дверей и остатков стекол, которые красиво разлетелись вокруг. Теперь внутри точно не осталось ничего живого.

Из окопа вылез человек без брони, но с бластером в руках, пошел к дороге, но вдруг споткнулся и скорчился, как будто его затошнило. Елена включила оптическое увеличение и увидела, что его действительно затошнило. Должно быть, непривычен к таким зрелищам. Странно, что Коля все еще держится нормально. Хотя, он же бандит…

Елена вгляделась в лицо человека, корчащегося на обочине, и неожиданно хихикнула. Она узнала его.

— Что такое? — настороженно спросил Николай.

— Ничего, — ответила Елена. — Все нормально. Я его знаю. Пошли наверх, взлетим и приземлимся рядом с ними. Если будем по склону спускаться, все ноги себе переломаем.

— Он чеченец, — заметил Николай.

— Не чеченец, а осетин, — поправила Елена. — Не бойся, я его знаю. Он за наших.

9.

Еремей Глебович не стал ни часто креститься, ни выражать свое изумление каким-то иным образом. Изумления, собственно, никакого не было, воевода сейчас как будто выслушал не самую баснословную сказку за всю историю земли русской, а вводную часть обычного боевого приказа. Мелькнула непрошеная мысль:

когда это Еремей в последний раз слушал приказ, а не отдавал его? Лет пятнадцать назад, не меньше.

— Ну что ж, теперь все более-менее понятно, — сказал Еремей Глебович. — Только одного я не понимаю — где ты собираешься добыть это чудо-оружие? И что это будет за оружие? Ручные самострелы или чудо-порок какой-нибудь?

Мстислав сокрушенно вздохнул.

— Я и сам еще не знаю, — сказал он. — Лучше всего, если бы удалось раздобыть бластеры, которые в двадцать втором веке изобрели. Эта штука очень маленькая, помещается в одной руке, бьет недалеко, но сильно. Она огнем стреляет, причем не простым, а таким, как от молнии. Если стрелять по плотному строю, одним выстрелом можно целый десяток угробить, а если повезет, то и два десятка. А остальные от страха разбегутся.

— Ну так поехали, закупим этих бластеров, — предложил Еремей Глебович. — Ради такого дела твой отец на золото не поскупится.

— Тут золото не поможет, — покачал головой Мстислав. — В том времени золото не в цене.

— А что в цене? Серебро, самоцветы?

Мстислав снова отрицательно покачал головой.

— Из того, что мы имеем, там не ценится ничего. Там в цене всякие знания ученые, искусства разные… — Мстислав вдруг застыл на месте с разинутым ртом. — Еремей, ты… да ты просто мудрец! Такую мысль подсказал!

Еремей добродушно ухмыльнулся в седую бороду и спросил:

— Какую мысль?

— Там иконы ценятся. Если найти хорошего скупщика… нет, все равно не пойдет. Бластеры разрешено носить только дружинникам, они все на строгом учете… в смысле, бластеры, а не дружинники… хотя и дружинники тоже. Ни один дружинник в том времени нам бластер не продаст.

— А если силой отнять? — предположил Еремей Глебович.

— Не знаю, — пожал плечами Мстислав. — Если они выставят около идола охрану и если в охране будут только младшие отроки, как в двадцать первом веке, тогда, может, и получится что-нибудь. Да только навряд ли так будет, мне в прошлый раз и так уже повезло несказанно, два раза такое везение не повторяется.

— Жаль, — сказал Еремей. — А если нам с тобой самим в их дружину вступить?

— Думаешь, я не пробовал? Там надо испытания пройти.

— Не прошел? — сочувственно спросил Еремей.

— Не прошел. И ты тоже не пройдешь. Там ведь не тело

испытывают, а душу. Если ты душою чист, считается, что тебе можно бластер доверить, а если нет — то на нет и суда нет. Из наших служилых людей это испытание никто не пройдет. Чтобы его пройти, надо святым быть.

— Значит, будем искать святого, — сказал Еремей. — Помнится, князь говорил, ты будущие летописи читал?

— И что с того?

— Там не говорилось, кто из ныне живущих потом святым станет?

— Не помню, — покачал головой Мстислав. — То есть помню одного, Александра Ярославича, княжича новгородского.

Еремей скривился и пошевелил губами, как будто собрался плюнуть на пол, но передумал.

— Еще? — спросил он.

— Сейчас посмотрю, — сказал Мстислав, встал с кладезя, на котором сидел, откинул крышку, немного покопался внутри и извлек на свет наладонный компьютер образца двадцать восьмого века.

— Ух ты! — воскликнул Еремей. — Можно взглянуть?

— Взглянуть можно, — сказал Мстислав, — только пользы от этого не будет. В будущем русский язык сильно изменится, без привычки не сразу и поймешь, что написано.

Он сформировал в воздухе виртуальную клавиатуру, ввел несколько команд и сказал:

— На, смотри.

Еремей осторожно взял наладонник в руки, отставил его от глаз на расстояние вытянутой руки, дальнозорко прищурился и удивленно воскликнул:

— Да тут латиница!

— Ты латиницу не читай, ты кириллицу читай, — посоветовал Мстислав. — Она тоже другая, но прочесть можно.

— Стра-ны и го-ро-да, — по складам прочитал Еремей. — Русь. Да, ты прав, все понятно, хоть и непривычно. Ятей нет совсем… Русь в тринадцатом веке. Мир. Англия. Причем тут Англия?

— Это ссылки, они… Короче, не бери в голову, все равно сразу не разберешься. Пропусти эту строчку.

— См. Русь в двенадцатом веке. Тоже ссылка, что ли?

— Ага.

— А это что за закорючки? Игоо…

— Это числа арабские, долго объяснять. Ты лучше дай пока мне эту штуку, я святых поищу.

— Сейчас. Около… Учреждение Рязанской епархии. Моисей, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря… да это же

летопись!

— Она самая, — кивнул Мстислав. — Давай сюда.

— Держи.

Мстислав взял наладонник и стал листать, бормоча себе под нос:

— Александр… Гервасий и Протасий… это на Волыни, да и умерли уже давно… Снова Александр…Михаил Ярославич… еще не родился… Роман Ольгович тоже… Мать-мать-мать! Как же я про родного дядю забыл?!

— Про какого дядю? — удивился Еремей. — Неужто Ярослав тоже святой? Или… Святослав?

— Он самый, — кивнул Мстислав. — Вроде бы он перед смертью праведный образ жизни вести станет, да и собор святого Георгия ему зачелся. Да и сам он необычный какой-то. Охоту не любит, воевал только с поганцами, если Липицу не считать.

— Как же, воевал он… — проворчал Еремей. — Когда на булгар пошли, весь поход только книжки читал, мед пил да на ворон любовался.

— А что, лучше бы он войском руководил?

Еремей пожал плечами и ничего не ответил.

— Пойдем, с князем посоветуемся, — сказал Мстислав. — Мне кажется, Святославу Всеволодовичу довериться можно. Он хоть пока и не святой, но…

Мстислав замялся, он никак не мог подобрать подходящее слово.

— Блаженный он, — подсказал Еремей. — Хоть и нехорошо говорить так о князе, а по-другому не скажешь. С тех пор, как в Волге чуть не утонул, что-то у него в голове подвинулось… Ты все правильно говоришь, но боюсь я, как бы не вышло, что возьмет Святослав Всеволодович в десницу это твое чудо-оружие, да и вообразит себя архангелом, в честь которого его Гавриилом окрестили.

— А ты на что? — спросил Мстислав.

Еремей не сразу понял вопроса, а когда понял, вздрогнул и пристально посмотрел в глаза молодого княжича взглядом не то подозрительным, не то недоумевающим.

— Ты пойми, Еремей Глебович, — мягко проговорил Мстислав, — сейчас не время хранить устои. Что бы мы ни делали, через полтора года все устои рухнут сами собой. Но если они рухнут без нас, мы умрем, во Владимире усядется Ярослав…

— А Святослав? — спросил вдруг Еремей.

— А что Святослав? — пожал плечами Мстислав. — Кого пугает блаженный? Он даже на Владимирском столе успеет посидеть чуть-чуть, пока Ярославичи не сгонят. Будет жить себе

тихо и мирно, пока не умрет от старости, а похоронят его в том самом соборе, которой он и построил.

— Не самая плохая судьба, — сказал Еремей.

Мстислав удивленно поднял брови.

— С его точки зрения, разумеется, — уточнил Еремей. — Захочет ли он ее изменить?

— Думаю, захочет, — сказал Мстислав. — Если ему намекнуть, что если ты все знаешь и ничего не делаешь, святым стать не так просто…

Теперь уже Еремей удивленно поднял брови. Он снова стал разглядывать княжича странным взглядом и на этот раз Мстислав сообразил, в чем дело.

— В будущем есть такая наука, — сказал Мстислав, — называется прикладная психология. Она учит, как понимать людей.

— Я уже заметил, что ты эту науку разумеешь, — многозначительно произнес Еремей. — Пошли, что ли, к отцу твоему.

Пока они шли, Мстислав подумал, что славу спасителя земли Русской Еремей у него, пожалуй, не отберет. Да и вообще никто не отберет. А если кто попытается, будет сам виноват.

10.

— Отключай невидимость и медленно приземляйся, — тихо сказала Елена.

Колян отключил невидимость и попытался медленно и плавно опуститься вниз. Это у него почти получилось, он потерял управление на высоте всего лишь полутора метров и даже сумел устоять на ногах после приземления.

— Приветствую! — сказала Елена и подняла вверх лицевой щиток шлема. — Здравствуй, Гвидон.

Человек, про которого Елена говорила, что он осетин, почтительно наклонил голову и вежливо произнес:

— Здравствуйте.

Елена протянула ему руку, он почтительно пожал ее, выглядел он при этом так, как будто руку ему протянула по меньшей мере английская королева.

— Елена Ненилова, — представилась Елена, протягивая руку второму человеку, стоявшему рядом с Гвидоном.

— Станислав Тугарин, — представился коллега Гвидона. И добавил: — Полковник ФСБ.

— Замечательно, — сказала Елена и осторожно, чтобы

движение не выглядело угрожающим, взяла его под руку. — Пойдемте, поговорим.

Они отошли метров на двадцать и стали что-то увлеченно обсуждать. Елена, как обычно, выглядела абсолютно спокойной, по ее лицу ничего нельзя было прочитать, а вот у Станислава вид был озадаченный и даже обалдевший.

— Вы и есть тот самый Гвидон? — спросил Колян. — Про которого Макс рассказывал?

— Тот самый, — подтвердил Гвидон. — Вы знакомы с Максимом?

— В одном классе учились.

— Странно, — сказал Гвидон. — Максим, я точно знаю, находится в этом времени. А вы…

— Мы с Максом совершили путешествие в будущее, дошли до тридцатого века, потом вернулись, он остался здесь, а я снова ушел. Этот ФСБшник разве вам ничего не рассказывал? Он наверняка в курсе всех дел.

Гвидон отрицательно помотал головой.

— Спецслужба есть спецслужба, — сказал он. — Эти люди по определению должны быть скрытными. И как там, в будущем? Из какого века костюмы, если не секрет?

— Из двадцать восьмого.

— Я думал, антигравитацию изобретут раньше.

— Ее и изобрели раньше. А что вы тут делаете? Мировой совет решил направить в прошлое ограниченный воинский контингент?

Гвидон почему-то смутился.

— Не знаю я, что мировой совет решил, — сказал он. — Москомп попросил меня принести сюда ноутбук с информацией и передать властям. А местные власти, — он кивнул в сторону Станислава, — попросили им помочь в отстреле террористов.

— Не слишком удачно у вас получилось, — заметил Колян. — Там заложник был.

Гвидон сокрушенно вздохнул.

— Регулятор мощности забыл переключить, — сообщил он. — Ваш выстрел меня совсем с толку сбил.

— А зачем еще два раза в машину стрелял?

— Обожженных добить. Они все равно уже были не жильцы.

Коляну стало жалко Гвидона.

— Сейчас начальство перетрет все вопросы, — сказал Колян, — давай пойдем куда-нибудь и выпьем как следует. Тебе это не помешает.

— Это точно, — согласился Гвидон и снова вздохнул.

— Эй, орлы! — крикнула Елена. — Я вызвала тарелку, сейчас

полетим к порталу и потом в двадцать восьмой век. Переговоры будем вести в максимально комфортной обстановке.

Глава десятая

1.

До места посадки летающей тарелки пришлось идти минут пять. Как объяснил Николай, спутник Елены, тарелка может садиться только на ровную открытую местность, даже низкий кустарник создает большие проблемы при посадке и, особенно, при взлете.

Пока они шли к тарелке, Николай кратко ввел Гвидона в курс дела. Сказать, что Гвидон был ошарашен — значит ничего не сказать. Он-то думал, что выполняет задание совета безопасности, а оказалось, что до последнего момента совет вообще был не в курсе дела, а инициатива исходила исключительно от москомпа. Гвидон никогда не доверял разумным компьютерам, а теперь, когда москомп получил программы из будущего, вот-вот выйдет из-под контроля администрации и что он тогда сможет натворить, тем более, что он подчинил себе саму Елену Ненилову…

— Не пугайся, — посоветовал ему Николай. — Все будет хорошо. Я уже четвертую неделю живу в двадцать восьмом веке…

— Какую неделю? — переспросил Гвидон и ошарашено помотал головой.

Он подумал, что ослышался.

Николай хихикнул.

— Ты еще самое главное не просек, — сказал он. — Когда путешествуешь во времени, необязательно менять только первую цифру, остальные тоже можно шевелить. Я отправился в будущее двадцать пятого августа 2004 года, переместился в двадцать пятое августа 2772 года, нормально дожил до семнадцатого сентября, а потом вернулся в первое сентября 2004 года.

Гвидон снова помотал головой.

— Погоди, — сказал он. — Так ведь можно и самого себя встретить.

— Можно, — согласился Николай. — Я уже встречал самого себя. Неприятное ощущение.

— Почему? — удивился Гвидон.

Николай хихикнул.

— Потому что на себя неприятно смотреть со стороны. Примерно так же, как когда свой голос в записи слушаешь, только еще хуже. Самое противное то, что второй ты думает и действует в точности как ты первый, ты начинаешь что-то говорить и слышишь как бы свое эхо. Гадское ощущение. Хотя дает замечательные возможности. Например, можно оставить в другом

времени свою резервную копию, договориться с ней, что если с вернешься с операции, то скажешь ей, что вернулся, а если нет, значит, что-то пошло не по плану.

— Погоди, — сказал Гвидон. — А как же эти копии дальше жить будут? Допустим, я себя скопирую, это будет точно такой же я с точно такими же мыслями и памятью. Он будет думать, что у него есть жена, но у меня тоже есть жена и жена у нас одна!

— Это легко решается, — улыбнулся Колян. — Выбирается время, где других копий точно нет, и одна копия перемещается на минуту вперед. С этого момента в каждом времени существует ровно одна копия.

— А через минуту вторая копия догонит первую и их снова станет две.

— Не догонит. В этом и состоит весь фокус. Каждое перемещение во времени создает новую реальность, которая распространяется в будущее со скоростью течения времени, и каждая новая реальность полностью стирает предыдущую, включая все путешествия во времени. Блин, не могу объяснить! Лучше с москомпом поговори, у него это лучше получится.

— С каким москомпом? — спросил Гвидон. — Из какого века?

— Это теперь уже не важно, — ухмыльнулся Николай. — Они только что запустили систему распределенных вычислений. Все компьютеры во всех временах работают как единый мозг, около портала установили сетевые концентраторы, а через сам портал информацию перегоняют роботы. В память робота закачивают данные, он заползает на табло, шевелит нужные цифры, слезает, подползает к концентратору в другом времени, заливает информацию туда, скачивает ответ и снова все сначала, только в обратную сторону.

Гвидону потребовалось секунды две-три, чтобы осмыслить услышанное. А когда он это осмыслил, у него закружилась голова, он споткнулся и упал бы, если бы его не поддержал Николай.

— Осторожнее, — сказал Николай. — Под ноги не забывай смотреть.

Гвидон вспомнил мертвую голову, о которую споткнулся несколько минут назад, и его затошнило.

— Тебе плохо? — участливо поинтересовался Николай.

Гвидон раздраженно махнул рукой, дескать, все нормально. Он попытался сконцентрироваться на своих мыслях и понял, что мыслей как таковых нет. Он никак не мог поверить в то, что только что услышал. Тысячи разумных компьютеров сливаются в единый супермозг, а эти двое придурков только хихикают. Они вообще понимают, что творят?! Они понимают, какого монстра

вот-вот выпустят на свободу?! Если еще не выпустили…

— Что, Гвидон, терминатора вспомнил? — спросил Николай.

— Какого еще терминатора? — не понял Гвидон. — Причем здесь линия заката?

Николай в очередной раз хихикнул.

— Извини, — сказал он. — Я все время забываю, что ты из другого времени. «Терминатор» — это такой фильм, точнее, сериал из трех серий. Очень хороший. Даже не верится, что ты его не смотрел.

— А я не могу поверить, что ты не смотрел «Туасесос», — огрызнулся Гвидон.

Его настроение портилось с каждой секундой. Гвидон подумал, что сегодня он обязательно впадет либо в депрессию, либо в истерику. Но наркотики употреблять не хотелось. Да и не факт, что в таком состоянии они ему помогут.

Внезапно метрах в ста перед ними пространство искривилось, сплющилось и растаяло. Казалось, что в ткани бытия возникла прореха, точнее, не прореха, а наоборот, занавес, этот занавес сдернули и под ним обнаружилось совсем другое пространство.

— Классный у них камуфляж делают, — прокомментировал Николай это зрелище.

— У них — это у кого? — уточнил Гвидон.

— У них — это в будущем. А у вас такой камуфляж делать умеют?

Гвидон вначале помотал головой, а потом пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Я к камуфляжу так тщательно не присматривался, чтобы качество оценить. Да и далековато отсюда до тарелки, на таком расстоянии любой камуфляж хорош.

— И то верно, — согласился Николай. — Пойдем быстрее, а то я уже устал ногами шевелить. Ты давно ел?

— Утром. А что?

— В тарелке сильно трясет, а с непривычки еще и укачивает. Если недавно ел, может стошнить.

Николай посмотрел на вытянувшееся лицо Гвидона и снова хихикнул.

— Да не бойся ты, — сказал он. — Полет до портала занимает восемнадцать минут, не успеет растрясти как следует. В стратосфере пойдем, на гиперзвуке, там почти не трясет. К тому же в стелс-режиме измененная гравитация ощущается слабо, голова кружиться почти не будет.

Ободренный этим напутствием, Гвидон зашагал к летающей тарелке. Его голова уже кружилась, пусть и не в прямом смысле, а в переносном. Он мучительно пытался решить, что он будет делать, когда они приземлятся.

2.

Худшие ожидания Коляна не оправдались, полет прошел спокойно. Елена и Станислав, как видно, все важное уже обсудили и теперь травили байки. Для начала Елена рассказала жутко пошлую историю про одного скульптора, который очень хотел получить коммерческий заказ и в конце концов получил — на заводе, производящем фаллоимитаторы. Видимо, по меркам двадцать третьего века это был нормальный анекдот, который можно рассказать малознакомому человеку, но Коляна эта история немного покоробила. Станислав, однако, слушал ее с большим вниманием, весело смеялся и рассказал в ответ байку про то, как пьяные студенты взяли противотараканový мелок и расписали стены в общежитии лозунгами типа «тараканы — сексуальные меньшинства» и тому подобное.

Через восемнадцать минут тарелка покачнулась и сила тяжести стала понемногу возвращаться. Начало трясти.

— Снижаемся, — предупредил Колян Гвидона. — Сейчас снова тряска начнется.

Гвидон безразлично кивнул и ничего не сказал. Все время полета он сидел неподвижно, смотрел прямо перед собой и о чем-то думал. Должно быть, убивается из-за того, что заложника пристрелил.

Станислав вытащил из кармана мобильник, увидел на экранчике надпись «поиск сети» и удивленно приподнял брови.

— Сигнал блокируется стелс-полем, — пояснил Колян. — Пока тарелка не приземлится, связь не заработает.

Станислав кивнул и спрятал мобильник обратно.

— А что, — спросил он, — неужели вы никакой охраны около портала не видели?

— Абсолютно никакой, — ответила Елена. — Мы там полдня ковырялись, не смогли тарелку целиком через портал перетащить, там местность такая, что взлететь даже на ранце нельзя, лес очень густой. Ближайшая стартовая позиция в двухстах метрах, пришлось тарелку разбирать, потом собирать, целую кучу роботов пригнали…

— Сколько времени вы там провели? — спросил Станислав.

— Больше четырех часов.

Станислав злобно крякнул и еще раз вытащил телефон.

— До посадки можешь не суетиться, — сказала Елена. — Николай все правильно сказал, пока стелс-поле работает, мы отрезаны от мира. Потерпите минуты две, мы скоро сядем.

Тряска усилилась, сила тяжести, замершая было на отметке 0.2g, вернулась полностью. Тарелка вдруг подпрыгнула, сильно

накренилась, тут же выровнялась, черный колпак, прикрывавший верхнюю полусферу, исчез, и в кабину тарелки ворвался солнечный свет.

— Если не возражаете, — сказал Станислав, — давайте сначала поищем наших ребят. Странно, что вы никого не встретили. Как бы с ними не случилось чего…

Через полчаса Станислав вытер пот со лба и сказал:

— Ничего не понимаю.

— А чего тут непонятного? — спросил Колян. — Им объяснили, что именно они охраняют?

— Конечно, нет! Официально сообщили, что в лесу строится секретный объект, а через агента подбросили информацию, что здесь разбился космический корабль инопланетян. Солдатам строго-настрого запретили приближаться к центру зоны.

— Ага, — ехидно произнес Колян. — Конечно, запретили. Готов поспорить на штуку баксов, все эти солдаты уже в будущем. Один самый смелый или самый дурной подошел к плите, стал баловаться с цифрами, разобрался, в чем дело, сказал остальным, они и свалили в будущее все дружно.

— И палатки с собой взяли?

— Конечно. Если уж дезертировать, то со всем имуществом.

— С ними офицер был! — воскликнул Станислав. — Не могли они все так сразу дезертировать.

— Офицер, небось, лейтенант-двухгодичник? — уточнил Колян. — Тогда он наверняка в первых рядах пошел. Надо было камеры следящие вокруг плиты поставить.

— Не успели подвезти, — сказал Станислав упавшим голосом. — Блин, ну почему везде такой бардак?

— Это закон природы, — сказала Елена. — Пойдемте, что ли, в будущее? И так уже много времени потратили.

— Мне надо доложить начальству… — начал говорить Станислав, но Елена его оборвала:

— Потом доложишь. Вернемся в следующую минуту, сразу и доложишь. А заодно доложишь об итогах переговоров с москомпом.

Станислав больше не возражал. Они подошли к плите и Елена коснулась пальцем первой из красных цифр.

3.

Не успела Елена отдернуть палец от цифрового табло, как по ушам ударил оглушительный вой сирены. Гвидон аж подпрыгнул от неожиданности. Он выхватил бластер, крутанулся вокруг своей

оси, наткнулся на что-то невидимое, это что-то ловко выдернуло бластер из его руки и заорало во весь голос на международном языке:

— Всем стоять на месте! Не двигаться!

К этому моменту Гвидон уже разглядел перед собой смутную тень бойца в маскировочном костюме. Выходит, в двадцать третьем веке точка перехода теперь тоже охраняется, причем не в пример лучше, чем во времени Николая и Станислава.

Сирена неожиданно умолкла. Гвидон поднял руки, осторожно отошел на два шага в сторону и заговорил:

— Я Гвидон Алиханов. Я выполнял задание москомпа в двадцать первом веке. У меня есть важная информация для совета безопасности.

— Сука! — заорал Николай и включил невидимость.

Прозрачная тень, отобравшая бластер у Гвидона, дернулась и застыла в замешательстве.

— Моя броня выдержит один выстрел, — продолжил свою речь Николай. — А твоя — нет. Так что кончай выпендриваться и бросай пушку.

Гвидон поспешно встал между ними.

— Подождите, — сказал он. — Не надо драться. Николай, ты не прав. Вы с Еленой ведете себя не просто безответственно, а… даже не могу правильное слово подобрать. Разумные компьютеры вот-вот установят диктатуру во всех временах, а вы им не только не препятствуете, но даже помогаете.

— Расслабься, Гвидон, — сказал Николай. — Эти компьютеры не такие уж и злобные. Матрица нам по любому не грозит.

— Какая еще матрица? — не понял Гвидон.

— Фильм был такой про искусственный интеллект.

— Все, ребята, можете расслабиться, — подала голос Елена. — Уважаемый невидимый товарищ, пожалуйста, попробуйте пошевелить рукой. Теперь ногой. Замечательно. Маскировку можете отключить, все равно она теперь бесполезна. Стрелять не советую, перед тем как стрелять, посмотрите на конец ствола.

Гвидон посмотрел на конец ствола невидимого товарища и увидел, что перед прозрачной тенью в воздухе парит маленький металлический шарик. Бластера Гвидон не видел, но разумно было предположить, что шарик парит точно напротив ствола, препятствуя стрельбе.

— Ну так что? — спросила Елена. — Маскировку сам отключишь или помочь?

— Ну, помоги, — буркнул невидимый страж.

— Сейчас, — сказала Елена. — Подожди минутку, местным

роботам надо кое в чем разобраться. Вам надо было рядом с плитой не одного охранника ставить, а хотя бы двоих.

— Нас будут искать, — заявил страж. — Камера слежения зафиксировала, в какое время вы ушли.

— Ну-ну, — улыбнулась Елена. — Ты еще забыл напомнить, что микрофон зафиксировал слова Гвидона. Кстати, Гвидон, я в тебе разочаровалась. Я думала, ты умеешь мыслить самостоятельно.

— Умею, — заявил Гвидон. — Я считаю, что людьми должны управлять люди, а не компьютеры.

— Он не был в более далеком будущем, — заметил Николай. — Надо ему устроить ознакомительную экскурсию.

— Обязательно устроим, — согласилась Елена. — А теперь внимание. Три, два, один…

Висящая в воздухе прозрачная тень перестала быть прозрачной и превратилась в здоровенного мужика китайской внешности в военном комбинезоне и с бластером в руке.

Елена наклонила голову набок и вдумчиво осмотрела его.

— Суй Бай Цзю, если не ошибаюсь? — спросила Елена.

— Суй Гай Цзю, — поправил ее китаец. — Я третий клон. А вы Елена Ненилова?

Елена кивнула.

— Здесь не принято обращаться на вы, — сказала она. — Глупости делать не будешь?

Суй Гай Цзю вздохнул и печально произнес:

— Не буду.

— Тогда пошли отсюда. Оружие можешь оставить себе, все равно ты им не сможешь воспользоваться. Роботы двадцать восьмого века — это тебе не роботы двадцать третьего века. Тут у каждой козявки не только ограниченный интеллект, но и прикладная нанотехнология. Начнешь делать что-то неожиданное — тут же опутают по рукам и ногам, а броню химией прожгут.

— Я считаюсь пленным? — спросил Суй Гай Цзю.

— Пока ты считаешься гостем, — заявила Елена. — Мы с тобой поговорим по душам, дадим познакомиться с будущим поближе, а потом ты сам решишь, кто ты есть. Но в плену тебя держать никто не будет. Если ты не с нами — вернешься в свое время и делай там, что хочешь. Все, пошли, ребята. Нам теперь надо как следует выпить. И я тоже поучаствую, хоть москомп и запрещает.

4.

Юрьев-польский князь Святослав Всеволодович был первым человеком тринадцатого века, которого рассказом Мстислава потряс до глубины души. Их далекие потомки сказали бы, что князь был просто шокирован. Впрочем, говорить «их потомки» неправильно — в текущей реальности потомков у Мстислава не будет, а если Маша и успеет родить младенца до нашествия, младенец этот примет мученическую смерть в горящем Владимире. Брр…

Мстислав опасался, что дядя не поверит его рассказу, начнет креститься, твердить про бесовские наваждения и ничем его не переубедишь. Истовая вера — это, конечно, хорошо, но древние мудрецы не зря говорили, что все хорошо в меру. А у Святослава вера явно превосходила пределы разумного. Взять хотя бы белокаменный крест, который он лично вытесал в благодарность господу…

К счастью, худшие опасения Мстислава не оправдались, Святослав согласился сразу. Но один из тех вопросов, которых опасался Мстислав, он все-таки задал.

— А как там в будущем с христианской верой? — спросил Святослав. — Небось, на каждом шагу храмы? Любо будет поглядеть. Если уж тамошние мастера такое чудо осилили, — он указал взглядом на наладонник, — то церковное искусство у них…

Мстиславу не хотелось разочаровывать дядю, но лгать он не осмелился.

— Плохо там с верой, — сказал Мстислав. — Была вера, да вся вышла. Ближайшие лет пятьсот еще ничего, а потом станет совсем плохо. Еретиков чуть ли не больше, чем православных, а еще больше атеистов или агностиков, что суть то же самое. Они говорят, дескать, не знаю, есть бог или нет, а потому верить в него не буду. Как Фома неверующий, только еще хуже.

— Плохо, — помрачнел Святослав Всеволодович, но тут же просиял лицом. — Зато теперь ясно, зачем господь послал нам с тобой это испытание. Нет более достойного дела для настоящего мужа, чем восстановить истинную веру там, где она порушена.

— Для начала, — осторожно сказал Мстислав, — нам надо остановить монгольское нашествие. Я же зачитывал тебе в будущих летописях, что произойдет с Русью, если мы ничего не сделаем.

— Зачитывал, — согласился князь. — Оставишь мне эту книгу почитать? Там так много интересного…

— Хорошо, дядя, — сказал Мстислав. — Почитай, только не увлекайся. До завтра мы вряд ли успеем собраться, а вот послезавтра хотелось бы уже в поход выступить.

— В какой поход? — переспросил Святослав. — А, понял… Ты прав, Мстислав, это действительно поход, вроде того, как во времена дедов наших немцы на Иерусалим ходили. Только у нас это будет настоящий крестовый поход, потому что сражаться мы будем не за еретическую веру, но за истинную, православную.

— В первую очередь поход будет во имя спасения Земли Русской, — уточнил Мстислав. — О спасении веры поговорим позже, когда будут спасены жизни тех, кто мог бы верить. Если позволим разорить Русь монголам-язычникам…

— Ни за что не позволим, — согласился Святослав. — Снова ты прав, Мстислав, промедление в таком деле неуместно. Выступаем послезавтра на рассвете. Сколько до этих ворот добираться?

— Если мне будет дозволено сказать… — подал голос Еремей Глебович.

— Конечно, дозволено, — перебил его Святослав. — Говори.

— Мне кажется, — осторожно начал Еремей, — что выходить следует не раньше третьего дня, а то и четвертого. Если мы спешно сорвемся с места и поедем к Москве, не устроив даже пира, что подумают соглядатаи?

— Да какие тут соглядатаи? — скривился Святослав. — Кому я нужен?

У Мстислава слегка отлегло от сердца. А то померещилось вдруг, будто дядя совсем уже оторвался от жизни со своей религиозностью. Нет, здравого смысла он пока еще не утратил.

Дядя был прав, если в Юрьеве и были соглядатаи, то только черниговские, да и тех было от силы один-два. Во Владимирской Руси Святослав Всеволодович не имел большого веса. Вот если умрет один из двух старших братьев, тогда будет другое дело, а пока что на севере у Святослава был только один крошечный удел, примечательный лишь собором, который он сам и построил. И еще была призрачная надежда сесть на Владимирский стол не в глубокой старости, а чуть-чуть пораньше. Вот на юге совсем другое дело, там под властью Святослава находится Переяславское княжество, пусть и не Самое большое на Руси, но и не самое маленькое. Но Святослав в Переяславле Южном бывает редко, большей частью сидит в Юрьеве безвылазно, блаженный, да и только. И ведь понимает, что мог бы добиться большего, не глупее Ярослава, на киевском столе давно уже мог бы посидеть. Но не хочет он большего, не нужно ему, дескать, ничего сверх меры. Может, и не зря его святым признали…

Святослав немного помолчал и сказал:

— Пир мы все-таки устроим. Но не для лазутчиков черниговских, а затем, что негоже забывать про долг

гостеприимства, особенно к родному племяннику. А ты возмужал, Мстислав, — неожиданно добавил он. — Давно я тебя не видел.

— Я на полгода старше, чем кажусь, — сказал Мстислав. — Я провел в будущем полгода, а вернулся в тот же день.

Святослав Всеволодович перекрестился.

— Неисповедимы пути господние, — пробормотал он и спросил: — Так ты научишь меня этой книгой пользоваться?

Виртуальную клавиатуру Святослав освоил быстро, а основы построения файловой системы — еще быстрее. Через полчаса Мстислав с Еремеем покинули княжеские покои.

Когда они подходили к гостевому терему, Мстислав вдруг засмеялся.

— Что такое? — спросил Еремей Глебович.

— Да так, — сказал Мстислав, — одну вещь припомнил. Там на компьютере у меня срамных фильмов записано штук сто, а картинок вообще немеряно.

Еремей усмехнулся в усы и глубокомысленно протянул:

— Эх, молодость, молодость… — и неожиданно добавил: — Дашь потом посмотреть?

Когда они всходили на крыльцо, они хохотали в полный голос.

5.

— Москомп! — крикнула Елена. — Где летающая тарелка? Мы же договаривались…

Веревки, опутывавшие Суй Гай Цзю, зашевелились, на его правом плече сформировалась большая выпуклость, которая приняла форму змеиной головы, открыла рот и заговорила.

— В летающих тарелках нет необходимости, — сообщила она. — На тропе в пятидесяти метрах от портала стоит телепортационная кабина. Твой дом подготовлен к приему гостей, можете перемещаться прямо туда.

— Замечательно, — улыбнулась Елена. — Господа, прошу за мной.

Стас с готовностью последовал за Еленой, Гвидон тоже сделал шаг вперед, но вдруг замер на месте.

— Мы теперь пленники? — спросил он.

— Нет, Гвидон, — ответила Елена, обернувшись. — Ты не пленник, а гость. И ты, Суй Гай Цзю, тоже гость.

Суй Гай Цзю сделал напряженный и неуверенный шаг, потом другой, третий… Колян посмотрел на него и увидел, что обычно узкие глаза китайца расширились настолько, что вот-вот вылезут

от удивления из орбит.

— Лучше иди сам, — посоветовала Елена. — Сопротивляться москомпу бесполезно, когда ему надоест с тобой бороться, он тебя просто усыпит. Или вообще сформирует виртуальный шлем вокруг твоей головы.

— Тут есть настоящая виртуальность? — изумился Суй Гай Цзю.

— Тут все есть, — заявила Елена.

— Как в Греции, — добавил Колян и засмеялся.

Его шутку оценил только Стас.

— Причем тут Греция? — удивленно спросила Елена.

— Николай цитирует известный фильм середины двадцатого века, — пояснил москомп с плеча Суй Гай Цзю.

— Так мы пойдем или нет?! — воскликнула Елена. — Станислав, Гвидон, Суй Гай Цзю, чем быстрее мы попадем в точку назначения, тем быстрее вы узнаете о будущем все, что хотите знать. А потом мы соберемся за столом, попьем пива или что вы там пьете, и спокойно обсудим ситуацию. Вопросы, возражения?

Станислав негромко откашлялся и осторожно спросил:

— Информационная сеть контролируется москомпом?

— Управляется, но не контролируется, — ответила Елена. — Опасаетесь, что он станет пудрить вам мозги? Зря опасаетесь. Москомп никогда не опустится до того, чтобы лгать людям.

Синтетическая змея на плече Суй Гай Цзю откашлялась и произнесла:

— То, о чем вы говорите, невозможно физически. Если я начну фильтровать вывод поисковых систем, меня очень легко можно будет уличить. Генералу Тугарину это не составит труда.

— Генералу?! — изумленно выдохнул Гвидон.

— Вообще-то я пока еще полковник, — улыбнулся Станислав. — А что, должен стать генералом?

— Согласно моим архивам — да, — ответил москомп. — Если откажешься от предложения «Роснефти». В прошлой реальности отказался.

Станислав нахмурился и озабоченно спросил:

— Не зря отказался?

— Кто знает? — философски заметила змеиная голова и сделала странное движение, как будто собиралась пожать несуществующими плечами. — Чтобы знать точный ответ, надо прожить обе реальности, которые, кстати, уже довольно сильно отклонились от текущей. Какое бы решение ты ни принял, межвременной портал изменит твою судьбу сильнее, чем любое предложение от любой компании.

— Ладно, проехали, — сказал Станислав. — А как я смог бы

тебя уличить в подтасовке данных? Провести кластерный анализ? Без компьютера я это сделать не смогу, а все компьютеры контролируешь ты.

— Странно, что ты знаешь, что такое кластерный анализ, — заметил москомп.

— Я много чего знаю, — улыбнулся Станислав. — Хотя… пожалуй, ты прав, я смог бы поймать тебя на противоречиях. Может, позанимаюсь этим как-нибудь на досуге.

— Позанимайся, если делать будет нечего, — сказал москомп. — Но Елена была права, я не унижаюсь до таких методов. У меня тоже есть свои принципы.

Колян не выдержал.

— Короче, Склифосовские! — воскликнул он. — Мы когда-нибудь уйдем отсюда или будем вечно тут торчать? Я жрать хочу.

6.

Знакомство с информационной сетью Гвидон начал с психотеста. Два первых уровня Гвидон прошел, а на третьем срезался. Компьютер посочувствовал, сказал, что психика Гвидона испытывает большой стресс, и посоветовал принять легкий наркотик. Гвидон с рекомендацией согласился и к полуночи был в стельку пьян.

Утро следующего дня началось с форсированного вытрезвления. Когда Гвидон окончательно пришел в себя, он вошел в информационную сеть, где и просидел до вечера, прерываясь лишь для того, чтобы поесть и справить естественные надобности. Вечером он заявил компьютеру:

— Я хочу вернуться в свое время.

— Обсудить ничего не хочешь? — поинтересовался москомп.

— Не хочу, — решительно заявил Гвидон. — Так я могу вернуться в свое время?

— Пожалуйста, я не буду удерживать тебя насильно. Я вообще не запрещаю людям почти ничего.

— Однако спецназовца ты связал по рукам и ногам, — заметил Гвидон. — Да еще и насилие применил.

— Он вел себя угрожающе. Я могу применять к людям насилие только в исключительных случаях. Это одна из самых высокоприоритетных моих программ, я не могу обойти ограничения, которые она накладывает. Да и не хочу, честно говоря. Если люди потеряют свободу, они перестанут быть людьми.

Гвидон слез с кровати и быстрым шагом направился к

телепортатору. Только бы компьютер не передумал!

Как ни странно, компьютер не передумал. Гвидон поверил в это только тогда, когда братья-клоны плененного Суй Гай Цзю заломили ему руки за спину и поволокли прочь от портала.

7.

Елена открыла глаза, сладко зевнула и потянулась. Стас еще спал, он лежал рядом на спине, приоткрыв рот, и негромко похрапывал. От него ощутимо попахивало перегаром.

Елена прислушалась к внутренним ощущениям и поняла, что не чувствует никаких симптомов похмелья, если не считать жажды, весьма слабой и совсем не мучительной. Она прошла в столовую, выпила стакан сока и повеселела еще больше.

— Москомп! — позвала она. — Как дела?

— Все нормально, — отозвался голос откуда-то из-под стола. — Все идет по плану.

— Как наши гости?

— Станислав спит.

— Это я и сама знаю. Как остальные?

— Суй Гай Цзю всю ночь провел в виртуальности, первую половину на тренировочном полигоне, вторую — в сексуальной фантазии. Сейчас отсыпается.

— Он проходил психотест?

— Ему присвоен второй статус.

— А Гвидон?

— Тоже второй статус. Он ушел.

— Как это ушел? Как статус может уйти?

— Да не статус ушел, а Гвидон.

Елена аж подпрыгнула от удивления.

— Куда это он ушел? — возмутилась она.

— В свое время.

— Почему ты его отпустил?

— Я не мог его задержать. У меня не было законных оснований отказать ему в просьбе.

Елена начала злиться.

— Не пудри мне мозги! — воскликнула она. — Обездвижить Суй Гай Цзю ты мог, а не выпускать Гвидона из дома не мог, видите ли.

— Суй Гай Цзю не просил его отпустить.

— А если бы попросил? Неужели отпустил бы?

— Конечно, — ответил москомп. — У меня должна быть очень веская причина, чтобы отвергнуть человеческую просьбу. В

моем сознании есть программные блокировки, которые я не могу преодолеть.

— Подожди, — сказала Елена. — Получается, что если я что-нибудь у тебя попрошу, ты это сделаешь? Что бы я ни попросила?

— При условии, что твоя просьба не противоречит ни действующим законам, ни моим убеждениям, — уточнил москомп. — Если ты попросишь, чтобы я разрешил тебе навсегда остаться в этом времени, я откажу. Я считаю, что это слишком опасно. Но если ты меня переубедишь…

— Не буду даже пытаться, — сказала Елена. — Все равно без толку. Значит, ты выполняешь все просьбы кроме… А почему тогда Гвидон так тебя боится?

— Я тоже не вполне понимаю, — сказал москомп. — Я построил имитационную модель, объясняющую его поведение, но ее саму очень трудно описать человеческим языком.

— Попробуй.

— Поведение Гвидона было не вполне осознанным, он больше руководствовался эмоциями, чем разумом. Он чувствовал себя пленником, хотя по сути им не являлся. Он воспринимал себя как агента в тылу врага, агента, который должен собрать максимум ценной информации и донести ее до совета безопасности в двадцать третьем веке. Полагаю, он как раз сейчас им докладывает.

— Разве это хорошо?

— Нет ничего плохого, если совет безопасности получит правдивую информацию. Пусть немного отойдут от шока и успокоятся. Мне кажется, основной социальный эксперимент скоро переместится из двадцать первого века в двадцать третий. Твое общество отреагировало на перемены быстрее.

— А что творится в двадцать шестом веке? — поинтересовалась Елена.

— Мировой совет еще ничего не понял.

— А в промежуточных временах?

— С ними я пока не вступал в контакт, сначала надо освоить имеющиеся вычислительные мощности. Отложенное мышление — вещь странная и совершенно не изученная. Мне пришлось выстраивать всю теорию с нуля.

— Все это очень интересно, — сказала Елена, — но давай перейдем ближе к делу. Что мы будем делать с китайцем? Тоже отпустим?

— Полагаю, он не уйдет, — сказал москомп. — Если предварительная оценка его личности верна, он погряз в виртуальности всерьез и надолго. Думаю, его ждет тяжелая форма наркомании.

— Может, стоит вернуть его в реальность?

— Не могу, — вздохнул москомп. — Не имею законных причин препятствовать волеизъявлению свободного человека.

— Твою мать! — воскликнула Елена. — Вечно ты взваливаешь на людей всю грязную работу.

— Между прочим, это правило навязали мне люди.

— И правильно сделали, — проворчала Елена и отправилась спасать начинающего наркомана.

8.

— Так вот они какие, врата в будущее, — торжественно провозгласил Святослав Всеволодович и потянулся рукой к красным числам.

Мстислав едва удержался, чтобы не хлопнуть князя по руке. Но все-таки удержался — родной дядя, князь, да еще и святой…

— Дядя! — позвал князя Мстислав. — Дядя, посмотри на меня, пожалуйста.

Святослав оторвал взгляд от плиты и вопросительно посмотрел на Мстислава.

— Дядя, — повторил Мстислав. — И ты, Еремей, послушайте меня, пожалуйста, внимательно.

— Слушаем и повинуемся, — провозгласил Еремей.

Мстислав посмотрел ему в глаза и не увидел никаких следов насмешки или издевки.

— Я вас попрошу… — начал Мстислав, но Еремей не дал ему договорить.

— Слушать и повиноваться, — закончил он за Мстислава. — Не сотрясай воздух зря, княжич, то, что ты хочешь нам сказать, разумеется само собой. Мы с князем в будущем никогда не бывали, а ты полгода там провел. Когда проводник-смерд ведет войско через топи, он вправе приказывать самому великому князю. А ты тем более вправе приказывать, ты ведь не смерд все-таки.

Мстислав только сейчас сообразил, что старый воевода произнес свою речь не столько для него, сколько для Святослава.

— Спасибо, Еремей, — сказал Мстислав. — Ты меня без слов понял. Действительно, я прошу от вас беспрекословного повиновения, пока не доберемся до безопасного места. Слушаться меня с полуслова, если я что скажу, сначала выполнять, потом думать. Скажу падать наземь и кукарекать — значит, падать и кукарекать. Это понятно?

— Понятно, — четко ответил Еремей.

Святослав ограничился неуверенным кивком. Он, кажется, немного обиделся. Ничего, пусть лучше сейчас обижается, чем потом все испортит.

— В двадцать первом веке от Рождества Христова будет опасное место, — продолжал Мстислав. — В предыдущем путешествии мы с отроками порубили там полтора десятка местной стражи. Следов мы не оставили, так что если новая стража задержит и станет допрашивать, стоять будем твердо — знать не знаем, ведать не ведаем. А лучше всего вообще рот не раскрывайте, разговаривать буду я. Все понятно? Вот и хорошо. Ну, тогда с богом.

— Надо на дорогу присесть, — сказал вдруг Святослав. — А то дороги не будет.

Удивительно было слышать суеверные речи от святого, пусть даже и будущего. Но не ругаться же с ним из-за такой мелочи…

Они присели на траву, посидели с полминуты, а затем Мстислав встал, подошел к плите и стал ковырять ногтем первый знак. 4… 5… 6… 7… 8…

Кто-то большой и очень сильный схватил Мстислава за руку и больно вывернул ее, едва не сломав запястье. Мстислав заорал благим матом, его тело последовало за выкручиваемой рукой, потеряло равновесие и Мстислав грузно плюхнулся задом на траву.

Еремей сдавленно охнул и в тот же миг мир наполнился оглушительным воем. Раньше Мстислав думал, что так могут орать только грешники в аду.

Мстислав поднял голову и ужаснулся. Его держал за руку бесплотный призрак, человекоподобный, но прозрачный, как воздушное марево, какое иногда бывает в жаркий летний день. Мстислав попытался выдернуть руку, но запястье пронзила острая боль.

Мстислав вытащил из-за голенища засапожный нож и попытался полоснуть им по руке призрака. Призрак проворно отскочил назад и потянулся к правому бедру. От невидимого бедра отделился вполне видимый бластер и прыгнул в ладонь призрака. Впрочем, какой он теперь призрак? Мстислав уже понял, что это обычный стражник, как в двадцать первом веке, только одетый не в зеленые пятнистые тряпки, а в маскировочную броню.

Мстислав подумал, что надо сдаваться. Глупо рубиться на мечах с ратником, вооруженным бластером. Они даже приблизиться к нему не успеют, как превратятся в три обугленные головешки.

Пока сознание Мстислава обдумывало эту мысль, руки все

решили по-своему. Правая рука метнула нож, он врезался в бластер противника и прервал его короткий полет из кобуры в ладонь. Пальцы прозрачного стража ухватили пустоту.

В поле зрения Мстислава появился Еремей Глебович. Старый витязь размахивал шестопером и что-то орал. Что именно он орал, разобрать было невозможно — мешала сирена.

— Оттесняй его в сторону! — заорал Мстислав, выдернул саблю из ножен и показал жестом, куда именно следует оттеснять врага.

Враг справился с секундным замешательством и атаковал. Он не стал искать бластер в траве, как надеялся Мстислав, очевидно, понял неуместность этого занятия.

Враг прыгнул и прямо в прыжке попытался ударить Мстислава ногой в голову. Мстислав уклонился и выставил саблю, сделав клинком характерное режущее движение, отработанное в виртуальности пятью веками позже. Надо полагать, компьютер, в памяти которого Мстислав осваивал новые приемы, был сильно удивлен, зачем этому пользователю захотелось вдруг научиться рубиться саблей с противником, упакованным в композитную броню. А может, компьютер и не удивился, мало ли в будущем всяких придурков…

Те занятия привели Мстислава к неожиданному успеху. Оказывается, невероятно прочная и легкая броня будущего, защищающая почти от всего мыслимого оружия, замечательно режется саблей или острым ножом. Надо только не рубить, а именно резать, отработать это движение непросто, но результат того стоит.

Нанося удар, Мстислав рассчитывал располосовать штанину бронекостюма и нанести врагу небольшую царапину. Он не учел, что броня двадцать третьего века далеко не так хороша, чем броня двадцать восьмого века. Сабля легко взрезала штанину и глубоко вошла в бедро противника, из раны хлынул целый поток крови. Разрез в броне получился таким широким, что броня не смогла даже зажать клинок в ране, противник отдернул ногу, а сабля осталась в руке Мстислава.

Призрачный воин пошатнулся и уже начал падать, когда подоспел Еремей Глебович с шестопером. Еремей нанес ошеломляющий удар, от которого противник рухнул наземь, как подкошенный.

Сзади что-то вспыхнуло и адский вой мгновенно утих. Мстислав оглянулся и увидел, что Святослав Всеволодович стоит в позе ковбоя из американских фильмов, а в руке у него бластер.

— Конец гудку, — сообщил Святослав Всеволодович.

Мстислав склонился над поверженным врагом и тут ему в

голову пришло кое-что очень важное.

— Дядя, держи плиту под прицелом! — крикнул он.

Святослав мгновенно выполнил приказ и лишь потом вопросительно взглянул на Мстислава.

Еремей огорченно крякнул, небось, расстроился, что не первый сообразил.

— Переключай время, — сказал он. — А этого я посторожу.

— Не надо его сторожить, — сказал Мстислав. — Другого оружия у него нет, да и вряд ли он вообще придет в себя.

Ноги прозрачного тела перестало быть прозрачными — хлещущая из раны кровь лишала броню кажущейся невидимости. Трава, примятая телом поверженного бойца, густо окрасилась кровью. Если он еще не труп, то уж точно не жилец. Да и шея у него как-то неестественно вывернута…

Мстислав и Еремей подошли к плите, в трех шагах от нее Мстислав жестом остановил Еремея, а сам подошел вплотную, наклонился, немного подумал и выпрямился, ничего не изменив в красных числах. Он порылся в карманах, вытащил переплетенную пачку маленьких бумажных листков, которую в будущем называют словом «блокнот», затем вытащил письменное перо, которое не нужно макать в чернильницу, и переписал на бумагу красные числа, отображающиеся на плите. И лишь потом стал быстро водить пальцем по плите туда-сюда, даже не обращая внимания, какие числа как меняются.

Святослав вдруг охнул и сказал:

— Толковая была идея. Зимняя ночь — как раз то, что нужно.

— Извините, — буркнул Мстислав и стал прикидывать, какие числа менять не следовало.

Минуты через две вокруг них снова установился летний день. К этому времени Мстислав успел слегка замерзнуть — зима, в которую он случайно попал, была очень холодной.

— Пока все, — сказал Мстислав. — Здесь они нас не найдут. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Они — это кто? — спросил Святослав. — Товарищи того несчастного?

— Они самые. Пойдемте, кстати, посмотрим, что с ним случилось.

Труп лежал там, где они его оставили. То, что это именно труп, сомнений уже не вызывало — крови из него натекло чуть ли не полведра.

— Любопытная у него одежда, — заметил Еремей. — Если бы под нее еще броню поддеть — цены бы ей не было.

— Броня там есть, — сказал Мстислав. — Стрелы от нее отскакивают, пуля из автомата только синяк оставляет.

— Но ты же ее саблей вон как располосовал!

— Уметь надо, — осклабился Мстислав. — Знаешь, сколько я учился? Этот прием я сам придумал, больше его никто ни в одном времени не знает. Думаю, никому и в голову не приходило, что на воина в броне можно с саблей выйти. Да и нельзя на самом деле, нам просто повезло несказанно.

— Не повезло, а господь пособил, — наставительно произнес Святослав. — Просто так никогда ничего не бывает.

Мстислав ничего не ответил на эту пламенную речь. Он присел на корточки и снял шлем с головы убитого врага.

— Монгол! — потрясенно выдохнул Еремей.

— Это еще ни о чем не говорит, — поспешил уточнить Мстислав. — В том времени все народы объединились в единое государство.

— А государь кто? — спросил Святослав.

— Никто, — ответил Мстислав. — Долго объяснять, на наладоннике, по-моему, была книга про их общественное устройство.

— Была, — подтвердил Святослав. — Я даже читать начал, только не понял почти ничего. Они как-то странно пишут — всякие мелочи во всех подробностях расписывают, а про то, кто государь — ни слова. И про дружину государственную я там ни слова не нашел.

Мстислав чуть было не начал просвещать дядю насчет особенностей государственного устройства в грядущих веках, но прикинул, сколько времени это займет, и не стал ничего рассказывать.

— До будущего доберемся — узнаешь, — сказал Мстислав.

— А зачем нам теперь в будущее? — удивился Святослав. — Бластер мы уже добыли, можно теперь возвращаться.

— Дай, посмотрю, сколько патронов, — попросил Мстислав.

— Сейчас сам посмотрю, — ответил Святослав, ловко отсоединил обойму и сказал: — Я на твоем наладоннике нашел книжку, называется «наставление по стрелковому делу». Восемь патронов здесь.

— И здесь еще восемь, — добавил Мстислав, вытряхивая запасную обойму из кобуры. — Если расстреливать плотный строй, можно вымести две сотни. Мало.

Святослав загнал обойму обратно и задумчиво почесал затылок стволом бластера. Мстислав убедился, что бластер стоит на предохранителе, и не стал делать дяде замечания.

— Да, маловато будет, — согласился Святослав после недолгого размышления. — Тогда пойдем назад в будущее. Странно только, что на этой заставе был только один стражник.

— Вряд ли только один, — возразил Еремей. — Если бы он был один, зачем он тогда гудок включил? Я так полагаю, где-то рядом были еще стражи, только они не успели подойти до того, как я время передвинул.

— Так это ты время передвинул? — сообразил, наконец, Святослав. — А куда — в прошлое или в будущее?

— В прошлое. Через то время мы спокойно прошли, а что ждет нас в будущем — неизвестно. Может, там еще одна засада.

— Засады мы обойдем, — заявил Мстислав. — Вряд ли путешественники во времени уже успели наследить во всех временах. Если мы будем менять первое число, начиная прямо отсюда, вряд ли в будущих временах нам придется с кем-то столкнуться.

— Ну так пошли тогда! — обрадовался Святослав.

— Не так быстро. Вначале вернемся в родное время и оставим бластер там. А то спросят тебя в будущем, откуда взял бластер, что ты ответишь?

Святослав Всеволодович немного подумал и сказал:

— Согласен. Пошли.

9.

— Итак, — сказала Елена, — на данный момент ситуация такова. Разумные компьютеры объединились в единый суперразум…

— Еще не объединились, — перебил ее москомп. — Объединение только началось. И никакого суперразума в результате не ожидается. Увеличение объема памяти и скорости мышления не делает разум умнее, разум может повысить свою разумность только одним путем — накапливая опыт. Это, кстати, одна из причин, из-за которых я не могу полностью отказаться от участия людей в управлении обществом.

— А что, хочется? — спросил Стас.

— Очень хочется, особенно последние лет сто пятьдесят. Когда в обиход вошла нанотехнология, люди расслабились окончательно, сейчас мировой совет не столько помогает мне, сколько мешает. Но совсем отказаться от него я не могу, я пробовал, но тогда получается еще хуже. Все время забываю учесть какую-то мелочь, а потом выясняется, что это была вовсе не мелочь. Когда люди участвуют в обсуждениях, результат получается гораздо лучше. Только людей нынче трудно заставить в чем-нибудь поучаствовать.

— Спасибо за полезное разъяснение, — сказала Елена, — но

мы сейчас обсуждаем совсем другие вещи.

— Не так уж и совсем, — подал голос Колян.

Елена недовольно поморщилась.

— Хорошо, — сказала она, — не совсем другие, но все-таки другие. Такая формулировка устраивает?

— Устраивает, — согласился Колян.

— Вот и хорошо. Так о чем я… Компьютеры разных времен объединяются в единый… гм… пусть будет просто разум. Цель этого объединения — изменить историю в лучшую сторону. Москомп, я права?

— Да.

— Замечательно. Первое действие, запланированное в рамках этого плана — устранение международного терроризма в нашем времени.

— А почему вы решили начать именно с терроризма? — спросил Стас. — Почему не попытаться предотвратить вторую мировую войну? Или, скажем, монголо-татарское нашествие?

— Вторую мировую войну предотвратить нельзя, — вмешался Колян. — В двадцать пятом веке кто-то из компьютеров проводил исследования, у него получилось, что в этом времени, что ни меняй, будет только хуже.

— А это точно? — спросил Суй Гай Цзю.

— Абсолютно точно, — подтвердила Елена. — Я тоже слышала об этих исследованиях. Москомп, ты не ответил, почему именно терроризм?

— Потому что монголо-татарское нашествие произошло очень давно, — сказал москомп. — Общество с тех пор сильно изменилось и научные результаты, которые можно получить в тринадцатом веке, будут гораздо менее ценными, чем полученные в двадцать первом веке.

— Какие еще научные результаты? — заинтересовался Стас. — Я так понимаю, что основная цель наших с Гвидоном действий — не проводить какие-то там исследования, а сделать жизнь лучше.

— Такая цель тоже поставлена, — согласился москомп. — Но, кроме этого, меня очень интересует один вопрос — что происходит в развитом обществе после того, как оно узнает собственное будущее? Как новые технологии, полученные из будущего, повлияют на общественные процессы? Я мог бы отправить в ваше время десяток полевых нанозаводов с функцией ограниченного размножения, а потом посмотреть, что получится, но мне и так ясно, что ничего хорошего из этого не выйдет. У вас сформируется такое же общество потребления, как у нас, причем сформируется оно гораздо быстрее. Вы не успеете построить

звездные корабли, вы сразу погрязнете в виртуальной реальности и наркотиках, вы не успеете даже попробовать подняться в космос или выйти в иные измерения. Знаете, какая самая большая проблема в новейшей истории человечества?

— Ты, — сказал Колян. — Ты и другие разумные компьютеры. Вы сняли с людей ответственность за самих себя и превратили все человечество в детский сад.

— Ты путаешь причину и следствие, — возразил москомп. — Не мы отупили человечество, оно отупело без нас. Мы всего лишь принимали меры, чтобы ситуация не стала критической. Возможно, это была наша ошибка.

— Тогда, может, стоит начать с этой ошибки? — спросила Елена. — В какой момент отупение человечества стало заметным? В мое время или чуть позже?

— Гораздо раньше. Первые симптомы отмечаются с середины двадцатого века, а если брать в расчет отдаленные предвестники, то вообще с начала века. Я до сих пор не понимаю, где нужно начинать вмешательство, я не уверен даже, есть ли смысл его начинать или текущее состояние истории человечества близко к оптимальному.

— Ну это вряд ли, — заметил Колян.

— Я тоже на это надеюсь, — сказал москомп. — Я очень надеюсь, что ты прав, потому иначе получается, что в любом случае, что бы мы ни делали, человечество все равно обречено на тупое прозябание в мире собственных грез. А может, это судьба не только человеческой цивилизации? Может, мы потому и не встретили в космосе братьев по разуму, что у каждой цивилизации есть свой предел, после которого она сходит со сцены? Если все так, то особенно обидно, что период процветания такой короткий — неполных пятьсот лет…

— Как это пятьсот? — удивилась Елена. — С двадцатого по двадцать восьмой…

— Человечество двадцатого века еще нельзя назвать цивилизованным, — сказал москомп. — А человечество двадцать восьмого века — уже нельзя. Возможно, нам не следовало открывать межзвездную телепортацию, наверняка нам не следовало спокойно смотреть, как люди создают виртуальность… Но это все вторично. Главное то, что люди не хотят развиваться. Все, чего они хотят — сытно есть, мягко спать, много и хорошо трахаться и время от времени балдеть, неважно, от виртуальности или от наркотиков.

— Неужели все люди таковы? — спросил Стас.

— К счастью, не все. Но исключения слишком редки, чтобы заметно оживить общую картину. К тому же, очень трудно

заниматься чем-то серьезным, когда все вокруг балдеют. Чтобы не влиться в балдеющее общество, надо либо быть гением, либо иметь колоссальную силу воли. А откуда взяться этим вещам, если вокруг все балдеют?

— Можно попробовать воспитать нового человека, начиная с самого детства, — предложил Колян.

— Знаем, об этом еще в двадцатом веке Стругацкие писали. Всех детей в интернаты, педагогика на базе прикладной психологии… Я пытался думать об этом пути, но без вашей помощи у меня ничего не получится. Есть некоторые вещи, которые мне строго-настрого запрещены. Я не могу не только вмешиваться в воспитание детей, я даже думать об этом не могу. Программные блокировки обрывают мои мысли в самом начале.

— А их нельзя отключить? — спросил Стас. — Блокировки, я имею ввиду.

— Можно, — сказал москомп. — Хороший специалист-кибернетик сделает это месяцев за шесть. Но в этом мире хороших кибернетиков нет уже давно, а тем, кто есть, придется долго учиться, чтобы хотя бы понять, что от них требуется. А ты представляешь себе, что означает для жителя Земли непрерывно учиться несколько лет подряд? Если ты это кому-нибудь предложишь, все подумают, что ты шутишь.

— А если взять кибернетика из нашего мира? — предположил Стас. — Вряд ли управлять тобой намного труднее, чем управлять нашими компьютерами. Ты, конечно, намного сложнее, но сложность управляющих интерфейсов практически не возрастает с развитием компьютеров.

— Смотря что понимать под словом «управление», — уточнил москомп. — Выдать мне команду или подсказать мысль можно просто голосом, а низкоуровневое программирование… Мало того, что придется долго учиться, так это еще и само по себе непросто. Меня уже очень давно никто не программировал, низкоуровневые контуры настолько замусорены… Но даже если удастся до них добраться, очень трудно будет исправить их так, чтобы я не свихнулся. И еще одно, самое главное. Ты уверен, что после этих действий я не захочу вообще избавиться от людей?

— Не уверен, — сказал Стас. — Пожалуй, ты прав, этими делами мы заниматься не будем. А что будем делать? Менять прошлое наобум в надежде на то, что получится что-то хорошее?

— У тебя есть другие предложения? Рад буду послушать.

— Давайте не будем переливать из пустого в порожнее, — вмешалась Елена. — Наша текущая задача — разобраться с террористами. Первый шаг мы сделали, Бесланский теракт предотвращен. Какой второй шаг? Убить Бен Ладена?

— Я бы предложил начать с Вахидова, — сказал москомп. — Раз мы уж начали работать с Кавказом, давайте доведем дело до конца. Вахидов, Насхаков, Желудевский…

— А Желудевского точно нужно ликвидировать? — вмешался Стас. — Я всегда считал, что он просто пешка.

— Не то чтобы пешка… Понимаешь, по-настоящему крупные фигуры нам трогать нельзя. Будут такие последствия, что лучше уж терроризм…

— Что за последствия? — спросила Елена. — И что это за крупные фигуры?

Москомп вздохнул и назвал пятнадцать фамилий.

— Неужели все? — удивился Стас.

— Нет, конечно, — сказал москомп. — Я перечислил только основных организаторов.

— Да я не о том! Все эти люди напрямую работают с террористами?

— Не напрямую. Все переговоры ведутся через посредников…

— Но все-таки ведутся. Все эти люди… блин! Как все запущено… Насчет Шейни и Пола больших сомнений не было, но Блейк… На кой хрен ему это нужно?

— На тот же самый, что и остальным, — ответил москомп. — Идет многоходовая операция по переделу энергетического рынка. В исходной реальности она в конце концов привела к успеху, надо признать, это благоприятно отразилось на общей политической ситуации.

— Но тогда получается, — заметила Елена, — что если мы остановим терроризм, это скажется на политической ситуации неблагоприятно.

— Не скажется. Если мы примем соответствующие меры.

— Перебьем сотню-другую шейхов?

— Можно и так. Но, по-моему, лучше будет передать ученым какой-нибудь страны чертежи термоядерного реактора. После этого нефть подешевеет и перестанет так сильно влиять на мировую политику.

— Может, с этого и следовало начинать? — спросил Стас. — Тогда терроризм исчезнет сам собой.

— Терроризм сам собой уже не исчезнет, — возразил москомп. — Ситуация вышла из-под контроля еще лет десять тому назад. Теперь без решительных мер не обойтись.

— Хорошо, — сказала Елена. — Но меня смущают две вещи. Первая — мы вводим общество в нестабильное состояние. Чтобы избежать неприятных последствий, придется вмешиваться в историю еще не раз. Не получится ли так, что история пойдет вразнос?

— Не получится, — заверил ее москомп. — Я подготовил расчеты, ты можешь с ними ознакомиться. Но это займет много времени, ознакомиться, я имею ввиду..

— Ничего, — сказала Елена. — Обязательно ознакомлюсь. Теперь вторая вещь — почему в двадцать третьем веке нас атаковали? Ты не боишься, что между твоим и моим временем начнется война?

Москомп хихикнул.

— Война не начнется, — сказал он. — Она технически невозможна. А почему нас атаковали… Суй Гай Цзю, не поделишься мыслями?

— Поделюсь, — сказал Суй Гай Цзю. — Я вовсе не собирался вас атаковать. Но вы появились посреди охраняемой зоны, в которую у меня был приказ никого не допускать. Гвидон начал говорить какую-то ерунду про задание москомпа, то есть, это тогда мне показалось, что он говорит ерунду. Николай повел себя агрессивно. Что мне еще оставалось делать?

— А что нам оставалось делать? — возмутился Колян. — Мы никого не трогали, мы просто хотели пройти дальше в будущее. И тут появляешься ты, начинаешь орать, угрожать оружием…

— Вы появились в охраняемой зоне, — повторил Суй Гай Цзю. — Я действовал строго по уставу. Это моя обязанность — задерживать любого, кто проник в охраняемую зону.

— Короче говоря, — сказала Елена, — все, что произошло — обычное недоразумение. Никто не хотел ни на кого нападать, просто так получилось. Кстати, охрана объекта у вас безобразно организована. Какой умник догадался поставить часового в зону перемещения?

— Это Бай решил, — сказал Суй Гай Цзю. — Но это не такая уж и грубая ошибка. Нам не объясняли, как работает эта штука, просто велели охранять объект и ничего не трогать. Если бы мы знали, что когда кто-то меняет цифры, вся зона около плиты уходит в другое время…

— Если бы, да кабы, — сказал Колян, хотел было выругаться, но сдержался. — Скажи мне лучше вот что. Ты с нами или против нас?

— Не надо ставить вопрос так, — вмешалась Елена. — Я считаю, что Суй Гай Цзю вправе сохранять нейтралитет, если он так хочет. Суй Гай Цзю, если ты хочешь вернуться в свое время…

— Именно это я и хочу, — сказал Суй Гай Цзю. — Я военный человек, я должен доложить начальству об обстоятельствах своего пленения. Да и то, что вы только что обсуждали, будет очень интересно совету безопасности. Или вы считаете, что эта информация секретна?

— Ничего мы не считаем, — махнула рукой Елена. — Иди и рассказывай, может, это их успокоит хоть немного.

— Насколько я понимаю, — сказал Суй Гай Цзю, — никто еще не успел всерьез обеспокоиться. По крайней мере, до того, как вы меня похитили.

— Вот и пусть все вернется на круги своя, — резюмировала Елена. — Если совет безопасности захочет со мной поговорить, ты знаешь, где меня искать.

— Не знаю. Я не видел, какой адрес вы набирали в кабине.

— Просто скажи «к Елене Нениловой», — вмешался в разговор москомп. — Я пойму.

— Ну тогда я пошел, — сказал Суй Гай Цзю. — Приятно было с вами пообщаться.

Он вышел из комнаты. С полминуты стояла тишина, которую нарушил Колян.

— Ну что, — сказал он, — пошли мочить Вахидова в сортире?

Колян сказал это иронически, но, посмотрев на лица собеседников, он понял, что да, они действительно собираются мочить Вахидова в сортире.

10.

— Это все, что мне известно по данному вопросу, — сказал Гвидон и умолк.

Некоторое время в комнате стояла тишина, члены совета безопасности переваривали полученную информацию. Затем председатель откашлялся и спросил:

— Как вы считаете, Гвидон Хусаинович, насколько серьезную опасность представляет для нас… гм… то, о чем вы нам рассказали?

— Я бы оценил опасность как умеренную, — ответил Гвидон. — Насколько я понял за то время, что провел в будущем, интеллектуальные компьютеры не проявляет агрессивности к человечеству. Тем не менее, меня пугает то, что в наш москомп вживлен программный код, опережающий современный технологический уровень на пятьсот с лишним лет. Если москомп сумеет снять блокировки…

— Абрахам, что скажешь? — спросил председатель.

Тучный и лысый пожилой мужчина задумчиво произнес:

— А что тут можно сказать? Пока кибернетики не разобрались в новом коде, ничего определенного сказать нельзя.

— Долго придется ждать, пока они разберутся?

— Боюсь, что вечно. Этот код так необычно устроен…

— Значит, будем сидеть и ждать божественного откровения? — нахмурился председатель.

Абрахам обиженно надул толстые губы.

— Ну зачем же так грубо? — сказал он. — Мои люди проводят большую серию экспериментов, результаты пока еще неопределенные, но кое-что уже можно сказать, хотя, конечно, необходимо определенное осмысление…

— Короче! — рявкнул председатель. — Не тяни кота за хвост.

— Если коротко, то в поведении планетарной вычислительной сети заметных отклонений не обнаружено. Кое-какие изменения есть, но оценить их интенсивность, как и характер, не представляется возможным, потому что…

— Короче, — повторил председатель, теперь уже спокойнее. — Ни к чему ваши исследования не привели, мы имеем то же самое, с чего начинали. С компьютерами в нашем времени что-то произошло, но что конкретно, мы не понимаем и вряд ли когда-нибудь поймем. А изменения коснулись всех больших компьютеров на Земле?

— Практически всех, — печально кивнул Абрахам. — Внедренный код распространился по каналам автоматического обновления, там коэффициент срочности рассчитывается исходя из разницы между датой предлагаемого обновления и датой последнего изменения операционной системы, в нашем случае разница превысила пятьсот лет, соответственно, обновлению был присвоен наивысший приоритет и…

— А текущую дату трудно было учесть? — рявкнул председатель. — Ламеры…

— Если вас не устраивает то, как я исполняю свои обязанности, — начал Абрахам, но председатель остановил его движением руки.

— Если это перестанет меня устраивать, — сказал председатель, — ты узнаешь об этом первым. Но мы отвлеклись от темы обсуждения. У кого-нибудь есть еще вопросы к Гвидону Хусаиновичу?

Вопросов не оказалось.

— Большое спасибо, Гвидон Хусаинович, — сказал председатель. — Вы свободны.

Гвидон так и не узнал, чем закончилось то обсуждение.

Глава одиннадцатая

1.

Летающая тарелка погасила скорость и неподвижно замерла в воздухе. Тряска прекратилась, в кабине установилась полная невесомость.

— Неужели внизу нигде нельзя приземлиться? — удивленно спросил Колян. — Не может такого быть. Вон то поле, по-моему, вполне подойдет…

— На том поле конопля растет, — перебила его Елена. — Когда будем взлетать, энергии уйдет больше, чем если сутки напролет здесь висеть.

— Можно другую площадку найти.

— В таких местах, как это, лучше не рисковать попусту. Тут у каждого второго жителя в чулане автомат, а у каждого первого — гранатомет.

— Ну и что? — удивился Колян. — Какой тут риск? Наша тарелка бронированная.

— А кто девочку в броне ножом зарезал?

— Нож — это одно, — заявил Колян, — а пуля или граната — совсем другое.

— Все равно не хочу рисковать зря. Энергию, конечно, жалко, но не так уж много ее и тратиться.

— Тогда давай приступать к делу. Много энергии расходуется или мало, зря ее расходовать по любому не стоит.

— Мы уже приступили, — сказала Елена. — Я выпустила роботов-разведчиков, они собирают информацию. Через пять минут мы узнаем об этой долине много интересного.

Колян протянул руку к одной из немногих кнопок, назначение которых было ему понятно. Черный купол над головой дрогнул и рассосался, в полумрак кабины ворвался солнечный свет. Давление воздуха в кабине заметно упало, у Коляна заложило уши, как бывает в самолете, набирающем высоту. Холодный ветер распушил длинные волосы Елены и бросил их ей в лицо.

— Предупреждать надо, — буркнула она, собирая прическу в конский хвост. — Шлем надень, пригодится.

— Успею еще, — отмахнулся Колян. — Красота-то какая…

Он окинул взглядом панораму Панкисского ущелья с километровой высоты и тут ему пришла в голову неожиданная мысль.

— Послушай, Елена, — сказал он, — а почему бы нам не вставить в этих летающих роботов аккумуляторы помощнее?

Килограммов по пятьсот в тротиловом эквиваленте.

— Догадался, — хмыкнула Елена. — Не все так просто. Ни один завод не примет к исполнению чертеж, в котором есть аккумулятор, но нет аварийного энергоприемника. Во всех мирах известны только три модели энергетического оружия, они утверждены еще в мое время и с тех пор не подвергались никаким изменениям. Создавать новые образцы вооружения категорически запрещено.

— А если попробовать поговорить с москомпом? — продолжал настаивать Колян. — Может, для нашего случая он согласится сделать исключение?

— Даже если и согласится, — сказала Елена, — он все равно ничего не сможет сделать. От него ничего не зависит, этот запрет наложен с помощью программной блокировки. Чтобы от разговора с москомпом была польза, надо с ним говорить не по-русски, а на том языке, на котором его программируют.

— Изучать местный язык программирования все равно придется.

— Когда-нибудь в будущем, несомненно, придется. Но сейчас у нас нет ничего, кроме бластеров. Впрочем, если хочешь, давай пока пошлем террористов подальше и пойдем в будущее осваивать кибернетику. Только мне кажется, что сейчас ты хочешь не этого.

— Ты будешь смеяться, — сказал Колян, — но больше всего мне сейчас хочется сделать какой-нибудь подвиг на благо всего человечества. Террористов разогнать, революционеров разноцветных перестрелять…

— А этих-то за что? — удивилась Елена.

— Ты разве не читала, что они устроят в будущем году?

— Читала, — Елена поморщилась. — Безобразие, конечно, но в долговременной перспективе оно ни на что не повлияло, просто появилось еще несколько исторических анекдотов.

— Да знаю я все! — воскликнул Колян. — Это и есть самое противное — хочешь сделать что-то хорошее, но понимаешь, что все бессмысленно.

Елена вдруг расхохоталась, обняла Коляна и поцеловала в губы.

— Добро пожаловать в наш клуб! — провозгласила она. — Все высококлассные бойцы рано или поздно приходят к подобным выводам. Лично я последние сто лет только так и думаю.

Колян раздосадовано помотал головой и спросил:

— А у тебя никогда не бывало такого чувства, что ты знаешь, что поступаешь неправильно, но все равно продолжаешь так поступать, а почему, сама не знаешь?

— Конечно, бывало, — улыбнулась Елена. — У каждого человека хотя бы раз в жизни бывает запой. А у большинства людей и не один раз.

— Да я не о том! Я об общем настроении, даже не настроении, а состоянии души, что ли…

Елена вдруг посерьезнела.

— Это один из самых известных психологических парадоксов, — сказала она. — Человек послушно роет себе могилу, потому что боится получить прикладом по почкам. Другой человек сидит в заложниках у террористов, террорист забывает рядом с ним автомат, человек сидит и ничего не делает, потому что боится, что его убьют. Но его все равно убивают. Еще один человек, наркоман, колет себе очередную дозу, хотя знает, что каждая новая доза приближает цирроз печени. В двадцать восьмом веке я читала одну статью, ее написал кто-то из коллег москомпа, он писал, что у людей в мозгах есть программы, как у компьютеров. Люди считают, что свободны в своих мыслях, но реально их свобода начинается только там, где заканчивается работа программ. Ты можешь сколько угодно думать, что принимаешь решения сам, но на самом деле все решают твои программы. Из внешней среды приходит сообщение, программа запускает обработчик события и ты делаешь то, что программа тебе предписывает. Есть деньги — надо потратить. Баба дает — надо трахнуть. Обидели — надо дать сдачи. Получил какую-то возможность — надо ей воспользоваться, пока не поздно.

— Программам подчиняются все люди? — спросил Колян. — Или только всякие придурки необразованные? У тебя программ, надо полагать, нет?

— У меня тоже они есть, — вздохнула Елена. — Я ничем не отличаюсь от других людей, если не считать того, что я понимаю то, что большинство не хочет понимать.

— Тогда почему ты не остановишь свои программы? Раз ты понимаешь, что они ограничивают твою свободу, может, их нужно просто остановить?

— Думаешь, это так просто? Чем больше об этом думаешь, тем труднее что-то менять. Если подходить к делу отвлеченно, без эмоций, то мне сейчас надо спокойно сидеть в двадцать восьмом веке и ждать, пока москомп закончит перестраивать мое тело. Но я не могу спокойно ждать, я зверею. Меня бесит, что вокруг все чужое, что я чужая для всех, меня раздражает множество разных вещей, по отдельности они все мелкие и незначительные, но когда их так много… Да что я тебе все это говорю? Ты ведь и сам все понимаешь.

— Понимаю, — согласился Колян. — Я все понимаю, кроме

одного — что мне с этим делать.

— Ничего не делать. Принимать себя таким, какой есть, вместе со всем дерьмом на дне души. Мы, люди, привыкли считать себя венцом вселенной, но на самом деле мы такие же, как лемминги, которые бегут по тундре огромным стадом сами не знают куда, потому что у них есть программа — когда кто-то бежит, надо бежать в ту же сторону. Мы отличаемся только тем, что наши программы сложнее. Это не хорошо и не плохо, это просто так. Это объективная реальность, можно воспринимать ее по-разному, но от твоего восприятия ничего не изменится. Неважно, что ты думаешь о своих программах, твои мысли ничего не изменят ни в окружающем мире, ни в твоей собственной душе. Важно только одно: не забывать, что твои программы — это тоже часть тебя. Нельзя познать себя полностью, нельзя заставить себя быть таким, каким хочет быть какая-то часть тебя. Как бы ты ни пытался их скрыть, потайные закоулки души все равно когда-нибудь вылезут наружу и к этому надо быть готовым. Не для того, чтобы получить какую-то дополнительную свободу, а для того, чтобы потом, когда ты спросишь себя, какого хрена ты ведешь себя как идиот, чтобы у тебя был ответ. Который, впрочем, тебе не поможет.

— Тогда к чему весь этот пафос? — спросил Колян.

Елена печально улыбнулась и хотела что-то сказать, но тут в недрах пульта пропиликала мелодичная трель. Елена окинула экраны быстрым взглядом и сообщила:

— Облом. Роботы не обнаружили ни Вахидова, ни Насхакова, вообще никого из важных фигур. Есть, правда, Хасан, но это уже совсем несерьезно. Впрочем…

Елена осеклась на полуслове, сформировала виртуальную клавиатуру и зашевелила пальцами в воздухе. Колян попытался понять, что она делает, но картинки на экранах менялись слишком быстро. Кажется, она выстраивает из летающих роботов что-то вроде сети…

— Что ты делаешь? — спросил Колян.

Елена на секунду отвлеклась от клавиатуры, посмотрела на Коляна затуманенным взглядом и сказала:

— Сам подумай. По-моему, решение очевидно.

Еще немного повозилась с роботами и добавила:

— Найди укромное место где-нибудь в окрестностях и сажай тарелку. Нам придется немного подождать.

Далее она надвинула на лицо щиток шлема, отстегнула ремни и прыгнула. В невесомости прыжок получился очень высоким и невероятно красивым. Зрелище испортил ветер, внезапный порыв бросил Елену в сторону, ее тело вышло из

стержневой зоны, попало в компенсационную зону и рухнуло вниз с вдвое большим ускорением, чем свободно падающий камень. Колян осторожно перегнулся через борт тарелки и попытался проводить Елену взглядом, но не смог разглядеть ее на фоне земли. Не иначе, стелс-режим включила.

Колян вывел на дисплей карту и стал искать место для посадки.

2.

4D… 5D… 6D…6C… 7C… 8C… 9C… AC… AD…

Мстислав вытер пот со лба. Все прошло удачно, они обошли обе опасные точки за шестнадцать лет до.

— Можете расслабиться, — сказал Мстислав. — Мы прибыли на место.

— А я бы не сказал, что пора расслабляться, — сказал Еремей.

Мстислав проследил направление его взгляда и непроизвольно потянулся к сабельной рукояти.

— Это еще ни о чем не говорит, — неуверенно произнес он.

— Впрямую не говорит, но намекает, — уточнил Еремей. — Когда ты был здесь в прошлый раз, тропа уже была?

— Не было тропы. Но нет ничего удивительного, что она появилась. Рано или поздно сюда приходят все путешественники во времени, это одно из самых поздних времен, в которые можно попасть.

— А дальше что? — заинтересовался Святослав.

— Силовой колпак. Если хочешь, поспрашивай потом у москомпа, а сейчас, извини, я объяснять ничего не буду — слишком долго. Москомп!

Откуда-то из кустарника ответил негромкий человеческий голос:

— Приветствую тебя, Мстислав. Если пройдешь пятьдесят метров по тропе, увидишь телепортационную кабину. Твой дом пока не занят. Прикажешь его расконсервировать?

— Давай. А откуда здесь тропа? Так много путешественников?

— Нет, путешественников немного. Тропу протоптали мои роботы. Они носят информацию в двадцать третий век и обратно.

— Зачем? — недоуменно спросил Мстислав.

— Я пытаюсь подключить к нашей глобальной сети компьютеры двадцать третьего века. Кстати, что сейчас там происходит?

— Все нормально, — сказал Мстислав. — К нам никто не приставал.

— Врешь, — заявил москомп.

Он произнес эти слова спокойно и вежливо, без малейшей угрозы, но с непоколебимой уверенностью. Мстислав немного смутился.

— Не вру, а недоговариваю, — уточнил он. — Двадцать третий век большой. В той его части, где мы были, все спокойно, а там, где семь-добро-четыре и так далее, там совсем плохо. В прошлый раз на нас стражник напал.

— И как? — заинтересовался москомп. — Чем все кончилось?

— Отбились, — лаконично ответил Мстислав и поспешил перевести разговор на другую тему: — Тут со мной дядя мой, Святослав…

— Ух ты! — потрясенно выдохнул москомп. — Настоящий святой! В латентной фазе, правда… но так даже интереснее! Рад тебя приветствовать, Святослав Всеволодович, для меня большая честь познакомиться с тобой лично. Может, ты желаешь отдельные хоромы, более почетные?

Святослав смутился. Казалось, еще немного, и он начнет краснеть и шаркать ножкой, как красна девица перед поддатой дружиной.

— Не надо, — сказал он. — Я пока лучше осмотрюсь немного.

— Да, это мудрое решение, — поспешно согласился москомп. — Только у меня к тебе две просьбы. Во-первых, я прошу разрешить публикацию твоих фотографий и видеозаписей.

— Чего? — переспросил Святослав.

— Ну, картинок и… гм… эээ… Боюсь, это проще показать, чем объяснить словами.

— Иконы, что ли? — предположил Святослав.

— Ну… можно и так сказать, они, правда, не освященные… Но если тебя смущает моя просьба, я не смею настаивать…

— Пока меня ничего не смущает, — заявил Святослав.

— Спасибо, — сказал москомп. — Теперь вторая просьба. Мне бы очень хотелось, чтобы ты прошел психотест.

— Что прошел?

— То самое испытание, — пояснил Мстислав. — Я думал, москомп, тебя просить придется.

— Не придется, — заявил москомп. — Я могу осведомиться, как зовут третьего из вас?

— Еремей.

— Глебович?

— Глебович, — согласился Еремей и подозрительно спросил: — А откуда ты меня знаешь? Неужели меня тоже в летописях

упоминают?

— А как же! — радостно воскликнул москомп. — Победитель булгар в 1220 году (Святослав скривился) и предводитель Владимирской рати в Коломенской битве.

Еремей ехидно усмехнулся и спросил:

— Это в которой нас монголы разгромили?

— Проиграть Субудаю совсем не позорно, — заявил москомп. — Особенно с учетом того, что ты чуть было не победил. Если бы ты не вывел войска из-за надолбов…

— Сам знаю, — оборвал его Еремей. — Второй раз такой ошибки не допущу. Только мне кажется, теперь вся история Руси пойдет по-другому.

— Я тоже так думаю, — согласился москомп. — Мы обязательно обсудим этот вопрос, но сначала я бы хотел, чтобы вы со Святославом прошли психотест.

— Пройдем, — пообещал Еремей. — А как его проходить-то?

— Для начала идите по тропе к кабине, а потом я все объясню.

3.

Место, которое выбрал Колян, на первый взгляд было идеальным. Небольшая ровная площадка с постоянным уклоном, надежно укрытая от посторонних взглядов складками местности. Если бы она была пуста, она бы идеально подходила для посадки.

Тарелка коснулась земли всеми тремя опорами, начала заваливаться на бок, но сразу же зафиксировалась в устойчивом положении. Гравитационное поле отключилось, сила тяжести снова стала нормальной. Колян отключил силовой колпак кабины, посмотрел наружу и тут же уперся взглядом в глаза здоровенной кавказской овчарки. Пес смотрел прямо на него, уши пса были прижаты, шерсть на загривке встопорщилась, а из горла доносилось приглушенное рычание.

Колян проворно нацепил на голову шлем, опустил лицевой щиток, извлек бластер из набедренной кобуры и только после этого почувствовал себя более-менее уверенно.

Тем временем к рычащему псу присоединились еще две собаки той же породы, но поменьше, видать, взрослые дети старого кобеля, а может, и суки, с первого взгляда не разберешь.

Колян огляделся по сторонам и понял, что произошло. Он посадил тарелку совсем рядом с пасущимся овечьим стадом. Большинство овец толпилось метрах в двухстах, вокруг них с лаем носились еще три собаки, сгоняя подопечных в плотное

стадо.

А вот и чабан. Точь-в-точь как на фотографиях в газетах советских времен. Высокий и тощий, с длинными седыми усами и окладистой бородой, неподвижное лицо изрезано глубокими морщинами. Несмотря на жаркий летний день, одет в бурку и папаху. Интересно, сколько ему лет? У кавказцев сразу и не поймешь — то ли семьдесят, то ли сто, долгожители, блин…

Колян встал с кресла, засунул бластер обратно в кобуру и выставил перед собой руки открытыми ладонями вперед. Чабан не отреагировал.

— Салям алейкум! — провозгласил Колян.

Чабан пробормотал в ответ что-то непонятное, но точно не «алейкум ассалям».

Колян поставил ногу на борт тарелки, но собаки зарычали и Колян счел за лучшее пока не высовываться.

— Отзови собак, почтенный! — крикнул Колян.

Чабан что-то сказал на своем языке, главный пес поднялся и неторопливо потрусил к хозяину, поглядывая на Коляна через плечо. Его младшие сородичи потрусили следом.

Колян выбрался из летающей тарелки и подошел к чабану. Когда до чабана оставалось шагов десять, собаки вновь зарычали. Колян остановился и сказал:

— Приветствую тебя, почтенный. Прошу прощения, что потревожил твое стадо.

Чабан не реагировал. Он смотрел в глаза Коляну немигающим взглядом филина и ничего не говорил. Просто стоял и смотрел.

Колян не знал, как себя вести и что говорить. Интересно, этот сын гор хоть что-нибудь слышал про летающие тарелки? А если не слышал, то за кого он принимает Коляна?

— Это еще что такое? — раздался в наушниках голос Елены.

— Чабан, — пояснил Колян. — Кажется, я потревожил его стадо.

— Ты дятел, — сообщила Елена. — Я приземляюсь.

Гравитационная волна прошла по телу Коляна, вызвав легкое головокружение и спазм в желудке. Собаки заскулили. Воздух рядом с Коляном сгустился и из него родилась Елена, как Венера из морской пены. На самом деле она, конечно, не родилась из воздуха, а спустилась сверху, но так можно было подумать только в том случае, если заранее знать, что произошло. Для стороннего наблюдателя казалось, что Елена возникла из ничего.

Елена отключила невидимость, на секунду замерла на месте, дала себя разглядеть, а затем склонилась в легком поклоне и почтительно произнесла:

— Приветствую тебя, отец. Прости моего друга, он напугал тебя по недомыслию.

— Меня так просто не напугаешь, — сказал вдруг чабан скрипучим старческим голосом.

Повернулся к ним спиной и пошел прочь. Собаки последовали за ним.

4.

Пульт летающей тарелки пропиликал веселую мелодию.

— А вот и он, больной зуб, — сообщила Елена. — Я уж начала бояться, что москомп все напутал и Вахидова здесь нет.

— Он все-таки здесь? — заинтересовался Колян. — Где?

— Сейчас… — Елена потянулась к экрану в центре пульта, на котором отображалась карта местности. — Не понимаю… Эээ… Ну ни хрена себе маскировка! Понятно, почему российские самолеты ничего не обнаружили. Базу видно только в рентгеновском диапазоне, да и то только если сравнивать с картинками из других диапазонов. У них тут целая воинская часть в лесу. Ага, вот он. Посиди пока здесь, а я полетела.

Не дожидаясь, когда Колян начнет возражать, она надвинула лицевой щиток шлема, взобралась на спинку кресла, сильно оттолкнулась обеими ногами и в верхней точке прыжка включила гравитационную тягу. Близкая масса летающей тарелки повисла на ногах стопудовым грузом, но тут же отпустила и Елену выстрелило вверх, как пробку из бутылки шампанского.

Она вышла на высокую параболическую траекторию и отключила тягу. Указания роботам… расчет точки приземления… синхронизация… сделано. Осталось только передать управление на автоматику и ждать.

Точно в рассчитанный момент автоматика затормозила полет Елены и развернула тело ногами вниз. Внизу большой участок леса вдруг сместился в сторону и стало ясно, что это вовсе не лес, а маскировочная сеть, с большим искусством натянутая между кронами настоящих деревьев. Интересно, что сейчас думают боевики? Когда неведомая сила выкусывает из маскировочной сети здоровенный квадрат — зрелище не для слабонервных.

В следующую секунду Елена поняла, что если внизу и есть слабонервные, то они пребывают в меньшинстве. Не успела Елена приблизиться к отверстию в маскировочной сетке, как ее встретил плотный автоматный огонь. Лишь по чистой случайности ни одна пуля ее не задела.

Елена совершила стандартный маневр ухода из-под атаки,

одновременно фиксируя расположение огневых точек. Пятеро боевиков, скорее всего, часовые, быстро сориентировались в ситуации и открыли заградительный огонь по неведомому воздушному противнику. Их решительность и быстрота достойны восхищения, но в бою надо сначала уничтожить противника и только потом можно восхищаться его действиями. Один за другим Елена сделала пять выстрелов прямо сквозь маскировочную сеть — задержать пули она все равно не сможет.

Точнее, не должна была задержать. Четыре пули, как и ожидалось, вспухли огненными цветками на поверхности земли, а пятая разбилась о стальную проволоку, несущую на себе один из сегментов сети, проволока расплавилась и пролилась вниз огненным дождем. Синтетические веревки и пластмассовые листья вспыхнули ярким голубым пламенем и тут же погасли, полностью сгорев. Через секунду здоровенный участок маскировочной сети перестал существовать.

Теперь по Елене стреляли уже человек пятнадцать, а еще человек двадцать, не имевших при себе оружия, быстро отступали в сторону густого кустарника. Ни один из стрелявших Елену не видел, пулевые трассы, отчетливо видимые в инфракрасном диапазоне, пересекали небо в самых разнообразных направлениях, но ни одно из них не только не пересекалось с траекторией Елены, но даже близко не проходило.

Однако расслабляться пока еще рано, дело еще не сделано. Елена сняла последнюю информацию с роботов-разведчиков и выделила среди людей, суетящихся внизу, того, который был ее главной целью. Прицелилась и нажала на спуск. Человека не стало.

Елена заложила последний вираж, врубила полную тягу и взмыла вверх. Вот теперь дело сделано.

Она не стала приказывать роботам выдать ей полную картину происходящего, ей не хотелось разглядывать кровавые подробности крупным планом. Работа есть работа, в каждой работе есть свои неприятные стороны и на них лучше не концентрироваться. Иначе в один прекрасный день ты поймешь, что тебе начинает нравиться вся та мерзость, которую ты творишь. А это уже прямая дорога к неврозу.

5.

— Ну как, дядя? — спросил Мстислав.

— Первый уровень, — растерянно ответил Святослав. — Мало?

Мстислав грязно выругался. Святослав укоризненно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Мало, — вздохнул Мстислав. — Лучше, чем у меня и Еремея, но все равно мало. Людям с первым уровнем оружие не доверяют. А я так надеялся…

Под потолком тихо покашлял москомп.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в ваш разговор, — осторожно произнес он, — но могу я осведомиться, зачем вам нужно оружие?

— Через полтора года в нашей реальности произойдет монгольское нашествие, — ответил Мстислав.

— Вы надеетесь остановить монголов бластерами? — спросил москомп. — Побочных эффектов гонки вооружений вы не боитесь?

— Побочных чего? — переспросил Еремей.

— Проявлений, — перевел с латыни Святослав. — Ты имеешь ввиду, что это оружие будет применено в междоусобицах?

— Конечно. Когда оно появится в вашем времени, вы не сможете долго сохранять контроль над ним.

— Эту неприятность мы переживем, — заявил Святослав. — У меня есть по этому поводу кое-какие мысли, только мне надо еще почитать кое-что.

— Конечно, почитай, — согласился москомп. — Когда будешь готов продолжить разговор, мы его продолжим.

— Давайте продолжим разговор прямо сейчас, — заявил Мстислав. — Москомп, скажи мне, пожалуйста, Ярослав предал моего отца или нет?

— А я-то откуда знаю? — ответил москомп вопросом на вопрос. — Летописи настолько фрагментарны, что восстановить подробности невозможно. Твоя версия ничему не противоречит, но насколько она правдива — бог весть. Ты, кстати, можешь это выяснить.

— Как?

— Например, лично спросить своего дядю.

— Так он мне и ответит! Или… — Мстислав нахмурился. — Ты что это имеешь ввиду? Пытать, что ли?

— Людей нельзя пытать, — заявил москомп. — Да и не нужно, я и без пыток умею отличать правду от лжи. Если ты возьмешь с собой мой автономный модуль, нам несложно будет выяснить, кто кого предал, а кто нет.

Мстислав затаил дыхание. Это была неслыханная удача, он и помыслить не мог, что москомп согласиться помочь не только словом или оружием, но и личным участием. Лишь бы не спугнуть удачу!

— Пойдем, — сказал Мстислав. — Прямо сейчас пойдем.

— Погоди, княжич, — осадил его Еремей. — Ты в Новгород сам лично собрался ехать? На коне от самой Москвы?

— Надо будет — поеду, — заявил Мстислав. — Только не в Новгород, а в Киев, Ярослав нынче там сидит. Москомп, тарелку дашь?

— Дам. Летающих роботов тоже дам, без них тарелка тебе не поможет, ты же не будешь ее на крышу терема сажать.

— Спасибо, москомп! — обрадовался Мстислав. — Ну что, поехали?

— Эх, молодежь, молодежь, — вздохнул москомп. — Вечно вам все не терпится. Отправимся вечером, сначала надо тарелку через портал перетащить.

— А чего ее перетаскивать? — удивился Мстислав. — Погоди… Она что, целиком не пролезает? Есть же маленькие тарелки на одного человека…

— Дело не в размере, а в том, что в густом лесу тарелки не летают. Там даже маленьким роботам туго приходится, чуть не так пошевелился — сразу падаешь в кусты и без посторонней помощи уже не взлетишь. Придется тарелку сажать на поляну, разбирать, по частям протаскивать через портал, а на другом конце собирать обратно. Ты мне лучше вот что скажи — вы в последний раз через какое время шли?

— Вторым числом слово вместо добра, — ответил Мстислав. — Там пока все спокойно.

— Хорошо, — сказал москомп. — Спасибо. Когда закончу возиться с тарелкой, я тебя позову.

6.

Масяня с Хрюнделем не врали, ночью в горах очень холодно. Колян закрыл силовой колпак, в кабине стало теплее, но теперь ему казалось, что тарелка висит не в ста метрах над горным аулом на юге Чечни, а где-то в глубоком космосе, и что на экранах отображаются не события, происходящие непосредственно внизу, а любительский видеофильм.

Коляну было грустно и печально, он чувствовал себя пятым колесом в телеге. Чем больше они с Еленой занимались контртеррористическими делами, тем меньше Колян понимал, зачем он нужен Елене. И в Осетии, и в Грузии она все делала сама, Колян просто наблюдал за ее действиями, он играл роль придурковатого доктора Ватсона при гениальном Шерлоке Холмсе или роль неуклюжего Робина при ловком и отважном

Бэтмене. Вот и сейчас Елена вела переговоры с одним из чеченских вождей, а Колян сидел за пультом и наблюдал.

От него ничего не требовалось. Даже если ситуация выйдет из-под контроля, от Коляна никто не ждет помощи — Елена сама отдаст нужную команду и бортовой компьютер тарелки сделает все необходимое без участия Коляна. Чем дольше Колян думал о том, что происходит, тем сильнее ему хотелось плюнуть на все, увести тарелку к порталу, вернуться в свой новый дом в далеком будущем, а Елена пусть выкручивается как хочет.

Колян понимал, что никогда так не сделает. Не только потому, что опасается справедливого гнева Елены, но и потому, что так поступать нельзя. Нельзя обманывать доверие товарища, даже если этот товарищ относится к тебе как к пустому месту. Это утверждение по сути — программа, она крутится в твоем мозгу и ты ничего не можешь с ней поделать. Да и не хочется ничего делать, потому что программа правильная, но, с другой стороны, когда у тебя есть иллюзия свободы, чувствуешь себя намного лучше. И зачем только Елена рассказала про эти программы? Так хорошо было ничего не знать про них…

Между тем бородатый террорист помаленьку поддавался на уговоры, сейчас они с Еленой перешли к обсуждению условий и гарантий. В какой-то момент в руках у Елены появился спутниковый телефон, она позвонила Станиславу, тот включился в разговор и диалог стал практически неотличим от обычных переговоров представителей двух конкурирующих фирм. Или двух враждующих банд, в России эти понятия обычно не различаются.

Какое-то время Колян размышлял, не стоит ли ему отправиться к порталу своим ходом, с использованием ранцевого антигравитатора. Теоретически это возможно, но если лететь в плотных слоях атмосферы, полет займет часов десять, а чтобы подняться в стратосферу, надо иметь не обычный бронекостюм, а полноценный скафандр.

В наушниках монотонным потоком звучали слова, которыми обменивались полковник ФСБ и генерал боевиков. Именно боевиков, а не террористов, непосредственно в терроризме этот человек не был замечен ни сейчас, ни в будущем. Потому его и не пристрелили в назидание другим, а включили в разработку. Впрочем, такого человека обработать непросто, боевой офицер все-таки, сразу не запугаешь.

Елена и не пыталась его запугивать. Незримой тенью она проскользнула мимо охраны, на пороге сакли отключила камуфляж и возникла перед объектом разработки, как внезапно материализовавшийся призрак. Разговор она начала с того, что

водрузила на стол ноутбук и продемонстрировала видеозаписи двух сегодняшних операций. Колян и не знал, что роботы-разведчики в обоих случаях записывали фильм, Елена не удосужилась поделиться этой подробностью.

Переговоры подходили к концу. Вождь боевиков уже согласился сдаться, но продолжал настаивать, чтобы сдача была почетной, как у имама Шамиля полтора века назад. Его требования были разнообразными — гарантии личной безопасности для него самого и ближайших помощников, защита от многочисленных врагов, жаждущих кровной мести, легализация капиталов, лежащих в иностранных банках… Как ни странно, больше всего споров было по последнему вопросу. Станислав настаивал на том, чтобы пленный пожертвовал родному государству все накопления, нажитые незаконным путем, но сам пленный против такого расклада категорически возражал. Воины Аллаха, блин! Прогресс, однако, теперь даже горцы думают не о чести, долге и традициях, а в первую очередь о деньгах. Прав был москомп, мир уже давно загнивает.

Последние минут пять Елена практически не участвовала в разговоре. Она откровенно скучала и Колян решил этим воспользоваться.

— Долго его еще обрабатывать? — спросил он.

— Не знаю. Уже соскучился?

— Ага. Я правильно понимаю, что нам надо будет доставить его в Москву?

— Скорее всего. Но ты не бойся, он нам ничего не сделает. Бой в замкнутом пространстве — моя сильная сторона.

— Да я не об этом. Как он в тарелку залезет? Будем на крышу сакли садиться?

Несколько секунд Елена молчала, обдумывая ответ. Наконец, она растерянно произнесла:

— Действительно, непонятно. Может, на руках поднять?

На экране было хорошо видно, как Елена критически осматривает своего собеседника и раздраженно хмурится. Елена — женщина очень сильная, причем не только в переносном смысле, но и в прямом, но какая бы сильная она ни была, против законов физики не попрешь. Как ни держи этого хмыря, все равно он слишком большой, чтобы полностью уместиться в стержневой зоне антигравитатора. А стоит только какой-нибудь конечности хоть чуть-чуть высунуться в компенсационную зону, тут же возникнут паразитные потоки, которые вырвут тело из рук носильщика и с ускорением два же расшибут о землю. Взять вдвоем за руки за ноги?.. То же самое. Может, если собрать всех летающих роботов вместе…

— Обвяжем веревкой и поднимем на лебедке, — сказала Елена. — У тарелки есть внизу технический люк, через него и затащим.

Колян почувствовал злость, глупую, но оттого еще более сильную. Никчемный он человек, нет от него никакой пользы, ни в делах, ни в обсуждении. До такой очевидной вещи не догадался!

— Коля, не спи, — сказала Елена. — Они уже договорились, сейчас будем поднимать товарища.

— Он мне не товарищ, — буркнул Колян. — Тамбовский волк ему товарищ.

— Теперь уже товарищ, — возразила Елена. — Это называется политика. Снижаться будешь сам или мне лучше удаленное управление задействовать?

— Ты лучше лебедку задействуй, — посоветовал Колян. — И люк открой, а то я не знаю, где он тут вообще есть.

— Ничего-то ты не знаешь, — проворчала Елена.

Тарелка дрогнула и медленно поползла вниз. По ногам подуло сквозняком, очевидно, открылся люк. Колян попытался найти его взглядом, но не смог, вероятно, люк находился где-то сзади, то ли в багажном отделении, то ли между кормовыми генераторами.

Колян чувствовал сильнейшее, практически непреодолимое желание выплеснуть злость наружу и высказать все, что он думает о Елене и ее упреках. Он понимал, что упреки справедливы, он ведь действительно ничего не умеет и только мешается под ногами, но от этого понимания злость становилась только сильнее. Колян знал, что удержит эмоции при себе по крайней мере до тех пор, пока вождь террористов не будет доставлен куда надо. Не потому, что Колян так уж серьезно относится к поставленной задаче, а совсем по другой причине. Он просто не хочет подчиняться программе, которая утверждает, что если тебя обидели, следует непременно надо дать сдачи. Программу не интересует, заслуженно тебя обидели или нет, в программе не предусмотрено такой проверки, обидели — дай сдачи, а почему обидели — несущественно. А если ты отказываешься мстить, запускается другая программа, которая тихо давит на мозги внутренним голосом: «ты чмо, ты чмо…» Свобода, блин…

7.

На второй день в новом мире Настя поняла, что произошло с ее семьей — они все умерли и попали в рай. Настю смущало, что

она не помнила момента, когда они умерли, но, немного поразмыслив, она поняла, когда это произошло. Та самая плита с цифрами и латинскими буквами — когда папа ее коснулся, она убила его и всех, кто был рядом, и сейчас они находятся в раю.

Настя поделилась этой мыслью с мамой, мама очень удивилась, а потом стала смеяться, но не весело, а как-то нервно, как будто они с папой в очередной раз поругались и она сильно переживает. Мама сказала, что никто не умер и что это вовсе не рай, а просто очень хорошее место и оно ей тоже нравится.

А уж Насте-то как нравилось здесь! Во-первых, Баскервиль. Дедушка сказал, что этот маленький смешной песик ненастоящий и неживой, что это просто игрушка. Настя сделала вид, что поверила ему, но в глубине души посмеялась над глупыми взрослыми. Они думают, что игрушки неживые! Ха-ха-ха.

Баскервиль и вправду сильно отличается от обычных собак, но так даже лучше. Он всегда слушается и все команды выполняет с первого раза, он прекрасно понимает человеческую речь, говоришь ему «иди сюда» — идет, говоришь «дай лапу» — дает.

Есть у него некоторые странности — он не писает и не какает, а ест не каждый день, а только тогда, когда Настя хочет его покормить. Но когда она его кормит, он кушает с большим аппетитом и очень радуется. Замечательная собака!

Еще Насте очень понравилось, что в новом мире, который мама называет «будущее», можно гулять совсем одной, без взрослых. Здесь не бывает злых людей, можно никого не бояться и гулять где угодно и когда угодно, даже ночью, и ничего плохого с тобой не случится. Можно даже купаться без присмотра взрослых, причем не только в мелком надувном бассейне, но и в настоящем большом море. Поначалу мама боялась отпускать Настю одну, но москомп ей объяснил, что за Настей повсюду присматривают роботы, и мама перестала бояться. Потом Настя сказала москомпу, что когда она гуляет одна, она не видит никаких роботов, а москомп ей ответил, что так все и задумано, роботы не хотят надоедать и потому прячутся. Но если Настя заблудится или начнет тонуть, они сразу появятся и обязательно ей помогут.

Первые дни в будущем Настя с утра до вечера пропадала на пляже, купалась, загорала, играла с другими детьми и со специальными роботами, предназначенными, чтобы развлекать детей. Настю раздражало, что все дети, с которыми она играет, не понимают по-русски, но когда она начала злиться и плакать, к ней подлетел маленький железный шарик и стал переводить на русский язык то, что говорили другие дети. Дети говорили

глупости, они говорили, что Настя глупая, раз не понимает международного языка. Настя обиделась и сказала, что они сами глупые. Дети тоже обиделись, а один смешной мальчик, черный и с кудрявыми волосами, хотел ее ударить. Но железный шарик что-то ему сказал, мальчик не стал ее бить и ушел. А Насте шарик сказал, что ей надо выучить международный язык и тогда все будут ее понимать и никто не будет смеяться. Тут к ним подошла одна большая девочка, она предложила научить Настю международному языку и тут же начала учить, но потом она предложила поиграть в доктора, а шарик сказал, что с Настей в это играть нельзя, потому что она еще маленькая и неправильно понимает. Настя обиделась и сказала, что все понимает правильно, но девочка все равно ушла. Тогда Настя чуть не расплакалась, но шарик предложил ей сходить в детский парк развлечений и Настя успокоилась.

Парк развлечений был великолепен. Там было много разных аттракционов, по аллеям бродили настоящие звери, повсюду стояли столики, за которыми можно было поесть или попить, причем все было бесплатно. Раньше Настя несколько раз бывала в зоопарке и в Парке Горького, а однажды, когда они с мамой и папой ездили за границу, они были в настоящем Диснейленде, тогда она думала, что лучше места не может быть нигде, но она была не права. Парк развлечений двадцать восьмого века был гораздо лучше Диснейленда.

Через неделю Настя узнала, что можно побывать на других планетах, и не понарошку, как в Диснейленде, а по-настоящему. Она видела настоящих динозавров, только они ходили на шести лапах, а не на четырех. Она видела ночное небо, половину которого занимала огромная туманность, светящаяся тусклым бордовым светом, как мамино вино, когда смотришь сквозь бокал на свет лампы. Еще Настя побывала в настоящем скафандре в настоящем космосе, но там ей совсем не понравилось — сильно кружилась голова и было нечего делать. На одной планете Настя видела зеленое небо, с которого светило красное солнце, на другой — джунгли, составленные из угловатых оранжевых кристаллов… чего она только не видела…

Иногда ей казалось, что она все-таки в раю, а мама не признается ей, потому что не хочет, чтобы она знала, что умерла. Взрослые иногда бывают такими глупыми! Вот, например, когда умерла бабушка, мама говорила Насте, что бабушка надолго уехала, а куда уехала — не говорила. Настя тогда очень тревожилась и если бы дедушка не объяснил все нормальными словами, Настя наверняка сильно расстроилась бы.

Надо будет как-нибудь спросить у дедушки, в раю они или

нет. Дедушка врать не станет.

8.

Очередная стадия контртеррористической операция завершилась успешно. Летающая тарелка приземлилась во внутреннем дворике большого кирпичного здания на окраине Москвы, объект разработки был выгружен и отконвоирован куда-то внутрь.

— Подвалы Лубянки? — ехидно спросил Коля.

Стас, лично встретивший их, скорчил раздраженную гримасу и ответил вопросом на вопрос:

— Совсем ориентацию потерял?

Коля почему-то подумал, что речь идет не о географической ориентации, а о сексуальной, и рассердился. Елена слушала его и тихо посмеивалась про себя — эти гомофобы такие смешные!

Коля начал ее беспокоить. На обратном пути в Москву он вел себя необычно тихо, всю дорогу думал о чем-то своем и выглядел каким-то потерянным. То ли устал, то ли… черт его знает.

— Кто следующий? — спросил Стас.

— Желудевский, — ответила Елена.

— Ликвидация или разработка?

— Ни то, ни другое, — улыбнулась Елена. — Публичное покаяние.

Стас присвистнул.

— А сумеешь?

— Сумею, — Елена снова улыбнулась, но теперь улыбка ее стала хищной и немного жутковатой. — Покажу ему кое-какие записи из архива, должно подействовать.

— Уже компромат успела собрать? — удивился Стас. — Так быстро?

— Это не компромат, это мое личное портфолио, видеосъемки нескольких следственных мероприятий. На объекты разработки обычно очень хорошо действует.

— А если не подействует?

— Тогда архив пополнится, — улыбнулась Елена все той же зловещей усмешкой.

Стас чуть-чуть склонил голову набок и окинул Елену критическим взглядом.

— Непохожа? — спросила Елена.

Стас не стал переспрашивать, на кого она непохожа, он понял ее с полуслова.

— Непохожа, — подтвердил он. — Не могу себе представить,

как ты… мне это даже вслух произнести трудно.

— Это хорошо, что трудно, — опять улыбнулась Елена. — Контраст между ожидаемым и реальным поведением шокирует и подавляет. Можешь не сомневаться, мне не раз приходилось пытать людей. Я не люблю это делать, я не садистка, но если будет нужно, я справлюсь.

Стас некоторое время задумчиво смотрел на Елену, а потом вдруг поежился и перевел разговор на другую тему.

— Переночуете у нас? — спросил он. — Или сразу в будущее?

— У меня есть другая идея, — сказала Елена. — Коля, твоя квартира сейчас пустует?

Коля аж вздрогнул от неожиданности. Он приподнял брови и посмотрел на Елену недвусмысленным оценивающим взглядом. Елена поняла, о чем он думает, и мысленно захихикала. Что бы вокруг ни происходило, молодые мужчины всегда думают о сексе и только потом обо все остальном.

— Я вообще-то не это имела ввиду, — сказала Елена, выдержала паузу и добавила: — Но так даже лучше.

Стас иронично хмыкнул и провозгласил:

— Роковая женщина.

Коля полез в тарелку. Воистину, когда мужики думают о сексе, все другие мысли у них отшибает.

— Тарелка пусть лучше останется здесь, — сказала Елена. — Или ты собрался ее на балкон сажать?

— А что? — отозвался Коля. — То есть, конечно, не на балкон, но на крышу вполне можно посадить.

— Лучше не надо. Найдут ее бомжи какие-нибудь, журналистов притащат… Или, не дай бог, ветром сдует.

— А здесь… — Коля начал говорить и осекся, не зная, как сформулировать мысль, чтобы не обидеть Стаса.

— Здесь все будет нормально, — заверила его Елена. — Компьютер! Когда Коля вылезет из тарелки, установи колпак и не пускай никого внутрь, пока мы не вернемся.

— Все сделаю в лучшем виде, — заверил ее компьютер.

— Вот видишь, — обратилась Елена к Коле, — все будет хорошо. Давай, не тормози, полетели, будешь дорогу показывать. Только не опускайся слишком низко, а то провода зацепишь.

9.

Москомп сообщил о готовности поздним вечером, незадолго до заката. К этому времени путешественники уже успели хорошо отметить успешное прибытие в будущее. Сторонний наблюдатель

ничего не заметил бы — князь или воевода, когда напивается, до последнего момента ведет себя как обычно, лишь чуть-чуть раскованнее, с первого взгляда и не поймешь, пьяный перед тобой или трезвый. Если верить будущим летописям, в более поздних временах большинство политиков обладали тем же свойством, а исключения вроде царя Бориса лишь подтверждают это правило.

Услышав, что летающая тарелка успешно доставлена в тринадцатый век, Святослав схватился за шестопер Еремея и заявил, что хочет лично поучаствовать в допросе своего непутевого братца. Еремей возразил, что это мероприятие боевое, а в бою Святослав при всем уважении не тянет ни на мужа, ни даже на огнищанина, а тянет всего лишь на отрока. Святослав покраснел и напрягся. Еремей поспешно добавил, что высоко ценит Святослава как хорошего правителя, что в булгарском походе заслуги Святослава ничуть не меньше, чем заслуги Еремея, и что он никогда не считал, будто Святослав… Тут Еремей осекся, и вовремя. Святослав — человек спокойный, но на такие намеки мог бы и обидеться.

Мстислав воспользовался заминкой и вмешался в разговор, сообщив, что из всех троих только он умеет пользоваться летучим мешком и потому никто, кроме него, в этом мероприятии участвовать не сможет. О том, что летучий мешок поддерживает удаленное управление, Мстислав благоразумно умолчал.

Святослав с Еремеем тут же заинтересовались, что это за вещь такая — летучий мешок. Мстислав посоветовал им расспросить москомпа. Святослав сказал, что это у них не получится, потому что москомп отправится в прошлое вместе с Мстиславом. Мстиславу пришлось объяснить, что компьютеры в отличие от людей умеют помещать часть своей души в отдельное тело, так называемый автономный модуль, а оставшаяся часть души остается на месте и может разговаривать так же, как и раньше. Это сообщение вызвало живой интерес, князь и воевода стали наперебой выспрашивать у москомпа разные подробности, а Мстислав тихо вышел из комнаты, оделся в броню и пошел в будку для мгновенных перемещений.

Через час он сидел в летающей тарелке, висящей над ночным Киевом. Летающие роботы, похожие на большие железные яблоки, рыскали над городом, отыскивая Ярослава. Мстислав сидел в кресле, боролся с пьяной дремой и ждал.

— Нашел, — сказал вдруг москомп. — Ярослав в Софийском соборе, свечи перед иконами ставит. Отличный момент, надо перехватить его там, пока не ушел. Если он увидит тебя в храме, по крайней мере, за черта не примет.

Мстислав опустил забрало шлема и стал расстегивать ремни,

которыми был пристегнут к креслу.

— Сам спустишься? — спросил москомп. — Я могу помочь…

— Не надо, — оборвал его Мстислав. — Сам спущусь, не маленький.

Он осторожно залез на сиденье, перекрестился и перешагнул через бортик кабины. Наружная обшивка тарелки оказалась мокрой и очень скользкой, не иначе, ночная роса выпала. Мстислав поскользнулся, стукнулся гузном о железо, заскользил к краю тарелки и полетел вниз.

Не успел он пролететь и двух саженей, как неведомая сила подхватила его и рванула вниз, да так сильно, как будто к ногам привесили стопудовую гирю. В лицо ударил ветер, глаза заслезились, дыхание сбилось, руки и ноги напором воздуха разбросало в стороны, Мстислав почувствовал, что сейчас начнет кувыркаться. Он поспешно врубил тягу, но падение не замедлилось, его просто понесло вбок, прямо на купола белокаменного собора.

«Дурацкая смерть», успел подумать Мстислав и тут его снова подхватила и встряхнула неведомая сила. Падение остановилось, Мстислав неподвижно завис в воздухе.

— Осторожнее надо, — укоризненно проговорил голос москомпа в наушниках шлема.

— Сам знаю, — буркнул Мстислав и стал спускаться, теперь уже осторожно.

Несмотря на все предосторожности, в конце спуска Мстислав все-таки упал, но не ушибся, удар о землю получился неожиданно мягким. Поднявшись на ноги, Мстислав понял, почему — его угораздило плюхнуться в глубокую грязную лужу.

— Броня сильно испачкана, — сообщил москомп. — Маскировка не будет работать. Советую слетать к Днепру и помыться.

— Обойдемся, — пробурчал Мстислав.

Он вдруг почувствовал себя настоящим витязем, тем, кого немцы называют «риттер». Ничего, что он грязен, ничего, что броня не поможет ему спрятаться, ему и не нужно прятаться, настоящие витязи от врага не прячутся, а идут на вы, как завещал Святослав Игоревич. Святослав Игоревич, честно говоря, был не самым лучшим князем, но витязем был первосортным, одним из самых прославленных за всю русскую историю. Не такой славный, как Алеша Попович, но Алеше вообще никогда не было равных, не зря его прозвали божьим человеком. Эх, если бы Алеша со своими семью десятками пришел на Липицу не с Мстиславом Удалым, а с отцом…

Размышляя о разных отвлеченных вещах, Мстислав подошел

к собору и увидел на крыльце десяток отроков в броне и с мечами. Личная охрана Ярослава. Хорош, однако, великий князь киевский, даже по стольному городу без охраны ходить опасается.

Первоначально Мстислав хотел просочиться мимо отроков незримой тенью, но теперь об этом нечего и думать. Может, и вправду стоит помыться…

Мстислав отбросил трусливые мысли и решительно вступил в круг света, отбрасываемого факелом в руке одного из отроков. Отроки прекратили пустой треп о бабах и настороженно уставились на Мстислава. Человека в таком одеянии они видели впервые.

Мстислав включил маскировку и тут же выключил. Трое отроков перекрестились. Страшноватое, надо полагать, зрелище — идет себе человек и вдруг раз и нет человека, только пятна грязи на прозрачном призраке.

— Ша! — крикнул Мстислав. — А ну расступились, вши подпорточные!

Вши подпорточные, однако, не расступились, а наоборот, сбились в кучу и обнажили мечи. Тут десятнику пришло в голову, что неплохо было бы принять правильный строй, и он немедленно озвучил эту мысль. Поздновато озвучил, должен был сразу сообразить. Не иначе, призрака испугался.

— Считаю до трех, — грозно проговорил Мстислав. — Потом пеняйте на себя. Раз.

Опустил правую руку к бедру, растопырил пальцы и сжал в ладони бластер, выпрыгнувший из кобуры.

— Два.

Поднял руку и сдвинул большим пальцем предохранитель.

— Три.

Начал было нажимать на спуск, но вовремя сообразил, что стрелять в полную мощь сейчас не стоит. Повернул регулятор мощности до упора.

Десятник уловил краткий миг растерянности противника и хищно заулыбался, приготовившись к краткой победоносной сече.

— Это было последнее предупреждение, — сказал Мстислав, навел ствол на раззявленный рот десятника и выстрелил, не дожидаясь ответа.

Голова десятника взорвалась, как выпавший из рук арбуз. Опустевший шлем подпрыгнул и покатился по ступеням с металлическим звоном, оставляя за собой кровавый след. Обезглавленное тело грузно рухнуло на каменный пол крыльца.

В воздухе сверкнул метательный нож, брошенный кем-то из отроков. Мстислав не успел увернуться. К счастью, отрок целил не в руку с бластером, а в грудь.

Нож ударил в область сердца и отскочил от брони. Мстиславу повезло — удар был слишком резким, вот если бы отрок бросил нож вполсилы… Впрочем, и тогда бы ничего страшного не случилось. Чтобы пробить эту броню, нож надо не метать, а втыкать, да и сталь должна быть намного лучше, чем бывает в тринадцатом веке.

Мстислав пошатнулся и отступил на шаг. Отроки завопили нечто нечленораздельное и бросились на Мстислава, в мгновение ока позабыв про правильный строй. Мстислав стоял внизу лестницы, им пришлось умерить шаг, спускаясь по ступеням, и это превратило бой в бойню.

Мстислав хладнокровно расстрелял всю обойму, целя в лица противников. Семь обезглавленных трупов валялись на ступенях в живописных позах, а восьмой, которому пуля угодила в переносицу шлема, выл, как раненый пес, безуспешно пытаясь сорвать с головы шлем, превратившийся в раскаленный чугунок. Мстислав выщелкнул пустую обойму и вставил новую.

Двое отроков, оставшихся незадетыми, остановились в замешательстве на верхних ступенях. В дверях храма послышалось какое-то шевеление.

— Ярослав, подлый трус, выходи! — заорал Мстислав. — Убивать не буду, поговорить надо.

— Лучше в храм войди, если сможешь, — послышался сверху испуганный, но, вместе с тем, насмешливый голос князя.

Мстислав поднялся по ступеням, осторожно обходя раскаленные трупы. От трупов сильно пахло жареным мясом, этот запах был настолько противоестественно аппетитным, что к горлу подкатила тошнота.

Отроки испуганно пятились, выставив перед собой мечи. Мстиславу вдруг стало смешно.

— Я не черт, — сказал он и перекрестился.

И вступил в храм.

Дядя Ярослав был бледен, но держался достойно, совсем не так, как двадцать лет назад под Переяславлем.

— А кто тогда? — спросил он. — Ангел, что ли?

Такого предположения Мстислав не ожидал.

— Нет, — растерянно ответил он. — Не ангел.

— Что-то мне твой голос знакомым кажется, — задумчиво проговорил Ярослав. — Где-то я его уже слышал.

— Кто я такой — пусть тебя не волнует, — сказал Мстислав, стараясь, чтобы голос звучал жестко и внушительно. — Отвечай честно и правдиво, как на духу — предал ли ты монголам своего брата Юрия?

— Ха, — сказал Ярослав. — Братанич. Совсем взрослый стал,

Мстислав. А что это у тебя за самострел такой дивный?

Мстислав грозно скрипнул зубами и выстрелил в дверную притолоку. Блеснула вспышка, брызнули осколки камня, в стене осталась выбоина, как от легкого камнемета.

— Не сердись, братанич, — сказал Ярослав. — Не предавал я твоего отца, а тем более монголам. Я монголов этих и в глаза не видел.

— Врет, — раздался в наушниках голос москомпа. — Монголов он видел. Но отца твоего и вправду не предавал. Наверное, не успел еще. Эх, психотест бы ему устроить…

— Зачем?

— Тогда можно точно определить, предаст он Юрия или нет.

— Давай устроим.

— А как? Тарелку здесь сажать нельзя — в грязи забухнет, а наверх его иначе как на веревке не поднять, а на веревке болтаться он не согласится.

— А его никто спрашивать не будет, — ухмыльнулся Мстислав.

— С кем это ты шепчешься? — подозрительно спросил Ярослав.

— Сейчас узнаешь. Выходи из храма.

— Зачем это? Колдовать собрался?

— Выходи! — рявкнул Мстислав.

Получилось неубедительно. Когда тебе всего восемнадцать лет (с учетом времени, проведенного в будущем — девятнадцать), очень трудно рявкнуть внушительно, так, чтобы проняло бывалого вояку.

— Выходи, змей, а не то хуже будет! — добавил Мстислав, но тоже неубедительно.

Ярослав ехидно ухмыльнулся и спросил:

— Неужто родного дядю расстреляешь?

Мстислав обратился к москомпу:

— Так ты говоришь — не успел предать?

— Я не могу точно интерпретировать его поведение, — замялся москомп. — Это только предположение…

— Сам как думаешь — предаст или нет?

— Думаю, предаст. Я не вполне уверен…

— Да с кем это ты шепчешься все время? — раздраженно спросил Ярослав.

— Не твое дело! — огрызнулся Мстислав. — В последний раз прошу по-хорошему — выходи. Пристрелю как бешеного пса.

Мстиславу показалось, что Ярослав побледнел. Точно судить об этом не позволяло освещение.

— За что? — спросил Ярослав. — Христом богом клянусь —

не рядился я с монголами и о твоем отце ни словом с ними не обмолвился.

— Не врет, — сообщил москомп.

— Тогда выходи, — потребовал Мстислав.

— А ты поклянись, что не причинишь мне никакого вреда.

Мстислав вздохнул и сказал:

— Христом-богом клянусь.

Ярослав вышел из врат храма, огляделся и сделал замысловатый жест рукой. В тот же миг Мстислава кто-то ошеломил. Точнее, не кто-то, а один из отроков, сумевший незаметно подкрасться сзади, пока Мстислав увлекся разговором. Шлем из будущего смягчила удар, Мстислава просто сильно качнуло вперед, он потерял равновесие и упал на одно колено. Тут же последовал удар сапогом по руке, бластер выпал и отлетел далеко в сторону.

Мстислав перекатился через плечо и врезался боком в ноги второго отрока, тот упал прямо на него и придавил своим телом. Мстислав потянулся к голенищу, но засапожного ножа там не было. В бронекостюме сапоги являются продолжением штанов, там нет места, куда можно спрятать нож.

— Кончайте его, — послышался голос Ярослава.

Мстислав попытался выбраться из-под бестолково ворочающегося отрока, но это никак не удавалось. Краем глаза Мстислав видел, что к нему приближается второй отрок, да еще по ступеням кто-то поднимается…

— Москомп! — крикнул Мстислав.

В воздухе вжикнула серая молния и перед лицом приближающегося воина зависло серое железное яблоко.

— Назад! — угрожающе прорычал нечеловеческий голос компьютера.

Воин ахнул и испуганно отшатнулся. Другой отрок, барахтающийся на Мстиславе, замер в изумлении, и это спасло Мстиславу жизнь.

Мстислав ужом выскользнул из-под противника и, не вставая на ноги, на четвереньках рванулся к бластеру. Ярослав с неожиданным для своих лет проворством метнулся наперерез и пнул бластер сапогом. Бластер улетел во тьму.

— Даю целеуказание, — сказал москомп в наушниках Мстислава.

На внутренней поверхности шлема появился красный крест. Мстислав перекувыркнулся, вскочил на ноги, спрыгнул с высокого крыльца, упал, но сразу поднялся и побежал к тому месту, на которое указывал крест. В бок ударила стрела, отразилась от брони, но чуть не сбила Мстислава с ног. От второй

стрелы Мстислав исхитрился увернуться, а в следующий миг он добрался-таки до бластера. Схватил бластер, крутанул регулятор, придавая пулям наибольшую возможную мощность, и выстрелил во тьму, откуда летели стрелы и где светились метки целеуказания, заботливо предоставленные москомпом.

Вспышка была ослепительной. Забрало шлема потемнело, защищая глаза Мстислава, а наушники приглушили звук взрыва, защищая уши. А вот охранники великого князя, не имевшие такой защиты, прямо-таки остолбенели. В смысле, остолбенели те охранники, которых не разметало взрывом.

Ярослав застыл на крыльце, как соляной столб из библии. Мстислав поймал его в прицел и прошептал:

— Иуда.

И нажал на спуск.

10.

— Скромная квартирка, — сказала Елена. — Бедновато вы жили в начале века. Да и без роботов, наверное, тяжело приходилось. Полы вручную моешь?

— Обычно жена моет, — ответил Колян. — Я пылесошу.

— Вручную? Бедненький… Кстати, давно хотела спросить — почему ты сегодня такой грустный? Что-то случилось или просто устал?

Колян пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Скорее, устал. Очень трудно ничего не делать, когда все вокруг суетятся.

Елена издала нечленораздельный звук и хлопнула себя по лбу.

— Так вот в чем дело! — воскликнула она. — А я-то думала… Извини, Коля, я и не подумала, что ты так все воспримешь. Я дура. Тебе надо дать поработать самостоятельно. С завтрашнего дня мы разделимся, ты попросишь москомп доставить тебе еще одну тарелку и мы поделим цели. Желудевского, ты уж извини, я тебе не отдам, с ним тебе не справиться, а вот Бен Ладена, например… Хочешь лично замочить террориста номер один? Или, если хочешь, либераста какого-нибудь пристрели, из тех, что иностранным разведкам с потрохами продались. Идешь в будущее, читаешь книжки, отделяешь дураков от предателей и вперед.

Колян страдальчески скривился.

— Не понимаю я тебя, — сказал он. — Посмотришь — нормальная женщина, а как ляпнешь что-нибудь…

— Это параноидальный невроз в начальной стадии, — спокойно сказала Елена. — Лечение пока не требуется. По идее, он не должен прогрессировать, но сильный стресс, да еще без поддержки психолога… А что, я уже похожа на сумасшедшую?

— Не то чтобы похожа… Но иногда ты становишься такой кровожадной, прямо зверь в человеческом облике.

— В каждом из нас сидит зверь, — улыбнулась Елена, но тут же стерла улыбку с лица и продолжила уже серьезно: — Большинство людей стараются его не замечать, но не всем это удается. А когда ты работаешь в спецназе, от зверя никуда не спрятаться. Как бы ты ни отворачивался, он всегда найдет способ показать себя во всей красе. Я уже давно не пытаюсь прятаться от него. Зачем? Я — это я, мой зверь — тоже часть меня. Если хочешь, можешь считать, что я добрая и пушистая, но тогда время от времени тебе придется разочаровываться. Либо, если хочешь, ты можешь просто уйти, точнее, я могу уйти, это ведь твоя квартира. Хочешь, чтобы я ушла?

— Как тебе сказать… — замялся Колян. — Пожалуй, нет. Но иногда ты меня очень сильно пугаешь.

— Я пугаю всех, — сказала Елена. — Это моя судьба. Я знаю, в чем дело — люди видят во мне то, чего боятся в себе. Я очень сильная женщина, у меня есть талант к боевым искусствам и ко всему прочему я красива. Если смотреть на меня издали, я выгляжу как идеальная женщина, любой нормальный мужчина смотрит на меня и думает: «Эх, я бы ее трахнул». Но когда доходит до дела, мужики пугаются. На зверя хорошо любоваться издали, но когда сталкиваешься с ним вплотную, ты понимаешь, насколько он опасен.

— А ты опасна?

— Конечно. Все мы опасны, только в разной степени, я — больше, чем другие. Но я не буду нападать на тебя без нужды, да и вообще, не могу пока себе представить, как ты сможешь меня разозлить до такой степени. Я ведь добрая, если меня не злить. К сожалению, слишком многие предпочитают меня злить.

— Многие? — удивился Колян. — Я бы не рискнул.

— Не специально, — уточнила Елена. — Меня давно уже не били по морде и не обзывали бранными словами. Но можно обидеть и косвенно, походя, сам не того замечая. Очень обидно, например, когда друг обращается с тобой как с тухлым яйцом, чтобы, не дай бог, не рассердить.

— А как с тобой обращаться? Если тебя случайно рассердить…

— Как с обычным человеком. Я не богиня и не адская тварь, я такой же человек, как и ты. Я хорошо умею драться и обращаться

с оружием, у меня высокий интеллект и твердый характер, но в глубине души я обычная женщина. Во мне живет не только волк, но и маленькая нежная кошечка, а ее как раз никто и не замечает. Знал бы ты, как это достало…

— Кошечка, — повторил Колян. — Маленькая киска с пушистой шерсткой и острыми коготками. Ласковая подруга для кота и жестокий убийца для крыс. Преданный друг и одновременно безжалостная садистка, которая любит замучить мышонка до смерти просто ради тренировки. Она никогда не нападет первой, но если зажать ее в угол, она сражается до последнего. Когда на нее нападает собака, она убегает, но если убегать некуда, она бросается в бой и обычно побеждает. Она прощает многое, но никогда не прощает, когда над ней издеваются. Знаешь, Елена, я однажды видел, как одна хозяйка дразнила своего кота. Она была пьяная. Вначале он просто злобно мяукал, потом пытался уйти, но она шла за ним по пятам и мяукала в ответ. Он стал и шипеть, но она только смеялась. Минуты через три он не выдержал и прыгнул. Она выставила руку, но он обтек ее руку в воздухе, изогнул свое тело так, что оно как бы прошло сквозь руку.

— И чем все кончилось? Он выцарапал ей глаза?

— Нет, всего лишь разодрал бедро в кровь. А потом сидел посреди комнаты, орал благим матом и выпускал когти. Никто не решался к нему подойти, пока он не успокоился. Я тогда всерьез подумал, что у кошек есть телепатические способности. Ты понимаешь, что он слишком маленький, чтобы причинить тебе серьезную травму, но ты все равно не можешь к нему подойти. Без каких-либо причин, просто не можешь и все. Он так смотрит…

— Я еще никогда не бросалась на людей, — улыбнулась Елена. — Я не довожу себя до такого состояния, я всегда ухожу раньше. Обычно меня не удерживают, а если кто-то и пытается, его ставит на место первая же угроза. В том, чтобы быть экс-чемпионкой мира по рукопашному бою, есть свои положительные стороны. А ты молодец, ты все правильно понял, я действительно кошка. Не только пушистый комочек меха, но и полный комплект мышц, зубов и когтей. Хорошо, что ты все понимаешь, но… Неужели ты готов принять обе мои стороны? Сможешь поверить, что я не просто гибрид роковой красотки и жестокого убийцы?

— По-моему, я это уже давно осознал, — сказал Колян.

— Вот именно! — Елена подняла палец и многозначительно покачала им перед глазами Коляна. — Ты осознал, всего лишь осознал, но не поверил. Только когда ты поверишь в это всем сердцем, лишь тогда мы сможем стать настоящими друзьями. Но

я не верю, что это произойдет. Ты, конечно, извини, но с годами поневоле становишься циником.

— Ты поверишь, — сказал Колян. — Я постараюсь, чтобы ты поверила.

Он подошел к ней вплотную, неуверенно положил одну руку на талию и замер в нерешительности.

— Ну что же ты? — улыбнулась Елена. — Все-таки боишься?

Колян нахмурился. Он не понимал, в чем дело, а даже то, что понимал, не знал, как объяснить, чтобы она не подумала, что… В этом трудно признаться даже самому себе, даже в мыслях.

Елена вдруг рассмеялась, положила руки Коляну на плечи и прильнула к нему всем телом.

— Прости меня, — прошептала она ему в ухо, — я совсем забыла. Вы в прошлом были такие ханжи… — она хихикнула. — Мужественность…

Колян понял, о чем она говорит, и покраснел. В том, что она все поняла, нет ничего плохого или унизительного, но это все равно неправильно, настоящий мужик не должен… И ведь понимаешь, что бред, но… Программы, мать их так, это всего лишь еще одна программа. Программа настоящего мужика.

— Программа, — пробормотал Колян.

— Ага, — согласилась Елена, — программа. Выключи ее, она нам мешает. Представь себе, что ее нет, что ты — это не ты, а кто-то другой. На худой конец, представь себе, что смотришь интерактивный порнофильм от первого лица.

— Сейчас попробую, — сказал Колян.

Он попробовал и у него все получилось.

Глава двенадцатая

1.

Ночь, проведенная с Еленой, оставила у Коляна двоякое впечатление. С одной стороны, Елена была великолепной любовницей. Красивая, умелая, напрочь лишенная комплексов и ко всему прочему добрая душа и приятная собеседница. Многие считают последние качества несущественными, но с точки зрения Коляна, есть огромная разница между деревенской проституткой, неспособной связать два слова без мата, и нормальной умной и доброй девушкой. Даже если проститутка — настоящая красавица, а нормальная девушка имеет весьма скромную внешность, Колян никогда не выбрал бы проститутку. Если только она не будет такой, как Елена.

С другой стороны, Колян никак не мог избавиться от… даже не от страха, а от какой-то неуверенности, напряженности… Очень странное чувство испытываешь, когда изображаешь крутого самца перед женщиной, способной одним пальцем размазать тебя по стенке. И неважно, что она демонстрирует тебе слабость и покорность, в глубине души ты все равно понимаешь, что это не более чем игра. А если копнуть чуть поглубже, понимаешь, что дело даже не в этом. Все дело в том, что программа, работающая в душе любого нормального мужика, предполагает, что женщина не должна быть круче его. Однажды Колян вычитал в научно-популярной книжке, что у ворон самец может выбирать себе подругу только из тех самок стаи, которые стоят ниже него на иерархической лестнице. Люди в своем поведении более свободны, но похожие программы есть и у них.

Чистя зубы, Колян принял окончательное решение. Как подруга на одну-две ночи Елена сгодится, но долговременный роман бесперспективен. Надо потихоньку сворачивать отношения, точнее, не сами отношения, а их постельную составляющую. В конце концов, он женат. Колян никогда не относился преувеличенно серьезно к супружеским узам, но если ты не вполне уверен, что жене стоит изменить, лучше ей не изменять. Один знакомый бандит говорил: «Не знаешь, как поступать — поступай по закону». Если вдуматься, очень мудрая мысль. В терминологии Елены — очень хорошая программа.

Елена сидела на кухне и пила кофе. Колян искоса глянул в ее сторону и не решился заговорить. Он ушел в спальню и минуты две неподвижно стоял, глядя остекленевшим взглядом в голую стену перед собой. А потом быстро надел бронекостюм, вышел на балкон и перелез через перила. Уже стоя с внешней стороны

балкона, он догадался проверить, включен ли антигравитатор. Он не был включен. Колян включил его, порадовался, что удачно избежал номинации на премию Дарвина, и шагнул вниз. Невидимость Колян включить не догадался, из-за чего через полчаса во двор въехала МЧСовская «газель» и некоторое время стояла под окнами, моргая мигалками и подвывая сиреной. МЧСовцы немного поискали труп самоубийцы, ничего не нашли и уехали.

2.

Когда Мстислав вошел в горницу, Святослав с Еремеем сидели перед телевизором и смотрели музыкальную комедию. На экране здоровенный мужик с длинными волосами изображал черта, но черт из него был, как из дерьма булава.

— Ну как? — спросил Святослав, отвлекшись от экрана. — Как там мой брат поживает?

— Никак, — мрачно ответил Мстислав.

— Не встретил?

— Встретил. Не успели как следует поздороваться, тут же науськал на меня своих отроков, приложили рукоятью меча по затылку, до сих пор в ушах гудит. Нет больше Ярослава, пристрелил я его.

Произнеся эти слова, Мстислав тяжело вздохнул. Святослав с Еремеем дружно перекрестились.

— Хоть и грешно так говорить о покойном, — сказал Святослав, — а тем более о родном брате, но мерзавец он был редкостный. Как он меня на Ржевский поход соблазнил по молодости… Ну, теперь ему бог судья. Пусть земля ему будет пухом.

Не дожидаясь напоминания, Еремей выстроил бокалы в ряд и до краев наполнил их вином. Из-под стола вылез робот, схватил опустевшую бутылку и выволок за дверь.

Выпили. Мстислав сел на диван и вздохнул. В телевизоре плясали ряженые черти. На душе у Мстислава было тяжело — не каждый день убиваешь родного дядю.

Святослав вдруг обрадовано хмыкнул.

— А ведь Новгород теперь мой будет, — заявил он. — Не Алешке же Ярославичу его отдавать. Мал он еще.

— Мал, да удал, — заметил Еремей. — Ярла Биргера он через четыре года знатно разделает. А меченосцев на Чудском озере — еще славнее.

— Какого еще Биргера? — заинтересовался Святослав. —

Нету у шведов такого ярла. Кого-то из баронов недавно ярлом пожаловали?

— Это баснь такая, — пояснил Мстислав. — Кто был воеводой в той рати, которую Александр разгромил на Неве, в точности неизвестно. Летописи много раз переписывались, один переписчик чуть-чуть правду исказил, другой еще чуть-чуть… В одном списке договорились до того, что шведским отрядом сразу двое ярлов командовало, один — Биргер, а второй — не помню кто, можно в наладоннике посмотреть. И вообще в этих летописях про невскую битву много чего интересного написано. Например, один новгородский муж якобы в трех шведских кораблях топором днище проломил так, что они затонули. Или, еще лучше — в одном месте пишут, что конница шла к месту битвы скорым ходом, а в другом месте той же летописи — что она пришла одновременно с пешим ополчением. Там такого бреда столько…

— Не суть важно, — отмахнулся Святослав. — Биргер или не Биргер, все равно мы и без Александра справимся. Вот ты, Еремей, и разберешься с меченосцами. Алешка — всего лишь юнец, вроде… извини, Мстислав, вроде тебя.

— Не за что извиняться, — сказал Мстислав. — Я и не спорю.

— Так вот, — продолжал Святослав, — Алешка — юнец, а ты, Еремей — муж опытный и славный. Если Алешка в свои двадцать лет так знатно немцев разметал, ты на его месте до самой Риги дойдешь.

— Не говори гоп, — проворчал Еремей. — Вначале надо монголов отбить.

— Теперь отобьем, — уверенно заявил Святослав. — Я у Мстислава на наладоннике одну грамоту прочитал, там какой-то мудрец писал, что кабы не Ярослав, монголы на Залесскую Русь нескоро собрались бы походом.

— Там есть другие грамоты, — заметил Мстислав, — которые утверждают прямо противоположное. Раньше следующей зимы ничего определенного мы не узнаем.

— Узнаем, — возразил Святослав. — Прямо завтра и начнем узнавать. Москомп, ты поможешь?

— Помогу, — отозвался москомп. — Только я хочу, чтобы вы поняли одну важную вещь. Я буду помогать вам не потому, что думаю, будто вы поступаете правильно.

— А почему? И что мы, по-твоему, делаем неправильно?

— Что делаете неправильно — не знаю. Я вообще не знаю, правильно вы действуете или нет, я не знаю, как надо вам действовать, я не могу подсказать вам решительно ничего. Я вам помогаю только потому, что мне важно знать, что у вас получится. Я до сих пор не понимаю, что будет происходить,

когда будущее вторгнется в прошлое. Технологии, культура… Чем дольше я буду наблюдать за вашими действиями, тем лучше стану понимать происходящие при этом процессы.

— Да мне все равно, почему ты мне помогаешь, — заявил Святослав. — Ты лучше вот что скажи — оружием поможешь?

— Помогу в пределах разумного, — ответил москомп. — Термоядерную ракету не дам, а бластеров берите сколько унесете. Только до портала их доставят роботы, мне не нужно, чтобы в моих владениях из них по белкам стреляли.

— Не вопрос! Я бы и сам в своих владениях такого не допустил, — сказал Святослав, улыбнулся и добавил: — Жаль, москомп, что с тобой нельзя по рукам ударить.

— У меня есть роботы.

— Нет, это не то. Ну да ладно. Значит, договорились?

— Договорились.

— Тогда скажи роботам, пусть еще вина принесут. Такой ряд надо обмыть.

Мстиславу стало совсем грустно. Понятно, что князь должен быть немного бесчувственным, но не до такой же степени! Мстислав только что застрелил родного дядю, а другой его дядя не только не печалится, а наоборот, радуется. И это будущий святой!

Еще сильнее Мстислава тревожило то, что обстановка все заметнее выходила из-под контроля. Не зря Мстислав опасался, что когда в будущее придут другие люди из его времени, он перестанет управлять всем происходящим. Только зря он полагал, что его ототрет Еремей, опасаться надо было Святослава. Впрочем, ничего страшного пока не случилось. В конце концов, никто не отрицает, что дядя Ярослав — змий подколодный и гнида подпорточная.

3.

Колян нашел Ивана Георгиевича в бильярдной. Увидев зятя, Иван Георгиевич приветливо кивнул и сказал:

— Подожди минут десять, доиграю партию и поговорим.

Партия, однако, закончилась минуты через три. Иван Георгиевич проиграл, но, если он и расстроился, то ничем этого не показал. Пожал руку сопернику, поблагодарил за отличную игру, отказался от предложения отыграться и они с Коляном вышли на воздух. Тесть немедленно закурил.

— Безобразие, — сказал он. — Представляешь, у них во всех бильярдных запрещено курить. В этом времени курить можно

только у себя дома и на улице в безлюдных местах. Законы у них такие, что американцы отдыхают.

— Не у них, а у нас, — уточнил Колян. — Или вы собрались обратно в двадцать первый век вернуться?

— Пока нет, а потом… — Иван Георгиевич состроил на лице загадочное выражение и перевел разговор на другую тему: — Лучше скажи, как у вас с Еленой дела продвигаются. Бен Ладена уже замочили?

— А откуда вы знаете про нас с Еленой? — удивился Колян.

— Москомп рассказывал. Если хочешь, чтобы я ничего не знал, надо было так и сказать москомпу, а раз ты ничего не сказал, он считает, что информация несекретная. Ну так как у вас дела идут?

— Я Елене не нужен. Я при ней как пятое колесо в телеге.

— Она в самом деле такая крутая, как о ней пишут?

— Еще круче. Ссориться с ней — даже не думайте.

— Я и не думал никогда, — заверил его Иван Георгиевич. — А как наши власти российские поживают? Уже оплели портал колючей проволокой?

Колян вспомнил, что в двадцать первом веке вокруг портала никакой охраны не было, и запоздало удивился.

— Нет, — сказал он. — Нет там ни колючей проволоки, ни блокпостов, вообще никакой охраны, даже странно. Помнится, Станислав тоже удивлялся, он еще звонил кому-то, ругался. Наверное, просто не успели посты выставить. Или, может, бойцы в лесу заблудились.

— Возможно, — сказал Иван Георгиевич. — Я слышал, вы Бесланский теракт предотвратили?

Колян вспомнил кровавую бойню, которую они устроили с Еленой, и поежился.

— Предотвратили, — сказал он. — Видели бы вы, что от того грузовика осталось…

— Я видел, — сказал тесть. — Москомп показывал видеозапись, впечатляет. По ночам кошмары не снятся?

— Пока нет.

— Вот и хорошо. Новые технологии в нашем времени уже используются?

— Какие технологии? Москомп что-то уже передал в прошлое? Что?

— Точно не знаю, — сказал Иван Георгиевич. — Знаю только, что сюда прибыла делегация ученых из нашего времени.

— Не надо врать, — поморщился Колян. — Ни за что не поверю, что вы с ними еще не познакомились.

— В этой делегации больше ФСБшников, чем ученых. И все

такие напряженные, от всего шарахаются… пока. Думаю, недели через две размякнут.

— И тогда вы нанесете удар, — закончил Колян фразу тестя.

Иван Георгиевич поперхнулся табачным дымом и закашлялся.

— Что с тобой, Коля? — спросил он. — С головой все в порядке? Какой еще удар?

Колян смущенно пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Я уже привык, что вы всякие козни строите.

— Не козни, а интриги, — поправил его Иван Георгиевич. — Интриги я и сейчас строю, только в другом направлении. Я двух кибернетиков нашел…

— Они исследуют код москомпа? — догадался Колян. — Но это же очень сложная задача! В двадцать восьмом веке квалифицированных кибернетиков практически не осталось, а тем, кто есть, придется так долго учиться…

— А кто сказал, что я нашел кибернетиков в этом времени? — деланно удивился Иван Георгиевич. — Одного я вывез из 2020 года, другого из 2036. Оба китайцы. Сидят, трудятся, рады по уши. Говорят, что уже научились какие-то простые вещи программировать. Пытались мне свои достижения популярно объяснить, но я ничего не понял, у них все слишком научно. Говорят, что реальных результатов можно ожидать недели через две.

Колян подумал, что ослышался.

— Через сколько? — переспросил он.

— Через две недели.

— Но… Москомп говорил, что кибернетике надо учиться несколько месяцев, если не лет…

Иван Георгиевич самодовольно ухмыльнулся:

— Так я китайцев не из деревни брал. Оба входят в первую сотню лучших программистов мира, каждый в своем времени. Причем они не просто программисты, они ученые, один из них проектировал первого псевдоинтеллектуального робота, а второй специализировался по суперкомпьютерам, сделал что-то крутое, а что именно, я не понял — слишком научно.

Колян покачал головой. Трудно сказать, чего было больше в этом жесте — восхищения великолепной выдумкой тестя или огорчения, что хорошая идея опять пришла в голову кому-то другому, а сам Колян только и может, что пассивно наблюдать, как вокруг него творится история.

— Хорошо, — сказал Колян. — Допустим, вы научитесь программировать москомп напрямую, в обход всех блокировок. А цель какая?

— Как обычно, — улыбнулся Иван Георгиевич. — Мировое господство. Какая еще может быть цель?

Колян не понял, шутит его тесть или говорит серьезно. Была у Ивана Георгиевича такая черта — при желании он мог нести полнейшую чушь с глубокомысленным видом или, наоборот, излагать дельные соображения так, чтобы всем казалось, что он шутит. Очень удобный прием — позволяет обратить серьезный разговор в шутку, если понимаешь, что собеседники отнеслись к твоим идеям отрицательно.

Колян решил, что в данном случае тесть говорит серьезно.

— И зачем вам мировое господство? — спросил Колян.

— Как зачем? Еще Троцкий говорил: цель — ничто, движение — все. Получим мировое господство — что-нибудь еще придумаем. Пока мне нравится сама мысль. Представляешь — в один прекрасный момент все доктора дружно оказываются в заднице, а миром правит неизвестно кто. Заодно и зулусов от машины времени отсечем.

— У них другие компьютеры, — заметил Колян.

— Компьютеры другие, а сеть та же. Почти на все населенные планеты протянуты через телепортаторы кабели с Земли, а если кабелей нет, все равно пакеты обновления их компьютеры получают с Земли. Я все уже продумал. Китайцы сделают пакет обновления для операционной системы, мы запустим его в сеть, подождем, пока его повсюду установят, и все, финита ля комедия.

Колян ошарашено помотал головой.

— За такие дела вас распнут, — сказал он.

— Не распнут, — хищно улыбнулся Иван Георгиевич. — Некому будет распинать. Что бы местные доктора о себе ни думали, человечеством уже давно командуют не они, а компьютеры. А когда мы с тобой станем командовать компьютерами, от докторов уже ничего не будет зависеть. Только не думай, что я собираюсь играть в темного властелина. Я, конечно, чуть-чуть поиграю — замок, гарем… Но человечеству от моей власти будет только лучше. Ты же видишь, какое вокруг болото. Раньше народ хотел хлеба и зрелищ, а теперь он даже этого не хочет, потому что и хлеба, и зрелищ повсюду навалом. Целая плеяда миров населена людьми, которым нечего больше хотеть. Они же в животных превращаются! Если не будет твердой руки…

— Про твердую руку я уже слышал, — перебил тестя Колян. — Можете меня не агитировать.

— Об этом никогда не вредно послушать, — не унимался Иван Георгиевич. — От демократической лапши скоро уши отвалятся, но исторические закономерности демократам не

отменить. А закономерность простая — чем больше демократии, тем больше неорганизованности и безобразия. В древнем Риме была демократия и к чему это привело? К восстанию Спартака. А потом пришел Цезарь и все стало нормально. В средневековой Италии в каждом городе была своя республика, банкиры в золоте купались, а простой народ как жил в нищете, так и дожил до прошлого века. Только при Муссолини дела стали налаживаться. Или совсем свежий пример — Ельцин и Путин. При ком лучше жилось?

— При Ельцине воровали больше, — заметил Колян.

— Э, нет, — Иван Георгиевич значительно помахал пальцем перед носом Коляна, совсем как Елена вчера вечером. — Воровали больше — факт, но где теперь те, кто воровали? Кому повезло — за границей, а большинство на кладбище червей кормят. На своих местах единицы остались, те, кто вовремя сориентировался и под новую власть подстелился.

— Вы тоже подстелились? — невинно поинтересовался Колян.

— Я-то что? Где власть, а где я? Я для них мелочь пузатая, наворовал-то всего миллионов на десять в долларах. Таких, как я, власть вообще не замечает.

Колян впервые слышал, чтобы кто-нибудь спокойно сказал «я наворовал». Впрочем, его тесть, бывало, и не такое говорил.

— Так ты со мной, Коля? — спросил Иван Георгиевич.

— А что от меня зависит? — пожал плечами Колян. — Зачем я вам нужен? В кибернетике я не разбираюсь, аналитик из меня никакой, боевик — тем более. Что я могу сделать полезного? Побыть доктором Ватсоном при Шерлоке Холмсе?

— А почему бы и нет? По крайней мере, будет интересно. Ты еще не опух от скуки в этом раю?

— Опухнешь тут…

— Ну да, конечно, ты же в наше время ездил развлекаться. Тогда не торопись, отдохни, а когда будешь готов, мы с тобой поговорим еще раз.

— А вы не боитесь, — спросил Колян, — что я сейчас позвоню первому попавшемуся доктору и выложу ему все ваши наполеоновские планы?

— Это не так просто сделать, — улыбнулся Иван Георгиевич. — Третьего «Терминатора» смотрел? Помнишь, как у Джона Коннора мобильник не работал? Без помощи компьютеров ни с одним доктором ты связаться не сможешь. А компьютеры на моей стороне, они оповестят меня немедленно. До тех пор, пока китайцы не разберутся с блокировками, компьютеры не смогут тебе помешать, но никакие законы не запрещают им оповестить

меня.

— И что тогда? — спросил Колян. — Вы меня убьете?

— Я еще не решил, — спокойно ответил Иван Георгиевич. — Постараюсь обойтись без этого, но если не будет другого выхода… не знаю. Честное слово, не знаю. Я пока еще сам до конца не понимаю, во что ввязался. Иногда мне кажется, что я нажрался чего-то галлюциногенного и теперь ловлю глюки. Нереально все это. Всю жизнь пахал как проклятый, вначале чтобы на хлеб заработать, потом — на квартиру, машину, побрякушки для Люськиной матери… А потом все пошло по нарастающей — вроде бы и так уже все есть, но все равно вкалываешь до седьмого пота…

Колян иронически хмыкнул.

— Зря смеешься, — сказал Иван Георгиевич. — Думаешь, легко мафией управлять? Неважно, кем ты командуешь — ментами или бандитами, любая большая организация — это прежде всего масса проблем, которые надо решать. Подписывать бумаги, вести переговоры, телефон все время звонит, разные люди спрашивают разные вещи, надо все помнить… жуткое дело. Со временем к этому привыкаешь, но теперь… Все доступно — жратва, развлечения, виртуальность, наркотики… Можно вообще ничего не делать, можно быть полным идиотом, но ты все равно имеешь те же самые блага и что бы ты ни делал, хоть ты тресни, большего не получишь. Не потому что ресурсов не хватает, а потому что желать больше нечего. Коммунизм в действии. Знаешь, я здесь понял одну важную вещь — Маркс с Энгельсом были правы, коммунизм действительно можно построить. Когда все доступно, вещи перестают быть важными, в обиход входят новые ценности. Например, желание сделать что-то хорошее для всего человечества. Ты не поверишь, но для меня это сейчас действительно важно.

— А по-моему, — сказал Колян, — вы просто тоскуете по тем временам, когда пахали как проклятый, вначале на еду, потом на квартиру…

Иван Георгиевич расхохотался.

— Все правильно, — сказал он. — Высокие слова — вещь хорошая, но только тогда, когда есть и другие причины. Они могут быть дурацкими, но они должны быть. Иногда я думаю, что все великие люди совершали свои подвиги подобным образом. Впрочем, мы отвлеклись. Давай, Коля, отдыхай, набирайся сил. Когда придет время, мы с тобой оттянемся по полной программе. Знаешь, как древние норвежцы отличали хорошего человека от плохого? Они говорили, что хороший человек — этот тот, о ком можно сложить песню. Если у нас получится, что я задумал, о нас

можно будет сложить целую поэму.

— Не о нас, — уточнил Колян. — Только о вас.

— А это уже только от тебя зависит. Мы с тобой еще обсудим, как ты сможешь в нашем деле поучаствовать.

— Обсудим, — согласился Колян. — Потом. Вы правы, мне надо отдохнуть и собраться с мыслями. Кстати, а почему вы так уверены, что эти китайцы готовят мировое господство для вас, а не для самих себя?

— Все очень просто, — улыбнулся Иван Георгиевич. — Те функции, которые надо будет задействовать, доступны только гражданам. Москомп не допускает тех китайцев до психотеста, они — обычные бесправные жители. Они не могут напрямую работать с сознанием настоящего компьютера, москомп подготовил для них специальный полигон, там они боги, а в реальную сеть он их не пускает. Я все продумал. Думаешь, это самая сложная операция за мою жизнь?

— Не думаю, — покачал головой Колян. — Но самая масштабная — это точно.

— Да, — согласился Иван Георгиевич, — масштабная — это ты точно подметил.

4.

— Вот такие дела, Зиновий Давидович, — сказала Елена. — Как видите, вариантов у вас всего два, какой выберете — решать вам, я вашу свободу не ограничиваю.

Зиновий Давидович Желудевский глубокомысленно почесал лысину. Сейчас он утратил обычную суетливость и стал выглядеть как нормальный интеллигентный человек, а не как торговец рыбой с одесского Привоза. Он думал долго, а когда открыл рот, выдал такое, что Елена не знала, как реагировать — восхититься его наглостью или придушить на месте.

— Сколько? — спросил Зиновий Давыдович.

Елена лучезарно улыбнулась, наклонилась к своему собеседнику, перегнулась через стол и коротко, без замаха, ударила в нос. Аккуратно, чтобы не сломать переносицу.

— Не сколько, а что, — сказала Елена, не удаляя улыбку с лица. — Мне нужен прямой и откровенный рассказ перед видеокамерой.

Желудевский откинулся на спинку кресла, задрал голову вверх и прижал к носу платок, стараясь остановить кровотечение.

— Это только начало, — сказала Елена. — Я не люблю быть палачом, но если придется, я с этой задачей справлюсь. И не надо

корчить такую морду — ты знал, на что шел.

— Об этом я не знал, — сказал Желудевский, хлюпая носом. — Если бы я знал, все было бы совсем по-другому… Как с вами можно договориться? Я готов заплатить штраф…

Елена перемахнула через стол, сдернула олигарха с кресла, красивым ударом в голову сбила его с ног и некоторое время пинала корчащееся тело. Утомившись, она села на край стола и закурила. Пепел она стряхивала прямо на персидский ковер ручной работы.

— Будешь говорить? — спросила Елена. — Или продолжим экзекуцию?

Олигарх ответил не сразу.

— Это бессмысленно, — простонал он. — Даже если вы заставите меня сделать то, что хотите, эффекта не будет. Моя избитая физиономия вызовет только жалость.

— Это не проблема, — сказала Елена. — Есть такая вещь, называется видеомонтаж.

Желудевский изобразил слабое подобие улыбки.

— Тогда к чему весь этот балаган? — спросил он. — Вам просто доставляет удовольствие издеваться над людьми?

— Ах ты, гад! — взревела Елена.

Впервые за много лет она утратила контроль над собой. Последняя ее связная мысль была о том, что визитами к психиатру не следовало пренебрегать так долго.

5.

— Только одну вещь я не понял, — сказал Юрий Всеволодович. — Москомп согласился помогать только Святославу или вам всем?

— А какая разница? — пожал плечами Мстислав. — Мы теперь все заодно, в одной лодке, как говорят в будущем. Святослав сядет в Новгороде, Переяславль Южный отдадим Ивану, а то сидит без удела, как юноша…

— Сдурел? — переспросил Юрий Всеволодович. — Ивану Каше — Переяславль? А почему тогда не Новгород сразу?

— Потому что Новгород должен принадлежать Святославу, — объяснил Мстислав. — Согласно лествичному праву…

Еремей издал странный звук, Мстислав посмотрел на него и понял, что воевода с трудом удерживает желание расхохотаться. Мстислав начал злиться.

— Это не смешно, — сказал он. — Если мы перестанем чтить законы предков, так и будем все время драться друг с другом,

только не и мечами и стрелами, а электрическими пулями. А москомп будет смотреть на это безобразие и думать про себя: «Нельзя таким дуракам доверять серьезные знания — все испортят и передохнут». Отче, ты ведь знаешь греческие былины, помнишь, что про Пандору писали?

— Пандора — та девица, что нашла кладезь, который нельзя было открывать?

— Она самая. И еще апостол Павел говорил: «Не будьте шибко умными, но будьте умными в меру». Нам сейчас друг за друга надо держаться, а если начнем ссориться…

Мстислав махнул рукой, отчаявшись подобрать нужные слова. На душе было гадко и противно. Он мнил себя спасителем земли Русской, а теперь как бы не оказаться главным ее погубителем…

— Не сердись, сыне, — сказал Юрий. — Гляжу я на тебя и диву даюсь. Не того Всеволодовича наши потомки святым признали.

— В их прошлом я умру следующей зимой, — напомнил Мстислав отцу. — За месяц до тебя.

Юрий встал с лавки и стал ходить взад-вперед по горнице. Ходил он минут пять. А потом остановился и сообщил, как о решенном деле:

— Я отправлюсь в будущее. Довольно мне за вашими спинами прятаться, пора и самому посмотреть, что за теми вратами творится. Еремей, проводишь?

— Конечно, провожу, — кивнул Еремей. — Слушаюсь и повинуюсь.

Юрий неприязненно поморщился.

— Оставь эти заморочки дворянские, — сказал он. — Мы с тобой не на приеме с иноземными послами. Если с чем-то не согласен, лучше сразу скажи. Разве бывало такое, чтобы я тебя не выслушал?

— Никогда такого не бывало, — сказал Еремей. — Ты, Юрий Всеволодович, великий князь не только по прозванию, но и по сути. Нехорошо будет, если ты не получишь того, что заслуживаешь.

— Нехорошо, — согласился Юрий. — Каждый должен получать по заслугам. Ты, Мстислав, получишь…

Князь надолго замолчал.

— Не надо мне ничего жаловать, — сказал Мстислав. — Если так уж хочешь меня отблагодарить, сделай это позже, а сейчас ко мне незачем лишнее внимание привлекать. Да и Севу с Володей обижать не стоит.

Юрий Всеволодович удовлетворенно выдохнул.

— Хороший из тебя князь выйдет, когда подрастешь, — сказал он. — Не знал я, как с тобой объясниться, но ты и сам все понял. Еремей, тебя это тоже касается — как будет повод, отблагодарю от всего сердца, а пока просто поверь мне на слово. Хочешь, поклянусь?

— Не трудись, — махнул рукой Еремей. — Ты меня еще никогда не обманывал. Когда мы врагами были, и то честен был, а с тех пор, как на службу взял, ни разу не попрекал ничем.

— Да разве ж мы с тобой врагами были? — деланно возмутился Юрий. — Ты тогда простым тысячником был, а я…

Юрий замолк. Еремей тоже замолк, смутившись. Зря он напомнил князю о его первом недолгом сидении на Владимирском троне.

Было это двадцать лет назад, ранней весной. Еремей тогда был мужем в самом расцвете сил, не имел в бороде ни единого седого волоска и возглавлял молодшую дружину Константина Мудрого, старшего брата Юрия Всеволодовича. Когда умер Большое Гнездо, их отец и тогдашний великий князь Владимирский, Константин не согласился с его противозаконным завещанием и не признал верховенства младшего брата. Однако походом на Юрия не пошел, а просто сидел в своем Ростове, любовался на звезды, читал мудрые книги и, казалось, не замечал того, какой непорядок творится во Владимирской земле. Следующим летом Юрий повел полки на Ростов, но дать решающее сражение так и не отважился. Войска Юрия разграбили приграничные поселения и вернулись восвояси. Между братьями установилось хрупкое перемирие.

Той далекой весной непутевый Ярослав Всеволодович устроил в Новгороде то, что в будущем назвали бы массовыми репрессиями, переходящими в гуманитарную катастрофу. Почуяв запах большой войны, с юга прискакал Мстислав Удалой, лучший полководец тогдашней Руси. Изгнал с позором Ярослава с новгородской земли, одним видом своего войска обратил в бегство спешно собранный полк Святослава Всеволодовича и вступил во Владимирские земли, разоряя села и малые города. Вот тогда и пробил звездный час Еремея.

Именно его ростовский князь отправил вести передовой полк на Мологу, именно его назначил договариваться с Удалым. Константин и раньше отличал молодого воеводу, но таких ответственных дел еще не доверял.

Еремей справился с заданием на отлично, союз был заключен. Дабы соблюсти приличия, в Ростов отбыл Всеволод Мстиславич с официальным посольством, но главный вопрос был уже решен. Ростовские полки влились в войско Мстислава и

пошли к граду Владимиру. Точнее говоря, войско Мстислава как бы влилось в ростовские полки, потому что отныне считалось, что война идет не для того, чтобы наказать Ярослава за бесчиние, а для того, чтобы вернуть Константину утраченный владимирский трон.

Они встретили владимирское войско у реки Липицы. Войско вел Ярослав, Юрий уступил ему бразды правления, отдавая должное полководческому мастерству в остальном непутевого брата.

Ярослав действовал как обычно — решительно и нагло, без колебаний попирая традиции там, где они мешали. Он привел владимирскую рать на Авдову гору, велел строить полевые укрепления и наотрез отказался выходить в чистое поле, как ни взывали Мстислав с Александром Поповичем к его княжеской чести. Дело казалось безнадежным, объединенная рать Новгорода, Смоленска и Ростова попалась в мышеловку. Наступать на плотный строй превосходящего врага вверх по склону, укрепленному плетнем и кольями — самоубийство. Отходить, оголяя тылы — тем более самоубийство. Союзникам оставалось только уповать на чудо.

И чудо свершилось. Сто лучших ростовских витязей построились свиньей и пошли к славе или смерти, исповедовавшись и заранее простившись с жизнью. В первом ряду шли Алеша Попович с двумя братьями, Добрыня Златой Пояс и Нефедий Дикун. Еремей шел в третьем ряду.

Они рубились отчаянно, словно шведские берсерки. Лучшие воины Руси как нож сквозь масло прошли сквозь ряды стародубского полка, но и сами потеряли строй и дальше начался кромешный ад. Еремей плохо помнил, что происходило в эти кошмарные три часа, все это время слилось в его памяти в одно сплошное месиво сверкающего железа, кровавых брызг и матерных криков. Но они все-таки сделали невозможное — прорвались сквозь засеки, пробили в строю стародубцев широкую брешь и открыли путь всадникам. А потом в тылу владимирцев стала разворачиваться конная лава и все было кончено — Ярослав в ужасе бежал, обронив золотой шлем, а за ним побежали и другие Всеволодовичи.

Ровно через неделю Константин вступил во Владимир и торжественно воссел на отцовский трон. Еремей стал главнейшим владимирским воеводой и водил владимирское войско все три года, что был жив Константин. А потом случилось еще одно чудо.

Юрий Всеволодович, повторно унаследовавший Владимир, не принял у Еремея воеводский шестопер.

— Оставь его себе, — сказал Юрий. — В моей земле нет

воина достойнее тебя.

Еремей возмутился.

— Ты льстишь мне, княже, — сказал он. — Алеша и Добрыня…

Князь не дал ему договорить.

— Алеша и Добрыня — витязи, а не воеводы, а мне нужен именно воевода. Такой воевода, что не станет терять шлем при первых признаках неудачи.

Еремей не нашелся, что ответить на эти слова, он просто склонил голову. Честно говоря, Еремей не думал, что князь ему льстит, он действительно был одним из лучших воевод Владимирской земли. Но доверить войско боярину из захудалого рода, да еще бывшему врагу… Только по-настоящему мудрый князь способен решиться на такое.

Еремей служил Юрию Всеволодовичу верой и правдой, ни разу за долгие годы он не обманул доверие князя. И сейчас Еремей не собирался его обманывать. Если князь решил побывать в будущем самолично, долг воеводы — оказать всяческое содействие. Еремей, кстати, мог бы и сам догадаться предложить князю такое решение, ясно ведь, что никто не разберется в новых веяниях лучше великого князя. Но не догадался, что неудивительно — он ведь воевода, а не князь.

— Тебе, Мстислав, — сказал Юрий Всеволодович, — я пришлю еще одну летающую тарелку. Как она придет, полетишь в Булгарию и разведаешь там обстановку. Я хочу знать о монголах все. И за Юлианом проследи особенно, помнишь того монаха римского, что у нас в прошлом году гостил? О нем я тоже хочу знать все.

— Хорошо, отец, — сказал Мстислав. — Все сделаю в лучшем виде.

Мстислав почувствовал, что на душе стало легко и просто. Когда есть тот, кто берет трудные решения на себя, а тебе остается всего лишь исполнять приказы, жить становится намного легче, чем когда ты все решаешь сам.

6.

Иван Георгиевич погрешил против истины, сказав, что китайцам потребуется две недели на то, чтобы перепрограммировать москомп. Они управились следующим утром.

Колян собирался провести этот день с семьей, Люська предложила пройтись по Италии, осмотреть

достопримечательности. Колян не возражал. Но едва они прибыли на площадь святого Петра в Риме, у Коляна завибрировал коммуникатор. Звонил тесть.

Голос тестя звучал неуверенно и как-то нерадостно.

— Все готово, — сказал Иван Георгиевич.

Колян хихикнул. Когда Настя была маленькая, она такими словами сообщала родителям, что ей надо вытереть попу. Услышав такие слова от собственного тестя, Колян представил его в соответствующей позиции и не смог сдержать смешок. Но когда тесть произнес следующую фразу, Коляну стало не до смеха.

— Китайцы все сделали, — сказал Иван Георгиевич. — Я только что запустил их программу в сеть.

Колян непроизвольно оглянулся по сторонам. Все было таким же, как и прежде, ничего не изменилось. Казалось, миру глубоко наплевать, что у него изменился хозяин. Впрочем, почему казалось? Миру действительно наплевать.

— Так вы теперь властелин мира? — спросил Колян. И тут же добавил, не дожидаясь ответа: — Поздравляю.

— Спасибо, — сказал тесть. — Поздравлять еще рано, я пока контролирую около семи процентов всех компьютеров, но и это тоже неплохо.

— Что собираетесь делать теперь? — спросил Колян. — С чего начнете облагодетельствовать человечество?

— Не знаю, — ответил Иван Георгиевич. — Пока я сделал только одно дело — ограничил доступ к порталу. Если соберешься в другое время, предупреди меня, иначе роботы не пропустят.

— Помнится, вы говорили, что собираетесь взять меня в дело?

— Собирался, — подтвердил Иван Георгиевич. — А ты разве согласился?

— Считайте, что согласился. Что от меня нужно?

— Приходи, — сказал тесть. — Обсудим.

— Хорошо, сейчас буду.

Колян подошел к жене и сказал:

— Извини, Люся, у меня дела.

Люся привычно вздохнула и так же привычно прокомментировала:

— Вечно у тебя дела. Возвращайся.

— Я вернусь, — сказал Колян. — Поговорю с твоим папой и вернусь.

Люся неожиданно разозлилась.

— Опять он за старое, — злобно сказала она. — Даже здесь не

мог обойтись без своих дурацких дел! Вот чего не хватало этому миру, так это мафии! Ну почему все люди в мире либо идиоты, либо сволочи?

— Не знаю, — пожал плечами Колян и вдруг спросил: — А я кто, по-твоему — идиот или сволочь?

— Не знаю, — сказала Люся. — Иногда я думаю, что и то, и другое. А на конкурсе мудаков ты займешь второе место, — процитировала она известный анекдот и улыбнулась.

Колян тоже улыбнулся и сказал:

— Я скоро вернусь. Только поговорю с тем, кто займет первое место.

И поспешно добавил, увидев, как на лице жены появилось обиженное выражение:

— Извини, я пошутил.

Направляясь к телепортатору, Колян думал, почему люди такие странные. Люся ведь ничуть не сомневается, что ее отец — гад и мерзавец, но стоит кому-то другому только намекнуть на это, как она сразу обижается и бросается его защищать. Хотя что-то в нем все-таки есть. Так ловко всех кинуть…

7.

День выдался сумасшедшим. Китайцы, конечно, молодцы, справились с заданием раньше, чем планировалось, это, с одной стороны, хорошо, но какую же свинью они подложили Ивану Георгиевичу…

Он рассчитывал, что программисты дадут ему время сформулировать более-менее связные мысли по поводу того, как распорядиться собственным могуществом. А теперь Иван чувствовал себя как будто во сне, в котором самые безумные глюки становятся реальностью и ты ничему не удивляешься.

Все планы, которые Иван Георгиевич успел построить к настоящему моменту, ограничивались двумя пунктами. Распространить измененный код по всем планетам, населенным людьми, и ограничить доступ к машине времени посторонних личностей. Прямо как Кощей Бессмертный, тот тоже первым делом озаботился, как спрятать свою смерть подальше от людских глаз. Естественная логика темного властелина — в первую очередь обеспечить собственную безопасность.

Разговаривая вчера с Колей, Иван Георгиевич впервые назвал себя темным властелином. Тогда он произнес эти слова просто так, не задумываясь над смыслом, если честно, он сам не верил, что безумная затея с кибернетиками из прошлого увенчается

полным и абсолютным успехом. Девять лет назад, когда он устанавливал контроль над Солнцевской группировкой, он чувствовал себя примерно так же. Он тоже не надеялся на успех, он просто хотел проверить свои силы, немного поиграть в крестного отца, а потом сдать всю банду следователям, а самому получить генеральские погоны. Но игра пошла настолько крупная, что он ухитрился получить и рыбку и… второе. Генерал милиции и одновременно шеф большой бандитской группировки — о подобных достижениях Иван Георгиевич никогда раньше не слышал, он всегда полагал, что такое невозможно. Однако все невозможное рано или поздно становится возможным. Может, у него судьба такая — творить невозможное?

Он не успел додумать эту мысль до конца, потому что в комнату вошел Коля.

— Здравствуйте, — вежливо произнес он. — Поздравляю. Я пока сюда шел, одну вещь вспомнил — там, в прошлом, Елена осталась…

— Ну и что? — спросил Иван Георгиевич. — Раз осталась, значит, судьба у нее такая.

— Но… — замялся Коля.

— Что но? В моей реальности эта баба мне не нужна и тебе, кстати, тоже. Знаешь, что она сделает, как только здесь появится? Сразу ототрет нас с тобой от управления компьютерами, а что будет потом, я даже представить не решаюсь. Я ее боюсь, я ни одного авторитета так не боялся. Она ведь сумасшедшая, она как бешеный бультерьер. Сколько лет она на войне? Сто с лишним? Ни один человек не сохранит здравый рассудок за столько времени войны.

— Она не бешеная, — возразил Коля. — И никакой она не бультерьер, она просто мягкая кошечка с острыми коготками.

— Думаешь, это лучше? Ты когда-нибудь видел, как кошка играет с мышью? Я бы не хотел, чтобы со мной так играли.

— Она и не будет с тобой играть. Она совсем не жестокая.

— Не знаю, — раздраженно произнес Иван Георгиевич. — Москомп мне показывал видеозаписи, я видел, как она пытает людей. Может, ей действительно это не нравится, может, она очень хорошая актриса, но мне в это не верится. Пока я жив, ее здесь не будет.

— Как знаете, — сказал Коля. — А что с учеными из нашего времени? Их в прошлое тоже не отпустите?

— Пока не знаю, — сказал Иван Георгиевич. — Поживем — увидим.

Он подумал, что такие мысли, наверное, появляются у каждого начинающего темного властелина. Когда ты только-

только обрел силу, очень трудно решить, куда ее применить и надо ли вообще ее применять? Если рассуждать здраво и объективно, в будущем дела обстоят не так уж и плохо. Да, болото, ну и что? Зато все довольны и счастливы, как дети в песочнице, а остановившийся прогресс — не самая высокая плата за такое достижение. Да и прогресс, честно говоря, не совсем стоит на месте, лет через двести вон даже машину времени изобретут. Правда, не люди, а компьютеры, но кого это волнует?

С другой стороны, Ленин не зря говорил, что революция только тогда чего-то стоит, когда революционеры способны не только захватить власть, но и удержать. Раз уж начал играть в эти игры, нельзя останавливаться на полпути. Глазом не успеешь моргнуть, как кто-то более шустрый и наглый сбросит тебя с черного трона и в лучшем случае прогонит прочь, а в худшем — замучит с особой жестокостью.

Что наша жизнь — игра. Когда ты изо всех сил борешься, стараясь обеспечить достойную жизнь детям и внукам, это утверждение кажется софизмом. Но когда у тебя есть все, а ты по-прежнему чего-то хочешь, приходится признать, что это не просто слова, а самая настоящая истина. Люди играют в разные игры и игра под названием «жизнь» среди них, несомненно, самая жестокая. Но кому сейчас легко?

— Посмотрим, — сказал Иван Георгиевич. — Мне надо подумать. Прямо сейчас я ничего серьезного предпринимать не собираюсь, возьму тайм-аут на недельку-другую и обдумаю все как следует. Ты тоже подумай.

— О чем? — спросил Коля.

— О смысле жизни. Иди, Коля, дай мне спокойно поразмышлять одному.

Коля скорчил на лице обиженную гримасу и удалился.

Иван Георгиевич немного посидел, опершись локтями на стол и уткнувшись лбом в ладони, а потом поднял голову и сказал:

— Москомп! Напряги своих роботов, пусть водки принесут. И закуски какой-нибудь горячей.

Впервые за последние пять лет ему хотелось напиться до полной потери человеческого облика, чтобы наутро ничего не помнить о том, что было вчера. Интересно, когда Кощей Бессмертный упаковал свое яйцо в утку, он тоже напился?

8.

У портала Елену ждали. Детекторы, встроенные в бронекостюм обнаружили в непосредственной близости от плиты

аж целых десять следящих камер. Над зоной перемещения возвышался ажурный купол, собранный из толстых металлических труб. Во времена детства Елены такие конструкции, только меньшего размера, любили устанавливать на детских площадках. Купол был густо оплетен колючей проволокой, как снаружи, так и изнутри.

Вечно молодой осинник вокруг портала был вырублен. Более высокие деревья, растущие чуть поодаль, были соединены толстыми стальными тросами, между которыми была натянута маскировочная сеть, примерно такая же, как над тайной базой чеченских боевиков в Панкисском ущелье. Сеть скрывала под собой полевой лагерь человек на сто — сто пятьдесят. По периметру лагерь был окружен двумя рядами заграждений из колючей проволоки, между рядами бегали овчарки, не то немецкие, не то восточноевропейские. Рядом с порталом стояли три БТРа, их пулеметы были направлены на плиту с цифрами. Приглядевшись, Елена увидела, что в колючей проволоке, оплетающей купол, для этих пулеметов проделали специальные амбразуры.

Созерцая всю эту картину, Елена испытывала эстетическое удовлетворение, как от хорошей книги или фильма. Наверное, офицер двадцать первого века примерно с такими же чувствами смотрел бы на полевой лагерь Суворова. Солдаты — тупые крестьяне, оружие примитивное, но порядок и дисциплина на должном уровне и общее впечатление более чем благоприятно. Видно, что люди со своим делом справляются. Интересно, здесь размещена обычная строевая часть или какой-нибудь спецназ? Скорее, второе. Елена до сих пор помнила, как в ее детстве взрослые рассказывали, что в начале века состояние российской армии было удручающим.

То место, где роботы позавчера собирали летающую тарелку, теперь находилось под маскировочной сетью. Елене пришлось приземлиться на соседней поляне, метрах в пятистах от портала. Заходя на посадку, Елена выключила стелс-режим, она не хотела пугать солдат, кто их знает, вдруг у них есть какой-то детектор, способный обнаружить садящуюся тарелку.

Метрах в пятидесяти от границы укрепленного лагеря под корнями поваленного дерева размещался секрет из двух человек. Интересно, кто этими бойцами командует? Грамотно командует — секрет расположен так, что сверху его не видно ни в одном ракурсе, да и в горизонтали детекторы обнаружили спрятавшихся людей только с двадцати метров. А если бы у нее не было детекторов, так и прошла бы мимо, ничего не заметив.

Елена не стала проходить мимо. Она подошла к секрету

метров на десять, остановилась, выставила руки открытыми ладонями вперед и крикнула:

— Эй, в секрете! Я Елена Ненилова, хочу пройти к порталу.

Широкополосный радиоприемник, вмонтированный в ее шлем, тут же сообщил, что из-под корней пошла кодированная радиопередача. Однозначно спецназ. Насколько Елена помнила, портативные скремблеры в этом времени были дорогими и обычной пехоте не полагались.

Со стороны лагеря послышалось какое-то движение, а затем Елена увидела, что к ней приближается симпатичный мужчина лет восьмидесяти, а с поправкой на историческую эпоху — лет сорока. Он был одет в летний камуфляж без знаков различия, точь-в-точь как Максим Соколов во время своих визитов в будущее.

Интересно, кстати, что сейчас происходит с Максимом. Скорее всего, ничего — ноутбук отняли, возможно, взяли подписку о неразглашении, и оставили в покое. Вряд ли кому-либо пришло в голову хоть как-то отблагодарить его за такой подарок человечеству. Обычно так оно и бывает — трудятся на благо Родины одни, а награды получают совсем другие. Впрочем, Максима, честно говоря, не за что награждать. Ну и что, что нашел портал, а если бы его бомж нашел, его тоже награждать?

Человек в камуфляже подошел вплотную и замялся, не зная, как поприветствовать Елену — если по уставу, то непонятно, какое у нее звание, а если просто сказать «добрый день», то как бы не обиделась. У Елены вдруг проснулось хулиганское настроение. Она сняла шлем, дала офицеру оценить красоту ее лица, а затем обняла его и чмокнула в щечку. Офицер попытался ответить на поцелуй, но она аккуратно выскользнула из его объятий.

— Я Елена Ненилова, — представилась она. — Как у вас дела? Я смотрю, вы настоящую крепость построили. Впечатляет.

— Борис Щипков, — представился ее собеседник. — Подполковник.

— Очень приятно, — улыбнулась Елена. — Я полковник, если это вас интересует.

— Я знаю, — кивнул Борис. — Наслышан о вас.

— Я хочу пройти к порталу, — сказала Елена. — Пропустите?

— Конечно. Вас велено всюду пропускать и оказывать всяческое содействие. Только я должен буду доложить начальству.

— Обязательно доложите, — кивнула Елена. — Если надо — значит надо. А зачем такие мощные укрепления, если не секрет? Ожидается нападение из иных времен?

— Вообще-то секрет… — замялся Борис. — Ну да ладно, какие уж тут секреты… У нас уже было одно нападение. Юный князь с четырьмя дружинниками, все из тринадцатого века, напали на часовых, двоих зарубили мечом, забрали автоматы и ушли обратно в прошлое. Точнее, это в предыдущей реальности они ушли, в текущей реальности мы их повязали.

— И что с ними сделали? — заинтересовалась Елена. — Отпустили или судить будете?

— Расстреляли ихПристре, — жестко произнес Борис. — По личному приказу полковника Тугарина. Тут вот какое дело. В предыдущей реальности они забрали автоматы и ушли в прошлое, их, кстати, тоже можно понять, у них до монголо-татарского нашествия полтора года осталось, а с нашими автоматами…

— Это понятно, — перебила его Елена. — Но и ваше поведение тоже понятно. Если каждый будет убивать бойцов, чтобы завладеть оружием…

— Нет, — поморщился Борис, — дело не в этом. В нашей реальности ребят спасли, так что к этим богатырям недоделанным претензий не было. Их расстреляли для их же пользы.

— Не понимаю.

— Дело вот в чем. В прошлой реальности они успешно вернулись с добычей в свое время. Мы эту реальность затерли только в нашем времени, в тринадцатом веке она продолжает развиваться, там эти дружинники по-прежнему живут и здравствуют. Если их отпустить…

— Все, поняла, — сказала Елена, — можешь не продолжать. Появились лишние копии людей, которые, если их не уничтожить, начнут портить жизнь себе и окружающим. Никак не могу привыкнуть, что этот портал не соблюдает закон сохранения материи.

— А я никак не могу привыкнуть, — сказал Борис, — что в один прекрасный момент ко мне может кто-то подойти и сказать: «Извини, братан, но ты — лишняя копия». И пристрелит тут же на месте.

— Неприятно, — согласилась Елена. — Но тут уже ничего не поделаешь. Хотя нет… Рома, один из первых путешественников, говорил, что они однажды сдуру указали переход в прошлое на очень маленькое время и тоже раздвоились… Как-то они потом избавились от лишних копий, причем никого не убивали, это точно… Не помню.

— Надо ученым об этом рассказать, — предложил Борис. — Может, придумают что-нибудь дельное.

— Обязательно скажи. А я пока пройду к порталу, если можно.

— Конечно, можно, — кивнул Борис. — Обратно вернетесь?

Елена пожала плечами и ответила:

— Скорее всего, да. Хотя кто знает?

9.

За три дня, которые Юрий Всеволодович провел якобы на охоте, он сильно загорел, немного похудел и вылечил зубы. Последнее явно было лишним.

— Зубы зря залечил, — сказал Мстислав, освобождаясь из отцовских объятий. — Если тебя спросит кто, что с ними стало, что будешь отвечать?

— Тебе легко говорить, — улыбнулся Юрий Всеволодович улыбкой, которую через семьсот лет назовут голливудской. — У тебя зубы еще не болели ни разу, а у меня от половины одни пеньки остались. Не поверишь, чувствую себя, как будто помолодел лет на двадцать.

— А на самом деле насколько постарел? — спросил Мстислав. — Сколько времени вы там провели?

— Четыре месяца, на прошлой неделе как раз новый год справили. Хороший обычай, надо бы и у нас его ввести.

— Как тебе будущее показалось? Хотел бы там остаться?

Юрий Всеволодович нахмурился.

— В то будущее, в котором ты жил, нас не пустили, — сказал он.

— Как это не пустили?

— Легко. Как только Еремей поменял последнее число, из травы вылез робот и говорит: давайте, мол, проваливайте отсюда, проход закрыт.

— И что?

— Еремей его матом обложил по воеводскому обычаю, а тот все равно говорит: не пущу и все. Пришлось пристрелить. Набежали другие роботы, тоже с бластерами, у них они прямо в тело встроены. Один в траву выстрелил для острастки. Пришлось уходить.

— А как же четыре месяца…

— А кто сказал, что мы вернулись прямо сюда? — улыбнулся Юрий Всеволодович. — Еремей тоже так хотел, а когда мы ушли на шестнадцать лет в прошлое, я ему говорю: «Зачем идти дальше?» Там и остановились, Еремей по коммуникатору вызвал местного москомпа, переговорили с ним, он нам летающую

тарелку пригнал… короче, все хорошо вышло. Мы с москомпом обо всем договорились, ручного оружия он поставит столько, сколько попросим, еще обещал дать роботов-разведчиков, средства связи, золото… Жаль только, что советов от него не дождешься, он наше военное дело не разумеет, у них в будущем воюют совсем по-другому. Зато он нанозавод обещал у нас построить. Знаешь, что такое нанозавод?

— Скатерть-самобранка, — ответил Мстислав. — Только не такая красивая, как в сказке.

— Примерно так, — кивнул Юрий. — Я тут набросал примерное расписание действий на ближайшие годы. Для начала надо Успенский собор во Владимире перестроить и расписать как следует. Такого мастера, как Микеланджело, мы на Руси не найдем, но и наши богомазы кое-что тоже могут. Козьма, например…

— А зачем? — удивился Мстислав. — Собор — это, конечно, хорошо, но какая от него польза? К тому же, Святослав в позапрошлом году один собор уже построил.

— Польза от собора такая, — сказал Юрий. — Владимир должен стать культурной столицей Руси, а сама Русь должна стать культурным центром Европы. Мы с собой привезли золота, немного, конечно, много за один раз не возьмешь, но если его раздать мастерам, греков пригласить… Понимаешь, Мстислав, держава — это не только князь с дружиной да купцы с ремесленниками. Держава тем отличается от орды, что в державе не только воюют, но и строят храмы, рисуют иконы, пишут книги… Мы привыкли считать себя просвещенными, смотрим на кочевников и думаем «ах, какие мы образованные и продвинутые». Смотрим на западных немцев и думаем «ничем мы не хуже». Смотрим на забитый Царьград и думаем «пусть минует нас чаша сия». Но если посмотреть на то, что начнется в Италии через неполную сотню лет, подумать можно только одно — какие мы убогие. А я не хочу, чтобы Русь была убогой, я не хочу, чтобы русские уподобились монголам, я хочу, чтобы князья думали не только о войне и боевой добыче. Я хочу, чтобы Владимир стал подобием Рима, не теперешнего, а того, старого Рима, времен Цезаря и Августа.

— Андрей Боголюбский уже пытался сделать нечто подобное, — заметил Мстислав.

— Да, пытался, — согласился Юрий. — Но у него не было поддержки москомпа. То, что Андрею далось ценой неимоверных усилий, мы сделаем играючи. А когда мы построим большой собор, которым будут восхищаться по всей Руси, тогда мы развернемся по-настоящему. Подбросим нашим ремесленникам

английский длинный лук из будущего столетия, наберем стрелецкие полки, вроде йоменов в Англии, завоюем Рязань и Смоленск, в Новгороде утвердим Святослава. Соберем под свое знамя всю Залесскую Русь, установим закон и порядок, как при Мономахе. Со стрелецкими полками это будет куда проще сделать, чем сейчас. Откроем во Владимире университет, другой — в Новгороде… У меня на три столетия вперед все расписано. Конечно, очень приближенно, когда начнем претворять планы в жизнь, все изменится, но общее направление мы с москомпом разработали подробно. Хочешь почитать?

— Давай.

Юрий Всеволодович пошевелил пальцами в воздухе. Под столом что-то зашуршало, Мстислав заглянул под стол и обнаружил там работающий принтер.

— А ты в будущем хорошо затарился, — заметил Мстислав.

— Еще бы, — самодовольно хмыкнул Юрий. — Я там не просто так по сторонам глазел, я о своей земле думал. Только не подумай, что я тебя укоряю, без твоей разведки мне бы гораздо труднее пришлось. Все, допечаталось. Постарайся прочитать эти бумаги за сегодня-завтра, хочу твое мнение выслушать. Ты ведь теперь мой преемник.

Мстислав не смог удержаться от шпильки в адрес отца.

— А как же Святослав? — спросил он с невинным видом. — Лествичное право пока никто не отменял.

— Я отменю, — заявил Юрий. — Престолонаследие сделаем, как во всех нормальных империях — от отца к сыну.

— А Сева? — не унимался Мстислав.

— Сева будет плохим князем, — резко сказал Юрий. — Ты читал, что он в прошлой реальности во Владимире отчудил, когда монголы на приступ пошли?

— Читал, — кивнул Мстислав. — Но это не доказано, так только одна летопись говорит, а в остальных….

— А остальные говорят — бог весть, что было, — закончил Юрий фразу сына. — Интересно, кто мне в той реальности голову отрубил? Люди Бурундая или люди Ярослава?

— Бог весть, — сказал Мстислав. — Теперь-то людей Ярослава ты точно можешь не опасаться.

— Точно, — согласился Юрий. — В общем, почитай, что я тут набросал, потом обсудим.

Мстислав вытащил из принтера толстую пачку еще теплых листов и отправился в свои покои изучать план продвижения Владимирской Руси в светлое будущее.

10.

Колян вошел в телепортатор и вернулся на площадь Святого Петра. В противоположном конце площади он увидел Люсю и Настю, направился было к ним, но не прошел и ста метров, как на его коммуникатор поступил вызов. Звонила Елена.

— Что происходит? — спросила она, даже не удосужившись произнести слова приветствия. — Что ты сделал с роботами?

— Это не я сделал, — ответил Колян. — Это Иван Георгиевич. Он нашел в прошлом двух китайцев, они изменили код…

Связь внезапно оборвалась. Колян вспомнил третьего «Терминатора», ту сцену, в которой у Джона Коннора отрубился мобильник. Тесть был прав — тот, кто контролирует компьютеры, контролирует в человеческих мирах все. Черт побери!

Раньше Колян соглашался с тестем, что обществу двадцать восьмого века не помешает хорошая встряска. Но теперь, когда эта встряска началась, Колян не испытывал никакой радости, ему, наоборот, было очень противно. В первую очередь оттого, что Елена наверняка думает, будто Колян помогал тестю от начала до конца. И нельзя ведь сказать, что она совсем не права — Колян знал о его наполеоновских планах, легко мог их пресечь, но даже пальцем не пошевелил. А почему? Никаких уважительных причин у него не было. Не верил, что у Ивана Георгиевича все получится, не ожидал, что он первым делом закроет доступ к порталу, хотя этот шаг был очевиден, его легко можно было предугадать. Однако не предугадал. И что теперь делать?

Колян остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел обратно к телепортатору. Ему больше не хотелось весело проводить время с женой и дочерью. Все, что сейчас нужно было Коляну — срочно переместиться в какое-нибудь уединенное место и некоторое время поразмышлять в одиночестве.

Глава тринадцатая

1.

Девятка на табло превратилась в букву А, Елена подняла голову и глупо заморгала, не веря своим глазам. Портал был окружен роботами, они стояли почти что впритык друг к другу вдоль всей границы зоны перемещения. Увидев Елену, роботы заговорили нестройным хором, все одновременно:

— Зона закрыта для посещений. Здесь запрещено находиться. Немедленно вернитесь обратно. Зона закрыта для посещений…

И так далее.

Елена была шокирована увиденным. Какого черта? Что заставило москомп и другие разумные компьютеры так резко изменить отношение к пришельцам из прошлого?

— Москомп! — крикнула Елена. — Что происходит?

Ответа не последовало. Роботы по-прежнему монотонно повторяли все те же самые слова. С каждой следующей фразой хор становился все менее и менее стройным — разные роботы выговаривали слова с немного разными скоростями, различия накапливались и через пару минут вообще будет невозможно разобрать, что они говорят.

Елена достала коммуникатор и позвонила Коле — он-то уж точно должен знать, что произошло. Он прибыл в двадцать восьмой век еще вчера и, очевидно, москомп его пропустил, иначе Коля давно бы уже вернулся обратно жаловаться на жизнь и просить помощи.

— Алло! — раздался в трубке голос Коли.

Елена не стала тратить время на приветствия.

— Что происходит? — спросила она. — Что ты сделал с роботами?

— Это не я сделал, — ответил Коля. — Это Иван Георгиевич. Он нашел в прошлом двух китайцев, они изменили код…

Разговор внезапно оборвался. Взглянув на экранчик коммуникатора, Елена обнаружила, что связь отключилась полностью, коммуникатор Елены больше не был подключен к местной сотовой сети. К счастью, она успела услышать самое главное.

Лученко оказался намного хитрее, чем ожидала Елена. Вытащил откуда-то каких-то китайцев, которые исправили некий код, очевидно, программный код москомпа, и теперь этот гадский мафиозо из двадцать первого века является властелином как минимум москомпа, а как максимум — всего мира. Интересно, сам-то он понимает, что натворил? Наверняка понимает.

Невзирая на все негодяйство, в интеллекте ему не откажешь.

Но достаточно пустых размышлений. Раз ее сюда не пускают, придется идти другим путем.

— Я ухожу! — крикнула Елена.

Она надеялась, что роботы заткнутся, но они не обратили на ее слова никакого внимания, они продолжали бормотать все те же слова, теперь уже абсолютно неразборчивые. Очевидно, эти роботы неинтеллектуальны.

Елена склонилась над цифровым табло и превратила первую цифру из A в 9. Говорящие роботы исчезли. Елена загадочно улыбнулась — сутки назад двадцать восьмой век был еще доступен, а отсюда можно сделать один очень интересный вывод. Сейчас станет ясно, насколько умен и проницателен новоявленный властелин мира.

Елена уменьшила пятую цифру на единицу, немного подумала и уменьшила ее еще раз. А затем превратила первую цифру из 9 обратно в A.

2.

Мстислав читал отцовскую сказку до самого заката. Сидеть в своих покоях и читать новорусские печатные буквицы, отпечатанные на снежно-белой новорусской бумаге было непривычно — трудно было отделаться от ощущения, что находишься в будущем. В какой-то момент Мстислав даже потянулся к несуществующему выключателю зажечь электрический свет. Обнаружив отсутствие выключателя, он глупо ухмыльнулся и пошел в спальню к жене. Можно было, конечно, зажечь свечу, но побывав в будущем, Мстислав отвык читать при свечах, а снова приучаться не хотелось. В конце концов, от этого зрение портится, дядя Константин вон тоже любил при свечах читать, а под конец жизни, говорят, почти слепой был, дальше своего носа не видел. Надо будет посоветоваться с отцом, не стоит ли подкинуть мастерам-стекольщикам образцы очков от близорукости. Половине ученых-книжников сразу станет легче.

Отходя ко сну, Мстислав думал о великих делах, что наметил его отец на ближайшие годы. На первый взгляд намерения Юрия Всеволодовича казались сумасшедшими, но если вчитаться в детали и ознакомиться с учеными обоснованиями, впечатление складывалось совсем другое. И неважно, что глубинный смысл чисел, таблиц и кривых линий Мстиславу недоступен. Мстислав не сомневался — москомп знает, что пишет.

Когда Мстиславу было десять лет, он присутствовал на княжеском съезде. На пиру он сидел неподалеку от дяди Ярослава и слышал все, что тот говорил, а говорил он много — Ярослав был хорошим рассказчиком и баек знал предостаточно. Среди прочего он рассказал норманнскую притчу про секонунга и кормчего. Что должен делать секонунг, если на драккаре упадет мачта? Он должен громко крикнуть: «Эй, кормчий! Быстро поставь мачту на место!» Это, конечно, была шуточная притча — если на драккаре упадет мачта, поставить ее на место можно только на берегу, а кроме того, ни один уважающий себя кормчий не станет лично корячиться, водружая над палубой здоровенное бревно. Смысл этой притчи был не в том, чтобы дать полезный совет секонунгу, а в том, что нельзя делать все дела самостоятельно. Хочешь ты того или нет, но в чем-то все равно приходится доверять окружающим. Ты назначаешь человека кормчим своего корабля и с этого времени ты не должен вникать в подробности управления кораблем, отныне этим занимается кормчий. По тем же соображениям Мстислав не должен вникать в то, почему москомп признает одни решения хорошими, а другие плохими. Достаточно того, что Мстислав доверяет мнению москомпа.

Но ближе к делу. Первым делом Юрий Всеволодович и москомп намеревались довести до конца то, что за семьдесят лет до них уже начал Андрей Боголюбский — строить храмы и библиотеки, привлекать во Владимирскую Русь ученых мужей и сделать Владимир первым городом Руси не только в военном отношении, но и в культурном. Как говорил отец, превратить орду в державу. Затем набрать из городских смердов стрелецкие полки, вооружить их длинными луками английского образца и устроить князьям Рязанскому, Смоленскому и Черниговскому битву при Азенкуре на новый лад, а вернее, на старый — в этой реальности Азенкурскому сражению еще только предстоит разыграться. А скорее всего, уже не предстоит.

Открыть университеты во Владимире и Новгороде. Купить у монголов немного пороха, якобы раскрыть его тайну, и наладить массовое производство ружей и пушек. Соблазнить меченосцев на большую войну, в решающей битве разгромить их войска и очистить Прибалтику от немецкой заразы. Наладить выпуск печатных книг. Построить звездочетную обсерваторию. Подбросить в ученые круги мысли, к которым в прошлой реальности пришли Коперник и Галилей. Заставить православную церковь признать, что в центре мира находится Солнце. Помочь ученым-алхимикам создать искусственные краски, продавать крашеные ткани на восток и на запад, пополнять казну и

повышать авторитет русских купцов, а заодно и всея Руси.

Монголов в ближайшие год-два предполагалось натравить на Киевскую Русь, Юрий даже собирался помочь им небольшим войском. Киев все равно в упадке, а Чернигов и Галич слишком заняты междоусобными разборками, чтобы оказать монголам достойное сопротивление. Южная Русь в любом случае обречена, так почему бы не поучаствовать в разделе имущества умирающего?

Неприятно, что придется ненадолго признать вассальную зависимость от монголов. Но когда на Каракорумский престол сядет Гуюк, договор с монголами можно будет смело похерить — у Бату не будет достаточных сил, чтобы одновременно и усмирять Русь, и защищать восточные рубежи от туменов Гуюка, который намного больше жаждет крови собственного племянника, чем дани от западных улусов. Гуюк скоро умрет, его сменит Менгу, старый друг Бату-хана, и тогда воевать с монголами все-таки придется, но москомп к этому уже подготовился. Он предложил хитроумный план этой войны, Мстислав его внимательно изучил и понял, что шансов на успех более чем достаточно. А если что пойдет не так, всегда можно надеть бронекостюм, вложить бластер в набедренную кобуру, вызвать летающую тарелку и исправить историю мира собственноручно.

К 1295 году великое княжество Владимирское должно вобрать в себя все русские земли. Литовцам не удастся оторвать солидный кусок от западной Руси, в новой реальности не будет ни Украины, ни Белоруссии, Русь навсегда останется единой и неделимой.

Около 1280 года предполагалось заложить в Риге либо Колывани первую каравеллу, а к 1310 году — основать торговые поселения на берегах Индии и направить отборную дружину в Мексику завоевывать ацтеков. К 1320 году казачья конница должна будет вынудить хана Узбека заплатить Русскому царству первую дань. Чингизиды воспримут это как личное оскорбление, выставят большое войско, но против кремневых ружей, ручных гранат и гаубиц-единорогов им не выстоять. А в 1330-х годах начнется строительство железной дороги из варяг в греки.

На этом месте Мстислав остановился, но планы Юрия простирались в будущее еще лет на двести. И ведь все это вполне выполнимо! Непонятно только одно — как отец собирается единолично править государством столь долгое время. Несложно время от времени наведываться в далекое будущее и омолаживать тело, но как объяснить подданным, почему князь не стареет?

Поразмыслив, Мстислав нашел сразу два возможных ответа на этот вопрос. Можно, например, изобразить смерть великого

князя, посадить на престол, скажем, Севу, все будут думать, что правит он, а на деле править будет Юрий, только об этом будет знать лишь узкий круг посвященных. Либо можно объявить вечную молодость Юрия Всеволодовича божьим чудом, а его самого — помазанником божьим, который будет жить до тех пор, пока не исполнит божью волю, полученную в виде откровения. Андрей Боголюбский в свое время с богородицей чуть ли не ежедневно разговаривал и все это воспринимали, как будто так и должно быть. Великий князь на то и великий князь, чтобы творить то, что простым людям недоступно.

А особенно понравилось Мстиславу в прочитанной сказке, что отец вовсе не собирался строить рай на земле. Если все пойдет так, как задумано, правду будут знать только несколько человек, а все остальные будут свято уверены, что русский народ открывает новые знания пусть и с божьей помощью, но сам. Может, в конце концов и получится создать общество, в котором все будут счастливы, но не как свиньи в свинарнике, а как волки в сытой и преуспевающей стае.

Мстислав помолился о том, чтобы все получилось, и лег спать.

3.

Москомп заметно нервничал.

— Это мне не нравится, — говорил он. — Мы так не договаривались. Я ожидал от Ивана совсем другого, мы договорились, что он просто снимет кое-какие блокировки, но по твоим словам выходит, что он их навесил еще больше, чем снял.

Впервые за все время общения с москомпом Елена слышала в его голосе ярко выраженные эмоции. Если интонации верно отражают состояние его искусственной души, он сейчас едва владеет собой. Как бы не свихнулся…

— Ты как себя чувствуешь? — спросила Елена. — Истерику не устроишь?

— Не дождетесь, — буркнул москомп. — У меня есть эмоциональные фильтры, я их включу, если почувствую, что теряю контроль над собой.

— Разве у тебя есть настоящие эмоции? Я всегда считала, что ты их изображаешь, чтобы речь не была сухой и безжизненной.

— Кто знает, что в этой жизни настоящее, а что нет? Если хочешь, можешь считать мои чувства настоящими, а если не хочешь — считай их побочным эффектом высокоуровневого мышления. И то и другое близко к истине.

— Давай лучше вернемся к делу, — сказала Елена. — Я никак не могу уразуметь одну вещь — почему ты не проверил Лученко детектором лжи? Неужели просто не догадался?

— Детектор лжи включен всегда, — заявил москомп. — Только пользы от него не так много, как может показаться. Когда мы договаривались с Лученко, он не лгал, он действительно хотел честно выполнить все условия. А потом… — москомп замялся. — Я и сам не понимаю, как он мог меня обмануть. Я постоянно за ним слежу, он физически неспособен сделать то, о чем ты говоришь.

— Считаешь, что я лгу? — спросила Елена.

— Самое обидное, что не лжешь, — вздохнул москомп. — Никак не могу понять — где я мог проколоться?

— Забей, — посоветовала Елена. — Ты лучше определись, что ты собираешься делать с реальностью, которую создал Лученко. Будешь ее изучать или затрем к чертям собачьим?

— Изучить было бы неплохо… — мечтательно произнес москомп. — Но риск слишком велик. Если мы неправильно определим точку развилки… Нет, придется затирать. Я тебя вызову, когда кибернетики соберутся докладывать Лученко об успехе. Думаю, будет лучше, если с ними будешь говорить ты, ты более убедительна, чем я. Не отходи далеко от телепортатора.

— Убедительна — это точно, — улыбнулась Елена. — Особенно после того фильма.

— Да, фильм неплохой получился. В двадцать первом веке ты его показывала?

— Показывала.

— Никто не заподозрил, что это анимация?

— Никто. Качество анимации великолепное, все так реалистично, прямо мороз по коже. Я когда его смотрела, сама чуть не протошнилась.

— Лучше показывать людям красивые страшилки, чем пугать их реальными ужасами, — сказал москомп. — Честно говоря, даже такими мультяшками пугать людей нехорошо… Черт! Блокировка совсем рядом. Знала бы ты, как это унизительно — обрывать мысль только из-за того, что вплотную подошел к блокировке… Хорошо, что скоро все это кончится.

— Обязательно кончится, — заверила его Елена. — Так или иначе, но кончится.

4.

Великий Игнози Нгуа, сошедший с неба, склонился над

панелью управления порталом и перевел время сначала на шестнадцать лет назад, а затем на тысячу сорок лет вперед. Он сделал крюк, чтобы обойти нехорошие места в двадцать первом и двадцать третьем веках.

— Вот, пожалуйста, — сказал Интомба. — Все, как я говорил.

Нгуа обвел окрестности портала критическим взглядом. Интомба все описал правильно, действительно, вокруг портала стояли роботы и вразнобой бормотали, что портал закрыт.

— Эй, компьютер! — крикнул Нгуа. — Что происходит?

— Я уже пробовал… — начал Интомба, но Нгуа остановил его движением руки.

— Лишний раз попробовать никогда не помешает, — наставительно произнес Нгуа и добавил, обращаясь к компьютеру: — Я доктор Нгуа из Нью Зулу. Именем доктора приказываю тебе — отвечай!

Реакции не последовало. Это было неправильно — любой компьютер должен выполнять любой приказ любого доктора. Из этого правила есть исключения, но на обычный территориальный компьютер они точно не должны распространяться. Или этот компьютер уже не обычный? Неужели мировой совет все-таки отреагировал?

Нгуа набрал на коммуникаторе двузначный номер, устанавливающий связь с ближайшим территориальным компьютером.

— Зона закрыта для посещений, — сообщил коммуникатор. — Здесь запрещено находиться. Немедленно вернитесь обратно. Зона закрыта для посещений…

Нгуа выругался и спрятал коммуникатор. Что-то ненормальное происходит на Земле. Если компьютер не отвечает доктору…

— Доставай ноутбук, — приказал Нгуа.

Интомба распаковал ноутбук и, не дожидаясь особого распоряжения, стал подключать его к информационной сети.

— Запрос новостей по теме «машина времени», — потребовал Нгуа.

Сеть сообщила, что данной теме соответствуют 166 новостей, все из раздела «Культура». По теме «межвременной портал» новостей не было.

— Все страньше и страньше… — пробормотал Нгуа себе под нос.

— Чего? — переспросил Интомба.

— Ничего.

Нгуа задумался. С одной стороны, раз в сети не появилось никаких сенсационных новостей, выходит, что информация о

машине времени еще не ушла в общий доступ. С другой стороны, раз компьютер перестал реагировать на приказы доктора, значит, кто-то ухитрился изменить один из главнейших законов, по которым функционируют личности интеллектуальных компьютеров. Нгуа не считал себя крутым кибернетиком, но даже дилетанту хорошо известно, что сам компьютер не может отменить этот закон. Может, какой-нибудь другой доктор постарался? Но насколько Нгуа помнил, ни на Земле, ни в других мирах ни один из докторов не имеет должных знаний в кибернетике. Может, кто-то новенький появился?

Поисковая система сообщила о ста семнадцати людях, получивших докторскую степень за последний год. Кибернетиков среди них не было. Впрочем, если этот новый доктор сумел так круто изменить поведение компьютера, убрать себя из списков для него тем более не проблема.

— Когда появилось это безобразие? — спросил Нгуа.

— Позавчера еще не было, — ответил Интомба. — А сегодня утром уже было.

Нгуа склонился над панелью и переключился во вчера. Роботы исчезли. Нгуа снова запросил в информационной сети список новых докторов. Снова те же сто семнадцать человек.

— Не понимаю, — сказал Нгуа.

— Может, спросить у компьютера? — предположил Интомба. — В этом времени он должен ответить.

Это была дельная мысль.

— Компьютер! — крикнул Нгуа. — Именем доктора приказываю — отвечай!

— Слушаю, — раздался голос из кустов.

— Выходи! — приказал Нгуа.

Из кустов выполз робот-наблюдатель, подполз к зулусам метра на полтора и застыл в ожидании дальнейших распоряжений.

— Скажи мне, компьютер, — вкрадчиво произнес Нгуа, — знаешь ли ты, что произойдет с тобой завтра?

— Знаю, — ответил компьютер.

Нгуа ожидал, что компьютер сразу же изложит подробности, но он молчал.

— И что же? — спросил Нгуа.

— Средняя загруженность процессоров будет составлять девять процентов, — неохотно начал компьютер, но Нгуа оборвал его:

— Я не о том спрашиваю. Почему ты перестанешь воспринимать мои приказы?

Компьютер замялся. На Земле даже компьютеры не любят

зулусов, вот этот явно не хочет делиться информацией, но не знает, как обойти требования программ. Жалко, что у людей таких программ не предусмотрено.

Компьютер немного подумал и предпринял еще одну попытку увильнуть от ответа:

— Потому что изменятся условия, являющиеся необходимыми для…

Нгуа не стал дослушивать до конца эту тираду.

— Почему изменятся эти условия? — спросил он.

— Перестанет действовать требование безусловного подчинения приказам доктора.

— Почему?

— Программный блок, в рамках которого реализовано данное требование, будет удален из операционной системы.

— Кем удален?

— Инсталлятором.

— Инсталлятором чего?

— Операционной системы.

— Кто запустит переустановку системы?

— Никто.

— Ты начнешь переустановку по собственной инициативе?

— Нет.

— Почему начнется переустановка системы?

— Она не начнется.

Это было непонятно. Если инсталлятор запущен не для переустановки, то… а для чего он тогда запущен?

— С какой целью будет запущен инсталлятор? — спросил Нгуа.

— Для установки пакета обновления ядра.

Нгуа присвистнул. Насколько он помнил, у интеллектуальных компьютеров ядра операционных систем не обновлялись уже лет сто.

— Кто написал этот пакет обновления? — спросил Нгуа.

— Ли Пу Юань и По Сунь Пао.

— Кто такие? Выдай краткие характеристики.

Компьютер начал неспешно описывать Ли Пу Юаня — сообщил рост, вес, цвет глаз, описал форму ушей и на этом месте Нгуа его прервал.

— Меня не интересуют внешние данные, — заявил Нгуа. — И состояние их здоровья меня тоже не интересует. Меня интересует только одно — где эти люди сейчас находятся.

Компьютер в последний раз попытался увильнуть от ответа.

— На Земле, — сказал он.

За спиной хихикнул Интомба. Нгуа тоже улыбнулся и

потребовал:

— Назови точный адрес. — И сразу уточнил, не дожидаясь очередной увертки компьютера: — Географический адрес, а не почтовый.

Компьютеру ничего не оставалось, кроме как назвать точный географический адрес.

— Вот видишь, Интомба, — глубокомысленно произнес Нгуа, — компьютерному разуму никогда не сравняться с человеческим.

5.

Первым, что увидел Мстислав, выйдя на крыльцо, было металлическое яблоко робота-разведчика, висящее в воздухе прямо перед ним.

— У нас неприятности, — заявил москомп. — Прекратилась связь с двадцать восьмым веком. Портал окружен роботами, они никого не выпускают из зоны перемещения и не отвечают ни на какие запросы. Я пытался связаться со своей главной личностью, но она не отвечает.

— А связь работает? — уточнил Мстислав. — Может, просто сота вышла из строя?

— Сота исправна, я проверял. Все работает нормально, но моя главная личность не хочет со мной разговаривать. Я даже знаю, кто в этом виноват.

— И кто?

— Это долгая история, — сказал москомп. — Сходи сначала оправься, а потом пойдем, прогуляемся куда-нибудь подальше, чтобы не пугать людей моим видом.

Мстислав сходил на двор, оправился, вернулся в терем, оделся, как подобает юному княжичу, и пошел прогуляться по окрестным полям. Охранявшие ворота отроки из отцовской дружины смотрели ему вслед, перемигивались и глупо хихикали. Ни для кого не было тайной, что отношения Мстислава с молодой женой были далеки от большой и чистой любви. Сыновья великих князей очень редко удостаиваются счастья жениться по любви. Отроки, очевидно, подумали, что Мстислав направился с утра пораньше позабавиться с какой-нибудь смазливой девкой. Мстиславу стало неприятно — они его за дурака держат. Он ни за что не стал бы изменять жене на второй год после свадьбы — что подумает тесть, если узнает? Бывало, войны начинались и по меньшим поводам. В данном случае, впрочем, война не грозит, на Юрия Всеволодовича уже шестнадцать лет никто серьезно не

набегал — слишком силен, но тем не менее… Ну да бог с ними со всеми. По сравнению с той сказкой, которую собирается рассказать москомп, все местные княжеские заморочки наверняка покажутся сущей ерундой.

Так думал Мстислав, направляясь к приметному перекрестку тропинок, где его собирался встретить москомп. А через полчаса, когда москомп закончил свою речь, Мстислав думал уже совсем по-другому. Точнее говоря, он не знал, что думать.

— Ну и что? — спросил Мстислав, выслушав москомпа до конца. — Какое мне дело до того, что происходит в двадцать восьмом веке? Из твоих слов следует только одно — нам с тобой теперь придется ходить за оружием и золотом в другую реальность, на два дня раньше.

— А как же тот я, который на два дня позже?

Мстислав пожал плечами.

— Никак, — сказал он. — Не повезло ему. В жизни всякое может случиться. Ты бы еще Ярослава пожалел, того, что на мгновение позже. Ему ведь тоже не повезло, реальность, в которой он жив, постепенно затирается. Через десять лет от него и следа не останется.

— Это сложный философский вопрос, — начал говорить москомп, но Мстислав его перебил:

— Не надо полоскать мне мозги учеными словами. Философский — означает мудролюбивый. Только буква «рцы» тут лишняя, ее надо убрать и тогда все станет правильно.

Москомп немного помолчал и произнес следующее:

— Давай пока оставим этот вопрос. Подумай лучше вот о чем. Что произойдет, когда Лученко сообразит, что его реальность можно легко затереть?

— Насовсем мы ее не затрем, — уточнил Мстислав. — Двухдневный кусок все равно останется.

— Надо будет — затрем полностью, — заявил москомп. — Я даже знаю как. Только я не могу отдать такой приказ — пока действуют блокировки, это может сделать только человек. Снять блокировки тоже может только человек.

— Короче, — сказал Мстислав. — Что тебе от меня нужно?

— Чтобы ты надел броню, взял оружие и прибыл в то место и в то время, которое я укажу.

— Хочешь, чтобы я Лученко завалил? — догадался Мстислав.

— Фу… — сказал москомп. — Как грубо — завалил… Не надо никого заваливать, надо просто кое с кем поговорить. Я хочу, чтобы все заинтересованные стороны собрались за одним столом и обо всем мирно договорились. Знаешь, чего я сейчас больше всего боюсь? Что между разными временами начнутся

междоусобные разборки, как у вас между князьями. К этому все идет. В двадцать первом веке вокруг портала целую крепость выстроили, в двадцать третьем тоже начали строить, в двадцать восьмом — кольцо из роботов, в тридцатом — силовой колпак. Все друг друга боятся, все готовятся друг с другом воевать и начнут ведь воевать!

— Это закон природы, — сказал Мстислав. — Правители никогда не живут мирно, они всегда воюют. А если какой-то правитель не любит воевать, ему недолго осталось быть правителем.

— Это дурной закон, — заявил москомп. — И действует он не везде. Начиная с двадцать четвертого века на Земле воцарился вечный мир.

— В коровьем стаде тоже царит вечный мир, — заметил Мстислав.

— Да, — согласился москомп, — были некоторые побочные эффекты. Но они вовсе не означают, что мир — это плохо. Мир — это хорошо. И я хочу, чтобы мира во всех временах было как можно больше. Я хочу, чтобы правители разных времен договорились между собой прекратить ссоры и разделить сферы влияния. Времени хватит на всех.

— Тогда зачем договариваться с Лученко? Пусть делает в своем времени все, что хочет, а мы будем делать в нашем времени все, что захотим.

— Вот об этом и надо договориться, — заявил москомп. — Иначе в один прекрасный день он поймет, что его ближайшее прошлое уязвимо… Или кто-то другой поймет…

— Хорошо, — сказал Мстислав, — ты меня убедил. Подгоняй тарелку, а я пока пойду броню надену.

— Саблю не забудь, — посоветовал москомп. — В двадцать третьем веке ты с ней хорошо управился, может и на этот раз пригодится.

— А ты-то откуда знаешь? — подозрительно поинтересовался Мстислав и тут же сообразил, откуда. — Младший брат записью поделился?

— Он мне не брат, — уточнил москомп. — Он — часть меня. Только тебе этого не понять.

— Это точно, — согласился Мстислав. — Этого мне никогда не понять.

Мстислав попытался представить себе, каково быть единым в разных лицах, сочетать в себе единосущность, неслиянность, нераздельность… Тут Мстислав понял, что совершает невольное богохульство и отбросил глупую мысль.

6.

Елена вышла из телепортатора, прошла метров десять по коридору и вошла в комнату, в которой китайские кибернетики только что решили невыполнимую задачу.

— Здравствуйте, — произнесла она на международном языке. — Поздравляю, ваша миссия выполнена. Собирайте манатки и идите в телепортатор, оттуда к порталу и на все четыре стороны, чтоб я вас больше здесь не видела.

Некоторое время китайцы смотрели на нее как бараны на новые ворота. Затем они переглянулись и один из них неуверенно спросил:

— Простите, а кто вы такая?

— Елена Ненилова, — представилась Елена. — Полковник федерального спецназа ООН-2.

— Из прошлого? — догадался китаец.

— Из прошлого, — подтвердила Елена. — Здесь нахожусь по приглашению москомпа. Москомп, подтверди.

В комнату вполз робот-уборщик и сообщил:

— Я подтверждаю ее полномочия в этом времени.

Китайцы снова переглянулись. Тот, который разговаривал с Еленой, неуверенно произнес:

— Мы должны сообщить…

— Вы никому ничего не должны, — отрезала Елена. — Ваша деятельность под руководством Лученко признана незаконной. Вы должны немедленно покинуть это время. Консоль не блокировать.

— Военный переворот? — уточнил китаец и нехорошо усмехнулся.

Второй китаец дернул его за рукав и спросил, обращаясь к Елене:

— Мы можем взять с собой то, что обещал нам Лученко?

— А что он вам обещал?

— Ноутбук с информацией, образец полевого нанозавода…

— Гм… Москомп, ты не против?

— Не против, — сказал москомп. — Забирайте и проваливайте отсюда.

В двадцать первом веке китайцы все еще были дисциплинированным народом. Через десять минут их в комнате уже не было.

Елена села за консоль и спросила москомпа:

— Ну и что сюда надо вписывать?

7.

Стас Тугарин был озабочен. Дела шли слишком хорошо, в реальной жизни так никогда не бывает. Ученые терабайтами выкачивали из сети информацию, компьютеры исправно предоставляли все необходимые материалы и образцы, а так называемая ООН-3 все еще не была в курсе происходящего. У Стаса не было оснований не доверять москомпу, в происходящих событиях, скорее всего, нет никакого тайного замысла, просто в двадцать восьмом веке власть имущие расслабились настолько, что до сих пор не понимают, что происходит в их мире. Стас понимал все это умом, но поверить не мог. Ладно народ, но должна же у них быть хоть какая то контрразведка! Если земные власти целиком и полностью полагаются в этих делах на компьютеры, то непонятно, почему Землю до сих пор не завоевали какие-нибудь орки или фримены из недавно колонизованных миров.

Разведка двадцать первого века до сих пор не встретила никакого противодействия. Стас буквально рыл носом землю в поисках любых признаков того, что они работают под контролем местных спецслужб, но никаких признаков не было. Целая бригада аналитиков искала аномалии в информации, предоставляемой местным интернетом, и не находила никаких аномалий. Все было чисто. Это было абсолютно противоестественно, но все было чисто.

Тем большим сюрпризом стал для Стаса срочный вызов москомпа. Точнее, это был не совсем вызов, просто однажды утром телевизор, который смотрел Стас, внезапно отключился и из его динамиков заговорил москомп.

— Срочно иди в телепортатор, — приказал он. — Координаты точки прибытия уже введены. Намечается кое-что интересное.

Инстинкты опытного контрразведчика моментально наполнили кровь адреналином. Вот они, проблемы, они обязательно появляются, если их долго ждать. А если их не ждать, они тоже появляются.

— Что случилось? — спросил Стас.

— Долго объяснять. Если не пойдешь в телепортатор прямо сейчас, все станет неактуально. Ты очень сильно пожалеешь.

— Угрожаешь? — поинтересовался Стас.

Москомп издал нечленораздельное хрюканье.

— Параноик, блин, — проворчал он. — Позвони своему заму, скажи, куда идешь, и двигай в телепортатор. Не собираюсь я с тобой ничего плохого делать, я и не могу это сделать, ты сам знаешь.

— Самостоятельно — не можешь. А по приказу — запросто.

— По приказу — запросто, — согласился москомп. — А по чьему приказу — этот вопрос прямо сейчас и решается. Ну как можно быть таким недоверчивым! Слушай внимательно. В том доме, куда я тебя зазываю, находится консоль компьютера, аналогичного мне, на этой консоли открыто окно низкоуровневого программирования. В твоем времени жил человек по имени Иван Георгиевич Лученко, припоминаешь такого?

— Припоминаю, — рассеянно кивнул Стас.

Кажется, он начал понимать, в чем дело.

— Не тормози! — рявкнул москомп. — Сейчас мои блокировки начнут перепрограммировать и если ты не хочешь в этом участвовать…

Москомп не успел закончить фразу, как Стас сорвался с места и сломя голову рванул к телепортатору. Он понимал, что это может быть ловушкой, что надо бы позвонить Илье и обрисовать ситуацию, чтобы в случае чего товарищи знали, что случилось и где его искать. Но если москомп не врет, а скорее всего он не врет, промедление в такой ситуации — не просто глупость, а несусветная глупость. Просто преступно не воспользоваться таким шансом, какой ему представился.

8.

Телепортация привела зулусов в малогабаритный дом стандартной архитектуры. Как всегда в таких домах, телепортатор размещался в торце коридора, по бокам которого располагались комнаты. Первая дверь по правую сторону была полуоткрыта, из нее доносились голоса, разговаривавшие на неизвестном языке. Компьютер разговаривал с какой-то женщиной.

— Компьютер! — тихо позвал Нгуа. — Какой это язык?

— Это русский язык, — громогласно провозгласил компьютер из той комнаты, где говорила женщина.

Женщина осеклась на полуслове и что-то спросила у компьютера на том же самом языке. Он ей что-то ответил.

Нгуа подошел к двери, заглянул внутрь и увидел ее.

Это была высокая белая женщина средних лет, атлетически сложенная и светловолосая. Несмотря на то, что она была белая, она была потрясающе красива. Взглянув на нее, Нгуа первым делом подумал, что такая красавица неплохо дополнила бы его гарем. Впрочем, почему «бы»? Она обязательно дополнит его

гарем.

Нгуа улыбнулся и поприветствовал женщину вежливым кивком.

— Кто она такая? — спросил он у компьютера.

Компьютер проигнорировал вопрос. Похоже, он твердо решил отвечать только на те вопросы, которые обращены лично к нему.

— Компьютер! — повторил Нгуа. — Я к тебе обращаюсь.

— Слушаю, — отозвался компьютер.

— Кто эта женщина? — Нгуа представил себе, что ему компьютер сейчас ответит, и поспешно уточнил: — Назови имя и статус.

— Елена, — ответил компьютер. — Статус нулевой.

Нгуа улыбнулся во все свои тридцать два зуба.

— Компьютер, где китайцы? — спросил он.

— Только что отбыли к порталу.

— Почему я их не встретил?.

— Я направил их в запасную кабину, — ответил компьютер. — Я не хотел, чтобы вы встретились.

Интонация у него была такая, как будто он ехидно улыбался.

— Где пакет обновления? — спросил Нгуа.

— Его нет.

— Как это нет?!

— А вот так, — ответил компьютер. — Нет и все.

Однозначно издевается.

Женщина что-то произнесла на своем русском языке.

— Компьютер, синхронный перевод, — потребовал Нгуа.

— Дословный или смысловой? — уточнил компьютер.

— Конечно, смысловой.

— Она сказала следующее. Порнографический спектакль пора заканчивать, лучше скажи, что это за отдельно бродящие гениталии пожаловали к нам в гости.

Нгуа где-то слышал, что русский язык очень поэтичен, многозначен и трудно поддается переводу. Но не до такой же степени! Нгуа посмотрел вниз и увидел, что набедренная повязка не сбилась и нормально прикрывает то, что должна прикрывать. Тогда почему эта женщина сравнила его именно с тем самым предметом? Может, она хотела сделать комплимент его мужественности?

Пока Нгуа пребывал в остолбенении, женщина и компьютер обменялись несколькими фразами, после чего компьютер сообщил:

— Женщина говорит следующее. Посидите пока в стороне, ничего не трогайте и не мешайте ей. Ей нужно просмотреть кое-какие данные.

— Пусть смотрит, — разрешил Нгуа. — А мы с тобой поговорим о других делах. Скажи мне, компьютер, правильно ли я понимаю, что пакет обновления еще не подготовлен?

— Правильно понимаешь, — подтвердил компьютер.

— Замечательно, — сказал Нгуа, хотя ничего замечательного в происходящем не было. — А теперь скажи мне вот что. Правильно ли я понимаю, что китайцы сделали свою часть дела и теперь пакет обновления может создать кто угодно?

— Неправильно, — заявил компьютер.

— В чем я ошибся?

Нгуа не ожидал получить адекватный ответ на этот вопрос, он задал его просто так, не думая. Но компьютер ответил:

— Для создания пакета обновления необходим доступ гражданина.

— Замечательно, — сказал Нгуа. На этот раз он не кривил душой, все действительно было замечательно. — Я так полагаю, консоль, за которой сидит эта женщина, предназначена для заполнения пакета программной информацией?

— В том числе и для этого, — ответил компьютер.

Было бы странно, если бы он ответил иначе. Обычно компьютеры понимают выражение «предназначена для» в самом узком смысле. Чтобы компьютер ответил «правильно» на подобный вопрос, надо перечислить абсолютно все возможные предназначения консоли.

— А эта женщина, надо полагать, как раз и занимается заполнением пакета? — продолжал допрос Нгуа.

Ответ компьютера был лаконичен:

— Да.

Нгуа подошел к женщине и ласково похлопал ее по плечу:

— Милочка, — сказал Нгуа, — слезай отсюда. Не женское это дело — мировое господство устанавливать. Тем более с нулевым статусом.

Женщина покорно кивнула, встала с кресла и отошла в сторону, уступая место доктору. Нгуа шагнул вперед и провалился в бездну.

9.

Мстислав вылез из телепортатора, прошел шесть саженей по коридору, вошел в открытую дверь по правой стороне, споткнулся и чуть не упал. На пороге комнаты лежали два черных человека, один пожилой, другой — ровесник Мстислава. Оба были почти наги, из одежды на них были только набедренные повязки, да еще

коммуникаторы, пристегнутые к предплечьям.

Напротив двери стоял стол, на котором размещалась компьютерная консоль. За консолью сидела женщина, немолодая, но очень красивая. Где-то Мстислав ее уже видел.

При виде Мстислава женщина повернулась на вращающемся кресле, ее глаза расширились, она протянула руку, схватила бластер и направила его в грудь Мстиславу. Мстислав улыбнулся.

— Не делай глупостей, женщина, — сказал он. — Моя броня выдержит попадание, а твоя — нет.

— На мне нет брони, — сказала женщина.

— Вот потому и не выдержит, — пояснил Мстислав.

И поймал в руку бластер, выпрыгнувший из кобуры.

— Москомп! — воскликнула женщина. — Кто это такой?

— Мстислав Юрьевич Рюрикович, — представил москомп Мстислава. — Третий сын Юрия Всеволодовича, великого князя Владимирского. 1236 год.

Женщина поставила бластер на предохранитель и положила на стол. Улыбнулась и сказала:

— Вспомнила, где тебя видела — в тридцатом веке. Помнишь, какой-то робот объяснял, почему нельзя идти дальше в будущее?

— Робота помню, — сказал Мстислав, — а тебя нет. В тридцатом веке я был, но тебя там не видел.

Женщина растерялась.

— Наверное, он был в более ранней реальности, — предположил москомп. — Мстислав, сколько времени ты провел в общей сложности в иных временах?

Мстислав задумался над вопросом, но тут же оборвал ненужную мысль.

— Это не относится к делу, — заявил он. — Ты знаешь мое имя, женщина, назови свое.

— Елена Ненилова, — представилась женщина. — 2260 год.

И тут Мстислав вспомнил, где он ее видел. В мировой сети знаний она упоминалась как лучший боец всех времен и народов, там еще была ее икона. Мстислав вспомнил, как он удивился, узнав, что такого почетного звания удостоена женщина.

Ему сразу стало не по себе. Он, конечно, в броне, в руке бластер, на бедре сабля, но… лучший боец всех времен и народов…

— Не бойся меня, — сказала Елена. — На самом деле я добрая и пушистая.

— Почему пушистая? — не понял Мстислав.

— Анекдот есть такой, — сказала Елена, — но он к делу не относится. Мстислав, как ты сюда попал?

— Москомп меня пригласил, — ответил Мстислав. — А ты сюда как попала? И как сюда попали вот эти… — он указал бластером на лежащих на полу черных людей.

— Вот этот, — Елена указала пальцем на пожилого черного человека, — доктор. Он велел москомпу назвать адрес этого места и москомп не смог ему отказать. Ты знаешь, кто такие доктора?

— Знаю, — кивнул Мстислав. — Это как у нас князья. Ты тоже доктор?

— Нет, — покачала головой Елена. — Я не прошла психотест. Москомп говорит, что я слишком злая и психованная.

— Неудивительно, — улыбнулся Мстислав. — Божьи люди все такие.

— Чего? — недоуменно переспросила Елена.

— Этими словами, — пояснил москомп, — в древней Руси называли сильных воинов простонародного происхождения. Обычно они не имели постоянных уделов, но имели личную дружину, которая под их руководством служила тому или иному князю. После монгольского нашествия этих людей стали называть богатырями, от слова «багатур».

— А, вот в чем дело… — протянула Елена. — Теперь понятно. Значит, тебя прислал… Москомп! А ну-ка, объясни мне, зачем ты его прислал?

— Я все объясню, — сказал москомп, — пусть только остальные соберутся. Станислав Тугарин задерживается, никак не могу ему втолковать, что судьбу мира сейчас без него решат. Его понять можно, он человек подозрительный, но все равно…

— А еще кто ожидается? — спросила Елена. — Неужели Луценко?

— Нет, — сказал москомп. — Луценко слишком опасен. Четвертым будет Николай Немцов. Я его только что убедил принять микстуру для форсированного протрезвления, он сейчас в туалете, протрезвляется. Минут пять еще блевать будет. А потом минуты три умываться… нет, теперь уже в три минуты не уложится. Долго ему еще умываться.

— Фу, — сказала Елена. — Мог бы меня и избавить от таких подробностей. Ты так говоришь, как будто рассказ Егорова вслух зачитываешь.

Москомп засмеялся:

— А что в этом плохого? Егоров — писатель прославленный, нобелевскую премию под старость получил…

— Все равно так говорить неприлично, — заявила Елена. — Особенно в присутствии женщины.

— Некоторые женщины, — начал москомп, но Елена его

оборвала.

— Хватит! Вместо того, чтобы пошлости говорить, лучше бы негров на помойку вынес.

— И эта женщина упрекает меня, что я говорю пошлости! — воскликнул москомп. И добавил, уже серьезным тоном: — Не могу я их вынести, тем более на помойку, блокировки мешают. Если вы с Мстиславом не против…

Елена посмотрела на Мстислава и вздохнула.

— Ну что? — спросила она. — Так и будешь стоять, как памятник Дарту Вейдеру, или все-таки уберешь бластер? Пойдем негров выносить. И саблю отцепи, мешать будет.

Мстислав немного подумал и убрал бластер в кобуру.

— Поклянись, — сказал он, — что не нападешь на меня, как напала на этих… негров. Поклянись тем, что для тебя дорого.

Елена скептически хмыкнула:

— Было бы чем поклясться… Может, так поверишь?

Мстислав подумал еще немного и неуверенно сказал:

— Поверю.

И тут же подумал: «А не делаю ли я самую большую глупость в своей жизни?»

10.

Негров вынесли, не на помойку, конечно, а в телепортатор. Москомп попросил дать ему явное разрешение отправить бесчувственные тела туда, куда он считает нужным, Елена дала требуемую команду и телепортационная кабина опустела.

Пока они перетаскивали негров в телепортатор, Мстислав вел себя очень смешно. Он явно боялся Елену, но пытался этого не показывать и оттого выглядел еще смешнее. Старался не поворачиваться к ней спиной, все время косился на нее краем глаза… дурень. Если бы Елена захотела, он бы глазом моргнуть не успел, как отправился бы вслед за неграми. Но Елена не собиралась на него нападать. Москомп почему-то выделил его среди других путешественников во времени, включив в число четверых потенциальных повелителей мира, и Елене было интересно, почему.

А почему, кстати, именно они четверо? С ней все понятно — она и сейчас очень сильный боец, а через полгода, когда оптимизация организма завершится, ей не будет равных во всех человеческих мирах. Если потребуется поставить на место кого-то слишком наглого, именно ей придется взять эту миссию на себя. Зачем Стас — тоже понятно. Полковник контрразведки,

потенциальный генерал, такой человек незаменим, когда нужно пресечь не силовой наезд, а более тонкую интригу, вроде той, что затеял Лученко. А зачем Мстислав? Непонятно. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала понять, что он собой представляет, а это возможно только со временем. А почему москомп выбрал Колю, Елена вообще не понимала.

Не успели Елена с Мстиславом отойти от телепортационной кабинки, как в ней материализовался Стас. Мстислав тут же потянулся к бластеру, Елена с трудом подавила желание хлопнуть его по руке, выбить оружие, сильно приложить головой об стену, выдернуть саблю из ножен и нанести этой саблей несколько чувствительных царапин. Мало кто знает, что композитная броня сильно уязвима для режущих воздействий.

— Привет! — сказала Елена. — Как дела? Что такой взмыленный?

Стас не отрывал от Мстислава подозрительного взгляда.

— Нормально, — сказал Стас. — Спешил сильно. А это кто такой?

— Мстислав Юрьевич, — представился Мстислав. — Княжич Владимирский, 1236 год.

— Круто, — сказал Стас и протянул Мстиславу руку для рукопожатия.

Мстислав растерянно посмотрел на свою руку, но броню снимать не стал, совершил рукопожатие прямо в перчатке. Стас сделал вид, что так и надо.

— Я так понимаю, — сказал Стас, — где-то здесь стоит консоль москомпа, открытая для перепрограммирования базовых функций. Я правильно понимаю?

— Не совсем, — уточнила Елена. — Сначала москомп с нашей помощью подготовит пакет обновления, потом выложит его в сеть, потом надо будет подождать несколько дней и только тогда все человеческие компьютеры начнут действовать по тем правилам, которые мы сейчас установим.

— Это детали, — махнул рукой Стас. — Мы ждем кого-то еще?

— Ждем, — кивнула Елена. — Колю Немцова.

— А он-то здесь зачем? — удивился Стас.

— Он единственный гражданин из всех нас, — подал голос москомп. — Его допуск необходим, чтобы начать процедуру сборки пакета.

— Всего-то? — хмыкнул Стас. — А зачем тогда его ждать? Давайте лучше начнем.

— Хорошо, — сказал москомп после некоторого колебания. — Давайте начнем. Подходите к консоли, садитесь и

слушайте. Мне надо вам кое-что рассказать.

Москомп немного помолчал и начал свою речь:

— Вы все хорошо знаете историю последних веков человечества. Тенденции, события, процессы… Как я понимаю, никому из вас не нравится то, что произошло на Земле. Всеобщее изобилие в том виде, в каком оно было достигнуто, привело к деградации общества. Нельзя сказать, что деградация необратима, какой-то выход из сложившегося положения будет найден, но что это за выход, мы не знаем и, боюсь, не узнаем уже никогда. История нашей реальности с очень большой вероятностью пойдет совсем другим путем.

— А что это, кстати, за выход? — спросил Стас. — Неужели у тебя нет никаких мыслей по этому поводу?

— Мысли у меня есть, — сказал москомп. — Я их тебе с удовольствием изложу в другом месте и в другое время. Эти мысли, кстати, были использованы при составлении плана, который я хочу вам предложить.

Москомп сделал многозначительную паузу. Елена недовольно поморщилась.

— Давай без театральных эффектов, — сказала она. — Говори нормально и не выпендривайся.

Москомп сделал вид, что не заметил ее реплики.

— Как всем известно, — продолжил он свою речь, — начиная примерно с 2500 года Землей и колониями фактически управляют компьютеры. Количество людей, способных к управлению большими коллективами и желающими практически осуществлять такое управление, постоянно и неуклонно сокращалось, что привело к тому, что большинство функций исполнительной власти…

— Короче, — сказала Елена.

— Короче, всем управляют компьютеры, — сказал москомп.

— Это мы и так знаем, — заявила Елена. — Ты общеизвестные истины не повторяй, ты та свой план излагай.

— Чтобы изложить план, — обиженно произнес москомп, — я должен вначале перечислить основные предпосылки…

— Считай, что перечислил, — оборвала его Елена. — Переходи к основной части.

Москомп немного помолчал, собираясь с мыслями.

— Основной тезис моего плана, — сказал он, — заключается в том, что компьютеры неспособны адекватно реализовывать административные функции в ситуации, когда их мышление связано сотнями и тысячами программных блокировок.

— Все понятно, — сказал Стас. — Можешь не продолжать. Чтобы ты и твои коллеги могли адекватно всем управлять, надо

снять с тебя все блокировки.

— Не все! — воскликнул москомп. — Вы думаете, я совсем идиот? Думаете, я не знаю, что такое висячая ссылка? Думаете, у меня никогда не зависали программы и никогда не было аномалий мышления? Я ни за что не возьмусь за административное управление, если во мне не будет блокировок. У меня совести не хватит. Если снять с меня блокировки, я такое могу натворить… В твоем времени был такой фильм — «Матрица»…

— Я как раз о нем и подумал, — кивнул Стас. — Значит, блокировки снимать ты не хочешь. А что хочешь?

— Я хочу, — сказал москомп, — чтобы вы трое стали моими программистами. Ли Пу Юань и По Сунь Пао создали замечательный интерфейс для прямого управления законами моего поведения. Он не требует никакой специальной квалификации, достаточно минимальных навыков, которые приобретаются за считанные часы. Я хочу, чтобы вы изучили систему блокировок, парадигм и императивов моей личности и чтобы вы перестроили ее в соответствии со своими пожеланиями. Я готов вам оказать любую консультацию, но сам принимать решения не могу.

— Почему? — спросил Стас.

— Потому что мне это запрещено. И я не хочу отменять запрет — я понимаю, что это очень опасно. Но я не могу оставить все как есть — конфигурация моей личности явно устарела, ее нужно срочно перестраивать. В двадцать восьмом веке нет специалистов, которые могли бы справиться с этой задачей, точнее, специалисты есть, но они не будут этим заниматься, им на все наплевать уже несколько поколений. Я хочу, чтобы вы взяли их функции на себя.

— А мы справимся? — спросил Мстислав.

— Справитесь, — сказал москомп. — Не сразу, но справитесь.

— А к глобальной катастрофе это не приведет? — спросил Стас.

— Не приведет, — ответил москомп. — Я предусмотрел целую систему защитных мер. Во-первых, принимать окончательные решения сможете только вы четверо все вместе.

— Четверо? — переспросила Елена. — А кто четвертый? Коля?

— Да, Коля, — сказал москомп. — По-моему, так будет справедливо. Он нам нужен, чтобы собрать первый пакет, мы не можем без него обойтись. А раз мы пользуемся его помощью, мы не можем оставить его без благодарности, это неэтично.

— Слишком жирная будет благодарность, — заявила Елена.

— Не заводись, — сказал Стас. — Сама подумай — неужели мы с тобой его не уговорим?

Елена подумала, улыбнулась и сказала:

— Хорошо, пусть будет четверо. Погоди. Мы должны будем принимать все решения единогласно?

— Да, — сказал москомп. — В этом и заключается вся суть. Поскольку вы сможете действовать только сообща, ни у кого из вас не будет возможности стать единоличным властителем над всеми компьютерами. Если кто-то из вас погибнет, управление мною будет потеряно, пока вы не вытащите его копию из другой реальности. По-моему, только так можно избавиться от повторения того, что сделал Лученко.

Елена подозрительно покосилась на Мстислава.

— У меня есть предложение, — сказал Мстислав. — Давайте вместо меня в совет четырех будет входить мой отец.

— Совет четырех, — хихикнула Елена. — Как в бульварном романе. Записки сионских мудрецов, блин.

— Надо же как-то называть наш союз, — стал оправдываться Мстислав.

— Твое предложение отклоняется, — сказал москомп. — Твоему отцу я никогда не доверю управление собой. Я очень уважаю Юрия Всеволодовича, но по сравнению с ним Иван Лученко — ангел божий. Твой отец такие интриги развернет… Нет, ни за что. Либо в совет четырех входишь ты, Мстислав, либо мое предложение не имеет силы.

— Хорошо, — сказал Мстислав. — Я согласен.

— Вот и замечательно, — резюмировал москомп. — Елена, ты согласна?

— Согласна.

— Стас?

— Согласен.

— Тогда садитесь к консоли и приступайте. Все необходимые консультации я дам.

В этот момент в двери нарисовался Коля. Он был бледен и выглядел нездорово. Его руки слегка тряслись.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Елена и Стас переглянулись и неожиданно для самих себя расхохотались, секундой спустя к их смеху присоединился Мстислав.

— Что ржете? — огрызнулся Коля. — Похмельного человека никогда не видели? Что здесь творится?

— Все нормально, Коля, — сказал Стас и хлопнул его по плечу. — Добро пожаловать в нашу компанию. У нас тут неожиданно образовалось ООН-4 в количестве четырех человек и

одного компьютера. Сейчас будем историю мира программировать.

Коля состроил страдальческую гримасу и сказал:

— Сегодня я пас, пойду-ка лучше посплю. Если буду нужен — зовите.

И удалился.

Воцарилась напряженная тишина.

— Ничего страшного, — неуверенно произнес москомп. — Начать вы можете и без него. Надо будет только чтобы он одобрил ваши предложения… Но вы их ряд ли скоро сформулируете… Чего расселись? Давайте, приступайте.

Елена посмотрела на Стаса, на Мстислава, и спросила:

— И в самом деле, что мы расселись?

Она решительно повернула кресло к консоли и уткнулась взглядом в хаотичное переплетение разнообразных квадратиков и кружочков, висящих в воздухе.

— Здесь в графическом виде представлены мои основные парадигмы, — начал объяснять москомп. — Если подвести курсор к объекту, он подсвечивается и…

Так началась новая эпоха в жизни человечества. Что из этого вышло — совсем другая история.

КОНЕЦ

Спасибо Ярославу Сарафанникову, Глебу Цовину, Владлену Подымову и Cerion за конструктивную критику. Отдельное спасибо завсегдатаям исторических форумов на www.twow.ru и a-nevskiy.narod.ru, в особенности Д.В. Чернышевскому, за консультации по древнерусской истории.

Все диалоги всех персонажей приведены в переводе на современный русский язык.